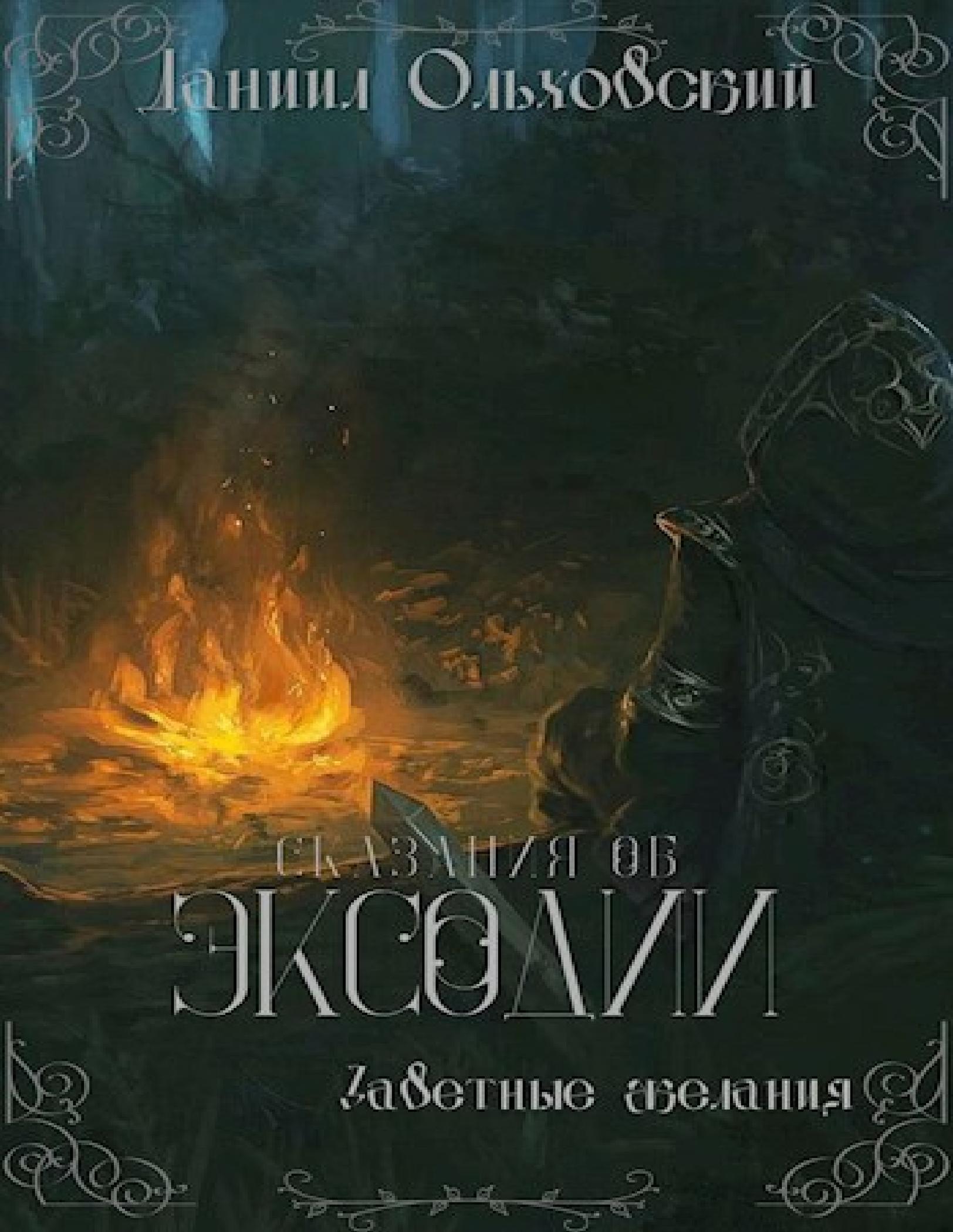

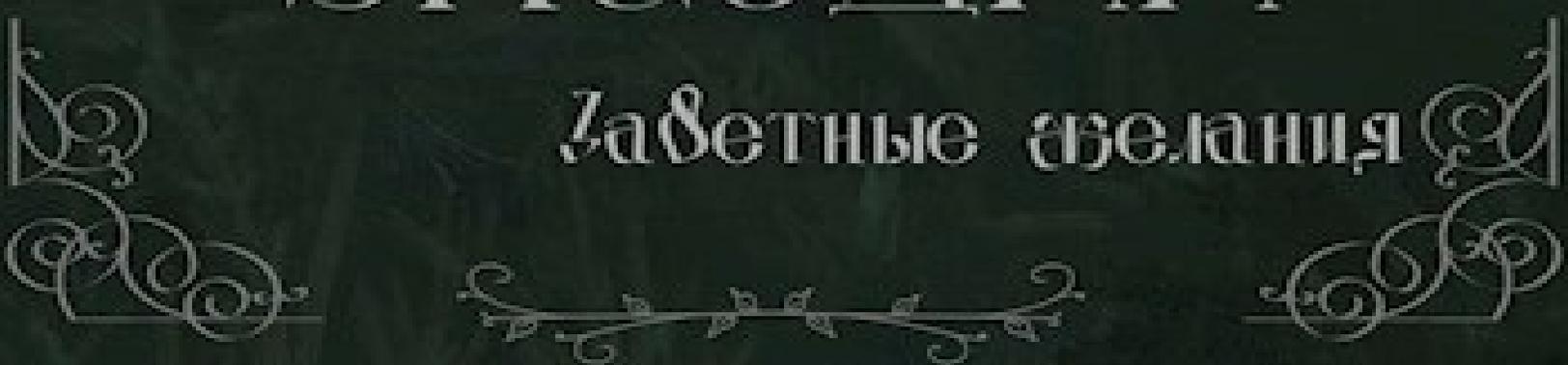
Даниил Ольховский

Сказания об

ЭКСОДМИ

Заветные зветания

Иво Эль Гарден — изгнанник — человек, чья душа на четверть демоническая. Он один из тех, кого кличат "отродьем", кого сжигают на кострах, кого представляют как отвратительных чудовищ. Хотя на деле, изгнанники представляют собой единственных защитников живого мира от любой бессмертной нечисти. Благодаря гибридности души живого и души демона, они умеют "изгонять" — уничтожать душу любого создания, тем самым прерывая ее цикл жизни.

Однако мир не так прост, как кажется. И судьба не так благосклонна, как хотелось бы. Сказания об Эксодии — цикл о похождениях "Черного изгнанника", в котором нет типичных сказкам чудес, подвигов, добра и радостей.

Ведь истинный мир подобным не обладает.

Многие сказания рождаются из легенд. Еще больше сказаний рождается из жизненных историй и баек.

Они сидели все вместе, возле деревни — травили друг другу истории под кислое пойло и сушили обмоченные башмаки у костра. У костра и грелись. Спокойно было.

— Так и шо по итогу с Яромиром-то стало? Старый совсем с ума сошел? — голос слегка дрожал, а сам мужик время от времени икал.

— Да... Жалко мужика, хороший был. Ну-с, — ответчиком был сделан глоток из деревянной высокой кружки, — это не мудрено — такого за жизнь навидаешься и не только головой тронешься. Вон, из того же огорода — я слышал, что Матренина дочурка-то без вести пропала... Так Матрена тут извелася вся — и искали ее, и кличали везде, и даже объявления писали... Так и не нашли.

Все дружно вздохнули.

— Не первый случай, мужики, не первый... — прозвучал третий голос.

— Да... Как не первый... Ик... Не было такого никогда...

Пьяный четвертый не смог даже договорить — просто повалился на землю и крепко заснул.

— Эх, Мыслав совсем пить разучился. Давай его в хату затащим.

— Затащим, затащим, — прозвучал самый хриплый пятый голос, самый мудрый и самый старый. — Но потом. Сейчас за дочь Матрены выпить надо.

Треск от костра приглушился едва слышимым стуком кружек друг об друга. Затем сидящие выпили содержимое до пуста.

— Дай Бог ей здоровья...

— Не только здоровья, — вмешался пятый, явно старик, — дай Бог нам всем жизни хорошей. Покуда кары Божьей не знаем — все будет здорово.

После своих слов он наполнил кружку новым пойлом до краев. Затем незамедлительно продолжил пить, смотреть вдаль и травить всякие байки.

— А в чем эта Божья кара заключается, по-твоему? — самый первый говорящий поинтересовался.

Ответ последовал не сразу. Сперва был взгляд в самую душу. Глаза сверкали в ночи, а сам старик все время смачивал губы.

— Когда Бог гневается — нечистая сила берет верх, и всех хоронит, сынок. Нам, сидящим здесь, не понять этого горя, а вот Матрениной дочери понять.

Мужик заржал как конь.

— Что за нечистые силы, дед? Ты в это веришь?

Дед лишь выдал легкий смешок и наивную улыбку.

— А ты нет?

Вновь нависла пауза. Старик, до этого облакачиваясь на срубленное полено, сел поудобнее и выпил залпом содержимое своей кружки, после окинул всех взглядом.

— Просто молодежь не застала еще. И молюсь, что не застанете. В мире много нечисти, сыновья, много. Я помню ее, видел собственными глазами. Дело было по моей молодости, ой как давно... Годы были голодные, холодные — лето жаркое-жарко, а зима суровая. Ни урожая, ничего не было. Люди грабить начали да колотить друг друга. Земли наши кровью

пропитались да гнилью провонялись. И тогда смута пришла в жизни наши... Много тварей повылезало всяких. Я их не отличал даже, но разные все были. И не монстры як какие, а самые настоящие черти да демоны... Исчадья Ада, не иначе!

Все внимательно слушали рассказ старика.

— Они ж, сынки, не вами питаются... Хуже. Они души ваши пожирают. Ты вот, например — он указывал пальцем на первого мужика, — помрешь да переродишься новым молодцем или красавицей, коли душа у тебя есть. А эта бесовщина пожрет твою душу, и забудь про свою следующую жизнь. Нам это кажется сказками, но в то время и бабы меньше рожали, и мертвых рождалось много... Все катилось в пропасть.

— Так чего ж вы этих иродов не побили, старик? — с особым интересом и детской наивностью спрашивал один из сидевших.

Старик вновь выдал легкий смешок.

— Они бессмертны. Колоти сколь влезет — ему чхать, падали этой. У них нет жизни, есть душа только.

Все непонимающе взглянули на рассказчика.

— Так и как вы тогда колотили их да по смерть отправляли? — почти в один голос спросили все у костра.

— Как-как... Такими же тварями. Только кличут их иначе, и другие они, отличные от этой нечисти.

— Чем отличные, старче?

— Ну тем что они живые, такие же как мы, но с душой чернющей, как смола, дьявольской. Изгнанниками их кличут...

Малиновый рок

I. Иво Эль Гарден

— Эй, бать! Хлестни-ка еще мне в кружку!

В трактире было совсем тихо, лишь пара сидевших компаний скрашивали одиночество местного заведения — «Распутница». Люди были не из приличных — бродяги да пьянчуги, коих уже не сосчитаешь на окрестностях. Те, кто побогаче прочих, гасились в подобных местах, пока монета-другая позволяла.

— Батя, ты оглох что ли? Неси меду сюда, живо! — голос был груб, слегка охрипший, отчетливо пьяный.

В ответ не слышалось ничего.

— Э, Тихой? — пьяное тело пошатнулось и встало со стула, направив взгляд в сторону трактирщика, — ты оглох там штоль? Я сказал меду мне, сука!

Из-под деревянной балки аккуратно выглянуло лицо, старое, все седое и в морщинах. Взгляд был уверенным, старик не боялся засидевшегося.

— Хватит тебе пить. Ступай отсюда.

— Хватит? Ступай?

Он встал и направился в сторону трактирщика. Приблизившись так, что пьяный мог спокойно достать того рукой, на всю таверну послышался громкий звук, вызванный ударом кулака по стоявшему рядом столу.

— Ты мне, сука, не указывай...

Удар был приглушен громкой и достаточно отчетливой икотой.

— Посмотри на себя, хлопец. Перепил ты малясь, — старик смеялся и улыбался в ответ на злобу. — Ступай спать, а завтра приходи ко мне вновь — угощу всем, чем пожелаешь.

Пьяный резко схватил деда за свисающую седую бороду.

— Наливай. Или убью.

От испуга старик сглотнул слюну, пару секунд смотрел в обозленные глаза напротив. Невольно рука потянулась за высокой деревянной кружкой.

Прозвучал звук открывшейся двери. Все внимание трактира сразу же направилось туда.

Высокий мужчина среднего телосложения вошел внутрь. Голова его была прикрыта капюшоном, но хорошо были видны мерцающие в тусклом помещении голубые глаза. Свисающий до пола черный плащ скрывал абсолютно все тело, и лишь выпирающая рукоять меча указывала на потенциальное ремесло неизвестного. Походка была медленной, скорее аккуратной, шаги были размеренные. Войдя внутрь и захлопнув дверь, он быстро оглянулся.

— Добрый вечер. Есть что выпить?

Голос был в меру грубым, в меру «сладким», сравнить его можно было с хорошим старинным вином.

— Нет здесь пить. Мы закрыты, — ответил ему пьяный.

Таинственный путник прошел вперед, до середины трактира. Все время, что шел, не переставая смотрел вокруг и всегда останавливался взглядом на схватившем старика мужчине.

— Ты трактирщик?

— Считаю, что я. Проваливай.

Мужчина в плаще засмеялся.

— Негоже старых так хватать и пугать. Отпустил бы, коль нет серьезной надобности.

Глаза того, что схватил деда, озлобились, покрылись капиллярами. Рука автоматически отпустила из захвата бороду и мужик смело, схватив лежавшую рядом вилку, ступил навстречу стоящему путнику.

— Сгинь, плешивый!

Он резко замахнулся вилкой и нанес грубый небрежный удар сверху. Обороняться путник особо и не собирался: он сделал шаг назад и выждал, пока атакующий повалится вперед. Как только это случилось, он схватил его плечи двумя руками и сильно ударил того коленом под дых. Чувство боли пьяному пришло не сразу, но по итогу он закричал и постарался выровняться, ударить в лицо. Но попытка оказалась вновь неудачной: мордой он встретил массивный кулак, летящий с большой скоростью прямо в нос. Такого удара выдержать не получилось, и мужик упал без сил и сознания на пол.

— Если ваш — убирайте его быстро. И больше чтоб здесь не появлялись.

Глазами он окинул сидевшую рядом компашку — «кучу тел», которые особо и не замечали, что происходит вокруг.

Сам таинственный подошел к старику.

— Ты как, батюшка?

Трактирщик, немного расчесав потрепанную от хвата бороду, взглянул на путника и немного неуклюже кивнул.

— Ох, хлопец, хорошо я, хорошо.

Затем посмотрел на валяющееся без сознания тело.

— Спасибо тебе, сынок, Ярый никогда не умел себя вести вежливо, коль выпьет. Но сегодня было что-то новое.

— Ярым его зовете? — путник также взглянул на мужика, облокотившись на стол руками.

— Да, все так, Ярый он. Сын местного покойного водилы, Царство ему небесное...

Дед перекрестился, справа налево.

— Батька его светлым был человеком, людей водил по разным тропинкам, тем, что безопаснее, да по грибы, по ягоды ходил. Сына приучал тоже этому делу, но год назад не срослось у него в жизни... Забрел куда-то и остались от него лишь кусочки. А Ярый с тех пор не смог признать смерти бабкиной — так и пьет все время.

— Никогда не было легко, старик. Никогда. Это не оправдание.

Мужчина спустил капюшон, взглянул в глаза деду. Глаза его были нежно-голубыми, словно небо безоблачное. А волосы черные и растрепанные, словно колосья на ветру. Возле левого глаза, у самой носовой перегородки, виднелся маленький, но очень заметный шрам. Нос крупный, но пропорциональный всем прочим частям лица. Губы грубые, сухие — он часто их прикусывал.

— Нальешь выпить?

— Иш, как не налью! Присаживайся сынок и говори, что будешь?

— Люстерский есть?

— Как ж нет-то! Конечно есть, свежий причем! Сейчас подам круженицу.

Путник подставил стул поближе к столу, уселся поудобнее.

— Как звать тебя, молодец? — старик кричал из-под стола, наливая в кружку свежую пенную медовуху.

— Иво. Иво Эль Гарден.

Трактирщик поставил увесистую высокую кружку на стол, с которой стекала выпивка. Люстерская медовуха, кою и попросил Иво, была лучшей медовухой на всем белом свете.

— Иво так Иво, им и будешь, значит-с. Я Тихомир. Но это как матушка назвала. Так меня все Тихим зовут, и ты зови.

Иво сделал глоток медовухи.

— Тихой... Будем знакомы.

— Конечно будем! Я себе тоже налил, давай за знакомство и выпьем.

Тихой достал еще одну наполненную до краев кружку. Иво опустил голову и усмехнулся, но сделал это так, чтобы дед не увидел.

— Давай выпьем. За знакомство.

Они стукнулись кружками и сделали пару глотков.

— Уф... Как же хорош наш родимый мед. Лучшая выпивка на всем континенте.

— Я нейтрально отношусь к алкоголю, не мне судить.

— Так и не суди, пф! Просто пей и наслаждайся.

Тихой сделал еще пару глотков. Иво не поддержал трактирщика.

— Кем будешь по цеху?

Тихой говорил соответствующе своему имени — тиховато, кривил лицом из-за медовухи. Иво ответил не сразу, сначала выдохнул и сделал глоток из своей кружки, дабы смочить горло. После этого он просипел, аромат алкоголя бил по его носу. Все время мужчина отводил взгляд в сторону.

— Наемником я буду.

— О как! И какими судьбами такой наемник в наших краях? Верхоянск — город дальний и простецкий, а на тебя взглянешь — ну точно столичный! Я ж, сынок, рукоятку твоего меча сразу приметил, — трактирщик захохотал, — Хорошо сделана, на совесть.

— Все-то ты замечаешь, Тихой.

Иво сделал глоток медовухи.

— Ай, не томи уже. Редко гостей приличных встретишь, интересно же мне, что такого, как ты, привело сюда.

— По пути было, вот и заглянул.

— А откуда путь?

Иво немного отвлекся, сзади зашумели те, что пили вместе с Ярым.

— Не обращай внимания на них, они не верзилы, — Тихой почесал бороду.

Иво же сглотнул слюну, медленно развернувшись обратно лицом к старику.

— С лесов Аурамских иду.

— Аурам? Эт которое лесное государство, что на западе?! Ничего-ш себе, какая даль. Ты, Иво, видать серьезный парень у нас. Наемничаешь, да еще и в таких местах.

Иво усмехнулся.

— Да куда-там.

Тихой взял кружку и залпом опустошил ее, допив все то, что осталось. Смотря в кружку Иво, он понимал, что ему подливать еще рано.

— Да туда, хлопец, туда... Время тяжкое, сейчас пади попробуй выйти за стены дома — съедят тут же! Черт знает, что творится в мире. А ты вот ходишь, бродишь. Хотя, я люблю таких, как ты. Вы мира навидаетесь, а потом рассказываете, что да как, а я слушаю... Чтобы потом передать информацию.

— И что говорят? — Иво не отводил взгляда от Тихого, держал в руке кружку, но пока

что не пил.

— Ох, да всякое говорят. Кто родичей хоронит своих, кто напротив — сынков да дочурок. У кого скот весь помрет, кто без крова останется. Всякое травят да болтают. Недавно парнишка заходил — ну лет пятнадцать отроду стукнуло, богом клянусь. А весь в саже да золе. Я его спрашиваю, мол, «что случилось с тобой, Боже»? А он молчит... И глазенками водит. Я еще раз задаю вопрос. Ответ — все то же молчание. Ну, я тогда подошел, за руку взял — незя ж с людьми в беде по скотински себя вести.

Иво внимательно слушал.

— Верно говоришь.

— Так конечно верно! Он ни слову не промолвил, а стоит и словно просит что-то, умоляет. Я думаю, ну, может воды или еды надобно... Даю стакан с водицей и хлеба буханку. Хлеб отдал обратно, а воду выхлебал в ту же секунду... И таких кружек воды, как из которых мы с тобой сейчас пьем, штуки три выхлебал сходу! Потом убежал и ни слова не сказал. Ну, думаю, ладно — Бог с ним, я помог, чем мог. А потом мужики местные мне-то и поведали, что у него дом сожгли, над матушкой надругались ироды какие-то, а батьку...

Тихой остановился, схватился за голову и сделал паузу. Голову он начал небрежно и нервно чесать.

— Батьке головушку отсекли... Да в ноги сынку кинули.

Иво отвел голову в сторону, поменялся во взгляде, скривил лицо и прикусил губу.

— Ублюдство... — прошептал он.

— Эх, жалко мальчика... Хотя, чего жалеть — такого, Иво, у нас куча. У каждого свойское. В Верхоянске тоже много сякого этакого. Но, — Тихой мило и «по-дедовски» улыбнулся, — держимся помаленьку, как видишь, горя стараемся не видеть.

За все время, слушая рассказы Тихого, Иво почти опустошил раннее полный до краев кубок Люстерского меда. Он сделал последний мощный глоток, после чего кружка оказалась пустой.

— Всякого наслушаюсь — везде одна и та же история, — Иво был холоден, вообще не удивлялся.

— И ведь правду глаголешь! Что уж там, таким, как ты — наемникам, только расскажи — они уже слышали подобное три сотни раз. Покуда петух утром прокричит, родится новая история, хе-хе.

Дед забрал кружки и вновь наклонился в место разлива пойла.

— Я все, — тихо выдал Иво.

— Выпей еще со мной, чего уж тебе. Мед-то легкий, как по маслу идет.

— Нет, Тихой, прости. Я все.

Тихой выпрямился, скорчил лицо.

— Ну... Как знаешь. По правде говоря, еще кое о чем хотел поведать тебе. Сердце болит, знаешь.

Иво не придавал особого значения и лишь смотрел под руки, на стол.

— Ну так ведай, время еще есть.

— Я налью себе, если не против.

Рука старого трактирщика немного затряслась, но он старался контролировать тряску. Иво же, впрочем, воспринимал все, как ни в чем не бывало — спихивал все на старость и на резкую восприимчивость всего, что происходит вокруг. Он продолжал смотреть под руки и думать о чем-то. Даже не заметил, как прошла минута, пока Тихой наливал себе что-то. Дед

достал кружку, но почти пустую — на дне что-то едва плескалось. Принюхавшись, наемник понял: это была водка. Помимо нее, что Иво также сначала не заметил, Тихой также достал царапанную всяческим тарелку, выструганную из дерева явно не самым умелым мастером: грубо отделанные края, небрежная и неровная вырезка, даже никакого примитивного узора на ней не было, хотя вся посуда обладала таковым — уже дело народного менталитета. Да и качество тарелки было абсолютно не важным — главное, что она выполняла свою функцию. Находящиеся на ней выращенная свежая зелень и парочка помидоров казались действительно хорошей закуской. Все время, что дед копошился по закромам своей таверны, Иво ждал. Молча, не обращая внимания ни на что вокруг, вдумчиво всматриваясь под руки.

— Ну-с, как тебе у нас тут? Все нравится?

— К чему вопрос?

Изгнанник поднял голову и пересекся взглядами с Тихим.

— Считай, из любопытства спрашиваю. За твое здоровье, кстати.

Тихой выдохнул в плечо и выпил залпом содержимое кружки — примерно 50 миллилитров. Не успев закусить, он закашлял, да не просто, а приступом. Наемник протянул руку и поддержал старика за плечо. Кашель почти сразу прекратился.

— Город как город. Ничем почти не отличается от других не столичных. Куча дерьма, уродов и иродов, мало добрых людей. Ощущение, что я дома.

Дед выдал легкий смешок.

— Коренной бауманец?

— Можно сказать и так. Во всяком случае, считаю Бауманию своим домом.

— Это хорошо. Очень хорошо.

Дед сделал второй глоток. В этот раз выпил не так много, сразу же закусил.

— Дочурка у меня пропала, Иво... Один Бог знает, где мне ее искать. Да и некому, кроме меня. Мать померла давно, от болезни. Остались мы вдвоем. А сейчас и подавно я один.

Иво озадаченно взглянул на Тихомира.

— Когда пропала?

— С неделю назад. Вечером по ягоды отправилась, чтобы нового алкоголя наварили... И не вернулась.

Он потянулся в этот раз уже за целой бутылкой водки, но Иво рукой остановил его. Когда Тихой посмотрел на мужчину, тот покачал головой в сторону.

— Давай лучше на трезвую. Рассказывай, как было дело. Все, да поподробнее, — после этих слов, Иво встал со стула, в более устойчивую позу, отодвинул одинокую на столе тарелку вбок, и на ее место уложил руки.

Тихой же послушался. Он присел на стоявший около него стул, который так часто использовал — спина была больной. Затем откинулся на спинку стула, тяжело выдохнул и взглянул на потолок.

— Катрина, доченька моя, ангелами хваленная и красавица, коих свет не видал. Помогает мне всюду и со всем. То вилами вспашет, то воды натаскает, то за ягодами сходит... Однажды, я уже сказал тебе — неделю назад, пошла за свежими ягодками, для выпивки в трактир. Время было далеко за полдень, солнце уже уходило за горизонт. Я в это время тут был, убирался да посетителей новых обслуживал. И как-то время так летело, что оглянуться я не успел, а уже ночь. А нету ее все еще. Я и распереживался весь... Попросил

мужиков, кто покрепче, сходить посмотреть ее. А они все любили ее — бегали да цветки полевые дарили, сразу согласились выручить. Искали всю ночь, но не нашли. Потом еще день искали, и еще одну ночь. Нет ее, как след простыл.

Иво хрустнул фалангами пальцев. Звук был громким, слышен всем в таверне. Также он постоянно стучал пальцами по столу, постоянно смотрел в лицо Тихому.

— Что дальше было?

— Да ничего, юнец, ничего... С тех пор я каждый день выхожу, зову ее сладко и ласково, как по детству, но не отзывается она. Я уже даже думаю, — по щеке трактирщика покатила слеза, но он не плакал и более того — старался скрывать все эмоции, что есть, — дай хоть тело ее найду... Умерла если, то горе на всю жизнь, но хотя бы упокоить надобно, по-человечески. Эх, даже трупа нет нигде. Как испарилась моя девонька.

— А где ягоды она собирала? — с особым интересом интересовался Иво.

— Где-где... У нас место одно только такое — за моей таверной тропинка, ведет она в поля да огороды. Но если зайти поглубже, за них, то откроется красивая рощица. Так и ягоды в ней растут. Она не сильно большая, потеряться там невозможно, но ягоды растут повсюду. Там еще озеро есть, детишки там купаются иногда. Но уже никто не купается там, все боятся после случая с Катриной.

Иво склонил голову, выражая сожаление.

— Мне искренне жаль за тебя, Тихомир. Думаю, ты...

— Понимаю, конечно, — старик высказался наперед, явно догадываясь, о чем ведет речь Иво, — понимаю, что кончено с ней. Но мне хотя бы тело найти, да упокоить. Не хочу я, чтобы моя девочка неупокоенная водилась по округе да убивала неосознанно.

— О чем ты говоришь? — удивленно сказал Иво.

— Души неупокоенные духами становятся и кошмары начинают творить. Я старый уже, многое пережил и повидал. Я знаю, что это такое за явление. И знаю, что просто так с этим не справиться. Поэтому и волнуюсь. Хотя бы по светлой памяти ее на тот свет отправить, без грехов за спиной.

Иво осмотрелся по сторонам. Ничего не изменилось, но самое главное, что никто не слышал их разговор с Тихим — всем было чхать, местная пьянь уже давно дрыхла за столами трактира, либо в полусонном бреду допивала оставшееся в кружках. Это радовало наемника. Он всмотрелся в кружку Тихомира — на дне осталась пара капель водки. Он взял кружку и допил остатки. Из-за малого ее количества водки толком Иво не почувствовал. Затем он взял старика за руку.

— Ложись спать, по утрам я вернусь. Заскочу попрощаться.

Недолго думая, он развернулся и направился к выходу из таверны.

— Время уж ночь, сынок. Оставайся у меня, койка дочуркина-то осталась.

Уже схватившись за ручку двери, Иво обернулся и улыбнулся старику, и сразу же накинул капюшон обратно на голову так, что Тихой видел лишь улыбку и скрывающиеся в тени глаза.

— Я уже снял комнату, не бойся за меня.

После чего, он моментально покинул таверну.

II. Изгнанник

Иво шел тихо. Стремился никого не разбудить и остаться незамеченным.

Как и сказал Тихомир, прошел за таверну и почти сразу же увидел огород да поля пшеничные. В ночной темноте отчетливо были видны лишь силуэты, и то, благодаря яркой-

яркой луне, воцарившейся в небе.

Дыхание бауманца было ровным, спокойным. Скорее даже сконцентрированным. Смотрел он вдаль — ни одну из иных сторон не окидывал взглядом. А шел, прикрывая глаза. Все время, что он показался вновь на улице, постоянно что-то бубнил и напевал себе под нос, но разобрать, что именно, не казалось возможным.

Следов в округе было пруд пруди. Всяческих. Народу днем здесь ходит немерено много, причем народу всякого разного. От маленьких, словно куколки, девиц до крупных, соизмеримо богатырям истинным, хлопцев. Это было видно по следам — размер ног всегда был разным. Иво не придавал этому такого явного значения — это было скорее просто его замечанием.

Он подошел к полям впритык. Свежие, не разграбленные и слава Богу не затоптанные. Колосья на одном поле, овощи на другом — лучший и самый простой источник пищи для крестьянского городка. Присел на одно колено, наемник всмотрелся в землю около крестьянских полей. Всмотрелся пристально, обводя глазами достаточный участок земли. Затем поводил пальцами по ней, взял горсть. Сначала горсть он сжал в кулак, а после аккуратно пропустив через кулак, высыпал ее обратно. Земля была свежевспаханной и влажной, но не мокрой — дождя не было в последние дни, но он точно лил дня три назад. Не задерживаясь на одном месте, Иво встал и обошел все поля сразу. Ничего необычного по итогу не заметил.

Здесь делать было больше нечего. Иво проследовал дальше, за город по той самой тропинке, о которой также рассказывал Тихомир. И, также опираясь на его слова, Иво сразу обратил внимание, что действительно в сторону рощи больше никто не ступал — тропинка была девственно чистой, ни единого намека на то, что по ней кто-то ходит. А воздух был влажным, чрезмерно влажным. Влажный воздух, сырая земля... При такой обстановке следы бы точно остались, если бы кто-то из разбойничьих досаждал Верхоянских жителей.

— Не рук человеческих это дело, — промолвил коротко Иво голосом грубым и застоявшимся в горле.

Пошел дальше, вглубь чащи, изредка останавливаясь, вслушиваясь в звуки округи. Даже птицы и звери не шуршали, идеальную тишину прерывал лишь изредка появлявшийся легкий ветер, колышущий траву и листву деревьев. Подойдя к уже густеющему лесу, он оглянулся по сторонам. Никого не обнаружил. Тогда-то Иво обнажил свой меч.

Обоюдоострое оружие, где-то девяносто сантиметров в длину. Рукоять была деревянной, однако вся обвитая мягкой и тонкой телячьей кожей в угоду лучшего хвата. Гарда была непримечательной, прямоугольной и не сильно длинной, но функцию свою выполняла отменно. Так называемое «яблоко» оружия было самым обычным, лишь размерами отличался и был меньше своих аналогов. А вот уже клинок обычным назвать было нельзя — это была уникальная работа. Лезвие меча было не из стали, а из сплавов черного титана — самого крепкого и дорогого металла на всем континенте, и алюминия — ради легкости оружия. Клинок был темно-фиолетового цвета, оттенка ближе к черному. По всей его длине были расположены рунические символы старинных письмен. Что было написано именно — не понять. Иво ловко взмахнул мечом в воздухе и сделал шаг вперед.

Шаг сменил на бег. Сначала легкий, потом быстрее. Все время смотрел под ноги, чтобы случайно не упасть. Бежал Иво так, словно рассекал сам воздух — даже рельеф местности не мешал двигаться быстро и проворно. Каждое появившееся на пути бревно или яма ловко перепрыгивались, после чего бауманец также ловко, подобно проворному коту, приземлялся

на ноги и продолжал бежать, не сбавляя скорости. В его движениях были прекрасно видны годы тренировок и горы опыта за спиной, что невозможно было скрыть.

И вот перед наемником открылось «сердце» чащобы — то самое озеро, которое было светлее золота под солнечными бликами. Озеро это было больше похоже на зеркало, отражающее лунный свет и служившее мощным фонарем — все в округе было отчетливо видно. Бауманец резко остановился, также резко осмотрелся. Что-то помогало ему в ориентировании, потому что он уверенно двигался в неизвестной местности, не опасаясь за свою спину. Хотя меч он держал наготове. Ветер возле озера дул уже сильнее — плащ Иво постоянно колебался в сторону дуновения. А воздух не был чистым — что-то в нем присутствовало неприятное, но наемник не понимал, что именно.

Иво сразу же нашел маленькие кустарнички брусники — видать, та самая ягода, кою постоянно собирала доченька старика из Трактира. Он незамедлительно подошел к ним. Рукой поддел свисающую одинокую ветвь одного из кустов. Затем отпустил. Ветка сразу же повалилась к земле, однако в этот раз намного ниже, чем находилась до этого. Иво повторил это действие вновь, во второй раз ветка попросту откололась от кустарничка и повалилась на землю, подобно незаметной пылинке. Наклоняясь за упавшей веткой, он едва заметил глазом появившиеся множественные частицы в воздухе, стремительно поднимавшиеся ввысь. Какую-то часть из них он ненароком вдохнул, после чего сразу же закашлял. Это был самый что ни на есть пепел, только немножко иной — меньше привычного после костра. Подобное всерьез смутило мужчину, он немного застопорился в полусогнутом положении. Лицо его злобно покосилось. Наряду с этим он сильно сжал зубы, до скрежета и скрипа, а напоследок еще и выдохнул со свистом. От сильного выдоха весь пепел в воздухе вскружился в разные стороны. Бауманец взял ветку в руку и внимательно рассмотрел место, где ветка и оборвалась. Абсолютно все внутри нее было гнилым, пепельным. Иво поводит по оборванному краю пальцами — он начал сыпаться, словно ветка была целиком и полностью из пылевых частиц.

Бауманец насторожился и резко встал на ноги, да так сильно, что втоптал под собою землю. Меч обхватил двумя руками и встал в боевую стойку, словно чего-то ожидая. Голову он наклонил слегка вперед, прикрыв глаза.

Где-то справа от Иво что-то резко зашумело, засвистело, зачирикало словно воробей по утрам. Иво все также стоял, не меняя положения и не отводя взгляда в сторону появившихся звуков. Затрещали ветки. Зашелестела листва. Ветер поутих.

И он показался.

Большой, массивный. Нельзя было сказать, что эта была типичная грудка мышц — сама по себе тварь была высокой, более двух метров ввысь. Самое настоящее исчадь Ада, отрепье и отродье, вестник конца и неживое создание, питающееся душами всего живого и дышащего. Демон.

Он появился неспешно, вышел даже скорее вальяжно, словно выпивший гость со свадебной гулянки, но шагал так громко, как будто кто-то со всей силы закрыл крышку сундука. Тяжелая была тварина, вся красная, как кровь. Его морда была рогатая, кожа жесткая, как камень, грубая недевичья. Глазенками отродье попросту не обладала, зато прямо по центру лица красовался огромный нос, позволявший нивелировать недостаток одного из чувств. Тело было покошено вперед, спина горбатая с выпирающим сквозь тонкую кожу позвоночником. Руки длинющие-длиннющие, а когти на пальцах были скорее лезвиями острозаточенной рапиры. Пальцев, к слову, было по четыре на каждой кисти. Ноги создания

были похожи на конечности «сатира», мифологического создания из легенд — козлоногие, моментами мохнатые и волосатые, но это если приглядываться. Лапы монстра были такими же, как и руки — большими, грозными, с острыми когтями, но намного короче, чем те, что на руках.

Исчадьё увидело Иво, от радости затрепетало. Дикий гул подняло, изо рта разлетались слюни по всем сторонам. Иво продолжал смотреть на него и не предпринимать ровным счетом ничего. Демон же потихоньку ступал вперед, навстречу бауманцу.

Один прыжок.

Достаточно длинный и быстрый — тварь совершила его с целью закончить схватку, даже не начав ее. Но Иво ловко уклонился — отпрыгнул вбок, после чего ловким взмахом меча нанес режущую рану под лопатку отродью. Демон расвирепел. В момент ранения он непроизвольно дернул рукой и достал Иво — его откинуло на пару метров назад, но наемник устоял на ногах.

Тварь закричала, словно израненный и взбешенный медведь. Поводило мордой по всем сторонам, учуяла бауманца и вскочила с места в высь, незамедлительно приземлившись прямо на том самом месте, где и стоял Иво — тот отпрыгнул вновь. Затем она начала наносить нескончаемый удары острыми когтями и сражающиеся сцепились в «вихревом танце» — демон наступал с ударами грозно, уверенно. Иво, блокирующий удары когтями, иногда чувствовал, как неуверенно заблокированный длинный коготь касался самого края кожи его лица. Иногда отрепье сжимала пальцы, тем самым пытаясь провести вторую незамедлительную атаку. Иво приходилось уклоняться всем телом, что ставило его в проигрышную ситуацию. При всем при этом, он ловко двигался спиной вперед, как будто на его спине были глаза, видящие, что там находится. Ноги мужчины кружились и «танцевали» — он постоянно менял их положение на более выгодное и устойчивое, в отличие от твари, которая просто наступала вперед, бездумно совершая рубящие удары когтями.

Но она почти достала его — одним из когтей. В один момент нога Иво, крепко стоявшая на земле, слегка провалилась — маленький участок земли, как и ветка, стал изнутри из пепла и сильно втоптался, что покосило сражавшегося. Почуввав это, демон сразу же напрыгнул на бауманца и уже чуть не рассек все человеческое тело ударом когтей с двух рук, но случилось нечто.

Глаза Иво ментально обратились из голубых в полностью черные — зрачок и глазное яблоко смешались одной палитрой, за одним исключением, что в зрачке Иво как будто что-то зажглось: это не был настоящий огонь, привычный обычному человеку, это был огонь изнутри, словно в закромах души разбушевался пожар, который отражается в его глазах. Помимо глаз, сам меч Иво словно начал «полыхать», но это было лишь по ощущениям, физически он не горел, лишь издавал едва заметное свечение. Сила Иво многократно возросла, и демон понял это сразу же: он попытался немного отступить назад, но было уже поздно.

Иво, находившийся сперва на одном месте, с проваленной в землю ногой и держащий удар исчадьё ада, как по щелчку пальца, ментально оказался в совершенно другом месте, а именно за спиной у демона. Он сразу же нанес хлесткий и жесткий удар по хребтине твари — кровь брызнула резко и по всем сторонам сразу. Тварь взвыла и, как будто пытаясь прибить назойливую муху на спине, треснула задней частью лапы по ране. Иво отпрыгнул от летящего небрежного удара и вновь ментально переместился с места на место, в этот раз он появился около левой ноги демона. Сразу же согнувшись в коленях, он нанес точный

хлесткий удар по ноге, в место стыка сухожилий, позволяющих свободно двигать конечностью. Земля моментально обагрилась кровью, а Иво, не теряя времени, провернул этот же трюк с правой ногой.

Демон открыл пасть, показал не самые острые зубы. Из нее несло мертвечиной, гнилью и чем-то сожженным. Он даже не пытался использовать свою пасть в бою, да и толку от нее было куда меньше, чем от острых, как бритва, когтей. Отродье упало на колени, опираясь руками о землю. Ноги не слушались — мечник нанес удары по важным точкам, обездвижив противника.

Бой продлился недолго. Пускай и запыхавшись, но Иво, благодаря своей таинственной способности мгновенно перемещаться в пространстве, с легкостью сразил внешне могущественного и серьезного противника. Отделался лишь парой царапин и едва заметных порезов, который случайно доставали мечника. Он подошел к демону, посмотрел на него свысока, затем выставил меч прямо, вытянув руку в локте. Тварь тоже глядела на него, переводя голову из стороны в сторону. Хоть и не обладал он глазами, взгляд его был пуганым, скорее это был взгляд «загнанной в угол псины». Так и смотрели они друг на друга где-то полминуты. Иво тяжело дышал.

— Не твой это дом, — выдал он короткое, без сожаления.

Демон не отвечал, не мог и не умел. Но по нему было прекрасно видно, как сердце стучит пуце прежнего. Прикрыв свои черные глаза с горящими изнутри зрачками лишь на мгновенье, Иво резко взмахнул мечом и нанес последний, сокрушительный удар по адскому созданию, в район груди, ювелирно по центру. Демон закричал, руками начал бить по земле, втапывая ее с каждым ударом все сильнее и сильнее, глубже и глубже. Мучительно больно было. Но эта боль продлилась недолго; демон, словно и не был никогда жив, рухнул на землю всей своей массой, со слегка приоткрытым ртом.

Иво словно что-то вытягивал из убитого им. Это не было видно глазу, было лишь ощущение чего-то холодного, серого и безобразного. Он склонил голову вниз и вдохнул полной грудью. Затем выдохнул, сопя, через нос. Глаза после этого выдоха мечник вернул в прежнее состояние — голубые яркие зрачки. Взмахнув мечом, он скинул практически всю оставшуюся на клинке кровь, затем незамедлительно сунул его обратно в ножны. И дальше Иво просто стоял и смотрел на валяющееся тело демона. Минуту так и стоял, молча и глядя на него всего целиком.

— Выходи.

Иво кого-то позвал, но даже взглядом не указал в сторону, где находится этот самый «кто-то». Он просто был уверен и действительно знал, что в округе есть кто-то, кто заметил сражение и спрятался, наблюдая за происходящим. Тем не менее, ответа не поступало.

— Я тебя почувствовал еще как только подошел к озеру. Выходи давай, нечего стесняться и скрывать уже.

Из-за могучего дуба воистину колоссальных размеров, что был позади Иво, медленно и едва слышимо вышел небольшой силуэт. Не было видно в темени, кто же это был точно. Но со временем стало понятно — Тихомир вышел на лунный свет и неспешно подошел к Иво.

— С ним все? — сказал он

— Да. Покончено.

Тихой взглянул на Иво и подошел чуть ближе к нему.

— Изгнанник, значит...

— Да, — ответил бесчувственно Иво.

На глазах у них двоих тело демона начало рассыпаться постепенно в пепел. Процесс этот был не быстрым, но и не долгим.

— Я понимаю тебя, Иво. Ты правильно поступил, что солгал. Ваших уж слишком мало осталось. Правда равняется смерти.

Они смотрели на «испепеляемое» тело демонической твари. Постепенно осыпаемое в мелкие частицы оно было похоже на песочные часы. И если Иво подобная картина никак не удивляла, то Тихомир смотрел на это с большим удивлением, неким энтузиазмом в своем роде.

— Я увидел то, что хотел. Теперь можешь изгнать и меня.

Иво улыбнулся и фыркнул себе под нос.

— Окстись, старче. Не носи глупости.

— А если я расскажу о тебе всему городу?

— Расскажешь да расскажешь. Я не изгоняю живых, ни при каких обстоятельствах.

Старик засмеялся.

— Да уж... Не справедливо с вами поступили.

— Это уже бессмысленный говор. Случилось как случилось. Если ненависть порождает ненависть, то кто-то должен остановиться, иначе этот нескончаемый круг приведет к гибели всего живого. Мы сражаемся в тени с теми, кого невозможно убить, можно лишь изгнать его душу и навсегда покончить с ней. Денег не получаем за это, вообще ничего не получаем. Толькодохнем, как скот. Но, мы просто делаем то, для чего были рождены и созданы.

— И тем не менее, почти всех ваших подло убили да сожгли на кострах, подобно ведьмам настоящим.

Иво присел на землю, одну ногу вытянул, а другую согнул в колене.

— Люди боятся, Тихомир. Наша душа на четверть демоническая. Мы такие же отродья, как и он, — Иво указывал пальцем на рассыпающееся тело. — Как только по всему миру пошли слухи, что изгнанники начали изгонять живых, то никто даже не захотел бы разбираться в этом, правда это все или нет. Такое же более чем возможно, поэтому люди решили избавиться от нас. Да и, в конце концов, подобные прецеденты были, не буду даже скрывать. Поэтому, случилось как случилось. Те, кто остались, сейчас либо не показываются, либо работают в тени, искупая грехи наших предшественников.

— Ты один из таких? — поинтересовался старик

Иво ответил не сразу.

— Я ни с теми, ни с другими. Я сам по себе.

— Вот оно как.

Не успели они и опомниться, как тело изгнанного демона рассыпалось «в пух и прах» — теперь о нем напоминала лишь горсть пепла. Демоны — явленцы из преисподней, совершенно иного измерения, в котором не существуют понятия жизнь или смерть. Все, что находится там, неживое, и существует за счет душ живых созданий. И хоть демоны и все отродья нечистой силы обладают физическим обликом, убить их невозможно. Нанести смертельные ранения, отрубить конечности и сделать любую махинацию с телом — реально, но не убить, так как жизнью они не обладают. Все, что у них есть, это душа, которую лишь так называемые «изгнанники» — убийцы демонов и всей неживой нечисти, могли уничтожить. Одним из таковых был Иво.

— Что дальше? Куда путь держать будешь? Ты же хотел ранним утром зайти попрощаться.

Иво вдумчиво смотрел уже не на гору пепла от демона, а вглубь озера, что было рядом.

— Иво?

Изгнанник молчал. Сперва.

— Катрина здесь ягоды собирала? Около озера? Ты не уточнял места, просто указал на рощу.

Иво показывал взглядом в сторону уже увядающей из-за демона брусники. Дед не заставил ждать ответа.

— Нет, это брусничка. Она конечно вкусная, но из нее мы не делаем мед — техника сложная уж очень. Она малину собирала, вон там растет.

Тихой указал пальцем направление.

— Понятно.

Старик тяжело вздохнул, развернулся и пошел в обратную сторону. Тяготеющее чувство потери дочери не давало ему спокойно жить.

— Спасибо тебе, Иво. Ты не монстр, хоть и считают тебя вся таковым. Ты самый настоящий человек. Жалко конечно Катриночку... Быть убитой этой тварью... Ах, точнее изгнанной — они же тоже душу уничтожают... Совсем забываю постоянно. В общем, это очень тяжко.

— Ее не изгнали, — уверено сказал Иво.

Дед опешил, словно его стукнуло по голове тяжелой дубиной. Сердце екнуло, стоять стало тяжелее, но находящееся рядом дерево выручило. Он оперся о его крону рукой, устоял.

— Как... Не изгнали... А что тогда с ней? С дочуркой-то моей, солнцем ясным да красой прекрасной?

Дед молвил эти слова с особой чувственностью. Иво встал с земли, отряхнулся, посмотрел на Тихомира.

— Есть тайна, которую знает лишь изгнанник. Но я поведаю тебе. Когда мы изгоняем — что изгнанники, что демоны, мы не совсем уничтожаем душу. Мы ее заковываем в свою. А, если мы изгоняем демона, который изгонял живых до этого момента, то и изгнанные им души мы тоже получаем. Так вот этот демон вообще никого не изгонял.

— Батюшки-ж ты мой...

Иво подошел к старику и положил руку на его плечо. Он посмотрел на него: по Тихому не было даже понятно, радовался он или больше ужасался за судьбу своей таинственно пропавшей дочери.

— Ступай, Тихомир. Она может быть еще жива, не делай поспешных выводов. Я отыщу ее.

Тихомир повторил раз семь слово «да» себе под нос. Заикаясь, со «скованной» челюстью, но повторил. Затем, как ни в чем не бывало, двинулся прочь из чащобы.

— Батька! — окликнул его Иво.

Тот обернулся.

— В тот день... как твоя дочка была одета?

Тихомир опустил голову, в темноте не было видно слез старика, поэтому можно было не скрывать истинных отцовских чувств.

— Светлые, словно колосья, волосы... Две косы небольшие. А все тело в красивом платье с красными узорами.

После чего он скрылся за листвой. Изгнанник поступил точно также. Пошел в сторону иной ягоды — малины, что цветет дальше этого, уже не такого счастливого, озера по центру

чащи леса.

III. На ловца и зверь бежит I

Иво был всерьез озадачен произошедшим в жизни старика Тихомира.

Очень редко изгнанник так проникался жизнью и проблемами обычного люда, но мимо него отчего-то пройти он не мог. Расследовать дела о пропаже вовсе не было его задачей, а свою первоначальную миссию, а именно изгнание, он благополучно выполнил. Но было что-то в этой ситуации неясное...

Кустов малины не наблюдалось. Но изгнанник понимал, что это лишь вопрос времени. Хотя, в темноте все было не так отчетливо видно, как если бы это был день.

То, что действительно радовало изгнанника — лес был чист. Помимо способности телепортироваться, он также обладал способностью чувствовать так называемые «ауры» — то, что исходит от каждого, обладающего душой. Таким образом он и заметил Тихомира, наблюдавшего за сражением, а также спокойно двигался спиной вперед при сражении с демонической тварью — все в природе тоже обладает душой, каждый клочок земли, каждый кустик, дерево, река.

Лес сам по себе не менялся. Иногда у Иво складывалось ощущение, что он ходит по одному и тому же месту, одним и тем же маршрутом. Но все в один миг изменилось.

Малина. Эти кустарные растения было нетрудно отличить от всех прочих. Шипы, служившие визитной карточкой ягоды, сразу выдавали ее. Наконец изгнанник нашел это место.

Он осмотрелся. Кустов было много, а вот ягоды на них — нет. Ее попросту не было. По крайней мере, если и была где-то, то оставшаяся в единичном экземпляре. Значит, малину девушка все-таки собрала.

Иво прошел вперед, начал рассматривать все кусты, что выстроились в ряд, подобно самым настоящим солдатам. С этой стороны не было ни одной ягодки. Тогда бауманец пошел обратно, осматривая шипастые кусты уже с другой стороны.

Нашел!

Маленькая зона одного из самых ближних кустиков. На ней еще остались ягоды. Пускай и было их мало, их отчего-то девушка собрать не смогла. Анализируя, с первого взгляда непримечательную ягоду, изгнанник озадачился вопросом: «Почему почти вся ягода была собрана, а маленький участок на дальнем кусте она пропустила»? Самый явный случай — ее прервали. Попросту помешали закончить сбор. Но появлялся уже иной вопрос: кто это мог быть?

Теорию с демоном Иво откинул сразу. Даже если брать в расчет, что здесь обитает еще одна адская бестия, столкнись дочка трактирщика с подобной — она бы явно, сильно испугавшись, сразу же бросила емкость с собранной ягодой тут, прямоком около кустов малины. Но никакой емкости: ни корзинки, ни ведерка, ни корытца — ничего не было даже поблизости. В заключение этой теории, если уж здесь, рядом, обитал еще один демон, изгнанник бы сразу почувствовал его.

Здесь было что-то другое...

Тело девушки могло пропасть только, если бы ее изгнали. В противном случае, что-то от нее должно было остаться.

Скорчив лицо, Иво сорвал одну ягодку с ветки. Неаккуратно срывая ее, пальцем он случайно коснулся шипа и порезался. Шипы были острые, но больно не было. Лишь щипало едва заметно. Однако пара капель крови все же упала на землю, а за ней и ягода.

Потянувшись за ней, в этот раз аккуратнее, он обнаружил нечто незаметное. На земле, куда и упал сорванный изгнанником плод, было много чего-то инородного — из-за этого чего-то трава под кустами была в слипшемся состоянии. Хотя и слипшейся ее назвать уже было тяжело — таковыми оставались несколько травинок, но багряной оттенок подмечал, что сюда что-то проливалось. Проведя пальцами и отлепив траву друг от друга, он собрал непонятное на пальцах. Принюхался. Запаха уже не было. Тогда осмотрел. Сравнил с мелким порезом на своей другой руке. Сразу же осознал, что это была кровь.

Бауманец переглянулся. Прикусил нервно губу, порезанную руку сжал в кулаке. Затем разжал — вся ладонь смазалась густой кровью.

— Ты собирала ягоду, дошла до сюда... До этого куста ты нигде не царапалась — земля чистая, а здесь резко поранилась. К тому же, намного сильнее, нежели я. Поранилась не пальцем. Либо не только им. Почему ты, до этого ни разу не проронив ни капельки крови, здесь вдруг все залила...

Изгнанник встал и отошел от ягоды. Начал водить взглядом по пути, который уводит еще дальше. Взгляд по итогу навелся на участок, где трава была втоптана. Втоптана сильно. Иво подошел к нему, всмотрелся внимательно. Рядом с втоптанной травой были такие же следы уже застывшей крови.

— Ты поранила руку...

Впереди, если еще глубже уходить в лес, он увидел еще много втоптаных участков земли. Прошел туда, по оставшемуся следу. След вел к оврагу — до него было метров двести. Иво сразу же направился туда. Следы не прекращались и наоборот — их становилось все больше и больше. А спекшаяся кровь была все сильнее разбросана по бокам.

— Ты бежала. Двигая при беге рукой, кровь, выливаясь, разлеталась в разные стороны, поэтому и расстояние у кровоподтеков на земле увеличилось.

Подойдя к оврагу, он сразу заметил емкость с разбросанной в метрах десяти от нее ягодой. Это была большая корзинка-переплетенка, пользующаяся спросом у многих крестьян. Иво, незамедлительно спустившись в овраг, принялся осматривать эту улику. Половина ягоды была раздавлена чем-то тяжелым. Затем он подошел к корзине, поднял ее. Корзинка была уже старой — это чувствовалось, так как жесткости в конструкции почти не осталось. Однако, при осмотре изгнанник увидел вмятину. Приблизительно оставленную от удара ногой.

— Ты ринулась в овраг, и, спускаясь, бросила наконец корзинку. Но кто-то бежал за тобой и пнул ее — вмятина тому прямое подтверждение. К тому же, если бы ты просто ее бросила, она бы и осталась возле ягоды. Ягода... Ее вообще раздавили при погоне.

Изгнанник ступил дальше. И дальнейшей подсказки ждать не пришлось.

Он даже не понял сразу, что взгляд его был направлен на лужу такой же спекшейся и уже едва заметной крови. Но эта была явно не от раны на руке. Это кровопролитие было вызвано чем-то другим. Повернув голову вправо, сильно выделяющаяся идеальная палка по сравнению со всеми другими валявшимися в округе выдала себя. Бауманец взял ее в руки. Осмотрел. На одной стороне были такие же следы крови.

— Ублюдок... — проронил Иво, отбросив палку. — Ты огрел ее со всей дури в голову.

Иво устремился вперед, не останавливаясь. По следу крови, который, пускай и засохший, отчетливо выделялся на «лысой» земле. Появившееся сильное сердцебиение задавало своеобразный темп его действиям, отчего принялся он искать девушку куда быстрее. И вдруг нашел.

Она лежала одинешенькая — уже холодная и вся синяя, с испражнениями под собой, так как организм уже самостоятельно делал все, что вздумается. Вся исхудавшая, она была прикрыта небрежно рваным, но тем самым платьем с красными узорами. Это была Катрина.

Увидев тело девушки и почувствовав мертвячий запах, Иво прикрыл нос и тяжело прокашлялся. Затем сплюнул застоявшуюся в полости рта слюну. Плевался он часто, носом старался не дышать, лишь только ртом. Как только подоспело осознание того, что изгнанник увидел, он отвернулся и выматерился. Затем подошел к ней поближе. Начал осматривать. Как и предполагал, рука девушки была изрезана, но не глубоко — шипы малины «постарались». Все платье было изорвано, причем небрежно, отчетливая грубая работа. Череп разбит всмятку, предмет убийства даже не пришлось искать — окровавленный камень так и валялся около тела. Под ногтями, которые еще не успели отпасть, были частички человеческой кожи. Иво приподнял платье девушки. Нижнего белья не обнаружилось, как он и предполагал. Начал осматривать половую часть тела. Повсюду было что-то засохшее, особенно много этой сухой субстанции было чуть ниже полового органа девушки. Иво собрал ее на пальце, принюхался. Воняло скверно. Непонятное вещество было самой обычной мужской спермой.

Картина сложилась. Кто-то изнасиловал и убил Тихомировскую дочь. И этот кто-то мог быть действительно кем угодно, Тихомир рассказывал, что многие мужики бегали за Катриной, любили ее.

Изгнанника же пугало больше нечто иное. А именно зверски убитая неуспокоенная душа. Такие души, в простонародье зовущиеся призраками, задерживаются в мире живых и начинают мстить всем, кого застанут, убивать всех, кого заметят. Но в первую очередь они будут пытаться застать своих убийц, либо пытаться выполнить то, что их держит. Однако, что еще сильнее напрягало Иво, так это то, что ауры никакого призрака он не чувствовал. Все было тихо.

— Прости, старик, днем тебя ждут плохие новости.

Сказав это, Иво устремился прочь с места преступления обратно в сторону города. До рассвета оставалось совсем ничего.

IV. На ловца и зверь бежит II

Петухи уже давно прокричали, Иво проснулся лишь к обеду. Всю ночь он не мог заснуть, думая о том, как сообщить Тихому информацию касательно его дочери. Оттого и лег позднее нужного.

Арендванная комнатка в постоялом дворе, носящем грозное название «Свеча и тень», по первому впечатлению, выглядела весьма скромно. Помещение было среднего размера: нельзя сказать, что тесно, но и разгуляться было негде. Помимо всего этого, было видно, что здесь убираются, но не часто: по всем углам комнаты было множество паутины, столы и подоконники пыльные. Но, если откинуть все нюансы подобного характера, комната была доступным и хорошим вариантом. За свои тридцать червонцев — местной валюты, это была достойная комнатка. Самая простая кровать — целая и уже хорошо, покошенный, но, тем не менее, стол с большой свечой на нем, примерно такой же по состоянию стул и маленький шкаф, в котором помещалось все самое нужное и необходимое.

Иво встал с кровати. Сперва взглянул в зеркало. Лохматые черные волосы всегда по утру лезли мужчине в глаза, это утро не было исключением. Тело было жилистым, в меру мускулистым, но не перекаченным — золотая середина. Но даже оно не было идеально чистым — около сердца красовался уже давно затянувшийся, но хорошо отпечатавшийся

шрам от чего-то острого. Рана была явно глубокой. Еще один шрам был возле печени, но он уже был едва заметным.

Изгнанник встал, взял валяющуюся одежду, которую он быстро и безобразно бросил ночью на пол. Быстро оделся: штаны из кожи, которые, на удивление, не сковывали движения парня, самая обычная рубашка, которую носили абсолютно все, пояс, на котором были закреплены ножны и старый кошель, а также самые простые ботинки своего времени, которые Иво часто менял, так как те постоянно изнашивались. Надев на себя весь этот комплект, он накинул то, без чего не выходил никуда, а именно черный плащ, служивший накидкой и скрывающий его лицо с помощью капюшона.

Затем вышел из комнаты. Она была на втором этаже постоялого двора. Скрипучая лестница, ведущая прямым ходом к выходу из здания, сразу выдала изгнанника хозяину.

— Вы всегда так поздно возвращаетесь и поздно просыпаетесь, господин Эль Гарден? — обратился мужчина сорока с лишним лет.

Иво улыбнулся и достал кошель, закрепленный на поясе.

— Этой ночью были дела. Искренне приношу свои извинения за то, что разбудил.

Он достал тридцать позолоченных медных монет и положил их на стол, затем протянул к хозяину.

— Хозяин-барин!

Мужчина за стойкой взял монеты и положил себе в карман. Иво направился к выходу.

— Вы еще останетесь? Или в путь?

Изгнанник остановился.

— Пока не ясно. Будем считать, что еще на ночь останусь.

Сразу же отворив дверь дома, Иво показывал, что ответа он не ждет. Изгнанник вышел на улицу и шум сразу поразил его. В обед на улицах города было оживленно. Особенно здесь, на самой торговой улице Верхоянска, где находилась центральная площадь города. И хоть была она центральной, ничего себя толкового не было. Куча расположившихся торговых лавочек, абсолютно разных с разным товаром, а также большой круг, в котором находилось столпотворение людей, собравшихся по совершенно непредсказуемым причинам. И хоть был уже обед, верхоянских это не смущало — куда бы Иво не глянул, везде уже всю работу трактиры, а выпивали все и вся.

Однако сегодня было уж слишком шумно, даже если судить, что полдень ознаменовал самое продуктивное торговое время. Галдеж был разный, людей даже не смущала громкость их речей.

Бауманец ж направлялся к Тихому, с плохими новостями. Как бы изгнанник не хотел ночью найти девушку, пускай и в критическом состоянии, но живую, ему этого сделать не удалось. Пока Иво шел, он напрочь отключил свой слух, дабы абстрагироваться от городской суеты, и думал лишь о том, как преподнести старику узанное.

Но думал он недолго. Его прервали. Какой-то чудаковатый парень, схвативший Иво за плащ,

— Мстислава! Мстислава не видел?

Паренек этот был на взводе. Двигался так дергано, словно его молния ударила.

— Отпусти.

— Вы не видели Мстислава, сударь?

Иво максимально удивленно посмотрел.

— С чего ты взял, что я знаю вообще твоего Мстислава?

— Ну вы ж ночью с полянок возвращались? Тех, что за городом.

Иво выдернул свой плащ из крепкого хвата неизвестного, грозно на него посмотрел.

— Ты в такое время не спишь?

Тот проглотил слюну, да еще и очень громко.

— Ну так...

— Дорогу! Дорогу мне! Разойтись!

Источник звука надвигался. Иво с набросившимся чудиком взглянули в сторону криков и увидели повозку с конями. Резко отошли в сторону. Иво взглядом намекнул парню, чтобы тот продолжал рассказ. Он три раза покивал и продолжил.

— Я проснулся, потому что пить захотел. Знаете, ночью иногда сушняк все горло бьет и сон прерывает. Ну я и проснулся. Пошел взять кувшин, где водица была... Свежая! Холодная! Налил в кружку. Выпил. Мы эту водицу кстати не с колодцев берем — в колодцах вода грязная, мутная, туда псы срут постоянно, а мы воду берем с...

— Да мне срать откуда. Ближе к делу, — Иво повысил тон голоса. Парень аж дернулся.

— Ой, простите... В общем, думал принести стакан воды я еще и брату моему — Мстиславу. А его и след простыл. Я вышел с хаты. Начал искать возле нее, а его нет нигде. Вышел чуть дальше, а там-то и увидел вас. Черный плащ, ни с чем не спутаю, у нас такие никто не носит, а я каждого знаю. И я подумал, что вы знаете, где Мстислав... Я потому что так спать и ушел. Думаю, пошел водку выжирать, приспичило ему. Но с утра обыскался я его, и боюсь теперь, что неладное с ним приключилось. И... В общем-то... Вот.

Иво закатил глаза. Подобные проблемы пьяниц его совершенно не интересовали. Он проигнорировал парня и просто устремился дальше по своему пути в «Распутницу». Парень, увидев подобное действие со стороны бауманца, фыркнул, плюнул под землю и развернулся, устремляясь подальше от изгнанника. Да только Иво тут же опешил и окликнул паренька.

— Стой!

Тот остановился. Резко подбежал к Иво.

— Как звать тебя?

— Я? Ну, Иллияром буду. Сын Молоха, коего «Дубом» кличут.

— Мстислав — брат твой? Тоже его сын? — решил уточнить изгнанник.

— Ну я же сказал уже. Да, брат и сын отца, все как было сказано.

— Угу... — выдал протянутое Иво.

— Угу, угу... Угу — и хрен в рагу!

Изгнанник злобно посмотрел на Иллияра. Замахнулся кулаком.

— А-а-ай... Тише, тише! Я ж пошутил. За брата просто волнуюсь, сударь, вы не сердчайте так.

— Не буду. Бог тебе судья. Ты мне подскажи, Иллияр, где хата твоя находится?

— А вам зачем-с это надобно знать?

Иллияр не стремился выдавать место своего жилья. Тем не менее, Иво знал, как раздобыть эту информацию.

— Ну так тебе ж надобно знать про брата известья. Если разузнаю что, так я приду и сообщу.

— А-а-а-а! Вот оно что.

Он захихикал противно и гнусно. Иво решил подыграть, также гнусно улыбнулся,

— От ворот в город идите пол километра, затем налево. Будет вывеска «Железа» — найти не сложно. Там-с я и обитаю. Если вдруг что, вы так и спросите любого, «где Дуба

отыскать могу»? Батьку все знают, вот и подскажут.

Иво одобрительно кивнул. Иллияр же откланялся и убежал, скрывшись в толпе горожан. Оставшись наконец наедине, изгнанник продолжил путь в трактир. Уходя подальше от центра, гул пропорционально прекращался.

И вот трактир был перед носом изгнанника. Малые размеры города позволяли быстро добираться куда надобно. Отворив дверь «Распутницы», количество посетителей всерьез порадовало Иво — все столики были заняты. В плане посетителей у старика Тихомир было все хорошо, это и радовало Иво. В толпе прихожан он разглядел его. Он, как и всегда, разливал всем хороший мед и водку. По его лицу даже и не скажешь, что что-то произошло у деда.

Изгнанник подошел к стойке. Тихой сразу же его заметил.

— Иво! Как я рад тебе, сынок! Проходи сюда, присаживайся.

Он указал пальцем свободное у стола место. Иво послушался и уселся туда. Тихой быстро налил кружку Люстерской медовухе доброму посетителю и тут же подал. Сам же остался возле места, где постоянно разливал алкоголь.

— Как ночь? Крепко спал?

— Крепко. Как медведь на зимовке.

Старик смеялся. Иво выпил.

— О, эт хорошо!

Из-под стола он достал и себе кружку алкоголя, затем уже полноценно подошел к изгнаннику. Второй, к слову, начал разговор первый.

— Вчера не нашел ничего. Сегодня попробую еще раз.

Тихомир опустил глаза, но старался держаться и не казаться разбитым.

— Да ладно, чего уж там. Не утруждай себя, ты и без того помог всем нашим. Кто знает, что было б, если бы тот де...

— Тс...

Иво прикрыл рот деду. Тот резко опомнился.

— Ой, прости меня... — виновато прозвучало из уст Тихомира.

— Ничего. Ты же ничего не сказал этакого.

Иво улыбался и пил за компанию с трактирщиком.

— Я все же постараюсь еще раз, — он положил руку на плечо старику и по-доброму, словно сын поддерживает отца, похлопал по нему. Старик ответил той же добротой — прикрыл глаза и с улыбкой на лице покивал головой.

— Спасибо...

— А ты, как я смотрю, от недостатка внимания не страдаешь? В первую нашу встречу у тебя пару уродов сидело, а сегодня и народу полно, и вроде даже более-менее культурно ведут себя.

— Ай, это пока! Сейчас глянь вечереть начнет и все на круги своя вернется. Добротные отдыхающие — по домам, а те, что останутся, вновь за бутылку и... Понеслась душа в пляс! Блядки, разврат, муть в башке.

— Вот оно как.

Иво допил все содержимое кружки и с отчетливым стуком о стол поставил ее.

— Еще одну, сынок?

— Нет, Тихой, спасибо тебе. Мне хватит.

Дед ехидно посмеялся.

— Ты, как всегда.

Иво пожал плечами, облокотился руками на стол и засмеялся в ответ.

— Такой уж я, что поделаться.

Тихомира окликнули новые посетители, он резко отошел к ним. Иво винил себя за то, что дал какую-то непонятную надежду старику, за то, что солгал, но солгал он не без причин. Вся эта история была незавершенной для изгнанника, и он хотел принести трактирщику всю правду, а не часть ее. Только успел бауманец задуматься, как Тихомир вновь появился.

— Я вновь здесь.

Изгнанник встал со стула.

— А я уже пойду.

Старик удивительно посмотрел на Иво.

— Уже? Ты ж только зашел!

— А уже нужно идти. Я лишь хотел убедиться, что у тебя все хорошо.

Тихомир ничего не ответил, молча убрал кружку изгнанника.

— Сегодня ночью. Я приду еще раз. И... Спасибо за выпивку.

— Ай, Бог с ним, Иво! Это глупости по сравнению с тем, что ты для меня сделал и делаешь. Ступай с миром, и пусть Боже оберегает тебя. А насчет ночи — заглядывай, не бойся, если разбудишь! Смело заходи. Я буду ждать.

Иво утвердительно кивнул, затем вышел из заведения. Оказавшись вновь на улице, он посмотрел на солнце. Все еще светило ярко, вечереть будет часа через три. Но изгнанник все равно направился в сторону чащобы, искать и выслеживать. Зайдя за трактир, он максимально незаметно вышел на тропу и следовал по ней вглубь. Никто изгнанника не видел.

V. На ловца и зверь бежит III

Наконец наступила ночь. Время, когда вся нечисть появляется и начинает охоту. Этого времени Иво и ждал. Хоть он и был специалистом о охоте на именно демонов, знания о призраках он тоже имел. Те выходят на охоту именно ночью, во избежание скопления людей. Могут они вступить в схватку и днем, главное их условие — отсутствие лишних свидетелей.

Изгнанник рыскал. Рыскал всюду по чаще леса ауру Катрины. Призрак обязательно поселился именно в этих лесах, ведь именно здесь убили девушку. Но, на его удивление, он никак не мог почувствовать призрака. Иногда изгнанника это злило.

Он проделывал один и тот же маршрут раз за разом: шел от начала леса до трупа девушки, затем обратно. Это единственный путь, доступный призраку, ведущий в город, если тот захочет убивать. А если не захочет, то должен находиться призрак именно возле трупа девушки. К тому же, сам по себе изгнанник был явной приманкой — призрак не обладает разумом и действует согласно своим инстинктам. Перед смертью девушка вероятнее всего была озлоблена на люд, значит и после смерти будет стремиться убивать людей. И хоть эта информация и была правдивой, описанной во многих книгах магов и даже изгнаннических старинных писаниях, отчего-то выследить призрака Тихомировской дочери Иво не мог.

Он повторял маршрут «вход-труп-вход» уже шестнадцатый раз. Каждый раз Иво запоминал и вел единый счет. Сейчас изгнанник находился именно около трупа. За ночь и полный день, ее тело еще сильнее испортилось — изменения были на глаза: слишком выпирающие кости, один глаз пропал. Видать, выклевала птица.

— Потерпи еще немного... — говорил шепотом Иво, оглядываясь на холодное тело.

Двинулся бауманец обратно, ко входу в лес. Меч изгнанник пока что не вытаскивал, тем более не принимал обличие изгнанника, обращая глаза черным пламенем — так называлась трансформация его глаз из обычных голубых в сплошные черные с пылающими изнутри языками черного пламени зрачками. По пути обращал внимание Иво на каждый шорох. Моментами Иво начинал сомневаться в своей способности чувствовать ауры, отчего в голове его сеялась смута. Он не мог понять причину, почему призрака попросту нигде нет — он должен был давно уже появиться. Ответа в голову все не поступало.

Опять виднелась эта треклятая малина, которая мозолила глаза изгнаннику каждый раз, когда она показывалась на горизонте. С ней у изгнанника были плохие ассоциации.

После малины следовало озеро, такое же треклятое, как и кусты вкусной ягоды до этого. Хотя озеро не так сильно будоражило изгнанника. Каждый раз, что он проходил мимо озера, взгляд кидал на место, где изгнал демона. Пепел уже давно разлетелся по всему лесу и той самой груды, что раньше, у озера не было. Но брусничные кусты стабильно каждый день увядали все сильнее и сильнее — последствия от присутствия адской твари, которая поглощала душу этого растения.

И вот наконец она — заветная тропа, ведущая обратно в Верхоянск. Шестнадцатый поход изгнанник вновь не увенчался успехом.

— Сука... — шептал про себя Иво. — Что же я делаю не так...

Он уселся на огромный булыжник, что лежал недалеко от тропинки. Задумался.

— Призрак Катрины точно обитает в этих лесах... Он не может никуда уйти, кроме как в город. Неужели насильник и убийца не из местных. Но тогда кто?

Мощным ударом кулака Иво со всей дури вдарил по камню. Непроизвольно обратил глаза черным пламенем, потому что злился. Осознал это лишь через мгновение, но как осознал, сразу же пришел в себя. Ладонями он обхватил лицо и выдохнул сквозь пальцы.

«Спокойно. Думай, думай...»

В голову ничего не приходило. Лишь мысли: «неужели я опоздал... Неужели она уже застала своего убийцу и покинула эти леса. Может быть, она вообще его убила сразу же после своей смерти, и все эти поиски напрасны? Ай к черту это все! Последний, семнадцатый раз и к старику — расскажу, что есть».

Изгнанник встал с камня и направился обратно по уже привычному для него маршруту. Только-только войдя в лес, изнутри появилось какое-то странное чувство, а сам Иво резко обернулся в сторону города. Он моментально обратил глаза черным пламенем, накинул на голову капюшон.

— Наконец-то показалась!

Она была около города. Удивительно, как Иво ее смог пропустить, но даже так, Катрина была найдена. Иво бежал быстро, ведь, если призрак был около города, значит кто-то может быть уже в опасности.

Тропинка, казавшаяся до этого такой короткой и маленькой, сейчас проявляла себя с иной стороны: изгнанник будто бежал по ней вечность. Но радовало то, что он приближался к цели. Бауманец чувствовал это. Руку он уже положил на рукоять меча, был наготове высвободить оружие, как только появится она — бестелесная и неуспокоенная, убивающая ради мести за свою смерть.

И она показалась. Сначала издалека. Иво уже видел ее, там, вдали. Он профессионально обнажил клинок, и сделал это за одно мгновение. Затем, дабы сократить дистанцию,

телепортировался вперед. И еще. И еще. И еще.

И вот призрак был на расстоянии вытянутых трех его рук. Выглядела она, как будто Катрина восстала из мертвых; как сушеный фрукт, тело ее было бледным и исхудавшим, платье изорванным, грязным и помятым, а рот ее был изуродован еще пуще, чем истинный при смерти — челюсть свисала, язык слегка показывался из полости. Волосы были взъерошены.

Иво наскочил на нее с ударом сверху — рассек воздух, но кончиком оружия все-таки задел Катрину. Та резко обернулась, слегка завывала и отлетела в сторону. Только она отлетела, Иво увидел, что за ней валялся в ужасе тот самый Иллияр, вцепившийся руками в голову так сильно, что повыдирает много волос. Иво выругался — показаться человеку было самым последним, что он хотел сделать. И этот самый Иллияр отвлек изгнанника — призрак девушки рьяно атаковала его и задела, нанесла рваную рану в области ребер. Иво скривил лицом, но боль стерпел. За первой атакой призрака последовала и другая, за ней третья и четвертая. К этим нападкам изгнанник был уже готов и каждую из них избегал с помощью телепортаций. Движения призрака были быстры, она словно являлась самим воздухом и, если бы не умения изгнанника телепортироваться, он бы давно пал смертью.

Эту часть сражения без сомнений выиграла неупокоенная. Все время она клекотала, издавала страшные и мучительные звуки. После паузы в семь секунд, Иво вновь набросился на Катрину — лишь благодаря тому, что он изгнанник, его удары могли ранить бестелесную бестию. Он замахнулся мечом и, едва достиг цели, применил телепортацию за спину Катрины, где уже и совершил истинный удар. Отродье взвыло, да так, что этот звук мог слышать весь город. Она незамедлительно полетела в сторону валявшегося на земле Иллияра. Изгнанник тоже не долго думал — телепортировался к парню и откинул его в сторону сильным ударом ноги. За спасение человека он поплатился ранением в спину — призрак рассек воздух и нанес уже более сильное ранение изгнаннику. Тот упал. Но валялся недолго. Яростно вскрикнув, он телепортировался лицом к лицу к бестии и проткнул ее мечом. Та утихла.

Иво смотрел на нее черными глазами, глазами самого дьявола. Лицо он скалил, дышал злобно и отвратительно. Сражаясь, будучи изгнанником, он все меньше походил на человека. Иво, как и все, у кого есть душа, также имел свою уникальную ауру. И если его человеческая аура ничем не примечательна, то аура в обращении в изгнанника нагоняла жути и повергала в шок. Пугала! Устрашала! Даже призрак, не имеющий никаких инстинктов самосохранения и уж тем более разума, опасалась этой ауры — это виднелось в ее поведении. Проткнутая насквозь Катрина, пускай и имела возможность ударить в ответ, этого не делала. Она боялась. Страх окутал ее, но правда окутывал недолго. Иво, максимально собранный и яростный, вытащил меч и нанес еще два сокрушительных хлестких удара мечом. Они откинули призрака в сторону. И пускай удары были мощные, часть силы терялась из-за ранения в спину.

Финал битвы был не за горами. Почти побежденный призрак Катрины, пускай и был тяжело ранен по своим меркам, все еще сражался, а вот Иво терял много крови, и каждая секунда была на счету. Отродье попыталось окинуть бауманца на землю ловким ударом руки, но второй вновь телепортировался — в этот раз назад, чтобы разорвать дистанцию.

Они пересеклись взглядами.

Иво тяжело дышал и был измотан, тем не менее, уверенно стоял на ногах. Собрав все последние силы, он побежал в сторону призрака. Та поступила также. Махнув руками, она

едва задела изгнанника, но тот не телепортировался, а совершил подкат, вытянув меч вперед и «распоров» Катрину полностью. Призрак девушки закричал — громко, с сильным эхо. Затем вмиг исчезла. Как и в случае с демоном, изгнанная душа взлетела вверх и направилась в сторону Иво, влетев внутрь него и заставив мужчину глубоко вдохнуть.

Ноги косились, но получилось встать. Глаза едва получалось держать открытыми, веки сильно потяжелели. Хотя изгнанная душа, что Иво только что заполучил, помогла ему и улучшила самочувствие — таким была физика изгнанников. Меч послужил опорой, чтобы устойчивее передвигаться. Иво не медлил — сразу же направился к Иллияру, что сидел в шоке.

Он подошел к нему. Сразу же упал на колени. Парень едва сдерживался, чтобы не закричать.

— Что ты тут делал? — спокойно спрашивал Иво. Он очень тяжело дышал.

— Сгинь, демон! Кто ты такой?

Иллияр не мог контролировать эмоций, ужас от увиденного брал верх. Иво же «успокоил его» легкой пощечиной.

— Я повторю вопрос: что ты тут делал?

Иллияр молчал.

— Отвечай!

Глаза Иво все еще были обращены, отчего парень пугался еще сильнее.

— Я... Я... Она позвала меня! Я услышал ее голос и пошел сюда, а тут она... И все... Боже правый, упаси меня! Я слышал ее крики, вопли и пришел сюда.

Иво замолчал, затем сбил дыхание и склонился, коснувшись головой колен. По щеке побежала скупая мужская слеза. Он сразу же встал на ноги — нашел силы каким-то образом, и со всей силы, что была, ударил Иллияра по лицу ботинком. Тот взвыл от боли.

— Ублюдох!

Очухавшись от удара, парень попытался встать и убежать в сторону Верхоянска, но Иво схватил его ногу и крепко сжал. Иллияр опять заорал, как свинья.

— Да оставь ты меня в покое! Таких, как ты, убивают! Казнят. Ты ж изгнанник, да? Тот самый, что с душой черною. А ты еще и с зеньками такими! Про тебя все скверно говорят. Да что там... Боятся говорить! Монстр! Урод! Тварь! Падаль! Изгой! Демон!

Иво взял Иллияра за воротник рубахи и притянул лицом к себе.

— Я монстр, говоришь...

Он откинул парня в сторону, затем подставил к его горлу меч. Второй замолчал, хотя и было слышно его нытье. А с ним и сердцебиение.

— Если я монстр, то кто ты? Вы зачем с братом Тихомирову дочь изнасиловали и убили? Зачем?

Последнее Иво выкрикнул, не сдержал эмоций. Хотел, пытался держаться, но не смог. Иллияр сразу же поменялся в лице, словно узнал о смерти своей матушки.

— Как ты... Откуда ты...

— Знаю? Тихомир рассказал, а я... — Иво еле стоял на ногах, — как самый настоящий монстр и демон, захотел помочь старику в поисках дочери. Только вот что я нашел... Даже демоны так не поступают, уж поверь мне.

Иллияр замолчал, а сам Иво ждал объяснений. Сперва ждал, а потом понял, что нет смысла. Он бросил парня одного, а сам направился в сторону таверны. Благо, находилась она недалеко.

— Весь город узнает о тебе, изгнанник! Завтра твоя башка будет висеть на кольях, а тело гореть дотла! Ублюдок!

Он ревел и плакал, бился в конвульсиях и истерил. Иво было наплевать. Он не хотел даже слушать угроз парня.

Изгнанник быстро добрался до трактира и завалился в помещение. Завалился в прямом смысле — открыл дверь и упал на пол, без сил. Тихомир не спал — проснулся еще давно, от криков в округе. Он сразу же побежал на выручку истекающему кровью мужчине.

— Боже всемогущий... Иво, что приключилось?

Изгнанник молчал. Тихой покинул парня, но почти сразу же вернулся. В руках была бутылка, по запаху было ясно, что внутри водка. Он зубами откинул пробку и вылил часть содержимого на рану. Это взбодрило Иво: он закричал и закорчился от боли.

— Ну... Потерпи немного, — улыбаясь, успокаивал дед, — Сейчас полегчает.

— Я... я все узнал Тихой... Все узнал.

— Да, я знаю. Не переживай.

Старик снял плащ с бауманца, порвал его на тряпки. Ими же и перевязал рану.

— Давай, поднимайся.

Хоть и уже не обладал молодецкой силой, но Тихой смог поднять изгнанника, а тот, опираясь рукой о стоящий рядом деревянный шест, смог встать самостоятельно на ноги. Тихомир прошел с ним в до этого постоянно закрытую комнату — свое жилище, по совместительству жилище Катрины. Бауманца старик уложил именно на ее кровать.

— Тихой.

Иво крепко взял старика за руку. Тихомир же внимательно слушал.

— Твою дочь убили... А еще...

Иво сильно закашлял.

— А еще изнасиловали... Два брата — Мстислав и Иллияр, чей батя в городе зовется как «Дуб». Ее тело лежит в овраге, тот, что далеко в чаще, а сама Катрина, как ты и боялся, стала призраком... Прости, мне пришлось...

— Ничего страшного.

Иво поднял голову и увидел старика, который наконец не скрывал своих чувств и плакал. Ему было больно. Больно на сердце, да так сильно, что не удавалось сдержать наплыва, как было всегда. Но даже в таком состоянии, он был обеспокоен состоянием и самочувствием того, кого ненароком постоянно называл «сыном».

— Мстислава она застала, он уже мертв, это точно. Иллияр остался в живых, с ним-то я и застал неупокоенную... Тихомир, ты меня слышишь? Старик?

Веки Иво падали, он уже не мог говорить.

— Слышу, Иво, прекрасно тебя слышу.

Изгнанник отпустил руку старика. Отрубился, все силы покинули его. Тихомир зарыдал, по-старчески, горюя. Он склонил голову к израненному телу парня. Последнее, что Иво слышал уже сквозь сон, было теплое и самое искренне в его жизни слово.

— Спасибо.

VI. «Черный изгнанник»

Иво очнулся под вечер. И то не своими силами. Кто-то звал и дергал его, держал его руку и передавал тепло. Голова безумно трещала, глаза открыть удалось не сразу.

Как только он открыл их, все было размыто и непонятно. Где-то в пространстве он слышал неотчетливое, но частое «Иво! Иво! Иво!». Кто-то его звал.

— Иво!

Мир стал вновь четким, ясным. Первое, что он увидел после пробуждения — девушка, чьи волосы были белоснежными, как сахар, а запах ее был сладок. Она стояла в ярком белом одеянии, чистом и богатом. Лицо красивое-красивое... Представшая пред изгнанником, как первый солнечный луч по утру, она словно была вымышленной, но такой званной и такой необходимой.

— Инела...

Девушкой оказалась возлюбленная изгнанника — Инела Демиур. Она сразу же обхватила лицо парня руками и крепко обняла его, затем поцеловала несколько раз.

— Боже, как ты меня напугал.

Иво все еще было тяжело понять происходящее.

— Инела... Как ты?

Изгнанник попытался встать, но он повалился почти сразу же на спину.

— Тише, тише. Не торопись. Дай помогу.

Она подхватила тело мужчины, помогла ему сперва сесть на кровать, затем и встать. После отошла чуть в сторону, к стоящему рядом кувшину. Иво крепко стоял на ногах, что было удивительно, но лишних движений делать было нельзя, иначе тело моментально повалится к земле.

— Что ты тут делаешь? С Люстера до сюда путь неблизкий.

Девушка подала кувшин с водой. Пока изгнанник пил, причем пил жадно, она ему и отвечала.

— Его Высочество желает видеть тебя... По очень важному делу, слово в слово так и сказал, — Инела чувствовала себя бестактной, когда говорила подобные известия израненному, всему в засохшей крови, изгнаннику. — Далее мы пошли на запад, оттуда от тебя доходили последние известия. Нашли, как видишь. Правда... Что с тобой приключилось, родной?

Инела коснулась рукой щетинистой щеки Иво. Тот как раз допил весь кувшин. До дна. Затем отбросил его, отшагнул от девушки и нервно посмотрел на нее, руками схватился за ее плечи.

— Потом расскажу. Где старик?

Инела не поняла.

— Какой старик? Ты был один, я думала, ты снял комнату в этом трактире, а сам трактирщик со всеми, на площади.

— Вот оно как... А что там, на площади?

— Какое-то столпотворение. Что-то случилось в городе.

Изгнанник снял со спины оборванные тряпки, сделанные из пришедшего в негодность плаща. Рана на спине затянулась, но была все еще очень уязвимым местом. Совершенно случайно взглядом он увидел письмо, одиноко лежавшее на маленьком столе около кровати. Решил взять и прочесть. Впоследствии ужаснулся, сжал его в кулаке и резко выбежал из комнаты. Трактир совершенно пустовал, Тихомира не было.

— Иво! Ты куда так резко дернулся? — девушка побежала вслед за ним.

Выйдя из таверны, бауманец увидел скопление людей, идущее к центральной площади. Он последовал за ними. Шел быстро, быстрее общей массы. Иногда толкал людей в сторону, чтобы те не мешали ему. По итогу, Иво добрался до центра. Здесь, казалось, собрался весь Верхоянск — такое скопление людей Иво видел лишь раз, и то в столице.

Он отталкивал людей из стороны в сторону, чтобы вырваться вперед и увидеть, что такое притянуло всех в округе. Как только увидел, встал на месте, как вкопанный, сразу же разжал кулак. Записка рухнула на землю. А он смотрел. Внутри него зажегся необъятный пожар чувств и эмоций. Но он их вообще никак не показывал и уж тем более не проявлял. Помимо взора, он также слушал то, о чем все непрерывно говорят, причем говорят с ужасом.

— Ирод! Черный изгнанник! Вы слышали? Черноглазый убийца в плаще. В округе появилось чудовище! Прячьтесь по домам, мы уже послали гонца к его высочеству!

Иво не мог подобрать соответствующей реакции. Вокруг него все только и обсуждали «черного изгнанника» — видать, Илльяр все же выполнил свое обещание, но истинным шокирующим фактом было другое.

На древе, что был на площади, весело мертвое тело Тихомира. Старик повесился. Как раз по утру где-то. Рубаха его была слегка надорвана у воротника — следы борьбы. Снизу валялось еще одно мертвое тело — Илльяр. Его горло было жестоко вспорото неровным лезвием. Впрочем, неважно даже чем. Уже вообще было ничего не важно. Изгнанник сбил дыхание и прохрустел шеей.

Инела только подросла к нему. Сперва она хотела достать мужчину вопросами, но, как только увидела все своими глазами, отбросила эту идею. Слов у нее попросту уже не было. Иво тяжелым взглядом смотрел на старика-трактирщика. Девушка решила вообще ничего не говорить.

Она подняла записку, брошенную Иво. Распрямила ее

«Спасибо тебе за все, добрый молодец. Я всегда мечтал о сыне, вроде тебя. Ты никакой не монстр, а самый настоящий человек. Человечнее всех, кого я встречал. Кем бы ты ни был, ты всегда останешься для меня тем самым Иво Эль Гарденом, выпивающим одну кружку Люстерского меду и после говорящим «я все, мне хватит». Прости меня за то, что увидишь, а также спасибо за то, что сделал ради меня и моей Катриночки. Храни тебя Боже, сынок».

Она спрятала записку в карман своего белого кожаного плаща и обняла мужчину.

— Мне жаль, Иво...

Иво прервал ее, прикрыв рот девушке. Затем обхватил одной рукой и развернул в сторону, лицом на дорогу. «Изгнанник в черном длинном плаще с капюшоном» слышалось из всех щелей.

— К черту это все, Эла. Поехали отсюда.

Она лишь кивнула в ответ и вместе они устремились прочь из города, за горизонт, где начинаются новые история о похождениях Иво Эль Гардена — Черного изгнанника, охотника на демонов и всю бессмертную нечисть, с черными, как тьма, глазами.

По велению крови и тумана

I. Просьба, цена которой — ничего

Повозка вся гремела. Попытки спать в дороге были абсолютной чушью — с такой тряской сон это пустая иллюзия и невозможная роскошь.

Пара коней, ведущие за собой массивную крытую конструкцию. В ней сидело лишь двое — Иво и Инела. Мужчину мучали кошмары, он совсем не могу уснуть, а его возлюбленная просто не хотел, отчего лишь изредка выглядывала за свисающую ткань, прикрывающую внутреннюю часть кабины.

Первая встреча спустя долгие месяцы разлуки этой парочке не удалась. Не так девушка представляла себе их воссоединение: город-захолустье, в котором всюду разит мертвой псиной, шум, убийства, и Иво — окровавленный, с ознобом, изрезанный как морально, так и душевно. Впрочем, изгнанник тоже не думал, что все произойдет именно так. Наконец он взглянул на нее, не впопыхах, любовался сколько хотел.

Девушка, ростом ниже, чем он сам, на голову. Одета как на парад — так Инела выряджалась всегда: Бело-синее платье королевской чародейки, все из дорогого шелка, сшитое явно лучшими мастерами своего дела. Поверх него был накинут длинный, роскошный, белый плащ из кожи, весь «вылизанный». Он был главным обозначением причастия девушки к высокому положению при короле, подобные были исключительно у единиц. Сейчас руки были оголены, но обычно Инела ходила еще и в перчатках, тоже белых. Ее волосы были чем-то определенно волшебным: не седые, далеко не такие, но кристально-белые, с пепельным оттенком у корней. Очень часто Иво называл их «сахарными». Лицо ее было молодое, румяное, худое. Глаза большие, оттенка ясной лазури. Губки пухлые. Нос небольшой. Взгляд невинный, добрый. На вид девушке больше двадцати и не дашь. Тело такое же хрупкое и нежное, ручки и ножки аккуратные, небольшие. Ее обувь тоже не выделялась из общей картины — она была полной противоположностью обуви изгнанника: из дорогой кожи, дорого выглядящие ботинки, они были высокие — почти доходили до колена. Завязывались по всей высоте и крепко обхватывали всю ногу, от икр до ступни, при этом никакого дискомфорта не доставляли.

Ее слегка озадаченный взгляд Иво видел уже сотни раз. Каждый раз он думал, что та сонная, правда, каждый раз и ошибался в своих суждениях. Не было ничего необычного, изгнанник кимарил, опиравшись на повозку.

— Иво?

Он дернулся. Протер лицо руками, затем наклонил голову немного вперед. Взгляд устремил в сторону Инелы, посмотрел вопросительно.

— Плохо себя чувствуешь?

Она подседа поближе. Изгнанник улыбнулся и повертел головой в сторону.

— Нет. Все хорошо.

Глазами он водил по всей повозке, изучал ее от безделья. Хотя, изучать там ничего толком-то и не было.

— Все думаешь о произошедшем?

Она взяла его за руку, обратила его глаза на себя и с сожалением посмотрела в них.

— Да, немного... Скверно все вышло.

— Пускай и так, но ты не виноват. Ты сделал все, что было в твоих силах. Ты же нашел

убийц, изгнал демона, что блуждал в округе, хотя даже не было никаких предпосылок, что он блуждает, — голос она сделала потише, — ты освободил дедушку того от бремени, что его дочь будет блуждать из-за неупокоения. Ты принес ему имена. Ты все сделал, что мог. А то, что он сделал...

— Эла, давай не об этом. Случилось, как случилось. Ничего эти разговоры не изменят. Она кивнула, соглашаясь с бауманцем.

— «Черный изгнанник» ... Вот ж придумали.

Иво высмеивал данное ему прозвище.

— Людям свойственно создавать образы. Ты теперь один из них. Правда... Настолько громкого имени изгнанника, что разлетелось по всей стране, за столь короткий срок, я еще не слышала. О тебе уже даже в столице говорят все, как они умудрились так быстро донести слухи — еще даже мы не прибыли с Верхоянска, как все всё знают.

— Ай, плевать. Пускай зовут, как душе угодно. Главное, чтобы дальше легенд и историй не уходило.

— И то верно.

Повозка громко и с грохотом подпрыгнула, затем жестко приземлилась. Иво с Инелой подпрыгнули с ней вместе, при посадке девушка жестко обматерила все и вся.

— Сучья дорога! Никогда не любила ее.

— А я радуюсь, — Иво улыбался, но старался делать это как можно незаметнее. — Если пошли кочки, значит Люстер слишком рядом...

Люстер — город, прозванный «Центром мира». Таковым его звали отнюдь не случайно, ведь это было самое сердце торговли. Помимо своего международного торгового статуса, город являлся столицей Баумании — одной из крупнейших стран континента. Его красоту простыми словами не смог бы описать даже самый заядлый и профессиональный поэт... Все его стены были белыми-белыми, архитекторы сделали акцент на броском внешнем виде. Пока все прочие стены городов были обычного каменного оттенка, Люстерские же были возведены из белого мрамора, правда, этот самый мрамор являлся скорее «ожерельем» — изнутри все было по канонам стойкости и жесткости.

Иво радовался возвращению в столицу. Все время выглядывал, где сейчас проезжает их повозка. Центральная торговая улица, как ее все звали, пестрела яркой бурной жизнью местного населения, перед ней меркли все остальные города. Всяческие торговые лавки, множество банков, профессиональные дома разных направлений — и все это был лишь маленький участок, который Иво сейчас видел. Сразу же изгнанник отмечал абсолютно несвойственный первому впечатлению внешне дизайн города изнутри. Преимущественно все здания были краснокирпичные, либо серокирпичные. Дерево, используемое в архитектуре, он не видел от слова совсем. Этот материал был скорее дизайнерским решением — из дерева были вывески, таблички с направлениями в городе, стойла, перегородки, заборы.

Повозка поднималась ввысь, по направлению в замок; обитель управления городом или же просто королевский двор.

Как только он показался, восторг опять пробирал все тело. С одной стороны, это был самый обычный замок... Но даже в подобном самом обычном замке было множество вещей, украшающих общую картину, именно они предавали высокий статус этому месту.

Здесь и множество башен с высокой и продолговатой острой шатровой крышей, которые были выполнены в дизайне городских стен, и белоснежный замок, по всему периметру

которого были развешаны гербы государства. За стенами абсолютно всюду красовались сады яблонь и кедров, несчетное количество скамеек, и у каждой их пары был свой фонтан... Дорожки замка были каменные, за ними постоянно следили — это было видно даже самому невнимательному. По сравнению с дорогами города, которые ничем особым не выделялись, скорее даже наоборот — они были самым слабым местом «красоты городской», на королевской территории все было идеально, лучше слова не подобрать.

Повозка остановилась у ворот во двор.

— Вот и приехали, — радостно сказала Инела.

Девушка первая выпрыгнула из кабины и вытянулась во весь рост, потянувшись также и руками. Изгнанник последовал за ней, но не спеша. От него скверно пахло.

— Тебе бы помыться...

Иво сделал вид, что прослушал. Но это сперва. Спустя какое-то время, отряхнувшись, он выпучился на Инелу. Та все поняла без слов и отстала.

Они прошли к воротам. Стража, увидев девушку в королевских одеяниях, моментально и заблаговременно отворила врата, расступилась и пропускала путников. Инела прошла без проблем, а вот Иво они не пропустили, преградив ему дорогу вытянутыми мечами.

— Он со мной, — властно произнесла чародейка.

— Он?

Стража произнесла это в один голос. Иво не оценил поступка. Хотя и прекрасно понимал, почему на него так зарятся. Помимо скверного запаха, внешне Иво выглядел как потрепанная псина: рваная и зачуханная рубашка, пускай и целые, но все грязные брюки... Хотя бы обувь была более-менее целой и чистой на фоне всего остального, что было скорее странным, чем объяснимым. Тем не менее, возникать стражники не стали. Они опустили мечи и пропустили также изгнанника.

Путники были на территории. Даже запах здесь был особенный, как будто всюду на землю вылили тысячу флаконов лучшего парфюма. Иво разглядывал округу — на каждом углу было много людей, и каждые из них были чем-то заняты. Но то, что Иво всегда отмечал, все эти толпы людей работали дисциплинировано, как единый механизм.

Окинув взглядом дальние дома, где стояли тренировочные манекены, изгнанник улыбнулся, увидев очень знакомый силуэт. Владелец силуэта тоже обернулся, видать, на появившийся шум от закрывающихся ворот. Они пересеклись взглядом. Мужчина направился напрямиком к изгнаннику.

И он подошел к нему. Вблизи его облик был отчетлив. Высокий мужчина, мускулистый, в, с первого взгляда, обычных крестьянских одеяниях, но одеяниях красивых. От крестьянских там был лишь фасон и стиль: рубаха белая, в позолоченных узорах, свободная, с открытой грудью. Штаны тоже свободные, и тоже в таких же узорах. На ногах были лапти — уж тут вся крестьянская натура проявлялась сполна. По лицу мужчины сразу прояснялось, что тот уже в возрасте: все в морщинах, хотя и с ними лицо вообще не походило на старческое. Всюду были шрамы — следы битвы. Мужчина постоянно улыбался, хотя взгляд его был слегка хмурый и серьезный, но это только слегка. Так он действительно был самым что ни на есть отражением добра — на это указывала бесконечно счастливая улыбка. Его длинные светлые волосы были завязаны в большой пучок за затылком, и лишь пара прядей свисали с его головы.

Он пожал руку Иво и с радостью обнял того.

— Сколько лет, сколько зим...

Голос его был грубее всех иных существующих голосов. Слишком низкий. Слишком басистый. Словно медведь вещал, а не человек.

— Гордолин... — с приятным оттенком промолвил в ответ Иво.

Гордолин, что из рода Урий, не показывал своего истинного статуса никому. По нему никогда не скажешь, кем мужчина являлся на самом деле — генералом всей армии Баумании. Он предпочитал ничем не отличаться от простого люда, куда всегда верил, что лишь так высокое лицо может служить своему народу. Поэтому, многие знали и кличали его просто «медведем» из-за мощного звериного голоса.

Гордолин отступил на шаг назад, окинул изгнанника взглядом.

— Потрепала тебя жизнь.

— Это долгая история...

Медведь посмеялся.

— Ну, долгая так долгая! Как-нибудь расскажешь обязательно. Инела, тебя я тоже рад видеть. В здравии и... Как всегда, прекрасной.

Девушка покраснела, отвела взгляд в сторону, неловко улыбнулась.

— Его высочество на месте? — перебил Иво.

— Да, как всегда. Чем-то занят, да чем только — не знаем. Закрылся ото всех. Я вот, как видишь, новых обучаю.

— Вижу, вижу.

Гордолин устремил взгляд в сторону тренировочных казарм и манекенов. Куча салаг неуклюже пытались орудовать мечом, хотя пока что это у них скверно выходило.

— Тот, — Иво указывал пальцем на одного из толпы, — Справа. Корпус не доводит.

— Да черт с ним с корпусом! — фыркнул медведь. — Он ногами не работает, да и телом валится... Но, ничего — научим. Обязательно научим. Тебя же научил.

Он громко засмеялся и стукнул изгнанника по плечу.

— Помнится мне, я пока что единственный, кто смог повалить тебя на колени в бою, обхитрить и сразить не только физически, но и умственно?

Иво улыбался и убирал генеральскую руку со своего плеча. Тот перестал так радостно смеяться, смех сменился доброй улыбкой и таким же добрым взглядом. Глаза его блестели.

— Было дело, сын, было... Тобой я горжусь особенно сильно. Впрочем, никогда не думай, что ты — потолок всего.

И вновь он посмеялся, уже так привычно по-доброму. Иво ответил отчетливым смешком и дерзкой улыбкой.

— Я и не...

— Мужчины.

Инела дерзко и серьезно перебила диалог медведя с изгнанником. Те, подобно провинившимся детям, одновременно взглянули на нее.

— Я понимаю, что вы давно не виделись и соскучились, но... — ее взгляд был направлен в сторону самого верхнего этажа замка. — Нас ожидают, Иво.

Изгнанник опешил. А вот Гордолин, словно ничего не менялось, опять посмеялся.

— Вот уж не думал, что увижу, как женщина тебя отчитывает, юнец!

Он обнял изгнанника, немного погладил его по плечу. После наклонил голову чуть вперед, едва касаясь губами ушей Иво. Второй насторожился.

— Ступайте, мы еще успеем с тобой наболтаться. Сверху дело серьезное... Если уж тебя сыскали за тридевять земель отсюда, да и к тому же без колебаний просили прибыть в

столицу, то ты сам смекаешь, что к чему.

Затем генерал устремился обратно к юнцам, коих тренировал. Походка была легка, хотя все время он то и делал, что оглядывался в сторону изгнанника и хмурил лицо, олицетворяя грядущее положение дел. Это всерьез смутило изгнанника.

— Серьезное, говоришь.

Изнутри замок одним словом «сверкал». И понятие «сверкал» здесь употреблялось не в прямом смысле, конечно же. С виду это был самый типичный замок: куча камня, куча деревянных элементов, где-то вальяжно расположились ковры, но вот отделка... Здесь-то и проявлялась вся суть Люстера как города. Уже ставший неким эталоном стиля всей Баумании белый мрамор. Он отражал свет, который исходил отовсюду в замке. Оттого и все внутри «сверкало». По центру первого этажа расположился огромный зал, помимо него было множество отдельных комнат. Иво в них ни разу не был, сколько помнит это место. В самом дальнем углу красовалась высокая винтовая лестница. По ней Иво с Инелой поднялись на второй этаж. Это было такое же помещение, как и снизу, с такой же приблизительно планировкой. Третий этаж уже был отличен: длинный пролет и куча комнат по бокам от него. Четвертый этаж служил вместилищем для больших комнат. Так сходу не было понятно, что в них происходило, однако запах выдавал все секреты помещений: здесь занимались различными препаратами, скорее всего, алхимические лаборатории. Но даже это было лишь предположением, так как делать подобные места в замке было крайне спорной затеей. Все, что видел Иво, было лишь частью всего замка — многое было сокрыто от взора и пряталось за видимой частью этажей.

Поднявшись на самый верхний этаж, то бишь пятый, изгнанника сразу встречала огромная массивная дверь — метра три высотой, деревянная с железной окантовкой. По бокам стояла стража. Она, словно не замечая никого, смиренно стояла и прикрывала своими телами проход дальше. Однако, увидев чародейку в придворных одеяниях и потрёпанного мечника, моментально расслабилась.

— Госпожа! — обратились те мигом. — Его святейшество ожидает вас.

Они расступились и приоткрыли двери, однако взглядом окинули Иво.

— Это его вызывало Высочество? — спросил один из них.

Иво злобно оскалил и закатил глаза. Однако Инела сбавила обстановку.

— Да, его. Между прочим, по статусу он ничем не отличается от меня, просто... С ним приключилось нечто страшное. Так что, проявите уважение, пожалуйста.

Стражники моментально побледнели, отошли максимально по разным сторонам, открывая дверь полностью.

— Просим проще...

— Хер с ним, забудьте. Пошли, Эла, — перебил их Иво. Стража ничего не ответила, лишь тяжело сглотнула, словно ожидая смертной казни путем отсечения головы на плахе.

И вот открылся тронный зал... Где был он. Король всего Бауманского государства. Его Высочество Креон Люстерский... Одежаниями он сразу выдавал себя: шелковая рубаша, поверх которой была надета длинная туника с гербом Баумании, штаны с узорами из позолоты, кожаные ботинки и огромная мягкая накидка — плащ из мехов разных редких и дорогих животных. На голове виднелась огромная кольцевидная корона со вставленными в нее драгоценными камнями. Сделана она была, конечно же, из золота, а из драгоценностей чего там только не было: рубины, алмазы, топазы. Однако, не смотря на такую «дорогую

кашу», смотрелось украшение владыки государства красиво и гармонично. Размерами Креон также не был обделен — это был мускулистый человек сто девяносто метров высотой. С головы свисали длинные светлые волосы, цветом похожие на волосы Гордолина, но только Креон почти никогда не завязывал их в пучок, а напротив — ходил с распущенными. Борода же была седой, не слишком длинной. Лицо его было грубое, уставшее, полностью отражало последствия жизни, полной волнения и нервов.

Королевские хоромы представляли собой большое помещение, отделенное несколькими комнатами. Всего помещение было около двухсот квадратных метров. На входе в комнату лежал длинный красный ковер, ведущий к трону короля. Сам же король восседал на троне, справа от которого находился длинный меч, лежащий в ножнах. На рукояти оружия был вставлен маленький изумруд, от которого отражался зеленый луч света, исходившего из окон рядом с балконом. С правой стороны помещения была отдельная комната — своего рода спальная. Также здесь было несколько мягких кресел и длинный столик, на котором расположились книги разных философов и историков. Рядом со столиком находился камин — очень большой камин. Он был зажжен и издавал тепло по всей комнате, а также и освещал ее. Хотя и в освещении комната особо не нуждалась — к потолку была прикреплена огромная люстра с кучей магических свечек на ней. Такие свечи были, фактически, бесконечны, и очень просты в использовании. Однако, если правая часть помещения отвечала за гостеприимство, то левая часть комнаты была чем — то вроде рабочего места короля. Здесь по всей длине простирались шкафы и полки, под завязку забитые книгами и какими — то свитками, огромный деревянный стол, на котором находилась политическая и географическая карты всего континента, куча различных фигурок для них. Возле стола стульев и кресел не было. Нельзя не отметить также большие железные сундуки, выполненные в лучшем стиле Бауманского короля — со вставками из золота и драгоценностей. Всего сундуков было три, и расположены они были в разных частях хором: один был прямо возле входа, а другие два возле рабочего стола и трона. Последней частью хором, что можно отметить, был выход на балкон, расположившийся за тронем. Двери, ведущие на балкон, были высокими. Каркас их был из серебра, а остальное все было заполнено хрусталем, дабы свет лучше проходил через двери. Балкон был огромным, а с его помощью можно было увидеть весь Люстер с достаточно большой высоты.

Войдя в комнату, Иво сразу же остановился. Инела прошла чуть дальше. Взглядами изгнанник и Его Высочество пересеклись сразу же. Король был явно очень озадачен и расстроен. Иво приклонился пред ним.

— Ваше Высочество... — прозвучало из его уст громко и четко. Креон встал с трона и направился в сторону изгнанника. Подойдя к нему, он взглядом кивнул, и изгнанник встал. Они пожали друг другу руки.

— Иво... Рад тебя видеть. Инела...

Он взглянул на девушку, та тоже преклонилась пред королем.

— Проходите, чего уж стоять у самих дверей. Негоже так делать.

Голос был хриплый, а также Креон все время кашлял. Кашлял «страшно», явно нездорово.

Задерживаться Иво с Инелой на месте не стали. По приказу старика в королевских одеждах, они прошли вперед по комнате. Встали около длинного стола. Креон расставлял фигурки на картах, будто играл тренировочную партию в шахматы. Хотя, наблюдая за перемещениями фигурок, Иво не замечал ничего, что могло бы указывать на потенциальные

военные действия. Бауманский владыка откинул все фигуры в сторону и взглянул на изгнанника.

— Кто тебя так?

Глазами он водил по всему телу Иво. Ссадин и ранений он не видел, зато видел всюду рваную его рубашку. Все время король непонятно цыкал.

— В Верхоянске случилась стачка. Я... — Иво сделал короткую паузу, отвел голову вбок, затем снова в сторону короля. — Там был демон и призрак. С первым получилось легко, а вот второй меня потрепал...

— «Глаза коего окаянные черным цветом заливаются... Тот, что в плаще цветом ночного неба и с мечом черней сажии в печи». Ты прославился, Иво.

Креон не сколько прокричал, сколько сказал это с особой эмоциональной окраской. Впрочем, зла в его голосе совсем не было. Скорее простая констатация фактов.

— Я спасал человека.

— А он сделал из тебя очередную легенду. Вот тебе и плата за спасение.

Иво чувствовал вину. Это было видно по его действиям: голову он склонил так, что подбородком касался груди, а кулаки сжимал до самого скрипа пальцев. Правда... Вина эта самая была не из-за произошедшего. Старика было жалко изгнаннику до сих пор.

— Ваше Высочество, попрошу заметить... — появился сладкий женский голос в диалоге мужчин.

— Инела, отбрось это все. Я не виню Иво. Просто вещи на глаза. К сожалению... Такие как ты, Иво, — пальцем он указывал на него, — пускай и герои нашего времени, но также они и злодеи нашего времени. Когда-то давно изгнанников встречали как спасителей... А сейчас вас встречают кострами и вилами. Ты не виноват, конечно, что все так сложилось. Но, прошу заметить, я тоже рискую, и рискую крупно, вступая в любой контакт с тобой. Если кто-то узнает, что ты — изгнанник... Боюсь, наши головы с тобой полетят в тот же миг в яму с отходами.

Креон отошел от стола, пошел в сторону личной библиотеки. Изгнанник с чародейкой покорно стояли и молчали. Да и сказать было нечего.

— Зло, что уничтожает иное, но подобное себе, зло... Так говорили о вас раньше. Сейчас же вы такое же зло, как и все бессмертное, пожирающее души живых. Но это лишь потому, что все тихо и спокойно. В целом, попрошу заметить.

Креон обернулся и улыбнулся.

— К чему все это? — Иво спрашивал недоумевающе.

— К чему, спрашиваешь...

Он расхаживал по всей своей комнате, вальяжным спокойным шагом. По итогу дошел до трона и присел прямоком на него. Телом развалился по всей площади, руки свесил.

— Просто успокаиваю тебя. Никто не знает, как судьба сыграет с нами завтра.

— Я премного благодарен вам, но мне это все ни к чему.

Иво отвечал дерзко, не боялся никаких последствий. Хотя Его Высочеству было не до этого. Он вообще не смотрел на то, как общается с ним изгнанник. Инела, к слову, тоже не выражала никаких опасений, лишь была спокойна, что не было свойственно достаточно молодой чародейке, выражающей эмоции по любому поводу и без.

— Ну, тоже верно. В общем, к делу тогда.

Вновь свое старческое тело он поднял с трона и направился туда, где был еще, казалось, пару мгновений назад — стол с картой континента. Подошел быстро, сразу же указал

пальцем на точку, южнее Люстера по местоположению.

— Блакар. Наслышан о городе?

Иво кивнул.

— Еще как. И не самые лучше слухи.

Креон взглянул на Инелу. Она стояла и также, как и изгнанник, слушала слова владыки Баумании. Однако кивком головы в сторону двери тот попросил ее удалиться. Девушка возражать не стала — сразу же развернулась и, словно ее и не было, удалилась также моментально, как и появилась пред Иво в Верхоянске. Король сразу выдохнул. Выдохнул отвратительно.

— Две недели назад там пропал первый человек. Обычная пьянь, никто даже не придал этому значению. Как мне передали, он просто вышел за ворота и след его простыл. Но это только первый случай... Потом пропало еще двое ребят — уже наших воинов. Как они пропали — никто даже не видел. Это, к слову, очень странно. Подобные вещи должны замечать, ну хоть кто-то! Но ладно, хер с ним. Потом пару дней было тихо. А затем... Снова люд пропадать стал. Народ всполошился, бояться начал. Выслали дружину за город, чтобы они глянули, что вообще в округе творится. И нашли они...

Креон сделал паузу. Иво внимательно слушал.

— Черт возьми, Иво. Честно скажу, сам не верю, но... Полянка в лесах неподалеку вся была обагрена кровью. Вся. Там поляна немаленькая, говорят, а она вся нечиста. Зеленого нет столько, сколько красного. Начали мужики рыскать дальше. И тут понеслось... Ошметки пропавших то и дело находили. Но уже разбросанные повсюду. Одного из ребят дозорных палец нашли и совсем немного прилегающей кисти... Палец, понимаешь? Опознали только по кольцу, что был на пальце — его кольцо это было. В общем, страшное что-то там творится. И я хочу, чтобы ты сам все проверил и устранил проблему, терзающую границу.

Иво водил головой, «пережёвывал» застоявшуюся во рту слюну. Громко сглотнул ее, затем также громко, со свистящим дуновением из носа, выдохнул горячим воздухом. После чего положил руки на стол, посмотрел на карту. Глазами он поводил по метке, где был отмечен Блакар. Последним действием был несерьезный взгляд в глаза короля, словно тот — самый настоящий дурак.

— Найдите охотников профессиональных. Демоны не оставляют тел. К тому же, вы же сами прекрасно знаете те леса... Там сплошные кошмары творятся. Мало ли какая тварь смертная завелась, но ее убить компанией бравых сильных ребят — в два счета.

— Фарбул в Блакаре, Иво.

Креон сказал это на опережение. Иво изменился во взгляде. Глаза напряг, нахмурился. «Битва взглядов» была недолгой — изгнанник почти сразу же отошел от стола на один метр и встал спиной к королю. Второй молчал.

— И что говорит?

— Говорит, Иво... — голос Креона дрожал, но все равно оставался непоколебимым. — Говорит, что в жизни такого не видал. И именно он в письме указал, что ты нужен лично ему, как никогда прежде.

Изгнанник стоял смирно, даже когда дышал не вел грудью вперед. Стоял и думал. Но думал недолго. Слова оказались хлеще удара секирой по башке.

— Собирайте все нужное в путь. Вечером отправление.

Он уже собрался уходить, но Креон, не смотря на свой преклонный возраст, быстро подошел к Ивои рукой остановил его. Мужчина обернулся. Вновь их взгляды пересеклись,

но в этот раз накала в них не было. Хотя... Иво смотрел ярко. Его Высочество даже видел, как тот сводит скулы и непроизвольно водит мышцами челюсти. А вот Креон смотрел жалобно, умоляюще.

— Я тебя лично прошу выручить мой город. Любое золото, какое попросишь, только...

— Мне не нужно золото, Креон, — Иво впервые обратился по имени. — Не нужны почести и славы. Ничего не нужно. Дай мне меньше недели. А я взамен дам ответы на то, что творится в этом Богом позабытом месте.

Изгнанник устремился прочь из покоев. Владыка Баумании хотел ему что-то сказать, но не успел, да и по итогу посчитал это ненужным. Дверь захлопнулась.

Король вновь остался наедине с собственными переживаниями.

II. Просьба, цена которой — ничего II

Иво...

Изгнанник обернулся. Он уже кимарил и постоянно засыпал на пару секунд, но постоянно просыпался. В этот раз он откликнулся на голос Инелы — девушка протягивала ему новый черный плащ.

— Спасибо, Эл.

Бауманец улыбнулся. Девушка под села рядом. Они находились у ворот — загруженная королевская повозка была куда комфортнее нанятой в Верхоянске: огромная целая карета, большая и удобная. В ней можно было даже отдохнуть сполна, чего Иво не мог сделать по пути в столицу. Внешне она была исключительно бауманским эталоном — белая с голубой окантовкой. По бокам висели гербы государства.

Иво взял плащ. Сразу же надел. В нем он чувствовал себя куда лучше и увереннее, чем в пускай и новой, но простой белой рубахе.

— Как ты себя чувствуешь? — робко произнесла чародейка.

— Я хорошо. В этом городе... — взглядом он окинул весь район, что был рядом, посмотрел в еще наполненные светом окна, — я чувствую себя очень хорошо.

Иво робко улыбался. Хотя даже эту чертову робкую улыбку он отводил в сторону, дабы не показывать ее.

— Это радует! — восторженно воскликнула Инела.

Она взяла изгнанника за руку, прилегла на его плечо.

— Блакар, значит...

— Он самый. Хотя, мне не привыкать. Там постоянно творится что-то безумное, страшный это город.

Инела вздохнула. Поводила плечами.

— Какой бы он ни был, это граница, милый. А граница важна. Какие бы ни были отношения между нами и Стезисом сейчас, рано или поздно все может перемениться. А им до нас рукой подать — просто через Блакарское поле перейти и вот они уже на наших землях. Поэтому Креон так и беспокоится об этих территориях.

— Да, я понимаю.

Иво обхватил руку девушки сильнее. Она сделала точно также. Затем, обняв его сильнее и прижавшись еще ближе, Инела поцеловала парня в губы. Поцелуй был красочным, она то дело постоянно прикусывала его нежную губу. Свободными руками они обхватывали лица друг друга. Целовались бы и дальше, да только прервал их крик извозчика, сообщившего о готовности к выходу.

Пара слегка засмеялась и улыбнулась друг другу. В этот раз Иво улыбки не отвел.

— Как закончатся все дела... Давай уедем на пару недель? В Белград, в самый дальний его уголок.

— Это очень хорошая идея.

— Будем каждый день валяться в постели до обеда, гулять, купаться в озере что близ холмов — там никогда не бывает людей. Каждый день с вином, тишиной, бурным сексом по ночам...

Она игриво подмигнула изгнаннику. Тот наклонил голову и улыбнулся.

— Умеешь ты завлечь, конечно.

Инела встала.

— Просто даю тебе идею. Мы давно не проводили время вместе. Не так, как обычно — в какой-то потасовке или городской суете. А вот так — тихо, мирно, спокойно.

Иво также встал и приобнял девушку, поцеловал ее в щеку.

— Так и сделаем.

Инела поддержала парня и крепко, изо всех сил, что были в ее хрупком теле, обняла парня, сжимая ткань его плаща в своих руках.

— Береги себя, прошу.

— Обязательно. Передай Гордолину от меня слова прощания.

Иво отошел. Нехотя развернулся, затем направился в сторону повозки. Она стояла недалеко, он сразу же уселся в нее. Взглядами мужчина с девушкой все еще прощались друг с другом. Но недолго. Повозка сразу же двинулась. Путь был неблизким.

III. Просьба, цена которой — ничего III

— Ну-с... Тише-тише.

Иво дернулся — проснулся. Повозка резко остановилась, кони зашумели и встали столбом. Снаружи что-то зашумело. Сквозь сонное состояние, изгнанник вслушался: это общались люди.

Он оклемался быстро, не терял времени зря. Сразу же выглянул на улицу. И сразу же увидел деревянные массивные ворота со сторожевыми высокими башнями. Краем глаза Иво увидел извозчика, разговаривающего с мужчиной в латных доспехах. Мужчина выглядит сурово, явно сонно — он «нырнул» головой и шатался из стороны в сторону.

Изгнанник вышел из кареты, накинул капюшон на голову. На улице стояла темень редкостная — небо было чернее сажи на сковороде, и лишь яркие множественные звезды скрашивали его одиночество. Он прошел вперед, к разговаривающим. Те обсуждали прибытие в город, и бауманский солдат радостно и незамедлительно приказывал открыть ворота.

И они открылись.

Извозчик уселся обратно, за коней, но перед этим увидел Иво, что уже покинул карету. Изгнанник подмигнул, указывая, что дальше он сам. Спорить извозчик не стал. Повозка медленно зашла в город, за ней последовал Иво.

Блакар предстал пред ним во всей своей красе.

Хотя, слово «краса» было лишь частью оборота речи. Красой здесь можно было назвать лишь прекрасных девушек, коих едва встретишь на улицах города. А если и встретишь, даже те уже увядали, особенно учитывая атмосферу этого места... Даже воздух был какой-то не такой, иной, отличный от привычного. Он был сырым. Ощущение, словно нюхаешь прогнившую мокрую землю в выгребной яме. Это ощущение наводило смуту.

Оглянувшись, Иво видел самый обычный бауманский город. Прямые широкие

центральные улицы, а те, что не были главными, узкие. Преимущественно все здесь было из дерева, так как камень был уж очень дорогим. Но при этом почти все первые этажи домов были каменные, а вторые, возведенные с держащими деревянными балками, деревянные. Вторые этажи в принципе по масштабам и размерам были больше первых, образуя этакий навес над землей, с помощью которого можно было разместить что-то на улице, не боясь дождя или снега. Деревянные части домов были прогнившие, некоторые дома чудом все еще стояли и не обваливались.

За воротами следовала длинная широкая улица. Она и была самой центральной. Сейчас из-за ночи, крестьян на ней не было, зато было много солдат. Они старались не наводить шуму, но все равно был неприятный шорох и шепот, явно мешающий людям спать. Правда, Иво сразу отметил, что почти в каждом окне горит свет. Он был тусклым, едва заметным, но все же был.

Иво шел тихо и медленно, оглядываясь по сторонам. Он отмечал, что все вокруг было будто во сне, не настоящим — одна сплошная иллюзия. А также не мог не заметить действительно больше скопление бауманских вояк, что уже даже на людей не походило... Они были скорее ходячими мертвецами, нежели людьми: морщин было больше, чем обычно у людей такого же возраста, глаза прикрыты, направленные вниз, а не вперед. Мышцы чересчур расслабленные — некоторые и оружие-то еле как в руках держали. Изгнанник подошел к одному и подобных стоящих.

— Прошу прощения, — обратился он. Солдат обратил свое внимание не сразу. — Здесь есть один бауманец, Фарбулом зовут. Не знаете, где я могу его найти?

Солдат лишь пожал плечами, слова не сказал, только промямлил себе под нос. Но взглянул на Иво. Взгляд был пугающим, отвратительным. Изгнанник пошел дальше.

Благо город был небольшим. Первая развилка, и она же самая главная, почти сразу же открывалась каждому вошедшему путнику. На ней было ну уж слишком много народу для такого времени... Все они столпились в круг, были, к слову, бодрее тех, что Иво видел до этого. И все они что-то слушали.

Иво подошел к ним. Словно перед публикой, в самом центре стоял некий мужчина. Он был одет отлично ото всех других солдат: вместо тяжелой латной брони на нем красовалась самая обычная кожаная легкая куртка, штаны такие же. Куртка не была застегнута, накинута она была поверх растянувшейся с годами майки, а на шее висел не большой и не маленький крест на тонкой железной цепочке. Иво не успел вслушаться в то, что он говорит — все внимание изгнанника прервал другой, подошедший к нему вплотную в ставший справа. Он молчал, просто также смотрел на выступающего. Словно провоцировал Иво первого обратить внимание. И он обратил. Улыбнулся.

Рядом стоял высокий мускулистый мужчина средних лет, примерно того же возраста, что и Иво. С лица свисала длинная каштановая борода, завязанная в самом конце в этакий «хвостик», волосы на голове были такими же длинными каштановыми, запрятанные под одеяния. Лицом мужчина обладал самым обычным: он не был красавцем, но девушкам нравился. Что было достаточно удивительным, никакого шрама на нем не было, даже самого мелкого. Зато были морщины у рта — улыбался он часто. Даже сейчас стоял и, скорее не улыбался, а именно «давил лыбу» — словно шут пред королем. Одет был не по-солдатски — чересчур свободно, стеганный дублон, штаны прям как у Иво, какие-то неприметные ботинки. Но что было у него за спиной... Секира. Достаточно большая и острая, чтобы снести голову одним только взмахом. Лезвие было спрятано под чем-то,

напоминающим чехол, а оружие закреплялось поясом за грудь мужчины.

— Вот и упырь пожаловал, — сказал неизвестный тихо, высмеивающе.

— Пошел нахер, Фарб.

Фарбул Берг — один из лучших воинов Баумании, бравый ее воитель, и просто душа компании. Он был одним из самых давних и близких друзей Иво. Они, словно самые настоящие братья, крепко обнялись и пожали друг другу руки. Рукопожатие было таким, словно они скрестили свои мечи, а звук от хлопка о спины друг друга разнесся по всей округе. Из рта Фарбула разило алкоголем.

— Сколько лет, сколько зим, брат, — воскликнул Фарбул.

Они немного отошли друг от друга.

— Я тебя тоже рад видеть.

— Как тебе местный город? Я тут познакомился уже со всеми лучшими девочками...

Одна, в том доме, — он указывал пальцем на здание, что было неподалеку, — Мари... О, Иво, она такая волшебница. Всецело советую!

Иво усмехнулся.

— Шлюх мне еще не хватало.

— Какие шлюхи, брат? Это просто местные девочки, я же так и сказал. Нет, я тебе серьезно!

Фарбул обнял Иво одной рукой. Взгляд устремил к звездам, будто мечтал о самом желанном.

— Мало того, что у нее тело такое хрупкое, что я ее проткнуть насквозь боялся! Так она вся такая игривая, шелковая... От нее так и пахнет фиалками и весенней свежестью! А еще, Иво, знал бы ты, как она сос...

— Фарбул!

Каштанововолосый заржал, словно конь. Но смех его не был сильно выделяющимся — внимание толпы все равно было приковано к выступающему.

— Да ладно тебе, чего как девственница жмешься? Я столько времени не видел старого друга и уже не могу поговорить о чисто мужском? Ну ты и даешь... Боишься, что Инела отругает?

— Да она-то тут причем.

— Эй, ладно, не заводись. Как, кстати, юная госпожа поживает? Все хорошо? Не болеет? Ты не виделся с ней случаем-с?

— Виделся, она-то меня и отыскала. Все у нее хорошо.

— Эт хорошо, старина!

В диалоге со старым знакомым Иво также и слушал речь вещающего. Ничего не было толкового — типичная «вода» в уши: рекомендации о том, как сохранить себе жизнь, рассуждения о введении комендантского часа и прочая организационная трепка.

— Тебя где кстати черти носили, брат? — Фарбул обратился к Иво, уже без подколов и шуток в его сторону, на полном серьезе. — На всем континенте от тебя ни весточки никакой.

Изгнанник почесал затылок.

— В Златых лесах был. Королева в гости звала, а также там были определенные проблемы, которые она попросила решить.

— Хо-хо, сама Шая звала в гости, вот оно как! И как твоя эльфийская подружка поживает?

— Какая подружка? — Иво возмущенно посмотрел бородатому в глаза.

— Ну как какая... Асилия вроде звать ее. Хотя, я если честно не особо и помню, ты когда-то давно так, мимолетно рассказывал про нее.

— Асилия...

Иво на миг вспомнил многие свои знакомства по всему миру. В голове предстал образ молодой и прекрасной девушки эльфийской расы, в зеленых шелковых одеяниях и молодой, подобной березке гладкой, кожей. Остроухая, что носит амулет из изумруда и красного кровавого рубина.

— С ней все тоже хорошо.

— Это вообще замечательно! У всех все хорошо, как послушаешь, ни у кого по миру ничего плохого не происходит. Да только здесь полная жопа, Иво.

Фарбул сменил тон. Погрубел, говорил и злостно, и грустно одновременно.

— Ну так рассказывай. Я для этого сюда и приехал.

— И очень хорошо, что приехал.

Фарбул вышел из толпы. За предплечье взял Иво.

— Пошли уже отсюда, что толку комаров кормить.

IV. Блакарское отродье I

Фарбул шел впереди, изгнанник следовал за ним. Время в пути они молчали, хотя и путь-то был совсем коротким — до «кое-какого здания», как говорил Фарбул. И это кое-какое здание показалось совсем быстро — жилой и, как складывалось ощущение, самые богатый дом из всех, что были замечены Иво.

Возле двери стояло двое мужчин — по виду они были типичные пьянчуги. Но только по виду. На поясе каждого красовались дивные стальные мечи, чистые и девственные — крови они еще не проливали. Они стояли расслабленно, но, как только услышали шаги, вмиг встали по стойке смирно. И в тот же миг, увидев уже знакомую всем каштановую бороду и огромную секиру за спиной одного из шедших, опять расслабились.

Фарбул открыл двери. Иво пропустили также без лишних вопросов.

— Я смотрю, ты освоился тут.

— Я же сказал, что всех девочек уже изучил. Если у меня было время на такое, то все важное я сделал уж точно, будь уверен.

Помещение, встречающее вошедших, не блистало чем-то действительно стоящим. Шкура медведя, распластавшаяся на весь пол, стол да пара человек из обслуживающего персонала, какие-то картины с пейзажем местной флоры и фауны. Мебель вот только была неплохой... Стулья были мягкими, набитые чем-то.

Сразу же под рукой была лестница наверх. Фарбул направлялся именно туда.

Ограда на втором этаже была не шибко надежной, но свою функцию выполняла на твердую четверку. Неуверенности и «минус один балл» добавлял вечный скрип всякого, кто хватался за нее. Этаким коридор, который сразу бросался взору, вел в две комнаты: одна слева, другая справа. Путники направились в ту, что справа.

Здесь стоял еще один охранник. Он настороженно смотрел что на Фарбула, что на Иво. На эту настороженность развеял самый простой кивок головой первого, с последующим вытянутым указательным пальцем прямым на дверь. Охранник отошел, словно это он охранял именно бородатого бауманского воина.

Открылась дверь.

Вот здесь было где разгуляться. Первое, что заметил Иво, как только попал в эту

комнату — в ней было теплее, чем где-либо еще. Осмотревшись, изгнанник сразу же и нашел ответ данному явлению — слева, возле одного из окон, был большой кирпичный камин, который сейчас всю пестрел языками пламени. Возле камина был маленький столик, возле столика — шкура волка. Складывалось впечатление, что владелец этого дома был то ли охотником, то ли просто обожал мягкие шкуры в качестве таких ковров. Но шкурами все не обходилось... На стене было два закрепленных меча: левый был самым обычным, непримечательным, а вот правый клинок... Рапира, самая настоящая. Тонкое и очень острое, как бритва, лезвие, блестело и отражало исходящий от камина свет, а гарда обвивала руку взявшего рапиру, была сделана под цветок. Работа была искусной, изгнанник отмечал, что рапира точно не из местных краев.

Помимо этого, в комнате было много мебели: различные шкафы — большие и маленькие, полки с книгами. Полок было очень много, книг тем более. Чаще всего эти шкафы служили пристанищем для бытовых предметов: так, один вмещал в себя некую посуду — ее было немного, но она была, и причем достаточно хорошего качества, во втором виднелся и привлекал взгляд Фарбула различный алкоголь разных сортов и направлений, разной крепости и разного качества, а другие шкафы были просто сборником всякого, что может пригодиться. Но один из шкафов Иво особенно заметил. Там были детские игрушки. Но игрушками не пользовались, да и шкаф открывали очень редко — ручки были слишком пыльные.

По центру комнаты, на потолке, висела хрустальная люстра с множеством свечей. Она-то и была самым дорогим и роскошным предметом в этой комнате. У стены, сразу по направлению прямо, как войдешь в комнату, был стол — большой, из натурального дерева, который тоже стоил немало. И за столом этим сидел мужчина, что-то быстро и волнительно писал.

Было очень тяжело сказать, сколько ему лет. С одной стороны, он был прямо стариком: «свисающее лицо», множество морщин, седые короткие волосы. Однако, если посмотреть немного иначе, само тело его было свежо, ни одного шрама даже не было на нем, даже малюсенького. Кожа была чище женской, и расценивать это стоило, как самый настоящий комплимент. Одет мужчина был богато: дублон, причем не абы какой, а с гербом Баумании на груди и без единой торчащей ниточки, темно-серого цвета. На руках были кожаные перчатки, и те тоже без единой торчащей нитки или любого иного дефекта вещи. Что было удивительно, мужчина будто только-только надел новые вещи.

Фарбул не задерживался и сразу взял себе стул, поставил рядом со столом. Мужчина сразу перестал писать, взглянул на Фарбула, убрал лист с пером в сторону, причем лист перевернул во избежание лишних взглядов. Иво стоял и не торопился присаживаться к необычному человеку.

— Ну-с, здравствуй еще раз, барон.

Фарбул пожал ему руку. Тот поступил также, причем был достаточно вежлив.

— И тебе привет, Фарбул.

Взглядом он окинул Иво, немного повел бровями, едва заметно скривил рожей, но сразу же вернул лицо в прежнее спокойное и даже хладнокровное состояние.

— Кто этот юноша?

— Это Иво. Иво Эль Гарден. Личный помощник Его Высочества в различных каверзных ситуациях, скажем так. Он здесь, чтобы помочь нам.

— Помощник, значит...

Мужчина встал и протянул руку изгнаннику. Иво не торопился здороваться. Смотрел настороженно.

— Меня Онором звать. Не бойсь, я обычный бауманский вояка. Только уже при чине. Местные меня бароном Блакара кличут — всю жизнь, считай, во главе города стоял по военной части, а по факту если смотреть, не только по ней. Отсюда и прозвище такое. Знакомы будем, Иво.

— Будем.

Изгнанник протянул руку. После рукопожатия оглянулся, где можно присесть. Фарбул показал рукой на свободный стул и Иво взял его, сразу же усевшись рядом.

— Господин Онор... — обращался Иво.

— Давай без этой сраной вежливости лишней. Просто Онор.

Иво снял капюшон с головы, посмотрел в глаза барону, словно смотрел в самую душу того. Онор это даже заметил, но виду не подал.

— Фарб ничего не рассказал еще, а от Его Высочества я слышал рассказы в двух словах. Поведаете, в чем суть дела?

Барон сложил руки, обхватил одну кисть другой. Посмотрел на камин, о чем-то подумал — лицо выдавало его, но затем принялся за рассказ.

— В городе участились пропажи без вести.

— Что значит «участились»? Они были и до этого?

— Иногда. Это не было частным явлением — люди пропадали здесь всегда, сколько город существует. У нас тут леса скверные, хлопец... Много зверья водится, поэтому на подобные редкости мы даже не обращали особого внимания. Жалко, конечно, но медведь загрызть может кого угодно. Сейчас дела немного иные. Все начиналось, как обычно. Мужик у нас пропал один. Он был дикой пьяницей, без семьи и крова — ночевал на улице. И след его простыл также, как и у многих других — вышел просто за ворота в сторону леса и все, нету его. Если брать все факторы в расчет, то понимаешь сам, почему было начхать на него. Но потом пропало еще двое, уже наших вояк. Как пропали — знают одни лишь небеса. Ну и пошла душа в пляс после этого. Один за одним. Стабильно один человек в сутки точно пропадал. Тогда мы опомнились и пошли на поиски. То, что нашли...

— Я в курсе, что там нашли, — перебил Иво.

— Ну-с, если так, то опустим подробное описание этого ужаса. С тех пор постоянно кто-то да пропадает. Главный вопрос — как они пропадают... Скажу честно, я охотником был всю свою жизнь. И я вообще без понятия, что такое может быть, что народ, что постоянно под чьим-то взором, словно испаряется, а потом остатки их тел находятся в лесу. Сколько не пытались понять — все в говно.

Иво обхватил лицо руками, провел рукой по нему, сжимая все мышцы. Сквозь пальцы он выдохнул, воздух слегка просвистел.

— На поляне ничего не убирала?

— Нет. Все как было, так и осталось. Может только остатки тел уже пропали — у нас волки водятся тут, сгрызли вероятнее всего.

— С этим не беда. Самое кровавое поле в первозданном виде?

— Ну, конечно, — Онор отвечал так, словно считал Иво идиотом, — а что там могло поменяться? Что, кровь засохшую что ли с травы вылизывали.

— Онор, прекрати. Если Иво спрашивает, значит так надо.

Фарбул повысил голос, а вот барон наоборот опустил.

— Хорошо. Оскалил не специально, извиняй. Сам понимаешь, такая обстановка...

Мозги плывут уже.

Иво встал со стула, направился к выходу.

— Я понимаю. Не беспокойся.

— Иво, а ты куда? — Фарбула словно током ударило.

— На поляну вашу треклятую.

— Сейчас ты ничего там не сыщешь. Тем более, ночью одному опасно ходить. Я же говорил, что волки у нас тут обитают, — Онор говорил противно, гнусаво.

Иво не слушал. Открыл дверь. Перед выходом посмотрел на Фарбула. Тот кивнул, что последует за изгнанником. Начал собираться, встал со стула. Попрощался с бароном Блакара. Барон посмотрел на изгнанника, видать, хотел тоже попрощаться, но Иво не преследовал этой цели. Тогда-то старый вояка и вновь уселся на свое кресло и оперевшись на стол, провожал изгнанника взглядом. Иво, дождавшись Фарбула, открыл дверь и почти покинул помещение.

— А сколько лет-то тебе, Онор?

Барон не понял, к чему вопрос, но ответил без колебаний.

— Семьдесят семь, а что?

— Вот оно как...

Иво кивнул головой, видать, продумывая что-то про себя, затем покинул помещение, вновь проигнорировав барона, словно того и не было в помине. Фарбул последовал за ним. Они быстро вышли из здания обратно на улицу — желания задерживаться в этом доме у Иво не было. Уже на улице Фарбул, совершенно не понимая произошедшего, посмотрел на Иво. Тот сразу же надел капюшон, только покинул дом барона.

— Что-то не так, брат?

— Ну, кое-что у меня не складывается в голове. Но это потом... Ты как, со мной?

— Ну... Я вообще думал выпить чего-нибудь, да на боковую. Но, если ты серьезно собрался туда, то конечно я с тобой — тебя одного оставлять — грех.

Иво усмехнулся.

— Я демонов изгоняю, ты это прекрасно знаешь. Думаешь, какие-то волки мне опасны будут?

— Черти что творится, Иво. Не в волках дело. Мы-то с мужиками были, нас много было а что будет, если ты один пойдешь. Не хочу рисковать ни тобой, ни чем-либо другим. Вместе пойдем, если тебе не имется.

— Ну, что ж... Тогда давай совместим приятное с полезным.

Фарбул улыбнулся. Иво поддержал его улыбку.

— Ты предлагаешь пойти туда, что-то исследовать, а параллельно с этим нажраться в хлам?

— А ты против?

Фарбул радостно засмеялся. Словно наивный ребенок, которому купили обещанные сладости.

— Вот это да! Ай да Иво, ай да мужик! Узнаю тебя старого. Наконец-то!

Иво похлопал его по плечу.

— Рад за тебя. Пошли за водкой, дорогу в леса покажешь потом сам.

V. Блакарское отродье II

Чертово лежбище, как уже успели прозвать эту кровавую яму местные, полностью

соответствовало своему прозвищу. Кровь была всюду, хотя, уже и спекшаяся, не такая яркая. Она уже не передавала того первоначального ужаса, однако все равно заставляла почувствовать нервное бурление где-то внутри себя.

Иво с Фарбулом, как и собирались, разожгли костер около нее — неподалеку, спрятавшись за деревьями и так, чтобы всю поляну было видно даже невооруженным глазом. Костер был не шибко большим, но грел и создавал некое ощущение безопасности, что от него и требовалось. Они сидели друг напротив друга — хлебали водку из кружек. Фарбул вообще забыл, для чего они прибыли сюда, хотя ему было наплевать — он просто наслаждался моментом, и даже кровавое поле этот момент не могло испортить. Он пил намного больше, чем Иво. Изгнанник создавал иллюзию, что пьет — делал мощный глоток, совсем немного выпивал, а большую часть незаметно выплевывал на землю. Подвыпивший Фарбул не замечал такого трюка.

— Уф... Хороша водяра!

— Это точно, старина, — Иво словно снял с себя все оковы и общался так, словно все вокруг — непринужденная остановка в долгом путешествии.

— Я вот только одного не понимаю... Зачем мы пришли сюда? Ты толком-то ничего не вынюхивал — разжег костер, прошелся разок вокруг этого богом проклятого места, и начал херачить спиртягу. Просветишь меня, в чем твой замысел?

Иво посмеялся.

— Считай это экспериментом, Фарб. Ты не заморачивайся и отдыхай — хотел ведь.

— Хе, и то верно!

Фарбул выпил содержимое кружки до дна, затем со свистом выдохнул. Дышал тяжело и даже Иво, сидящий от него в пяти метрах, чувствовал, как жестоко разило алкоголем изо рта товарища.

— Ты, кстати... — Фарбул поперхнулся и прокашлялся, но сразу продолжил говорить, — Чего так со стариком-то обошелся? Он вроде как мужик ровный, без говна за пазухой. Накаленный, это правда. Поставь себя на его место — ему ж король голову оторвет, если ничего не решится. Вот он и...

— Да не в этом дело, друг. Не в этом. Просто...

Иво сделал паузу. Повертел головой, словно озадачен чем-то.

— Просто аура у него странная, я это сразу заметил.

— Аура? А, точно, ты ж у нас диковинный, шестым чувством обладаешь. И как его аура выглядит? Или как ты определяешь ее?

— Она... Эх, я не знаю, как объяснить. Вот представь, — Иво начал показывать что-то на пальцах, — силуэт человека. И этот силуэт обволакивает едва заметная линия. Она обычно светится немного, но только немного. И чем сильнее аура, тем сильнее она светится. Иначе я не знаю, как это еще тебе продемонстрировать. Так вот у барона этого... Скверно она светится. Не совсем по-человечьи, но и не как у отродья какого-нибудь. Я впервые вижу такое, если честно. Помимо некий внешних ощущений, любую ауру чувствуешь в целом, как только она появляется. Это сравнимо с... Представь, что кто-то пялится на тебя. Долго и пристально. Ты же ощущаешь этот взгляд, рано или поздно, повернешься в сторону смотрящего. Вот тут такой же процесс примерно. Как только кто-то появляется рядом, появляется и чувство, что что-то давит извне, откуда-то со стороны. Это такое же уникальное чувство, простыми словами тяжело передать.

Бородатый фыркнул.

— Странно это все, конечно. Не знал бы тебя лично, кричал всюду, что демон предомной! Ха-ха.

Фарбул смеялся — разбавлял обстановку. Он подлил водки в кружку. Продолжал пить. Иво поддерживал друга по уже отработанной схеме.

— Я вот с Бримхолла прибыл сюда. Родина моя, если помнишь, город, что около Лазуритовых гор. От них сюда путь единственный через эту лесную поляну. И я был в шоке, когда наткнулся на мужиков, что ходят тут, в большем шоке был, когда сам все увидел. Сколько себя помню, брат, никогда такого кровавого поля не было. Словно тут была самая настоящая бойня крупных войск. Кто ж, сука, мог такое сделать... Ты уже догадался, кто за всем этим стоит?

— Нет, — сказал Иво наперекор.

— Не обманывай. Ты уже понял, кто тут орудует. Я уверен.

Иво положил кружку на землю, приспустил капюшон, посмотрел на окровавленную поляну.

— Если бы знал, Фарб, то уже закончил бы с этим. Знаю точно, что это ни призраки, ни демоны — они такого после себя не оставляют. Мне куда интереснее этот человек — Онор. Ты не заметил, что он слишком молодо выглядит для своих почти восьмидесяти лет?

— Да я как-то даже и не задумывался об этом, и не спрашивал его о возрасте. Но... Эда, странно. Ему словно больше пятидесяти и не дашь.

— Вот именно. Я как вспомню старика одного...

Грусть и воспоминания нахлынули на Иво. Мужчина держался, не горевал, но в душе оплакивал душу верхоянского добряка Тихого.

— Тому тоже было уже не пятьдесят, но он выглядит истинно, как старик. Ты любого из своих стариков вспомни, кого видел. Очень это все странно.

— Ай, хер с ним. Молодой, да молодой. Не мог он такого натворить, я тебе зуб даю. Он ж человек в конце концов — ты ж сам сказал... Ик... Что не бесова у него аура, или как ее там. В общем, ты понял. Какая-то другая тварина тут виновата.

Иво промолчал. Вслушивался в звуки леса. Он был густой там, где они засели, но то, что поляна была чиста от растительности — самое настоящее чудо света. В этом не было конечно чего-то странного, просто выглядело особенно, уникально что ли.

— Иво.

Он вновь промолчал.

— Иво!

Изгнанник дернулся. Резко обратил внимание на Фарба. Он слишком ушел в себя.

— Я схожу пописать отойду. Ты разливай пока, — Фарбул говорил истинно весело и воодушевленно, словно его слова были военным гимном, за которым последует марш тысяч храбрых солдат.

Мужчина направился чуть подальше, за деревья. Походка была неуклюжей, как медвежья после пробуждения от длительного сна. Иво его не видел и уже и не слышал. Как ни в чем ни бывало, он взял бутылку водки и налил Фарбулу полную кружку. Ее он сразу расположил около места друга, а себе изгнанник не наливал. Взгляд зафиксировал на тлеющих палках. Лицо потянул к низу, промелькнули очертания грусти. Он прикусил губу, поднял губы вверх, но это было не улыбкой, а скорее исключительным напряжением мышц лица и сдерживание потока негативных эмоций, сдерживание слез.

Изгнанник резко сделал пару мощных глотков из бутылки. Та опустела. Он отбросил ее

в сторону и вновь сделал такое же лицо, только в этот раз склонив голову к земле и прикрыв лоб руками.

— Мог ли я поступить иначе, Тихомир...

Слова его были ясны, как стеклышко, и голос не дрожал, хотя, наверное, каждый, кто взглянул бы сейчас на изгнанника, подумал, что тот в шаге от сильного пролития слез и истеричного гнева. Иво был абсолютно спокоен. Если и бушевал, то только в глубине своей души. Хотя дышал он тяжело, сердцебиение усилилось.

Но бушевал не долго. Подобно зверю, чьи инстинкты срабатывали при малейшем появлении опасности, всю силу изгнанник направил в ноги и вскочил, как рысь, с наскоком. Перепрыгнув костер и молниеносно обнажив клинок, он направился в сторону, куда пошел бородатый. Секира его осталась лежать на земле, «отдыхала».

Он видел его — Фарбул спокойно себе отливал и шатался из стороны в сторону. Мужчина с каштановой бородой был готов упасть в любой момент и заснуть младенческим сном. Иво бежал быстро, очень быстро. Он хотел проронить хоть слова, дабы обратить на себя внимание, но в последний миг решил не отвлекать Фарбула.

Последний рывок — Иво прыгнул, как хищник, вытянув меч вперед и моментально обратив зрачки черным пламенем. Фарбул обернулся.

Слева что-то непонятное и совершенно невидимое глазу брякнуло по мечу. Скрежет железа резал слух, был неприятен. Из-за вложенной силы в удар, изгнанника немного отбросило в сторону, но он спокойно приземлился на ноги. Чего не скажешь про Фарбула: прикрытый от удара клинком Иво, он не смог выстоять и повалился на землю. Вляпался в свою же мочу. Изгнанник незамедлительно телепортировался к товарищу и вновь заблокировал удар: он присел на согнутые колени и вытянул меч прямо перед лицом валявшегося Фарбула.

— Вставай! Фарбул, сука, вставай!

Пускай и пьяный, он был могучим воином. Сказанное Иво словно стукнуло со всей дури Фарбула и тот резко протрезвел. Хоть и неуклюже, он быстро встал на ноги и отошел подальше от изгнанника.

— Иво... Что за херня тут происх...

Фарбул не успел заметить, как изгнанник вновь телепортировался к нему, вновь заблокировал удар. В этот раз блок выдался тяжелее: Иво еле удержал удар. Скалил зубы от злости.

— Просто стой возле меня! — кричал изгнанник, голос его уже не походил на свой обычный — нынешний был грубее и куда больше походил на голос демона.

Началось сражение. Иво отбивал непонятно чьи удары, но всегда делал это успешно. Удары твари целились напрямиком в Фарбула и не всегда оттуда же, откуда прилетала предыдущая атака. Изгнанник постоянно телепортировался, Фарбул лишь видел, как тот пропадает из пространства на десятую долю секунды, затем вновь появляется в поле зрения. Каждая телепортация совмещалась неким свистом, но больше всего выделялся звук плаща: словно висящий на чем-то ковер со всей силы взбивают тяжелой палкой от пыли.

Удар за ударом. Иво отражал каждый из них. Противника своего он не видел, зато отчетливо чувствовал его ауру, скверную и черную. С каждой секундой продолжать бой было все сложнее и сложнее: изгнанник не мог контратаковать и лишь тратил все свои силы на блокирование и парирование чего-то острого, как бритва. Если где-то и появлялось «окно» для ловкого удара в цель, это не оказывалось возможным, ведь в таком случае Фарбула

рассечет на две части. В самом благоприятном исходе только вспорют живот, и мужик моментально умрет из-за сильной кровопотери.

Тварь не издавала звуков. Со стороны их сражение выглядело так, что Иво просто оттачивает свои изгнаннические навыки и навыки фехтовальщика. Однако, изгнанник заметил, что она оставляет следы на земле — едва заметно, но своими конечностями она слегка втаптывала землю. Затем Иво сравнил следы твари со своими. Делал все быстро. Следы изгнанника куда сильнее выделялись на общем фоне — были глубже и намного больше. Создавалось ощущение, что противник Иво был намного легче его самого. Во всем этом умозаключении было лишь одно противоречие, а именно сила наносимых тварью ударов — она была колоссальная, не иначе. Удары монстра были хлесткими и безжалостными, она явно придерживалась цели убить. Даже воздух свистел от этих ударов так, как будто его рассекают молниеносно летящим хлыстом.

Каждый новый удар заставлял изгнанника все сильнее и сильнее приседать на колени. Он отбил еще пару-тройку ударов, по следам примерно проследил траекторию передвижения бестии. Стойку изгнанник поменял: если ранее он упор делал на заднюю ногу, то сейчас все силы вложил в выставленную вперед. Сталь вновь скрестилась с неприятным ушам скрежетом, но в этот раз Иво откинул неизведанное бритвенное и чрезвычайно острое оружие своего противника в сторону. Сделал телепортацию чуть в сторону. Затем в другую сторону. Он не переставал телепортироваться и в промежутках между ними наблюдать за шагами твари. Та не сразу задвигалась, какое-то время топталась на месте, кружась из стороны в сторону и пытаясь выследить, где остановится изгнанник. Ее ноги незаметно дернулись, и она полетела вновь на Фарбула. Второй отскочил назад. Хоть упал, но и сократил дистанцию. Иво в этот же момент телепортировался за спину отродью и, вложив все силы, нанес сокрушительный и жесткий удар. Тварь впервые заверещала. Голос ее был таков, как будто ребенок испытал безудержную боль и не смог сдержаться, закричал на весь лес. Колебаясь и падая на землю, он задел ногу Фарбула и порезал ее. Бородатому бы отсекло ее от тела, его спасло то, что он все-таки смог отскочить назад. Фарбул вскрикнул. Иво хотел нанести еще череду ударов, чтобы уж наверняка покончить с невидимой твариной, но в последний момент замешкал и телепортировался к своему товарищу, схватив его за руку и отшвырнув подальше. Это действие спасло ему жизнь: на старом местонахождении Фарба появились этикие «линии» рассечения воздуха — монстр наносил серию атак в надежде задеть свою добычу.

Полилась кровь. Обильная, густая и алая. Пелена невидимости начала спадать с отродья, но ее все еще не было отчетливо видно. Лишь в одном убедился Иво: монстр был куда меньше, чем изгнанник. Он вопил и кричал, то ли от боли, то ли от ярости — не понять. Взор свой увело в сторону, скрывалось. Наконец он показал себя: лица не было видно, но это было маленькое хрупкое худощавое тело. Ножки все грязные, размер их невелик. Оно валялось спиной к изгнаннику, опиралось о землю своими руками. Когти твари были длинными и острыми. Их длина составляла где-то сантиметров тридцать, что было даже представить трудно, учитывая маленькое тело твари. Монстр был в плаще. По всей спине плащ был изорван, удар Иво пришелся именно туда. Весь обагрят кровью. Тварь тяжело дышала.

Изгнанник совершил рывок прямо на нее, но бестия также совершила рывок прочь. Она убегала далеко, пряталась за деревьями и постоянно путала преследователя, «игралась» с ним. Уводила подальше от Фарбула. Иво это понял сразу же. Он резко остановился, дабы

максимально быстро сократить дистанцию между ним и товарищем, телепортировался. Встал в оборонительную стойку, начал ждать еще одной атаки. Но сколько бы ни ждал, ее не было, хотя Иво все еще чувствовал присутствие твари. Концентрацию сбивал воющий в свое плечо Фарбул. Нога обильно истекала кровью. Иво закричал на весь лес, да так, что все птицы в округе улетели прочь от этого дьявольского вопля.

Он вздернул мечом, земля от хлесткого удара по воздуху запачкалась кровью, оставленной после удара. Затем сразу же сложил его в ножны. Незамедлительно Иво поднял Фарбула, тот поднял раненую ногу и стоял лишь на одной целой, опираясь на изгнанника.

— Иво, мать твою, что это за божий выродок сейчас был?

— Молчи. У тебя обильная кровопотеря, не трать лишних сил. Ногу все еще чувствуешь?

— Да срать мне на эту ногу! Что за урод это был? Ты же знаешь всю эту нечисть. Знаешь не понаслышке.

— Фарбул, умолкни!

Иво скалил и злился. Фарбул противиться не стал. Они отходили в сторону города. Двигались медленно. Как только Иво почувствовал, что аура монстра пропала, он обратил свои глаза обратно в человеческие. Сразу же успокоился.

— Вампир. Это был вампир.

— Вампир?

Фарбул не смотрел на Иво, смотрел лишь прямо и постоянно водил головой из стороны в сторону. В глазах его потихоньку темнело.

— Да. Молодой, действует по инстинктам и постоянно голодный.

— Ваши же выкосили всех вампиров еще в самые бородатые времена. Какой еще вампир, я не могу понять.

Иво усмехнулся.

— Изгнанников тоже всех выкосили.

— Вот сука... Неплохо он меня потрепал, да? Никакая девка не вылечит, никакой алкоголь не залечит... Вот срань! И зачем теперь жить?

Хоть и в таком состоянии, Фарбул все еще продолжал вести себя жизнерадостно и, притворяясь дурачком, разбавляя накаленное состояние Иво.

— Прости меня. Это я тебя туда повел, напоил и поставил под угрозу. Больше такого не повторится.

— Ты? Черноглазик! — Фарбул громко засмеялся, что удивляло Иво, — Ты слишком высокого о себе мнения. Ты меня напоил? Да это я тебя...

Фарбул прервал речь икотой. Из рта несло скверно, хотя никого это абсолютно не волновало.

— Это я... напоил тебя.

— Молчи уже, прошу. Скоро будем в Блакаре, потерпи еще немного.

Ответа не последовало, пьяный и раненый прикрыл глаза. Он отключился, хотя по каким-то причинам все еще самостоятельно передвигался на одной ноге. Иво слегка улыбнулся. Наконец-то Фарбул успокоился.

VI. Блакарское отродье III

Был вечер следующего дня после сражения. Уже темнело.

Фарбул спал. Крепко, «с кайфом», как он любил выражаться. Наверное, только он мог получать тот самый кайф, будучи раненым.

Он спал не тихо. Постоянно что-то бубнил себе под нос, постоянно лыбился. Рана

чесалась, даже во сне он постоянно тянулся до ноги. Нога же была вся перебинтована. Ранили левую, и та теперь была в два раза больше из-за количества бинтов и тканей, во что ее укутали. Порезы зашили сразу же по прибытию в город.

Лежал мужчина у себя дома — бауманский воин снял домик, который был рядом с домом барона Блакара. Маленькая, но уютная хижинка. Внешне дом был самым обычным, внутри было уютно. Видать, традиция всего Блакара — шкуры, выполняющие функцию ковров. Однокомнатный домик из бревен, сразу же была кровать возле печи, столик простецкий деревянный, в верхнем правом углу дома находилась икона. Вещи Фарбула были брошены возле кровати.

Иво сидел рядом. Тоже спал, только сидя. Он не сомкнул ни одного глаза за прошедшую ночь. Все время думал. Спал Иво чутко, любой шорох разбудил бы его. И спал беспокойно. Что-то скверное происходило в разуме изгнанника. Он очень тяжело дышал, кривил лицом во сне.

Рука Фарбула дернулась, стукнула руку Иво. Оба проснулись: Фарбул всю глотку разжевал и был бодр, Иво же дернулся и вскрикнул. Первый посмотрел на товарища, не понял, что к чему.

— Ты чего, брат?

Иво протер глаза.

— Кошмары.

— Тебя мучают кошмары? Вот те на... Удивил так удивил.

Фарбул попытался встать. Резкая боль в ноге помешала этому. Бауманец прокряхтел.

— Аккуратнее, Фарб. Лучше сегодня никуда не вставай.

Бородатый выглянул в окно, что было возле дома. Уже темнело.

— Сколько мать его времени?

— Где-то восемь вечера.

— Едять-колотить!

Из положения лежа он перешел в положение сидя. Спиной коснулся печки, было очень тепло.

— Ты печью пользовался?

— Да. Поесть готовил тебе.

Фарбул, совершенно не свойственно своей внешности, улыбнулся так мило, как принцессы и самые прекрасные девы не улыбаются.

— Ну дай поцелую, хозяйюшка.

Иво засмеялся, рукой приостановил тянущегося к нему Фарбула с вытянутыми утиными губами.

— Да пошел ты.

— Грубиян ты, Иво! Я ж тебя благодарить лезу, а ты все «отвянь» да «отвянь». Если ты Инелу после секса также благодаришь, то мне жалко девочку всем своим галантным мужским сердцем. Эх, балда.

Иво встал со стула, подошел к котлу, находящемуся на печи, в котором плескалась похлебка.

— Много ж у тебя сил, я посмотрю.

Он взял миску и накладывал сваренное. Суп был все еще теплым.

— Иво, брат, сил хоть отбавляй! Сейчас поем и готов с тобой чудище идти бить. Кстати, что с ним?

Изгнанник поднес миску, потом дал деревянную узорчатую ложку. Пускай и не было это блюдо высокой кухни, пахло очень даже достойно.

— Не знаю. Я тебя не покидал все это время. И да, я пойду один. Ты отлеживайся.

Фарбул только успел опробовать первую ложку супа, как всю ее выплюнул на пол, едва не задев Иво. Глаза бородатого были размером с огромные чеканные монеты.

— Совсем дуру дал? Куда ты один-то пойдешь. Вон она какая! — пальцем Фарбул показывал на свою рану, — когтища здоровенные, там один удар и голова твоя полетит моментально. А так нас двое, тем более я уже протрезвел! Во, как стеклышко, зуб даю. А все зубы у меня на месте, значит ни разу не соврал еще за жизнь. Давай вот как сделаем...

Фарбул сделал пару глотков похлебки, затем продолжил говорить.

— Я буду с ней кружиться-вертеться. Считаю, что буду танцевать. А танцы я люблю, хах! А ты в это время своими вечными прыжками туда-сюда в пространстве ее резать будешь. Командная работа отменного качества, не иначе!

Иво улыбнулся другу, но посмотрел на него как на конченного идиота.

— Старина... Во-первых, ты ходить-то еле как сможешь сейчас. Тебе вену порезали, поэтому про танцы можешь пока что забыть.

— Эа... Блин, а я про это как-то и не подумал. Просто не болит ни капельки, вообще не болит!

— Пускай так — это очень хорошо. Во-вторых, мне будет проще одному. Я, в отличии от тебя, вижу ее. Так что, если хочешь помочь, просто отдыхай.

Руку изгнанник положил на плечо Фарбула. Тому было нечего ответить.

— Да и... Ты прости меня. Той ночью... Предложение выпить было ради того, чтобы я убедился в собственных мыслях. Вампиры чувствуют кровь, а под алкоголем сердце бьется чаще, кровь перегоняется быстрее. Я-то и не пил толком. Так что это все моя оплошность, Фарб. Больше такого не повторится.

— Сплюнь ты, ирод. Хер с ним с этой ногой. Я рад, что помог тебе. К тому же, мы наконец-то поболтали по душам. Так что оставь эти сожаления себе. Лучше скажи, что с тварью делать этой будешь?

Иво отвел взгляд в сторону стоявшего рядом меча. Он был облокочен на край печи.

— Изгонять. Иного варианта нет.

Фарбул выдохнул.

— И то верно.

Изгнанник встал, стул поставил обратно к столу. Схватив меч, он не закрепил его на поясе, а перекинул за спину, используя ляжку, зацепленную за ножны. Ляжку подтянул, чтобы ножны крепко зафиксировались на теле.

— Ладно. Я пошел. Береги себя, Фарб.

Они пожали друг другу руки. Накинув на голову капюшон, Иво направился к выходу. Открыл дверь. Перешагнув порог и уже закрывая дверь хаты, Фарбул окликнул изгнанника. Иво посмотрел на него. Фарбул улыбался.

— Паршивец, ты торчишь мне побухать теперь! Помни об этом.

Иво усмехнулся и улыбнулся, кивая другу в ответ.

— Как скажешь.

Дверь закрылась, а багрово-красный закат освещал дальнейший путь изгнаннику.

VII. Казнить нельзя помиловать

После простецкой хаты Фарбула, дом Онора выглядит как самое настоящее поместье.

Изгнанник вошел быстро. Не желал задерживаться, не нравилось ему здесь. Охрана дома не хотела пускать гостя, но Иво наперекор их желаниям проходил прямо.

Мужики зашумели, взялись за мечи. Иво поднимался по лестнице на второй этаж. Один из тех, что был прямо перед ним, обнажил клинок и выставил вперед. Начал предупреждать, чтобы Иво стоял на месте. Иво все также шел. Солдат попытался нанести удар мечом, но удар был небрежный — изгнанник с легкостью уклонился и стукнул того по затылку. Тело охранника повалилось вниз по лестнице. Все остальные побежали за Иво, словно цепные псы за зайцем. Иво ускорился.

Быстро подошел к двери Онора. Открыл ее. Онора в комнате не было.

Обернувшись, Иво сразу же увидел столпотворение мужиков, обозленно смотрящих на него. Бежать было некуда. Иво обнажил свой клинок, смотрел на них без всякого добра и жалости.

— Где барон?

Ответа не поступило. Вместо этого один из толпы побежал на изгнанника с ревом, меч поднял ввысь. Подбравшись на достаточное расстояние, попытался нанести удар. Иво, не испытывая никаких проблем, выбил меч из рук атакующего и подставил уже свой клинок к горлу бедняги.

— Мне повторить вопрос?

Толпа ринулась в атаку — все разом. Из-за узости коридора они не могли все потесниться на одной линии — охраны наблюдалось 5 человек, не считая одного, что Иво уже вырубил, и того, кому сейчас приставил меч к горлу. Заставить всех разом остановиться изгнанник смог только путем более сильного нажатия на горло мечом. Легкий порез сопровождался такой же легкой вытекающей линией крови.

— Моя рука не дрогнет. Он умрет, если не ответите.

Толпа молчала. Тот, что был в «заложниках», истерично дрожал.

— Таки мы не знаем, сударь... Ушел куда-то, сказал никого не пускать... И... Вот...

Иво выругался, бросив взгляд в сторону.

— Прочь отсюда. Все.

Мужики аккуратно начали отступать назад, к другой, неизвестной комнате. Иво наоборот подходил к лестнице, удерживая мертвой хваткой парня, коего схватил. Как только Иво уже мог касаться перил, он отбросил от себя охранника, убрал меч в ножны и спокойным шагом, словно ничего не происходит, спустился вниз. Перед выходом посмотрел на толпу.

— Убью, если последуете за мной.

Они и не собирались преследовать изгнанника. Стояли столбом, лишь провожали изгнанника взглядом.

Иво быстро покинул город, устремился в сторону Чертового лежбища. Пересек границу Блакара и перешел на быстрый шаг, но не бежал. Следов по тропе в лес не было. И Иво не мог понять, радоваться этому или нет.

Он потратил минут семь, чтобы добраться до леса. Еще три, чтобы выйти на поляну. Здесь все было также неизменно.

Сразу же изгнанник подошел ко вчерашнему месту их с Фарбулом посиделки. Здесь все было также, лишь костер уже давно не горел, но кружка Фарба, в которую он налил водку перед сражением, а также его секира, остались на своих местах.

Действовал он быстро. Пытался почувствовать ауру вампира, но пока ее по близости не

было. Иво выискивал свою цель, сначала направился в сторону вчерашней битвы. Кровь здесь уже засохла, однако ее было много. Он сразу нашел место, где ранили Фарбула — трава была вся стоптана, а также возле места, где находилась нога раненого, все было залито кровью. Осмотр местности сперва ничего не дал, потом Иво увидел место, где в последний раз валялся раненый вампир. Крови там было куда больше, чем у места ранения Фарбула. И ее было не человечески много, любой человек умер бы на месте от такой сильной кровопотери. Глазами Иво повел чуть дальше и увидел продолжительную кровавую полосу, которую бестия оставила в бегах.

Изгнанник следовал за ней. Она уходила далеко от места битвы. Отчетливо было видно, где вампир останавливался, а где бежал без задних мыслей: кровавой след был либо продолговатым и цельным, либо скапливался в лужу.

Лес все густел и густел. Место, куда бежала тварь, было далеко от той поляны, на которой были все убийства. Если бы там, где Иво сейчас проходил, не было следа крови, это было бы очень красивое место. Деревья здесь были величавые, прекрасные. Своей листвой они прикрывали небо, а также вся эта растительность служила местом обитания многих лесной живности: движению бауманца сопутствовали щебет птиц, колышущиеся от перемещения белок листья, да и просто сам звук качающихся из-за ветра веток создавал определенный антураж мира и покоя. Ветер же был сильным, плащ на ветру разлетался из стороны в сторону.

Вскоре след оборвался. Это усложнило поиски твари, но не поставило на них крест. Мимолетным движением головы Иво разглядел что-то крупное вдалеке, сворачивая слегка налево. Направился сразу же в ту сторону. С каждым метром это что-то уменьшалось, зато сразу стало понятен неопознанный объект: деревянная полуразваленная халупа, крыша которой уже подчистую сгнила и заросла мхом. Дом был покошен, непонятно, как еще он вообще стоял в таком состоянии. Около него был одинокий колодец, состояние его было соответствующее. Территория вокруг дома была вся протоптана, здесь явно все это время ступала нога человека

Только Иво подошел к дому, аура вампира появилась. Он обнажил клинок, прикрыл глаза и немного постоял на месте. Затем приподнял веки. Его глазища были черны как никогда. Шагал он тихо, аккуратно, ноги слегка согнул и всегда был готов к нападению.

Изгнанник подошел к хате. Там что-то шуршало. Он всмотрелся в темноту, что была внутри. Оттуда на него тарацились яркие глазенки. Они сверкали, словно кошка смотрела на Иво, но пилили так, как будто смотрят в самую душу. Мгновенье отделяло Иво и бестию друг от друга.

Она напрыгнула резко, повалила изгнанника на землю. Едва не перерезала ему горло. Иво быстро пришел в себя, незамедлительно телепортировался вбок. После того, как нивелировал внезапную атаку, атаковал сам — целился в ноги. Пускай лицо вампира и было прикрыто большой накидкой, подобной той, что у Иво, тело его было таким же, как у любого человека. Он почти коснулся конечностей, но бестия напрыгнула на опережение. Даже в прыжке она скрывала свое лицо. Иво кувырком избежал и эту атаку.

Они встали на ноги. Начали ходить, смотря друг на друга. Ходили кругом. Иво смог увидеть лицо вампира. Ни малыш, ни мужчина — юноша лет тринадцати от силы. Волосиков было не много — короткие светлые, да и те с небрежно свисающей челкой. Он смотрел на изгнанника и скалил зубы, глазами сверкал в ночи. Губы все были в крови, время от времени мальчик слизывал с них эту самую кровь. Походка его в этот раз не была

предсказуемой — перемещался он хаотично, то немного левее, то немного правее. Иво максимально сконцентрировался именно на его ногах, на лицо он даже не смотрел.

Это сыграло свою роль. Напряженные и слегка согнутые ноги сразу дали изгнаннику знать о дальнейших действиях. Вампир молниеносно ринулся в атаку, проводя череду ударов острыми когтями. Каждую атаку Иво успешно атаковал, обращая все свое внимание теперь именно на руки. Раз за разом Иво то уклонялся, то отражал выпады своего противника. Воздух засвистал отчетливее, «танго смерти», в котором столкнулись изгнанник и бессмертная нечисть, было целым произведением искусства. Они двигались так, словно их бой уже был отрепетирован. Кряхтенье Иво звучало, как боевая мелодия, которую сопровождала другая мелодия, а именно звериные вопли мальчика, а ударным инструментом служил лязг оружий. Они танцевали так недолго, изгнанник решил взять инициативу в свои руки. Он откинул летящую в него руку вампира в сторону броским ударом меча, однако вторая смогла добраться до лица и оставила неплохую отметину на нем — чуть ниже левого глаза, кончаясь на левой половине носа. Иво скривил лицом, но стерпел эту неприятную ссадину. Сразу же в ответ он рубанул, что было мочи, по брюху твари. Боль была резкой, рана рваной. Черный титан, из коего был выполнен клинок, моментально окрасился алым кровавым цветом.

Тварь бессильно упала на землю, издавая истошные звуки и царапая землю под руками. Детские всхлипывания не были громкими, сил не было у него на более высокий тон голоса. Продолжать борьбу она уже не могла.

Бой был совсем не долгим. Всплеск адреналина помог изгнаннику. Да и вампир был явно ослаблен сильным ранением в спину, что Иво оставил той ночью: двигался медленнее, вел себя опрометчиво, не становился невидимым, что всерьез бы усложнило задачу бауманцу. Иво отдышался, но все еще был начеку. Аура его меча пылала сильно и дерзко, изгнанник замахнулся, чтобы нанести роковой удар по хребту мальчика, тем самым изгнав его.

— Итэр сильно опрометчивый мальчик...

Голос послышался из халупы, был достаточно знакомым. Иво резко всмотрелся. Из тени показалось знакомое старое лицо с седыми волосами. Барон Блакара вышел, рукав его дублона был прокушен в районе запястья правой руки.

— Ты...

Иво смотрел злобно, с желанием убить старика.

— Даже, если бы он не был ранен, ему все равно с тобой не тягаться. С каждым из вас не потягаешься. А в тебе я не ошибся, все-таки ты изгнанник.

— Что к чему, Онор? Я жду ответов.

Меч он прижал и горлу мальчика, самого мальчика схватил грубо за волосы и прижал к острию меча.

— Иво... Попрошу, не торопись.

— Ты смеешься сейчас надо мной? Я вырву ему кадык и скормлю псам. Этот уродец — причина множества погибших в твоём городе. В твоём, барон, блядском городе! Мне ничего не стоит изгнать его, а тебя убить и бросить твою голову под ноги королю, рассказав о произошедшем. Мне ничего не стоит это сделать, понимаешь?

Онор засмеялся, но не сильно. Он не хотел лишний раз провоцировать Иво.

— Боюсь, убить меня ты не сможешь. Я тоже вампир.

Лицо изгнанника опустело. Он и не думал, что еще что-то сможет его удивить.

— Тоже вампир?

— Именно так. А этот юноша...

Барон посмотрел на валявшегося всего в крови мальчика. Глаза его залились горем, со лба стекал пот. Пускай он и пытался казаться спокойным, его физиономия выдавала старика с потрохами.

— Считай его моим сыном. Внебрачным. — голос трещал, как будто тонкий лед.

Барон лишь говорил. Действий никаких не принимал. От подобного Иво испытывал лишь напряжение, он видел врага в старике, который жаждет запутать его и обмануть. Так Иво и думал, выжидая какого-то ловкого трюка от старого вампира.

— Что?..

Пока Иво пытался осознать происходящее, он отвлекся, и малец смог вырваться из захвата; быстро и дерзко на абу полоснул изгнанника по ребру, немного достал до брюха. Удар оказался удачным, сыграл эффект неожиданности. Иво взвыл от боли, скрючил физиономию. Он моментально после полученного увечья телепортировался вбок от малого и рубящим жестоким и безжалостным быстрым ударом отсек ему обе руки. Кровь полилась как из рога изобилия, сам юный вампир во все горло заорал детским истошным воплем. Он попытался набежать на изгнанника вновь, но Иво ловким быстрым движением ног уклонился от него и, пока тот был в полете, таким же безжалостным ударом отсек мальцу две ноги. Вопли усилились в геометрической прогрессии. Рука изгнанника не дрогнула, хотя даже ему тяжело было делать подобное — четвертование было чересчур жестоким даже для Иво. Под конец от пнул со всей силы одинокое тело мальчика в ноги Онору. Старик не гневался, но грустил и все время отводил лицо. Иво же постоянно прикусывал губу, глубоко вдыхал и делал продолговатый размеренный выдох. Рукой нащупал рану. Порезы были глубокими, кровь вытекала стремительно.

Иво стремительно направился в сторону обоих вампиров. Черные глаза наводили страх и ужас на них, меч он приготовил, чтобы изгнать.

— Я отказался от крови пятьдесят лет назад.

Иво остановился, но был близко. Решил выслушать.

— Мою супругу тогда изгнали, я чудом уцелел. Тогда я последний раз видел изгнанника воочию... Да уж, пятьдесят лет прошло с тех пор, а я и позабыть успел про всех ваших.

— К чему ты мне это все говоришь? — голос Иво был груб, звонок, чрезмерно груб. Как голос курильщика с огромным стажем, только еще раза в два грубее.

— Мы с ней напали на эту деревню. Уже тогда изгнанники взялись за вампиров. А мы были беспечны, думали, что нам все по зубам. Мы убили всех в этом доме — хижина местного лесничего. Он был тут с семьей... А мы убили всех. Никого не пощадили, даже маленькую дочку того старика, чтоб его. Пока допивали кровь, не успели и заметить, как проходящий мимо изгнанник ворвался в дом и за долю секунды отсек голову моей жены. Я только успел увидеть, как он поглощал ее душу, а сама она рассыпалась прахом... Разумеется, сразу же обозлился, ринулся в атаку... Но все было тщетно. Он орудовал мечом лучше, чем своими руками. Да и к тому же, владел мощной способностью замедлять время: мне казалось, что он замедлился — я постарался побежать в атаку, но я был еще медленнее. Меня в тот вечер спасло только то, что в голову стукнул инстинкт самосохранения и я смог убежать... Чудом. Я думаю, он пощадил меня. Хотя даже мысли о таком скверны, чтобы демон пощадил...

Под конец Онор фыркнул.

— К чему все это, отродье?

— К чему, спрашиваешь...

Мальчика Онор назвал Итэром. Его имя не значило ничего, но в голове Онор только что придумал значение его имени, а именно «несущий боль». Барон склонился пред ним, погладил по голове. Итэр ревел, ему было до жути больно.

— Знаешь, почему отказался в конце концов? Потому что осознал, что совершал ошибку. Каждый Божий день. И то, что я выжил, было самым что ни на есть прямым наставлением Бога на исправление, Иво. Ты же знаешь цену отказа от крови — потеря всего сущего вампирам: силы, бесконечной молодости, славы и могущества. А мне было плевать. Я склонился пред теми, кого убивал. И не жалею не о чем.

— Мне нет дела до твоих сожалений и чувств, прости. Не тебе уж точно прикрываться Богом, отродье Геенны.

— А кто тогда ты? — наперекор возразил Онор. — Разве ты не то самое отродье Геенны? Самого чистого ада, обители демонов и самых грязных дьяволов, для кого все живое — лишь пыль под ногами.

— Да, ты абсолютно прав. Я ничем от тебя не отличаюсь. Ничем... За исключением одного. Я ни разу не поднял руку на живого, Онор. Ни разу.

— Но скольких ты уже изгнал? Вы, изгнанники, лишь на четверть демоны. Лишь на четверть ваша душа дьявольская... Но эта четверть, Иво, она роковая. Вы же не можете существовать без душ, для вас это самый настоящий чертов наркотик. Признайся хотя бы сам себе, что мы ничем друг от друга не отличаемся. Только мы не можем без крови, а вы — без душ. Хотя... Я-то как раз смог отказаться, а вот сможешь ты не изгонять? Что будет с тобой, откажись ты от душ?

Рана Иво ныла. Он сжимал ее все сильнее и сильнее.

— Если я — отродье Геенны, Иво, то ты — самый настоящий дьявол. Этот мальчик не виноват, что уродился таковым. Он не может пойти против своей природы, не может в столь раннем возрасте отказаться от крови. Я нашел его брошенным и диким в окрестностях Сант Калисты — вампирского пристанища в прошлом, а нынче — пристанища призраков и темных сил. Он валялся и не мог пошевелиться — духи терзали его бедного. Я выкормил его. Я спас его. Я спас чертового убийцу, но он такой же, как и я, Иво! Он такой же ребенок для вампира, как и любой человеческий для своей матери! Что мне нужно было сделать? Убить его? Я даже этого, сука, не могу сделать! Ты можешь изгнать нас обоих прямо сейчас и тогда твои раны перестанут быть такими критическими, но, если в тебе осталась хоть капля человека и такое понятие, как «сожаление», я прошу тебя, изгнанник, помилуй хотя бы его. Меня можешь изгнать, мне терять нечего.

Взглядом он указывал на валяющегося и уже корчащегося в агонии Итэра. Мальчик уже даже не вопил, да и боли почти не чувствовал. Иво взглянул на них обоих, выдержал короткую паузу. Рана уже не выла, настоящая каша в голове затмила ее вой. Иво подошел в притык, Онор напротив отошел. Изгнанник схватил юного вампира за окровавленные затвердевшие волосы и приподнял так, чтобы видеть его лицо. Лицо мальчика выглядело уже более живым, чем до этого, а кровь вытекала не так обильно, как прежде. Тем не менее, его яркие глаза сверкали, а на лице красовалась детская наивная улыбка. Иво, собравшись с силами, напоследок взглянул на Онора. Тот наблюдал за изгнанником и все своим взглядом говорил ему: «делай, как считаешь нужным». Иво сжимал волосы Итэра в кулаке, да так, что скрип был слышен на всю округу. Отбросив все лишнее, Иво прикусил губу до крови, тяжело сглотнул слюну, подступившую к горлу, затем, отвернувшись на миг от яркой детской

улыбки, замахнулся мечом.

Свист воздуха. Удар пришелся в горло, благодаря вложенной силе, Иво отсек голову от тела. Все в округе обагрилось кровью, тело рухнуло на землю, подобно дохлой кобыле. А в руке изгнанник держал голову, на которой все еще сверкали яркие глаза красного оттенка и та детская улыбка, что терзала похлеще любого клинка. Иво швырнул голову к ногам Онора. Тот улыбнулся. По щеке его потекла слеза.

— Сколько ему потребуется времени для полной регенерации?

Иво очищал меч от многочисленной крови, скопившейся на лезвии.

— Не меньше года. А там как пойдет.

Иво сложил меч в ножны, закрепленные за спины. Незамедлительно он подошел к Онору так, что почти касался своим кончиком носа его лица. Они «скрестились» взглядами, словно те были самыми настоящими мечами. Свои глаза Иво постепенно обратил в человечьи.

— Он должен отречься от крови. Перейти на животную, совсем от нее отказаться — мне это не важно. Ни одна человеческая жизнь больше не должна оборваться в твоём городе. Если я узнаю, что он не смог — я вернусь и заберу его душу.

Изгнанник дерзко схватил барона за свисающий на шее крест и сорвал его, отшвырнув куда-то в сторону.

— Не смей носить подобное на своей шее. Мы не святые и никогда ими не станем.

Иво развернулся и ушел. Оставил Онора наедине с расчлененным телом мальчика, оставил его наедине с самим собой, в первую очередь. Он стоял неподвижно, ноги слегка подкашивались и тряслись. Легкий тремор в руках, с которым барон отчего-то не мог совладать. В спину уже скрывшемуся изгнаннику он смог сказать лишь одно.

— Спасибо.

VIII. Сказочник

Все было, словно в тумане. Все размыто, тускло. Был еще какой-то свет, но он был настолько жалок и ничтожен, что, считай, его и не было.

Дыхание тяжелое. Дышать было очень тяжело. Проще было вырвать себе легкие. А ниже груди вообще ничего не чувствовалось.

— Бравому воину полагается сказка на ночь... — прозвучало откуда-то.

Иво повертел головой. В глазах все также было блекло, абсолютно все было одинаково. Откуда же доносился этот голос... Да и чей он был?

— Однажды, в одном чудном царстве, появился загадочный малыш... Глаза его были голубы, как ясно небо, но волосы черны, как ночное небо. Малыш не знал, для чего был рожден.

Постепенно все стало проясняться: тело Иво вновь начал чувствовать, глаза стали четче видеть, уши стали лучше слышать — Иво теперь понимал, откуда доносился голос. Он звучал прямо перед ним.

— Малыш возмужал, стал настоящим мужчиной. Борцом со злом, хотя все недолюбливали его, видели в нем такое же зло. Поэтому мужчина этот сражался в тени. Как его черные волосы, он сам был во всем черном.

Кончики пальцем теперь ощущали землю, которую Иво сгребал под себя. Спиной чувствовалась поверхность, на которой он лежал.

— «Глаза коего окаянные черным цветом заливаются... Тот, что в плаще цветом ночного неба и с мечом черней сажии в печи» — именно так про него все говорили.

Иво резко вскочил. Сразу же схватился за меч и оглянулся по сторонам. Все тот же сраный Блакарский лес. Механически он встал в боевую стойку и обратил глаза черным пламенем. Осмотревшись, не нашел никого. Лишь все было в тумане. И слегка моросил дождь, причем уже давно. Весь плащ Иво насквозь промок. Впопыхах он нащупал свою рану — та зажила, что было удивительно.

Из теней лесов, где очнулся изгнанник, повеяло холодом. Листья зашуршали, холодный воздух немного покусывал кожу мечника. Туман в некоторых местах стал развеиваться. Одной небольшой тропинкой он совсем пропал и к Иво пробивалась чистая дорога. Мечник совершенно спокойно смотрел на все происходящее. Затем, в этом водовороте непонятных событий, из — за прогнившего полностью дерева, что было рядом, появился некто, схожий с духом, да не бестелесный. Существо было одето в темную ризу, похожее на накидку священника, ростом свыше двух метров, сутулое и худощавое, с яркими глазами фиолетового оттенка. Оно парило над землей и как будто подчиняло себе само пространство. Спустя время, таинственное создание приблизилось совсем близко к мечнику. За крупным капюшоном было трудно разглядеть лицо. Дыша, создание выдыхало пар, как будто на улице стоял январь месяц, а также от него всего несло прохладой и смертью.

Оно опустилось на землю. Иво разглядел эту отвратительную улыбку — длинную и всю темную, с неровными и преимущественно тупыми зубами.

Изгнанник сразу же убрал меч. Облегченно выдохнул.

— Ты меня подлатал, Сказочник?

— Ну а кто еще? Ты теперь мой должник.

— Никогда в жизни, демон.

Сказочник — высший демон, что отрекся от своих братьев и обитает в мире живых. Могущественный и коварный, такое прозвище он приобрел из-за любви к вещаниям сказок из тени всем, кого заметит на своем пути. Изгнанники же чаще звали его «исполнителем желаний» — демон мог выполнить все, что только вздумается, разумеется за определенную плату душами, без которых его существование попросту невозможно. Даже так, сам Сказочник называл себя торговцем, что в прочем и является чистой правдой.

— Давно не виделись, Иво.

— Да, давно. Тебя, как я вижу, еще не изгнали?

— Кто бы? Я не приношу никаких бед, а напротив — дарю все, что пожелается, за ненужные изгнанникам в большом объеме души.

— Конечно. Именно поэтому те ведут себя, как звери, изгоняя все, что попадет под руку, лишь бы утолить свои желания.

— Ай, брось эти нормы морали, Иво. Ты, кстати, как я расслышал, теперь популярен?

Иво промолчал. Направился прочь от демона небыстрым шагом.

— Ты, как всегда. С тобой скука смертная.

Демон не успел заметить, как изгнанник лишь за мгновение вынул меч из ножен и уже приставил конец его лезвия к лицу, скрытому за ризой. Сказочник отвратно засмеялся.

— Как всегда, быстр и ловок. Даже после смертельных ран.

— Что тебе нужно от меня? Ты не беседовать пришел, торговцы вроде тебя не приходят просто так.

— Ох, как меня быстро раскусили.

Демон замешкал, выпустил холодный пар из своих уст. Затем покружился пару раз вокруг Иво. Второй стоял, как вкопанный, лишь меч опустил к земле.

— Я хотел сделать заказ, Иво.

— Какой еще заказ?

— Нужно изгнать одного демона. Особо крупную рыбешку... Так у вас принято говорить?

Иво оскалил, повысил тон голоса.

— Говори по факту. Кто?

Сказочник злобно захихикал. Ему словно было вообще чхать до каких-то дел, он как будто преследовал цель поглумиться над Иво.

— Один из Всадников. Тот, чей конь белый, как мгла. Вестник любой чумы, любой болезни. Тот, что более истощен и мерзок, чем даже я. Ходячий труп. Мор.

Иво потянул челюстью, напряг ее мышцы. Прикусил полость рта, затем злостно посмотрел в сторону.

— Что один из генералов Геенны забыл в Ассии?

— За мной охотятся. Не забывай, что я сам бывший Всадник. А теперь злостный демон-перебежчик. К тому же, пускай тебе не нравятся методы, но я усиливаю ваши ряды. А верхушка демонической иерархии таких не прощает. Но... Если появится могущественный изгнанник и изгонит Мора — того, кого послали за мной, они немного успокоятся. Смекаешь, что к чему?

Изгнанник посмотрел на свой меч. Затем мимолетно посмотрел на демона.

— За этот заказ я выполню любое твоё желание, абсолютно любое. Неисчерпаемые богатства, бессмертие, власть, слава — прости, что душе твоей угодно. Мое требование одно — принеси мне его душу.

Сказочник прокашлялся, затем вновь ехидно посмеялся, вскружил в воздухе и подлетел впритык к Иво, извергая из своего рта поганый холодный воздух.

— Где мне его отыскать?

— Никто не знает. Но скажу одно... «Скот вымрет, а люди падут новой смертью неведанной. Чума вновь начнет выкашивать все живое, а как только источник пропадет — все вновь станет на круги своя». Так говорят о нем. Что-то еще нужно?

— Нет.

Иво не договорил и продолжил свой путь.

— Изгнанник! — окликнул Иво Сказочник.

Иво остановился, лишь на миг. Поворачиваться не стал.

— Любое желание за его душу. Хорошенько подумай, что изволишь загадать, когда придешь ко мне.

Он вновь не ответил демону. Устремился вдаль, под звуки капающего дождя и чавканье промокшей земли. Отдаляясь от Сказочника, туман спадал и со временем и вовсе пропал.

А небеса продолжали плакать.

Иначе зачем им еще мочить землю?

I. Шепот смерти I

— Сударь, вы уж простите, но ничем помочь не смогу...

Был снегопад. Не сильный, но очень чудесный... Такой обычно только в сказках бывает: легкий, пушистый, самый настоящий воздушный. Каждая снежинка, пойманная на язык, отдавала сладким привкусом свежести.

— Вообще никак? Мне говорили, вы лучший мастер в Кораллейке.

Кузнец помахал головой.

— Ну-с, извиняйте, впервые сталкиваюсь с подобным. Черный титан металл такой... Вредный, да и тяжелый для работы. Я бы мог вам помочь, но для этого нужно время... И деньги. Немного большие, чем предлагаете вы.

Иво задумчиво посмотрел в сторону.

— Хорошо. Спасибо за помощь.

Изгнанник взял меч, красовавшийся на наковальне, сунул его в ножны, затем незамедлительно отвернулся и спокойным медленным шагом ушел в густоту народа.

Кораллейк — столица королевства Стезис, крупного государства, что расположилось южнее Баумании. В Кораллейке было много народу со всего континента; здесь проживали лучшие ученые и деятели искусства всего мира, выдающиеся архитекторы, что работали в абсолютно разных стилях, и многие другие представители разных профессий.

Город был большим. Самая настоящая столица, даже тупице было ясно. Весь он представлял «черным» — все тут было построено из темных материалов. Готический стиль являлся эталоном в этом месте. С первого взгляда город казался даже мрачным и тусклым, но внешняя оболочка обманывала. Изнутри все полыхало, было живее всего живого. Пестрела каждая улочка, каждый маленький закоулок. Всюду пели барды, поэты и писатели читали стихотворения, некоторые собирались в группы и давали личные исполнения прямо на улице. Постоянная толпа прохожих двигалась так, словно танцует под бесконечные пения столицы. Даже ночами здесь было шумно, но уже не везде, а в отдельных районах, направленных на ночную бурную жизнь.

Иво шел по дороге. Та вела кверху, но холмом участок земли назвать было нельзя, скорее некая возвышенность на равнинной местности. Его походка была вальяжной, спокойной. С каждой стороны улицы были трактиры и таверны. Удивляло, как они спокойно выживали в подобных условиях конкуренции. Хотя изгнанника это волновало меньше всего.

Он поднялся еще чуть выше, затем завернул за угол, направо. Пред изгнанником предстал тихий закрытый дворик. Возле одного из домов играла детвора. Они прыгали через друг друга, за ними четко присматривала некая бабуля. Все время отчитывала сорванцов за то, что те ведут себя неаккуратно.

Дверь открылась. Изгнанник незамедлительно вошел. Место оказалось трактиром «Кошкин дом», где обычно сидели всякие искатели приключений, проходимцы, путники и прочие, кому не сиделось на одном месте. В трактире было шумно: в самом центре комнаты некий бард исполнял благородные песни о рыцарях, их походах, пел, к слову, даже не скверно — голос был соловьиный. Иво не задерживался, прошел вдаль. Посидельцы даже не обращали внимание на проходящего в черном плаще путника. Справа, в самом дали, была некая закрытая комната. Иво приоткрыл дверь — там сидел еще один человек. Широкий, но

не высокий — 174 сантиметра ростом от силы. Сидел в куртке серого цвета — очень она походила на дублон, да только уж слишком простая и тонкая была для дублона. Незамысловатые штаны, грязные сапоги на ногах. Рядом с ним лежал меч: гарда кожаная, но заношенная, а само лезвие скрытое в ножнах. Возле него был стол, на нем лежала вся мятая и вся в пятнах от пролитых жидкостей карта, на которой была отмечена какая-то точка.

Только Иво вошел, взгляд мужчины сразу направился в его сторону. Он немного подвинулся, чтобы изгнанник мог сесть рядом.

— Как оно?

Иво фыркнул. Слюни разлетелись по сторонам.

— Как-как... Раком, Ордо. Самым настоящим раком, которым меня и поставили.

Мужчина, кого знали Ордовиком, со всей силы засмеялся, после чего стукнул Иво по спине.

— Ну-с, извиняй, Иво. Я тебе сразу сказал, что с черным титаном работать никто не будет. Что там с ним стряслось?

Иво достал меч, положил на стол поблизости. Клинок изрядно потрепался, края были сбиты, лезвие туповато.

— В целом, орудовать можно, — Иво откинулся на спинку мягкого сплошного сидения, голову приподнял кверху, — удивительно, что самый прочный металл даже не выдерживает черного пламени.

Ордо прокашлялся.

— Либо ты просто криворукий. Давай не будем отрицать.

Изгнанник осуждающе взглянул на товарища.

— Черный изгнанник гневается... — сказал Ордо на опережение.

Иво лишь усмехнулся в ответ и легонько, по-дружески, стукнул того кулаком в плечо.

— Старикам слова не давали.

— О-о-о, это точно. Куда нам, старикам, тягаться с юнцами.

Он посмотрел на Иво. Глаза были карими с оттенком зеленого. Лицо уставшее, морщинистое, украшал его один скверный шрам на лбу. Небрежная щетина была вторым украшением. Волосы были с мизинец, ни темные, ни светлые — что-то между. А вот зубы были уже желтоватые.

— Помимо меча узнавал то, что хотел?

— Скот гибнет, почему вот только — народ не знает. Все смахивают на зиму. Что до чумы или прочей заразы, то все, как и раньше — нихера не появилось.

— От сука! У тебя нет ощущения, что Сказочник тебя обманул?

Иво вдумчиво смотрел в потолок.

— Не думаю. В подобных делах он серьезен, хотя и ведет себя, как самый настоящий шут. Но уже полгода минуло с того дня, как он поведал о его явлении демона.

— И то верно... Явление Всадника Апокалипсиса — слишком не смешно, чтобы быть шуткой. Да и вообще вся эта история очень странная, Иво. Если он сказал, что Всадник явится, то, значит, с его появлением должны происходить какие-то глобальные изменения, в случае Мора — болезни и прочая ересь этой тварины. Но, если болезней как таковых нет, значит и Всадника нет... В конце концов, изгнать его — наше общее дело. Но меня не покидает ощущение, словно мы ищем иголку в стоге сена. Хотя, все равно, сколько лет изгоняю и сколько лет знаю Сказочника, никогда никто не приходил по его голову, а тут решили послать, и не абы кого, а самого генерала Геенны. Херня какая-то, вот что я тебе

скажу.

Иво промолчал. Хотя всем своим видом соглашался с женщиной.

Ордовик же засучил рукава. На правой руке едва виднелась уже заношенная временем татуировка: две прямые вертикальные линии, расположенные неподалеку друг от друга, которые пересекает третья — она была набита углом семьдесят градусов. Данная татуировка служила символом изгнанников еще с давних времен, когда те были героями, а не скрывающимися в тени отродьями. Ордо же был одним из самых мудрых и древних изгнанников, что остались верны своему пути и делу.

— А ты, как я вижу, преуспел... — взгляд Иво направил на карту.

Ордовик также взглянул на помеченное на ней место.

— Храм лишь может находиться в этой точке. Точно никто не знает, но местные мужики поведали, что там постоянно гибнут все, кто только сунется, а тела их валяются подле входа в неприметную часовню... В конце концов, проверить стоит. Если нам повезет, то отыщем эту треклятую реликвию и надежно спрячем от греха подальше...

— Ту самую, о которой ты так давно мечтаешь?

Старый изгнанник нахмурился. Сначала постучал зубами, а затем встал, сворачивая карту в сверток. Под конец эту же карту он и спрятал в маленькую сумку, что перебрросил моментально через спину.

— Призрачную косу Фаэдру. Именно.

Иво встал, захватив с собой меч, после чего сразу же отворил дверь комнаты.

— Веди. Услуга за услугу.

Ордовик ничего не сказал, лишь молча кивнул. Изгнанники покинули закрытое от взора прочих помещение, прошли возле барной стойки, после чего старый охотник на бессмертных достал весь изорванный кошелек, а из него с десятков позолоченных монет. Он аккуратно уложил их возле владельца. После чего оба покинули трактир.

II. Шепот смерти II

Ветер вскружил небольшие горы снега на пути у изгнанников. Собиралась буря. Сильная, способная помешать всякому, кто отважится бросить ей вызов.

Они шли тихо. Шли в ночи. Шли так, что после себя не оставляли даже следов, всячески заматывая их. Походка братьев по цеху и товарищей по жизни была отменной, профессиональной.

Они не были похожи друг на друга: Иво, как ловкая кошка, шел аккуратно и настороженно, был готов тут же вспрыгнуть, обнажить меч и перерезать глотку всякому, и все это за одно мгновение, а Ордо был вальяжен и расслаблен, делая акцент на опыт прожитых лет — он прекрасно знал все окрестности и еще лучше знал, кто заселяет каждый мелкий кусок этой проклятой земли.

Пред путниками простиралась длинная тропа, ведущая напрямик в бесконечность. Конца ей не было, да и края не виделось тоже. Ордовик все время глядел на карту, что держал постоянно перед собой. Хотя из-за ветра та постоянно вылетала из хватки одной из рук.

— Сколько еще? — спрашивал Иво. Он говорил громко, шум ветра приглушал его голос.

— Скоро должны быть на месте.

Ордо был сконцентрирован на поисках нужного места. Карта, что он держал в руках, была очень старой, со старыми границами и тропами.

— До сих пор считаю, что строительство изгнаннических храмов — самое тупое, что

было придумано в этом мире.

Старый изгнанник засмеялся.

— А я думал, что ты — самое тупое в этом мире.

Иво стукнул товарища по плечу. В этот раз посильнее и прижавшись кулаком к точке удара. Ордовик слегка выпустил воздух сквозь зубы.

— Цени традиции предков, Иво. Какими бы они ни были. Тем патче, сынок, то место, куда мы направляемся, самое настоящее сокровище всех наших.

— Меня это не волнует. Наш уговор помнишь?

Ордо отчаянно вздохнул.

— Помню. И обязательно выполняю.

— Услуга за услугу, старик.

Они свернули с тропы. Дальше путь был через уже появившиеся сугробы снега. Здесь они были куда больше, нежели на тропе — ничья нога не ступала в этих землях уже давно. Из-за подобных условий и скорость изгнанников снизилась.

Вдали виднелось что-то неясное. Высокое, но мелкое здание. Ордо слегка приподнял голову, всмотрелся.

— Вот и она...

Подшли еще ближе. С каждым метром силуэт здания преобразовывался: высокое каменное формой башни здание, с куполообразной высокой крышей. Оно было потрепано жизнью, здание было дряхлым, старым и ветхим. Множество кирпичиков уже выпало из него, в некоторых местах просматривалось такое скопление паутины, словно паук, что сплел ее, был размерами со здорового жеребца. Хотя это были лишь отголоски самой настоящей старости. Дверь была выбита и еле как держалась на нижней петле — чудо, что вообще держалась. Что самое странное, окон никаких не было — все стены сплошные каменные. Подобное место выглядело ну уж очень странно.

Ветер засвистел еще пуще прежнего. Хотя, казалось, исключи его, и на улице близь здания воцарилась бы мертвая тишина. Ордо сложил карту и небыстро кинул ее в сумку, осматривая окрестность.

— Приготовься, — сказал Иво, обволакивая и сжимая в кулаке рукоять своего меча. Он также немного прищурил глаза.

Ордо взглянул на Иво. Также докоснулся до гарды оружия.

— Что-то почувствовал? — голос был тихим, спокойным, моментами проседающим.

— Фантомы, Ордо. Их очень много.

Старый изгнанник ничего не ответил. Он аккуратно, медленно достал меч из ножен, схватил его двумя руками и встал в оборонительную стойку. Иво поступил также: держа меч одной рукой, он сделал два взмаха, словно расчеркивая воздух. Потом прошел вперед. Ордо за ним. Он встал к изгнаннику боком и глядел в оба. Полную концентрацию нарушал лишь хруст снега под ногами и ноющий ветер. Ордовик не успел заметить, как в воздух накалился, дышать стало тяжелее. Он как будто вдыхал горячий пар, все вокруг стало каким-то инородным. И он видел их: бестелесные твари, от которых остался лишь силуэт прежнего тела. Ни глаз, ни лица, ни тела — ничего у них не было, и все эти существа были одинаковые на вид. Они были едва заметны, лишь некие колебания в воздухе их выдавали. И их было действительно много.

Все началось слишком быстро.

Один из толпы фантомов ринулся с нечеловеческой скоростью на изгнанников. В ответ

на это Иво моментально рассек его ловким горизонтальным ударом, сразу же изгнав. Не успели путники опомниться, как все фантомы разом напали на них. Таким же быстрым и тупым рывком, рассекая воздух и создавая еще больший свист в округе. Черный изгнанник затанцевал, нанося бесконечные последовательные удары по каждому, попадавшемуся под руку.

Ордовик не стоял в стороне. Он не обращал глаза черным пламенем, зато, как и каждый изгнанник, окутывал свое оружие специальной аурой, позволяющей изгонять души созданий. Старик резко отошел в сторону и начал сражение. Опыт, что он приобрел, сразу же бросался в глаза: движения изгнанника походили на единый механизм — он ловко перемещался на ногах, успевал окинуть взглядом каждую сторону, и в эту же секунду отбивался от нападающих. Он изгонял фантома за фантомом, хотя, по сравнению с Иво, делал это с меньшим энтузиазмом. В сражении Ордо был скорее обороняющимся, нежели атакующим. Каждый раз, когда он мог ускориться и изгнать больше, он этого не делал. Все чаще Ордо отходил именно назад, увеличивая дистанцию между ним и Иво.

Иво плясал. Скакал в пространстве, словно зайчик по лугам. Из одного места он телепортировался в другое, из того — в третье, и так далее. Каждая телепортация сопровождалась быстрым и ловким ударом меча, иногда была серия таких ударов. Чувство аур вокруг него многократно усиливало Иво — тот чувствовал приближение со стороны и всегда знал, когда нужно сменить позицию. Но даже при таком раскладе событий были недочеты. Фантомы двигались слишком быстро. Каждое последующее их движение делалось быстрее в полтора раза, нежели предыдущее. И с каждым разом отбиваться было все труднее и труднее.

Изгнанники соприкоснулись спинами. Начали двигаться вместе.

Воздух накалился до предела. Свист рассекаемого воздуха звучал громче любого лязга стали, хотя, как и лязг, этот свист служил боевым пением. Синхронность движений сражающихся была на высшем уровне. Каждый просчет одного нивелировался помощью другого, а уникальный стиль боя каждого из изгнанников дополнял друг друга, формируя мощный дуэт: Иво с быстрыми атаками, совмещенные с молниеносными телепортациями, и Ордовик, рубящий наповал мощным и сильным ударом сразу трех летящих в атаку фантомов. Если отбросить факт сражения и убрать из рук изгнанников мечи, они как будто плясали и танцевали на свадьбе своего близкого. И танец этот был «силен», на него не жалелось ничего абсолютно.

Иво совершил очередную телепортацию. Поразил одного фантома молниеносным выпадом с последующим разрубанием твари. Уже бог знает какая душа была поглощена Черным изгнанником, глаза его «ликовали» и устрашали, а ухмылка на лице сменилась злостной улыбкой. Он и не успел заметить, как со спины что-то прилетело ему в ногу. Адреналин в крови затмил боль от ранения, но лишь на момент: резко что-то болезненно кольнуло его в икру правой ноги, та покосилась и изгнанник слегка повалился. Иво чувствовал, что сбоку на него летит фантом, да летит со скоростью пуще прежнего. Небрежно он постарался вложить все силы в левую ногу и, оттолкнувшись, упасть на спину, но даже так все равно избежать удара не удавалось. Изгнанник заметил краем глаза Ордо, что вытянул руку в сторону него; резко появившийся импульс необъяснимой силы оттолкнул Иво в сторону, фантом пролетел мимо. Иво сразу же опомнился и телепортировался к оставшейся твари, изгнав ее ловким ударом меча.

Колебания и напряжение, раннее нависшее в воздухе, пропало. Как и прочем все вокруг.

Запахавшиеся изгнанники стояли бок о бок друг с другом и, вытирая пот со лба, убирали свои клинки обратно в ножны. Постепенно их зловещая аура также увядала, привычная теплая человеческая окутывала их тела с ног до головы.

— Быстро ты их, — голос Орда звучал на октаву ниже, чем обычно.

Иво фыркнул, сипло пропустив воздух через зубы.

— «Бездумные твари, коих кличут Фантомами, те души неуспокоенных, что задержались в Ассии дольше дозволенного». Твои слова, помнится мне.

Ордо усмехнулся.

— Конечно мои. Я удивлен, что ты их помнишь. Впрочем...

— Это не важно, Ордо. Фантомы даже так — самые опасные твари, с которыми доводится сражаться. Будь аккуратнее в следующий раз. Ты потерял былое величие, старик.

— Я давно уже сам не изгоняю, ты же ведь знаешь. Если начну вновь поглощать много душ, боюсь, не смогу сдержаться.

Черный изгнанник подошел поближе к наставнику. Взглядом он уважительно окинул все его мощное, пускай и уже старое, тело.

— За это я тебя и уважаю.

III. Шепот смерти III

Они вошли внутрь.

Беспросветная темень явилась самой главной проблемой глазам. Иво на ощупь спускался вниз по лестнице. На удивление, лестница оказалась широкой, плотной; ступая по ней, создавалось ощущение надежности. Да и ко всему прочему, в голове сразу возникал некий диссонанс: дряхлая «будка» сверху, за которой находится такая монолитная и крепкая лестница. Спускаясь, осознавал все величие этого места, даже не смотря на верхнее сооружение, износившееся под гнетом времени и погодных явлений.

И хоть всюду было темно, так или иначе, но изгнанники ориентировались в пространстве. К тому же, вдали, где-то снизу виднелся источник света. Он был несильным, словно едва горящий факел, но даже такой свет уже воодушевлял и немного успокаивал. Опираясь руками на боковые стенки, ощущение надежности также не покидало их. Разглядеть материал было практически невозможно, но по тактильным ощущениям это был белый кирпич, которым украшены все самые солидные и богатые здания Люстера. Вряд ли это был именно тот материал, но качества ему было не занимать, это было понятно сразу же.

— Давно я не спускался в изгнаннические храмы, вот что скажу тебе, — Ордо говорил воодушевленно, даже скорее радостно.

— Позабытые богом места, раннее являвшиеся величием наших предков. В целом, говорят правду.

— А коли позабыто богом, тварь здесь может водиться любая. Держи меч наготове.

Иво кивнул.

С каждой пройденной ступенькой свечение лишь усиливалось, как бы банально это не было. Благодаря этому свету, уже немного, но виднелось продолжение храма: продолговатый коридор, весь пыльный и грязный. А догадки насчет источника света подтвердились — это был едва горящий факел... «Факел?». Почему в этом Богом забытом месте горит огонь?! Вопрос хороший. Хотя, в храмах изгнанников могло быть все, что угодно. Благо, Иво и Ордо уже почти спустились вниз и уже видели этот чертовый продолговатый коридор.

— Здесь кто-то был? — Иво спрашивал так, словно он пришел к Ордовику в гости.

— Сомневаюсь, любого живого такая стая фантомов в миг бы изгнала. Есть байки, что

владелица этого храма владела бесконечным источником огня. Но это только легенды, как мне кажется.

Ступеньки закончились, за ними начался ровный коридор; некая «полоса» — вся пыльная и украшенная по стенам волнистыми узорами. Узоры эти словно были выцарапаны когтями, либо любым другим остро заточенным предметом. Иво провел рукой по одной из этих стен, собрал пыль с них на пальце, затем похлопал ладонями и стряхнул всю грязь.

— Хорошо, хоть не попробовал на вкус? — хихикая, высмеивал старик бауманца. Тот буркнул в ответ.

— Еще раз что-то скажешь в мою сторону — глаза на жопу натяну.

— Ой-ой-ой... Иво гневается — жди беды.

Ордо приспустился к полу и подобрал факел. Непонятно, как он горел, но это можно было и не знать. Самое главное, что у них появился источник света. Ордовик ступил чуть-чуть вперед, держа одной рукой факел, а второй едва касался рукояти меча. Иво же следовал за ним и также был наготове обнажить клинок. Они пошли молча, и лишь сопение было слышно в давящей морально тишине. Коридор не внушал доверия от слова совсем: прямая вытянутая полоса, метра три в высоту и примерно столько же в ширину. Все стены были пыльными, исцарапанными, при всем при этом хорошо сохранившиеся. Пол был таким же. Пытаясь рассмотреть хоть что-то, Иво ничего не подмечал. То, что радовало и одновременно пугало — следов на слое пыли не было. С другой стороны, кто знает, когда здесь в последний раз кто-то был? За долгое время следы могли попросту исчезнуть, а впереди изгнанников мог ждать абсолютно кто угодно. Прогоняя все эти мысли в своей голове, черноволосый изгнанник испытывал что-то вроде паранойи: головой он понимал, что, скорее всего, это место безлюдное и можно выдохнуть, но сердце и эмоции выдавали обратное. Наверное, здесь он верил словам Ордовика, что непрерывно твердил: «держи лезвие наготове, бог знает, кого мы здесь встретим...».

— Про Шепот смерти слышал ведь?

Иво опустил глаза.

— Лишь легенды. Да и сам думал, что она лишь легенда. Слишком уникальная девушка. Я не мог понять только одного. Отчего такое прозвище? Если меня зовут Черным изгнанником из-за черных глаз и моего облика, почему ей, изгнаннице, дали прозвище Шепота смерти? Куда смешнее и страннее то, что того, кто изгоняет, связали со смертью.

Задумчивый лик Ордовика сменился едва слышимым хохотом.

— Она была куда ужаснее, чем можно представить. Прозвище не передает всего ужаса. Дело было далеко за пятьдесят лет тому назад, уже и не вспомню точно. Ригма, старый стезийский город, ныне упокоенный в руинах и самое настоящее пристанище для всякого отрепья Геенны. Девушка в черных одеяниях и с черными, как тьма, волосами, за одну лишь ночь изгнала всех жителей этого города. Ни одного не пожалела. Пятьсот живых душ за одну сраную ночь сгинуло в небытие... А в ночи сверкали ее зеленые изумрудные глаза. К слову, орудовала она той ночью косой, которую мы ищем — Фаэдрой. После той бойни никто и не слышал ничего о ней. Сказка, правда?

Черный изгнанник покивал.

— Вот и я о том, что это чересчур на сказку похоже.

— А это не сказка, Иво.

Иво тяжело выдохнул.

— Ну и хер с ней. Если так, то более чем ясна логика народов, откуда у них такой гнев и

страх в сторону наших.

— Так-то ты прав, — облегченно высказался Ордовик.

Коридор понемногу преображался. Расширялся, если быть точнее. Вдалеке виднелось нечто, похожее на огромную комнату, только вот, что она в себе содержала, видно пока не было. Но даже так, присутствовало хоть какое-то развитие событий, что несказанно радовало Иво, а Ордовику, как казалось парню, было совершенно наплевать. Хотя, правильнее было бы сказать, его уже просто не удивить подобным.

Изгнанники увидели комнату. Большую комнату с таким же высоким потолком. Вот тут-то и скрывалось сердце так называемого «изгнаннического храма». А также, теперь можно было назвать это место храмом не стесняясь. Возле каждой стены находились полки с книгами, куча столов да шкафов с различными предметами на них. Возле этих столов располагалась другая мебель: стулья, то просто деревянные, то обшитые тканью, высокие железные канделябры со вставленными в них свечами. Где-то даже находились сундуки с замками на них. Для любого исследователя данное место было настоящей золотой жилой, ведь столько всего можно было пощупать и найти. На самом верху потолка находилась громаднейшая люстра, а сам потолок был украшен очень странными узорами, ничего толком не напоминающими. Пол был каменным, холодным. Босые ноги бы быстро околели, поэтому ходить по нему можно было только в обуви. Последним «штрихом» данного зала было что-то вроде трона: в конце зала, посередине в пространстве находилось огромное и высокое сидение — спинка была чуть ли не три метра высотой. Обшитое мягкой тканью, по бокам сидение было украшено множеством изумрудов. Один такой стул (хотя, это было еще очень мягко сказано) обошелся бы в целое состояние, ведь драгоценных камней в нем было несчитанное количество. Да еще и обивка выходила в крупную сумму. Хоть Иво и не был силен в познаниях о всяких магических тварях, но даже он понимал, что основным материалом была кожа какого-то очень древнего и сильного монстра, чей вид уже давным-давно истребили. Возле этого примечательного трона находился шкаф — массивный, такие же три метра в высоту. Боковые дверцы, даже будучи закрытыми, оставляли некоторую щель, с помощью которой можно было видеть содержимое шкафа. Но... Там ничего не было. Лишь беспросветная темень и только. Однако, второй особенностью этого вместилища было то, что шкаф был намертво заперт, а замка на нем не было. Единственным объяснением было то, что здесь сыграла огромную роль магия. Причем, довольно сильная. В любом случае, вся эта информация служила лишь ознакомлением — множество факторов можно было узнать лишь благодаря точечному изучению всех атрибутов зала.

Осмотревшись, изгнанники быстро принялись тщательно изучать помещение. Хотя, правдивее было сказать, что именно Ордо начал изучать, а Иво все также пялился из стороны в сторону, хотя даже он «вошел во вкус» и постоянно обращал свое внимание на всяческие детали. Они разделились: пока старик моментально направился к трону и начал лапать и осматривать шкаф, Иво спокойным шагом дошел до края зала, где красовалось множество книг. Все они были пыльные, хотя это и не удивительно.

— Она была заядлым читателем? — Иво взял одну из книг и начал осматривать случайные ее страницы.

— Ну, — Ордо тихо и аккуратно ходил вокруг тайного шкафа, а говорил лениво, слишком сильно протягивая последний слог слова, — Можно и так сказать. Ты же видишь, что литературы тут столько, что можно жопу вытирать пару лет.

Иво ничего не ответил. Он лишь смотрел на множество книг, лежащих на полках,

проводил пальцами по растрепанным переплетам, какие-то доставал, осматривал внешнее состояние, затем клал обратно на место. Книг было действительно много. Почти все были художественными произведениями, романами да сказаниями. Ничего дельного и интересного для себя Черный изгнанник не находил. По крайней мере, пока что. Кроме книг, находящихся на полке, куча письменных сборников было на столах. Обратив свое внимание на эти книги, Иво увидел всю ту же художественную литературу. Его внимание зацепила одна из лежащих — произведение Бруно Фирспалма «Когда меня отпустит». Внимание привлекала яркая красная обложка, а также выглядывающая из середины всей книги закладка. Кроме яркой красной палитры, на обложке также был и рисунок — ночное небо, на котором красовалась яркая луна, в свою очередь с которой стекали капли дождя. «Художественный прием, типа олицетворения, понятно же сразу, что это слезы и ни что иное», — сразу же промолвил про себя Иво. Открыв книгу, он сразу же обратился к страницам, которые закрепляла тканевая закладка. Будучи абсолютно незнакомым с данным автором, тем более с сюжетом, было абсолютно ничего не понятно. «Мы встречались лишь однажды... Когда я сам себе сказал, что больше никогда не притронусь к ее губам, рукам и волосам. Хотя, еще вчера я все думал, сколько же это «однажды» уже повторялось? Сто раз? Больше?».

— Что за чушь... У автора гормоны играли? Фарбул бы облевался тут же на месте, — шептал изгнанник.

Изгнанник отодвинул эту книгу, взял в руки другую, лежавшую рядом. «У богатых свои причуды», Розария Мнишек. Обложка этого произведения не вызывала столь явного внимания — простой черный фон с написанными названием и автором на нем, однако само название цепляло куда сильнее. Никаких закладок и напоминаний о месте, где читатель остановился, не было, поэтому Иво решил открыть самую первую страницу. Чистый белый лист, на котором дублировались название и автор, только вот на обратной стороне листа была оставлена роспись. Роспись эта была оформлена небрежно, словно дрожащей рукой. Видать, писавший торопился, либо писал на ходу. Снизу росписи примечались слова: «Любимой Терезе от автора. Читай и внимай с удовольствием, твоя Р.». Интерес одержал победу. Иво перевернул страницу, перед ним предстал текст; это была вставка от автора, не само произведение:

«Как часто мы задумываемся о важном? Сказать прямо, я никогда об этом не задумываюсь. Да и я думаю, таких, как я, много. Ведь постоянно мы теряем что-то важное: время, деньги, людей... Жизнь, будь то физическая или духовная, так или иначе мы все равно теряем больше, чем обретаем.

Меня зовут Розария Мнишек, и я обычная девушка-бауманка, бежавшая в Стезис из-за политического дробления. У меня ничего не осталось. Вся моя семья была убита и изгнана демоном, дом мой обокрали пошлые и мерзкие солдаты Баумании, а сама я в течение месяца постоянно насиловалась, в связи с чем и вынуждена сейчас вынашивать ребенка от какого-то неизвестного мне мужчины. Я ненавижу эту жизнь. Чтобы выжить во время голода, я каждый день продаю свое тело за крошки от хлеба. Иногда, если обратит внимание какой-то богатей, оставят денег, что я отложу, дабы перестать принижаться.

Здесь, в стезийском городе Ригма, я живу все равно спокойнее, чем на своей родине. И вижу каждый день я одну картину, показала которую мне одна великая женщина... Об этом и есть моя книга. О том, что богатство — это та же бедность, и что нет в этом мире понятия «счастье» или «горе». Если ты все еще не выживаешь за счет продажного секса с грязными

солдатами, то поверь, ты счастлива».

— Ригма... Тот самый город, что изгнала эта девушка, — шептал Иво, погружаясь в рассказанную Ордовиком ситуацию, продумывая ее.

Жестоко. Одно это слово крутилось в голове парня. С другой стороны, со многим он не был согласен. Но, категорично смотреть на написанное желания не было.

Изгнанник открыл семьдесят восьмую страницу. Просто «тыкнул пальцем в небо», дабы посмотреть, о чем повествует автор в фактически середине своего произведения:

«— Что ты хотела мне этим сказать?

— Ничего. Я лишь желала, чтобы ты перестала бояться смерти. В конце концов, именно это тебя и отпугивает, чтобы возразить этому мужчине.

Розария немного пошатнулась, но Тереза удержала ее.

— Чего валишься? Правда глаза колит?

— Ах, что ты... Давление и все. Хотя... Ты так просто говоришь о смерти.

Тереза взяла девушку за руку. Взгляд второй устремился куда-то вниз, в сторону, но рука черноволосой коснулась лица Розы и повернула голову так, что их глаза смотрели друг на друга.

— У них есть все то, что у тебя отобрали. Разве это твоя вина? Впрочем, не их тоже. Просто так сложилась жизнь. Но это не меняет того факта, что никто не вправе тебя упрекать и морить голодом за копейку и заставлять выполнять похотливые мужские желания. Просто умей показать когти и все...»

Иво закрыл книгу. Сам того не осознавая, но почему-то сунул ее к себе в походную сумку. Затем сразу же и забыл про нее.

Незамедлительно черный изгнанник направился к Ордо. Сам окинул шкаф взглядом. С виду как самый обычный, только очень высокий. Внутри ничего не просвечивалось, лишь темень, да и только. Дверцы не открывались, какую бы силу не прикладывали. Ордовик пыжился и изо всех сил старался отворить ее дверцы. Но все было тщетно.

— Эх, бесполезно, — вытирая пол со лба, сказал Ордовик. Старик присел на пол и начал витать в облаках, думать, каким способом можно отворить шкаф. Иво в это время еще тщательнее осмотреть огромный короб, но также, как и ранее, ничего особенного не нашел. Затем он так же присел на пол и просто ждал указаний от старшего наставника. Но, даже тут было нечего ловить: по одному лишь взгляду Ордовика было видно, что все идет совсем не по плану, и что он абсолютно без понятия, что делать.

— Ты уверен, что оружие здесь? — Иво обошел шкаф.

— Нет. С другой стороны, че ж там такое запрято, что его не открыть просто так?

Иво не смог сдержать смеха.

— Ну у тебя и логика.

— Она меня никогда не подводила, юноша. В конце концов, раньше всегда живые оружия хранили около своего трона — традиция своего рода.

Бауманец озадаченно взглянул на всю представшую картину.

— Оружие, в котором запечатана живая душа Высшего демона... — шептал он себе под нос, но Ордо все равно услышал.

— ... Сильнейшая реликвия, которую только можно заполучить. Это оружие полностью развязывает тебе руки, открывает всю твою демоническую сущность. С этим оружием ничто не сковывает тебя и ты используешь свои силы на максимум. Высшего демона без такой штуки очень сложно изгнать. Хотя я все равно считаю, что их надо уничтожить все.

Безумные они, Иво.

Иво одобрительно кивнул головой, но не сильно.

— Для меня они тоже не более, чем обычные сказания

— Потому что после того, как нас начали косить, живые оружия попрятали к черту все.

Эта падаль с демоном внутри себя постоянно искушала своего носителя на изгнания живых душ. Ты сам вынужден изгонять, от своей биологии не убежишь. А тут еще сверху отродье тебя провоцирует, чтоб его. Скверная, в общем-то, штука. Хотя и действительно могущественная. С ней сила изгнанника действительно раскрывается по-другому.

— И как же?

— Ай, — Ордо пыжился, пытаясь как-то повлиять на дверь шкафа, хотя делал уже это автоматически, понимая, что толку ноль, — оружие с душой демона внутри даровало носителю новые паранормальные способности, и каждая была уникальной. Весь перечень и не скажу, честное слово. Но то, что живые оружия позволяли делать, выходило за рамки даже наших возможностей. В конце концов, это и не мудрено, тут уже сила Высших демонов Геенны была, мощи ей не занимать.

Иво продолжал слушать.

— Во всем этом, — Ордо запыхался, в конце концов отошел от треклятого шкафа и отбросил попытки его отворить, — есть огромная радость. Мало их было, осталось еще меньше. Такую реликвию только Высшие демоны и ковали. А найти такого, кто б сделал мощное оружие своему противнику... Хах, полный абсурд, не находишь?

— Нахожу.

Время утекало. А с ним и надежды на открыть шкаф простой физической силой.

— Пошли по углам покопаемся — может быть, там найдется что-нибудь, ключ или хотя бы подсказка какая.

— Будь по-твоему — пошли, — слишком просто согласился Черный изгнанник.

Старик направился в угол комнаты, прямо противоположный тому, где Иво рассматривал книги. Там находилось что-то, похожее на склады: куча сундуков — открытых и закрытых, лохмотья из тканей и ободранной кожи скота, стулья да маленькие столы. В целом, ничего приметного не было — лишь простая атрибутика любого дома. Иво же решил осмотреть все помещение еще раз, встав в центр комнаты и окидывая взглядом все вокруг. Особое внимание он уделил висящей люстре. Она выглядела достаточно прочной, чтобы выдержать Иво, отчего сразу же следовала идея — рассмотреть все свысока.

— Нашел что-нибудь, Ордо? — кричал Иво, всматриваясь в потолок и на люстру.

— Тонна пыли, какие-то тряпки, пустые сундуки... Слушай, тут есть дневник какой-то!

Иво вмиг поменял приоритеты своего внимания и уже всю глядел на Ордо.

— Дай взгляну.

Он вмиг устремился к седому изгнаннику и перенял у него пыльную черную книгу. Чисто черную, ни одного другого оттенка не замечалось. Благо, хоть страницы были классически белыми. Иво оттряхнул книгу от пыли, протер ее рукой, затем увидел едва виднеющуюся надпись на древнем языке самых первых народов континента. Этот язык сейчас служит основой магического лексикона, и Иво не был силен в его знании, однако фразу, написанную на обложке, он знал очень хорошо, ведь слишком часто сталкивался с ней благодаря изучением Инелы.

— Пути и способы реинкарнации... Ордо, не дневник это, а пособие по черной магии.

— Серьезно? — Ордовик также взглянул на книгу. Сперва не поверил, но позже

убедился. Иво не врал.

— Я думал, церковь пожгла все упоминания о черной магии еще в «бородатые времена».

— Пожгла, пожгла... Только вот не все, видимо.

Ордо открыл пособие. Оглавление было вырвано, да и вообще вся книга была знатно потрепана: где-то страницы были обуглены, где-то попросту вырваны. Некоторые страницы были заляпаны чем-то, а на какие-то явно попадала жидкость. Возможно, специалист данной отрасли и понял бы, о чем трактуется в книге, но уж точно не изгнанники, для которых магия — тема слишком отдаленная, к тому же написанная на древнем языке.

— Так-с... Может быть, хоть что-то найти можно... — Ордовик листал страницы и изучал содержимое. — Боже, язык сломаешь, пока поймешь, о чем написано!

— Возьми с собой. Я могу отдать книгу Инеле, она переведет и расскажет, что тут интересного есть.

— Нет, Иво. Королевской советнице я не буду отдавать эту вещь, к тому же, зная ее характер и поведение, она скорее отдаст ее в Алантею и те, в свою очередь, захотят заглянуть сюда, а я этих представителей высшей магии терпеть не потерплю в священном храме предков.

— Но ведь тебе нужно узнать, о чем тут говорится, разве не так?

— Мне? Нет, мне нет дела до игр с жизнью и смертью, воскрешениями. Я изгоняю, а не убиваю, изгнанного уже не возродишь.

— И зачем тогда она тебе?

— Отнесу в орден, там ей найдут применение, либо же запечатают и хорошо спрячут в качестве ценной реликвии. Все книги, содержащие черную магию, давно сожгли, так что это одна из самых ценных находок.

Иво было все равно на пособие о черной магии, поэтому и спорить он не стал. Хотя, был интерес взглянуть на содержимое, полистать да все же прочитать что-нибудь, однако Ордовик все смотрел и смотрел в книгу, не давая ее Черному изгнаннику.

— Может быть, дашь хотя бы мне взглянуть? — попросил Иво.

— Давай пока я все рассмотрю, вдруг тут что-то есть о том, как отворить вместилище с живым оружием, а потом дам тебе, договорились?

Иво согласился — легонько кивнул и направился к той самой висящей люстре.

Он взглянул на люстру. С виду она была прочной и должна была спокойно выдержать парня. Висела она на нескольких массивных железных цепях, а радиусом была примерно два с половиной метра. По краям люстры располагались большие свечи, однако выглядели они так, словно никто и никогда не зажигал их. Да и к тому же, кто в здравом уме расположит один из главных источников света на самом верху помещения? Это, как минимум, непрактично, и скорее даже невозможно для реализации. Этот вопрос Иво отложил — он не так уж и волновал изгнанника в данный момент времени. Главной загадкой оставалось решение проблемы с открытием магического шкафа, в котором, как был уверен Ордовик, находилось живое оружие изгнанницы. Перед тем, как использовать перемещение в пространстве, Иво в последний раз просмотрел всю комнату: Ордо все также листал пособие по реинкарнации, а все остальные углы никак не показывали на возможный ключ от шкафа. Впрочем, убедиться в этом полностью Черный изгнанник мог только, осмотрев храм с самой его вершины.

Иво встал в удобную стойку, сделав упор на ноги, зрачки обратились черным пламенем,

а плащ слегка задвигался, словно понизу прошелся легкий ветерок. За долю секунды его тело исчезло с пола и оказалось уже прямо возле люстры. Руками он схватился за одну из держащих люстру цепей, чтобы случайно не упасть на пол. Ноги крепко стояли на железном кованом основании люстры, а сам изгнанник находился в положении полуприседа.

Времени Иво не терял; он сразу же начал осматривать все помещение сверху. Отсюда храм выглядел еще больше, еще изящнее. Но, как бы изгнанник не хотел, ничего толком не поменялось. Ничего, кроме одного.

Спустя какое-то время, после использования изгнаннической силы и перемещения в пространстве на люстру, свечи, что стояли по краям, постепенно начали самостоятельно загораться черным как тьма огнем. Всего их было двенадцать штук, и зажигались они поочередно с интервалом в пару секунд. Пока Иво просто наблюдал за этим процессом, пускай и был очень удивленным, Ордовик кинул пособие в сумку, сразу же заметил характерные изменения в освещении комнаты. Оказалось, стали зажигаться не только свечи, но и все торшеры, что были в храме. Ключевой особенностью этого освещения было то, что, пускай пламя было черным, свет оно издавало яркий, словно обычный, известный всем, природный огонь.

— Иво! — выкрикнул Ордо, — что ты сделал?

Иво не отвечал, потому что сам до конца не понимал, что происходит.

— Иво! — в очередной раз кричал Ордо.

Вдруг, изгнанники обратили внимание на появление в помещении чего-то очень похожего на туман. Пар был не густым, скорее едва заметным, но он постепенно все густел и густел, пускай даже и с едва заметной глазу разницей. Иво стремительно начал искать источник данного явления. Сундуки? Нет, они все еще закрыты. Окон не было, значит, туман исходит из коридора? Тоже нет, туда туман даже не дошел.

Отгадка была куда проще. Иво заметил ее, а Ордо подтвердил.

— Шкаф, видишь?

Иво утвердительно кивнул.

— Да, вижу.

— Спускайся быстрее. Не знаю, что ты сделал, но ты открыл эту херню. Только давай в темпе вальса, прошу тебя. Один черт знает, кто может вылезти, охраняя реликвию.

Иво также молниеносно телепортировался на пол. К нему быстро подбежал Ордовик и они устремились к шкафу. Приближаясь к нему, туман рассеивало яркое зеленое свечение, словно тысячи изумрудов засияли в одной точке. Да, точно! Это были точно изумруды! Ни что другое не имеет такого зеленого оттенка. Подойдя к шкафу почти вплотную, тумана не обнаружилось, а перед изгнанниками предстало оно.

Длинная рукоять из плотного, хорошо отделанного дерева, такое же длинное и невероятно острое лезвие — оно было выполнено из посеребренной стали, однако сталь была не полностью серебряного цвета, а скорее черно-серебряного. Самым главным и, наверное, лицом этого оружие, были двенадцать вставленных в него изумрудов. Все они ярко сверкали, да так, что это оружие можно было использовать за место любого факела. Расположились они по всей длине лезвия косы, по шесть штук с каждой стороны. Аура возле оружия была невероятно зловещей, как и говорил Ордо, скорее даже пугающей. Лишь смотря на эту косу, Иво чувствовал, что перед ним находится не просто высший демон, а самое настоящее чудовище: жестокое, безжалостное и невероятно высокомерное. По взгляду Ордовика можно было увидеть абсолютно такие же ощущения. Старик вообще, казалось,

сейчас «съесть взглядом» эту косу. Иво впервые видел своего наставника по ремеслу таким. Он был всерьез удивлен и словно не мог сдвинуться с места. Застыл. Хотя в глазах горело что-то вроде азарта и жажды.

— Старик, ты живой? — Иво слегка коснулся тела Ордо, тот в свою очередь часто заморгал и слегка повертел головой.

— Да, живой... Берем оружие и уходим. Быстро.

Изгнанники быстро ринулись в сторону выхода. Время в сознании замедлилось. Одна секунда длилась, как целые десять. Да и сил в ногах бежать отчего-то совсем не было. Иво смотрел по сторонам и видел всю ту же комнату, что и до этого, лишь за исключением, что она была окутана странным туманом. Очень странным. Смотря на Ордовика, он видел, как седоволосый изгнанник крепко сжимает в руке косу, а изумруды на ней стали сверкать еще ярче. Само выражение лица Ордо было сложно передать: он не боялся, стремился уйти с ценной реликвией, но в то же время он до смерти боялся. Только вот, чего? Чего можно бояться? Иво прекрасно чувствовал ауры находящихся рядом с ним существ: всех живых, демонов, оживленных мертвецов — абсолютно всех, и он также прекрасно понимал, что в комнате нет ничего опасного или страшного. А если бы и было, то меч всегда под рукой. Под таким лозунгом они и вошли в это место, в храм великой и ужасной изгнанницы, которую Ордо с гордостью называл Шепотом смерти.

— Иво... — робко обратился Ордо к парню.

В потоке нескончаемых мыслей Иво сначала и не услышал обращение соратника, однако впоследствии все-таки обратил свое внимание. Хотя, как казалось изгнаннику, Ордовик обращался к нему уже не в первый раз.

— Да, Ордо? — спокойным, еле живым голосом отвечал Иво.

— Ты же тоже слышишь эти шепоты?

Шепоты. Да, шепоты. Они были повсюду. То ли женский, то ли мужской, но голос был очень «сладким» и одновременно устрашающим. Что-то невнятное звучало в голове изгнанников, да такое, что они совсем терялись в пространстве, теряли здравый рассудок. Помутнения были настолько серьезными, что Иво не просто не понимал, кто и что ему диктует, а главное откуда — парень просто не видел ничего вокруг. Для него все было серым, одинаковым, словно он находится в бесконечной белой бездонной коробке, постоянно летит куда-то и слышит лишь какие-то отголоски человеческой речи вдали. Она как будто провожала его в бездну, в ту безграничную даль, из которой уже никогда не выбраться. Что же там такое? Смерть? Умиротворение? А может быть, боль? Или напротив, счастье? В конце концов, при жизни не узнаешь ничего, а когда узнаешь, скорее всего, тебе это уже будет не нужно, да и ты не запомнишь ничего толком. Не успеешь запомнить. Да что шепоты-то... Вместе с ними изнутри выворачивал этот странный туман. Оглянувшись, Иво осознал, что не видит Ордовика.

— Ордо!

Иво кричал во все горло. Ответа не поступало. Он обратил глаза черным пламенем, также резко достал меч из ножен и взмахнул им в воздухе, наряду с этим применил почти незаметную телепортацию. Почти упав в бесконечную яму, Иво все же смог прервать непонятные галлюцинации, или что это было, и немного прийти в себя. Проморгавшись, туман стал более-менее рассеиваться, и комната вновь стала видна глазам, а шепоты вовсе пропали. Первоначально изгнанник оценил обстановку вокруг себя, и сразу же немного опешил: около него, примерно в двух метрах, валялся Ордо, возле которого, почти на нем,

находилось странное существо.

Бестелесное, не имеющее отчетливого очертания тела, однако, что было самым странным, в руках оно держало оружие, чего любые призраки по своей природе не могли делать. Оружие было ненастоящее, это была призрачная... Коса. Точь-в-точь, как и живое оружие Шепота смерти, без малейшего отличия, если не брать в расчет призрачный и прозрачный оттенок. Двенадцать изумрудов также сверкали, форма и размеры были идентичными — все было такое же. И хоть коса выглядела как бестелесный объект, она имела объем и спокойно отражала удары, а также поражала цели. Существо держало лезвие косы возле горла Ордовика, и с него уже стекала алая кровь. Стекала кровь медленно, но, приложи это существо чуть больше усилий, изгнанник больше никогда бы не проснулся. Только вот, что это за существо? Все признаки смахивали на фантома, с которыми Иво недавно уже сражался, только вот этот был необычным. Внешне он слишком сильно напоминал человека. Правда, безликого, но по структуре и очертаниям тела это была девушка. Аура от нее исходила зловещая. Поэтому, тяжело было назвать эту тварь «фантомом». Те, хоть и опасны, но не отличаются столь сильной аурой и представляют собой скорее мерцающие в ночи огоньки, а эта падаль слишком сильно смахивала образом на человека.

Без лишних раздумий Иво совершил телепортацию за спину отродья и быстро нанес удар в район его спины. Атака прошла успешно — монстр отлетел в сторону, и у Черного изгнанника появился шанс схватить товарища, отойти немного в сторону. Обхватив обессиленное тело одной рукой, Иво отскочил назад. Он отложил тело в безопасное место, то, что подальше от нависшей угрозы, затем направил взгляд в ее сторону. Фантом стоял прямо напротив, в пяти-семи метрах, пристально смотрел на изгнанников. Легкими и аккуратными шагами, словно Иво ходил по перышкам, он приближался к фантому, заранее приняв боевую стойку: меч был обхвачен двумя руками и вытянут кончиком лезвия вперед на уровне головы, руки были согнуты в локте, а ноги — в коленях. Сокращая дистанцию с противником, Черный изгнанник выжидал момента, чтобы совершить пару телепортаций и быстро изгнать противника: первая телепортация должна была прийти за спину, и служила она скорее обманным маневром; в то время как фантом обернется и будет отражать атаку парня, он сразу же совершит вторую телепортацию либо в бок, либо напрямик к лицу, и уже удар, летящий с этого положения, должен был стать решающим.

Момент настал. Сблизившись на достаточном расстоянии, Иво приготовился совершить маневр. Полная концентрация. Первая телепортация — за спину, как и предполагалось. Фантом был куда разумнее, чем предполагал изгнанник, и был готов к подобной атаке: он ловко повернулся лицом к Иво и выставил призрачную косу, дабы предотвратить удар. Как только меч должен был достичь оружия, Иво телепортировался сбоку от фантома, затем, собрав все силы воедино, он взмахнул мечом и нанес удар, который разрубил бы любое тело на две части. Но тварь оказалась хитрее и проворнее. Этот маневр она тоже предвидела, и нивелировала все повреждения резким выпадом вперед со скоростью более ста километров в час. Сразу же обернулась и хлестнула лезвием косы вокруг себя, с ужасающим свистом. Иво отразил удар, но его отшвырнуло в сторону. Он почувствовал, как что-то грубое вдарило в спину, стало больно, но терпимо.

Выругавшись, он незамедлительно окинул взглядом Ордовика. Тот подал признаки жизни — задвигался, головой нырял в разные стороны.

— Ордо! — кричал Иво, но ответа не поступало.

Иво резко встал, побежал вперед в атаку. Но резко остановился. Тварь попросту исчезла.

Ее не было нигде. Черный изгнанник не терял бдительности, аккуратно он перемещался к своему товарищу. Подойдя, потряс его рукой. Старик еще не понимал, что происходит, но уже хотя бы был в сознании.

Постоянно мельтеша глазами из стороны в сторону, противника Иво не видел. Зато почувствовал: со скоростью свирепо брошенного мелкого камня фантом летел на них со спины, уже замахнувшись с ужасной силой косою. Иво отпрыгнул. Кончик лезвия косы задел пол. Используя шанс, изгнанник хлестнул замешкавшегося врага по рабочей руке. Удар пришелся в самое предплечье, хотя никакой ответной реакции не последовало: ни визгов, ни воплей, ни отступления, ни контратаки. Однако, шепоты, раннее звучавшие не так отчетливо, стали громче. Это давило на рассудок и разум. Иво слегка отступил, а фантом вынул застрявшее оружие из пола и, взмахнув им пару раз, направился на изгнанника.

Снова телепортация, затем лезвия оружий скрестились в битве. Хаотичные лязги металла, свист воздуха. Изгнанник не успел среагировать на мощный выпад фантома и его полоснуло хлестким ударом косы. Первый моментально телепортировался назад, затем приложил руку к месту ранения — район живота. Теплая и густая кровь пропитала всю ладонь сразу же. Изгнанник старался не обращать внимания на, казалось бы, типичную для него ссадину, но в совокупности с усталостью в мышцах, болевшей и кружащейся от постоянных шепотов головой это ранение не казалось таким безобидным. Иво шатался, еле стоял на ногах, жаждал выжать из себя всю силу, всю мощь, но перешагнуть свои пределы никак не выходило.

Фантом сделал рывок с сильным и широким замахом косы. Иво еле как отпрыгнул назад, хотя волосами на голове почувствовал вкус и остроту лезвия. Чудовище продолжало выпады да атаки, а Иво, держась на волоске от смерти, чудом уклонялся от них. Изгнаннику уже было тяжело даже применять свою способность телепортации, настолько его тело было измотано. В коротких перерывах между атаками он быстрым взглядом окидывал Ордовика. Состояние того было абсолютно непонятным. Затем, после каждого проверочного взгляда, уворачивался от летящего в него лезвия и снова смотрел на Ордо.

Предпоследняя атака задела кончики волос парня; обрезанные острым лезвием косы, они легко и быстро взмыли вверх, разлетелись по разным сторонам. В спину изгнаннику уперлось что-то твердое, тяжелое и очень массивное. Глазами он не двигал — лишь смотрел в сторону фантома и наблюдал за его дальнейшими движениями, а вот правой рукой нащупал неизвестный предмет. Это оказался сундук, поверх которого расположилось множество полок, пустых и пыльных.

Фантом стремился нанести последний удар быстро и безжалостно. Взмах косою прервал появившийся сильный импульс в спине: он, словно удар тупым тяжелым предметом по всей площади тела, откинул фантома вперед и тот повалился на Иво. Второй успел перекатиться вбок. Ордовик, что до этого едва мог встать на карачики, живее всех живых, пускай и тяжело дыша, вытягивал руку в сторону противника, а во второй держал обнаженный меч. Аура его меча блистала, засияла новыми красками. А сам Ордо скалил зубы и обозленно смотрел в сторону твари.

Пока она была оглушена, Иво жестко, опираясь на грубую силу, а не на скорость, рассек ей спину, отчего та даже слегка взвыла. Она начала хаотично бросаться руками в разные стороны. Черный изгнанник отошел, примкнул к товарищу.

— Долго же тебя не было, — запыхавшись, говорил Иво.

— Ну-с, юнец... — Ордо говорил еще более запыхано, нежели Иво. Воздуха не хватало.

Его прервал фантом, что повернулся лицом к изгнанникам и медленно направлялся к ним.

— Даже ты ее не смог изгнать?

Иво прокашлялся, прижал рану на животе рукой.

— Она быстрая, Ордо. Очень быстрая.

Ордо непроизвольно засмеялся, словно это был приступ сумасшедшего.

— Вот сука какая, посмотри. Черт с ней, и не таких изгоняли.

Они побежал в атаку. Сразу же схлестнулись в схватке, в которой не был ясен победитель. Ордо был слишком опытен и знал те тонкости, которые позволяли максимально эффективно сражаться, не делая лишних движений и экономя максимум сил, однако в скорости он все-таки проигрывал. Но пробел в скорости компенсировал Иво, который мешал концентрации противника на одном лишь старике, тем самым заставлял делить эту бешеную скорость на двоих.

Дуэт изгнанников в битве впечатлял. Ордо уже не сковывал себя в силах и использовал все свои способности так, как будто от них зависит его жизнь. Впрочем, так и было. Своей изгнаннической способностью, сильным направленным импульсом, он сбивал фантома с толку, предотвращал могущественные атаки. В их паре Ордо выступал щитом, прикрывающим союзника, а Иво — грозным мечом, быстро и ловко наносящим серьезные увечья противнику. Хотя тварь была настолько сильна, что умудрялась даже при таких преимуществах изгнанников «переигрывать» их. Длина косы здесь играла большую роль: лезвием оружия фантом блокировал атаку первого, а длинной рукоятью — второго. Затем, меняя темп сражения, хлестко взмахивала этой косой, заставляя изгнанников немного отступить.

Они не договаривались между собой, но идеально понимали друг друга даже без слов. Оба изгнанника вложили все свои силы в один маневр.

Ордовик вновь использовал импульс. Но в этот раз сильнее прежнего. Вытянув руку, неизвестный и сильный удар серьезно отбросил фантома назад. Он летел и не мог остановиться. Вертел постоянно головой, выискивая второго изгнанника. Не видел его.

Иво стоял как раз сзади. Он заранее телепортировался в спину фантома, но подальше от него. Руки направляли меч вперед, и, летящая спиной вперед тварь, по итогу налетела на его клинок. Меч проткнул ее насквозь, Ордо прекрасно видел торчащее лезвие из брюха. Но лишь на миг оно осталось там. Иво расвирепел, грозно закричал. Он вкладывал все силы в этот удар. И, вложив достаточно, меч уже по инерции сам «пошел как по маслу»: Черный изгнанник перерезал тело жертвы, та загоготала, упала без сил на пол. Она еще билась немного в конвульсиях, но вскоре почти сразу же начала пропадать.

Изгнанная душа фантома ринулась в область груди Иво. Тот поглотил ее с отчетливым вдохом. Правда, потом сразу упал без сил на спину, выронив в падении меч.

Ордо мигом ринулся на помощь. Он взглянул на бауманца. Тот был в норме, просто устал. Хотя и дышал тяжело. На всякий случай, старик проверил пульс и сердцебиение товарища.

— Устал что ли?

Ордо засмеялся. Иво слегка улыбнулся, но лишь на миг.

— Совсем немного.

Туман полностью рассеялся, теперь это было такое же место, как и раннее. Что больше радовало, шепоты наконец прекратились. Было тихо... Слишком тихо. Но это нескончаемо

радовало что Иво, что Ордовика.

Черный изгнанник быстро пришел в себя. Он нащупывал рану на животе. Благодаря изгнанной душе та подзатянулась, хотя все еще ныла и болела. Он встал на ноги, опираясь на Ордовика, что, не задумываясь, подставлял свое плечо. Со временем бауманец адаптировался, мог уже стоять без помощи.

Они смотрели в сторону изгнанного фантома. Фантома-то уже не было, но вот та призрачная коса, коей он орудовал, все еще валялась на полу и ярко светилась. Изгнанники озадачено посмотрели друг на друга, затем направились к призрачному оружию. Ордо параллельно также взглянул в сторону, где он оставил физическую косу из шкафа: она также лежала на своем месте, никуда не пропадала.

Старик взял призрачную косу в руку. Сразу же удивился.

— Поразительно, Иво. Она не имеет физического облика, физической оболочки... Но держать ее не составляет никакого труда. А еще...

— Чувствую, Ордо. Превосходно чувствую.

От призрачной косы исходила еще более зловещая аура, нежели от физической. Эта аура втаптывала в землю всякого, кто был рядом. Она давила и истязала.

— Разберемся потом, что к чему. Такого даже я не ожидал.

Ордо вручил призрачную косу Иво, тот покорно взял ее. Сам старый изгнанник быстро рванул за физической копией оружия.

Желания остаться в этом храме не было. Быстрым шагом изгнанники покинули место бойни. Яркие зеленые огоньки сопутствовали им в пути.

IV. До встречи

Минули сутки с той бойни в храме.

Изгнанники грелись у костра. Они были уже далеко от Кораллейка, да и возвращаться туда с найденными реликвиями было нельзя.

Треск веток разбавлял вечерние лесное жужжание, а яркий свет отчетливо выделялся в ночной пелене.

— ... Ну-с, вот так у нас дела обстоят. Потихоньку-помаленьку возвращаемся к прежней жизни, — Ордо говорил расслаблено, попивая горячий чай, что плескался в котелке, расположенном под наклоном подле костра.

Иво искренне улыбнулся.

— Я рад за тебя.

Он также сидел и пил горячий чай, заваренный Ордовиком. В кружке плескалось множество ягод и трав, отчего он был вкуснее любого другого напитка.

— Ты сам-то не надумал примкнуть к нам? Такой изгнанник, как ты, Иво, стоит сотни прочих.

Иво вертел головой.

— Нет, Ордо. Прости, но я сам по себе. Орден не моя стезя.

Духовный орден представлял собой объединение изгнанников, занимающихся тем, для чего были созданы: изгнание демонов и бессмертных монстров. Все в этом ордене были верны своему делу, отдавались лишь ему. Но Иво не любил четких рамок и границ. Свобода, путешествия, мирская жизнь куда больше привлекала его. Хоть и не хотел он связывать свою жизнь с изгнанническим объединением, Черный изгнанник радовался, что остались те, кто сражаются с тьмой во тьме. Ордо же был одним из основателей ордена, его

— Эх, молодежь... Никто не хочет работать, все на старых взваливаете.

Иво фыркнул с последующим смешком. Ордо поддержал его.

— Да шучу я, шучу.

Они сделали по глотку чая из кружки. Атмосфера вокруг была максимально уютной, приятной. Даже не хотелось думать о минувшем и грядущем. Хотелось лишь остаться здесь и сейчас навсегда.

— А я тебе не рассказывал про стачку близь Лазуритовых гор? — оживленно воскликнул Ордо.

— Рассказывал, — Иво слегка покивал головой.

— Хм... А про демона из Белграда? Такая там тварь завелась тогда — ужас какой-то! В общем, дело было так. Мы мужиками там собрались по каким-то делам, уже и не вспомню точно... А всюду народ шуганный! Ну мы и начали узнавать...

— Ордо, я эту историю уже раз пятый буду слушать.

Ордо недовольно выдохнул.

— Ну ты и зануда, Иво! Сто лет с тобой не видимся, а ты канючишь и не слушаешь истории старого-доброго Ордо. Дебил черноглазый.

Иво засмеялся.

— Старикам слова не давали.

Старый изгнанник в это время пополнял кружку остатками чая в котле.

— Старикам вообще ничего не дают: ни слова не дают, ни гроша не дают, даже девушки уже стороной обходят и не дают...

Суровый и веселый взгляд сменился грустным. Хотя это была чистого рода актерская игра, не иначе.

— Ну-с, извиняй, старче! Тебе все эти девочки во внучки годятся.

— Эх, и то верно, конечно. Ты вообще удобно устроился, паршивец. Такую красавицу себе забрал, мать божья! Как она, кстати? Инела все также, при параде и марафете?

— Да, все также... — Иво слегка опустил глаза, — хотим постоянно уехать куда-нибудь на время, отдохнуть вдвоем, но постоянно то у меня что-то приключится, то она вся в делах. Видимся жутко редко.

— Ай, это все ерунда, Иво. Главное, что всегда можете и есть вы друг у друга. Ты в конце концов себя береги, девчужка ж изведется вся, случись с тобой что-то!

Иво не ответил. А Ордо замолчал. Они смотрели на костер. Иво время от времени также смотрел на ночное звездное небо, а Ордо — на лежащий вокруг снег. Его радовало, что погода утихла и свирепый ветер ушел куда-то далеко, за горы и поля в неизвестное направление.

— Слышал, около Узо Бора какая-то дьявольщина случилась. Не в курсе? — говорил Иво.

— Конечно слышал. Наши говорят, там была бойня между изгнанниками. Точнее сказать, между одним изгнанником и целой группой других. Ну и тот один изгнал всех, кто пошел против него. Жуть конечно. Хотя и ничего необычного, в целом. Проблема в том, что в крепости Узо Бора постоянно обитало множество демонов, да тех, что пострашнее обычных бесов да марширующих будут. И видится мне, неспроста это.

— О чем ты? — Иво допил весь чай. Кружку положил рядом, а сам собрал оставшиеся капли на губах на пальце. Капли эти и слизал.

— Если падали много обитает где-то, значит, на это есть причины. Беда в том, Иво, — Ордо смотрел на лежащую рядом с ним физическую косу. Она была такой неприметной, что

часто терялась из виду, — что мы не знаем, где хранятся оставшиеся живые оружия, а также сколько их уже было найдено. Сейчас время хоть и спокойное, но... Рано или поздно, я уверен, грянет ужасная война за эти побрякушки. Сила всегда искушала нас. Зная это, просто проведи логическую цепочку: один изгнанник стер с лица земли группу других. Он один изгнал всю группу. Каким бы ни был этот непонятный изгнанник, против группы подобных выжить практически нереально. И сдается мне, что в Узо Боре было еще одно живое оружие, которое и нашел победитель. Хотя, буду честным, это всего лишь догадки.

Иво смотрел на ту призрачную копию, что была возле него. Слушал Ордо и соглашался с каждым его словом.

— Будь что будет, Ордо.

— Это точно...

Воцарилась тишина. Взгляды, полные мыслей, устремлялись к огню. Он приковывал изгнанников, даровал то необходимое уютное тепло, а языки его пламени танцевали для них, бушевали из стороны в сторону, привлекая взгляды к себе.

Они бы сидели так очень долго. Если бы была на это возможность.

Иво спокойно встал. Посмотрел куда-то вдаль. Затем на Ордо. Тот сидел и не намеревался покидать уже нагретое местечко.

— Я пойду.

Ордо чихнул, затем протер глаза, пристальнее уставился на изгнанника.

— Уже?

— Да. Чего тянуть кота за яйца.

— Ну-с, смотри сам.

Он все же встал. Подошел вплотную к Иво. Они пожали друг другу крепко руки, сразу же обнялись и побратались. Прощаться никто из них особо не хотел, но возле этого костра пути изгнанников расходятся. Ордо слегка отступил назад, чтобы было проще общаться.

— Как и договаривались. Коса твоя, но до момента изгнания Всадника. После этого вернешь ее в орден. Я ребятам принесу эту, — пальцем он указал на физическую косу. Взгляда не отводил.

— Конечно.

— И будь аккуратен с ней. Только пробудишь ее — появится жесткая ломка, придется сдерживаться. Демон внутри оружия будет жаждать человеческих душ. Если не выдержишь — встанешь на путь изгнания живых. А там, Иво... Прости, но сам знаешь, что придется с тобой сделать.

Иво спокойно и рассудительно кивнул головой.

— Даю слово, Ордо, все будет хорошо.

— Я верю тебе.

Он напоследок похлопал бауманца по плечу. Иво незамедлительно собрал все свои вещи, а напоследок схватил призрачную косу. Он взглянул на нее, прикрыл веки, затем, открыв их вновь, призрачная коса, подобно изгнанной душе, влетела внутрь Иво и пропала из его рук. Ордо похихикал.

— Кто же знал, что эта физическая дрянь лишь подделка, а настоящая коса Шепота смерти является аналогом души, что позволяет ее заковывать в себя... Хорошо, что мы узнали это свойство сегодня утром.

Иво устремился вдаль. Куда — сам не знал. Ордо же уселся обратно на теплое нагретое место, в этот раз полностью развалившись на поваленном дереве, что служило спинкой для

сидения старого изгнанника. Он взглянул на небо, «чирикнул» слюнями, после провожал бауманца взглядом.

— Бывай, Ордо, — Иво окликнул старика, слегка повернув голову вбок.

Ордо с улыбкой ответил.

— И тебе не хворать, Черный изгнанник. Дай Бог, на большаке скоро встретимся.

Он вновь распластался всем телом, радуясь, как дивное дитя, теплему костерку рядом.

Хотел еще выпить чаю, да только тот кончился, увы. Но это нисколько не расстраивало.

Главное, что покой в душе победил все невзгоды и переживания.

Иво пропал из виду. С концами растворился в темени лесной гущи.

Судьба, предначертанная мне

Минуло несколько дней с предыдущей истории.

Только что пропели петухи. Ночь, проведенная в пути, привела изгнанника в Прохоровку — деревню, расположенную на стыке границ Баумании и королевства Стезис.

Иво шел не спеша. Деревня маленькая, населением человек тридцать с хвостиком, преимущественно старики да бабки. Изгнанник лишь проходил мимо.

В глаза бросился трактир — на это указывала часть вывески. Однако, была и вторая, на которой указывалось название трактира. Она валялась возле входа, причем лицевой стороной вниз. Название заведения осталось неизвестным. Он направился ко входу. Дверь была не заперта.

Иво постучался. Реакции не было. Постучался еще раз. В ответ — все то же ничего. Изгнанник приоткрыл дверь, заглянул в появившуюся щель. Никого не было. Постепенно он начал открывать дверь, медленно и аккуратно, чтобы не потревожить возможных владельцев.

По итогу, Иво полностью отворил дверь. Внутри было пусто и тихо. Он прошел вперед. На вид это было самое простое крестьянское место для пьянок. Гнилые окна, старое изношенное дерево повсюду. Столы уже все были в трещинах, да и сам трактир не выделялся размерами — маленький кубрик с еще более маленькой комнаткой в самом углу, где спал владелец.

Подойдя к этой самой комнате, Иво постучал по двери. В этот раз чуть громче. Ответа не было. Тогда-то, уже по отработанной схеме, он слегка приоткрыл дверь, но она сама дернулась изнутри, да с такой силой, что Иво чуть не оторвал ручку. Следующее, что увидел изгнанник, было летящее в него полено. Лишь благодаря своим рефлексам и нечеловеческой ловкости он смог увернуться от него. Да еще и тот, что замахнулся, под конец швырнул полено в сторону изгнанника, но оно пролетело мимо.

Швырял дед. Он стоял в дверном проеме. Хоть и старый, но пузатый был, как черт. Глаза озлобленные, руки напряженные. Не успел опомниться, на смену полону схватил он глиняный горшок и вновь попытался швырнуть в изгнанника. В этот раз Иво просто остановил его, схватив за руку и удерживая ее в кулаке. Дед брыкался.

— Прочь иди, падаль этакая! Хватит народ доставать! Пшел вон отсюда, кому сказал! Нет у меня денег. Убью сейчас, ирод.

Он бросил горшок прямо в голову Иво. Опять неудачно. Позади раздался смачный звон разбившегося предмета.

— Старик, успокойся...

Иво не углядел, как дед схватил уже нечто посерьезнее: кочерга, вся в саже, но тяжелая, как туша тельца. И как со всей силы замахнулся, что изгнаннику пришлось отпрыгнуть назад.

— Мародеры сраные! Живы тут люди, живы! Слышишь? Нехер здесь ловить, пошел нахер отсюда!

Дед выступил вперед и, подобно искусному фехтовальщику, начал махать кочергой в воздухе в попытках отогнать Иво. Но изгнанник не отступал.

— Старче! Окстись! С миром пришел, за завтраком да горячей кружкой чего-нибудь этакого. У тебя ж трактир, так угости путника за монету-другую.

Дед не обращал внимания. С особой злобой замахнулся кочергой и со свистом постарался нанести удар прямо в лоб бауманцу. Иво в ту же секунду обнажил свой меч и отразил удар, да с такой силой, что кочергу из дедовских рук он отшвырнул куда-то в сторону. Владелец трактира ошалел от такого, сразу поменялся в глазах, словно увидел смерть пред собой. Рукой он начал креститься и суетливо отходить назад.

Изгнанник откинул меч в сторону, поднял одну руку кверху, а второй достал кошель, что таился за пазухой. Руку с кошельем также поднял кверху.

— Так что, угостишь путника, а? Я плачу.

Дед остыл. Впопыхах носился туда-сюда, готовя еду изгнаннику, который уже уселся за столиком. Пока Иво витал в облаках и ждал, ему было накрыто на стол по полному комплекту: горячая тарелка с кашницей не понять какой, но пахло от нее вкусно, такая же вкусно пахнувшая кружка какой-то горячей жидкости — вроде как чай, но какой-то странный. Ко всему этому еще прилагался свежеиспеченный хлеб да тарелка с овощами. Пузатый дед также наложил и себе всего приготовленного добра. Уселся напротив изгнанника.

— Ну ты даешь, конечно! Ловко ж ты заточкой орудуешь, ну прям мастер.

Иво дул на горячую кашу. Как подует — говорил.

— Ты для своих лет тоже жуть какой активный, бать.

— Че ты со своим «бать» да «бать»! Я ж представился, Иво — Светозар я. Све-то-зар!

Изгнанник взял первую ложку на пробу. Приготовлено вкусно, «с душой».

— Сути не меняет, Светозар, что активный ты, как рысь.

Светозар загоготал, прихрюкивая.

— Как рысь... О даешь, сынок! Ты поэт что ли?

Манера речи хоть и была веселой и открытой, но слегка утомляла.

— Можешь и так считать. Ты мне лучше скажи, что за мародеры тут у вас такие объявились? Вроде как деревня не пустует. Вон, время прошло с утра, так все носятся, как резаные.

Нависла маленькая пауза. Общавшиеся ели.

— Да это так, я их потенциально мародерами зову. Нам тут просто бабка наша гадалка мозги напудрила, что скоро скосит нас какая-то ересь, так некоторые поверили и начал проверять по утру, сдох ли кто-то. От суки, а. Ну нельзя ж так вести себя, а они ведут! Руки бы пообрубал.

— А от чего покосить вас должно?

Иво ел быстро, а вопросов задавал мало. Светозар же делал точь-в-точь наоборот.

— А я чет и забыл уже, хлопец. Какая-то страшная дрянь, что-то там вызвано, бла-бла-бла и прочее. Че с нее взять-то, с Милавки — она башкой уже тронулась давно, в гадалки заделалась. Эх, че ж с бабами творится иногда. Хотя, эта уже не баба, а самая настоящая карга. Нос картошкой, спина крючком — ужас! Лучше б в огороде пахала да кормила деревню, а она сидит и придумывает всякие страсти — «гадает», видите ли. Только какой олень поверит в эту чушь? Хотя... Как показывает практика, оленей дохрена среди нас развелось.

Иво доел всю кашу. Принялся пить чай.

— А ты сам-то, Иво, какими судьбами в нашем захолустье?

— Мимо проходил, сказал ж уже.

Горячий чай прогревал самое нутро изгнанника.

— Ай, хрен с ним! Кем будешь-то?

— Наемником буду.

Светозар аж встал от радости.

— Ну мне прет сегодня! Иво, коли наемник, не плати мне за еду и питье, а выполни заказ.

Изгнанник непонимающе зыркнул на деда.

— Какой еще заказ?

— Бабку эту вразуми! Милаву, чтоб ее черт подрал. Хотя, там такая бабка, что даже черт ее драть не будет! Ха-ха-ха!

Светозар смеялся так, что пузо его вот-вот бы треснуло. Иво же спокойно себе пил чай. Светозар резко перестал смеяться. Хотя в голове до сих пор «заливался» со своей шутки.

— Ну так-с, что думаешь? Услуга за услугу.

Иво аж поперхнулся. Вспомнил, как говорил также Ордовику.

— Нет, старче. Я лучше заплачу.

— Да что тебе стоит-то? Ну, пару угроз кинь в ее сторону, махни мечом пару раз перед ее рожей, и все — она сгинет прочь в страхе! Вся деревня тебе спасибо скажет. Хотя... Не, лучше сделай так, чтоб она не сгнула, а на огород пахать ушла, как любая нормальная баба. Так всяко пользы больше будет. Ну еще можешь посоветовать ей за собой ухаживать — потенциально, она даже вроде ничего такая может быть. А еще...

— Нет.

Иво повысил голос. Дед сразу замолчал. Но обозленно взглянул на изгнанника, обиженными глазами.

— Тогда с тебя пятьдесят червонцев!

— Сколько-сколько?

Взгляд Иво похолодел, погрубел. Брови он нахмурил, встал во весь рост, даже чай не допил. Дед с испугу отошел в сторону.

— Ну, а ты как думал... Нынче все дорожает, хлопчик. Время-с тяжкое.

Голос Светозара слегка подрагивал.

— Харя не треснет старая твоя? Пятьдесят червонцев за кашу с чаем? Я хату могу за такие деньги снять хорошую, а ты полтинник за кушанье просишь? Дам десять, не больше. И то по доброте душевной.

— Ну... Вообще-то еще хлеб да овощи.

Иво достал монеты и положил их на стол. Развернулся и направился в сторону выхода. Перед выходом зыркнул обозленно на деда.

— К ним я даже не притронулся.

Он покинул трактир так быстро, как позволялось. Вышел на деревенскую тропу. Краем глаза видел, как возбужденный интересом Светозар высматривал дальнейшие действия изгнанника. Фыркнув себе под нос, он оставил деда в покое. Уж очень тот был раздражающим.

Пошел вперед, по тому направлению, какому и шел до этого. Всюду действительно закипела жизнь. Классическая крестьянская. Кто на огороде, кто занимается бытовыми делами, кто-то, придерживаясь классики жизни, с раннего утра уже бухал и ничего ему более не нужно было.

Но что-то в этой деревушке было не так. Может, лишь внутренние предубеждения

складывались, но Иво чувствовал некий мрак и смрад в этом месте. Хотя с виду все было настолько обычно, что даже скучно.

Изгнанник был в самом центре Прохоровки. Все время глядел по сторонам, да только ничего эдакого не находилось.

Здесь же, по центру, расположилось домишко местных заправленцев. Зачуханная деревянная коробка, но даже такая она выглядела лучше прочих домой. Однако пред входом было красиво: местные засадили тут все деревьями и они уже выросли до трех с хвостиком метров высотой. Обычные березки, распространенные благодаря своей простоте и дешевизне. Да и пара скамеек тут стояли — все для народа, как говорится. Землица была чистой, слегка травянистой, но трава была аккуратно выкошена под определенный уровень, так, чтобы и не сильно высокой была, и не сильно низкой. Тропинка, ведущая туда, так и манила, но делать в здании было абсолютно нечего. Иво направился дальше.

Но прошел недалеко. Рядом стоял столб, на коем были таблички с направлениями в последующие ближайшие населенные пункты.

Иво внимательно осмотрел их. Сделал вывод, что до ближайшего нормального города, уже Бауманского, было около пятидесяти трех километров — вторая цифра была плохо видна из-за не самого высокого качества таблички, изгнанник видел лишь очертания цифры.

Чуть дальше этого столба, где-то в метрах двухстах, одиноко сидела бабулька в тени. Она сидела, склонив голову к земле, отчего лицо было скрыто. Одежания только вот ее странно смотрелись: синеватое платье в горошек, но достаточно плотное. По другую сторону от нее сидела еще компания стариков. Они не выделялись чем-то особенным и проводили время за обсуждением чего-то важного их старческой жизни. Не было слышно, что обсуждается, но Иво видел шевелящиеся их губы.

Пошел дальше. Деревушка почти закончилась.

Он и не заметил, как остановился. Услышал броское и грубое в свою сторону.

— Что, — бабка злостно и отчаянно хихикала себе под нос, — пришел полакомиться сладкими душами, нелюдь?

Иво сначала не понял, что происходит. Он подошел поближе к одинокой бабке, присел на корточки, чтобы лучше слышать, что та бормочет.

— Я думаю, ты меня спугала с кем-то, старуха.

Бабка издевательски и истошно хихикала, едва сдерживая приступ кашля во все горло.

— Нет. С кем ж я могу тебя спутать. От тебя тьмой смердит на три версты, а душа твоя грешная чернее смолы в болоте.

Иво осмотрелся. По близости никого не было.

— Я так понимаю, ты та самая бабулька, которую все ненавидят? Гадалка, что пророчила всем смерть. Милава.

Изгнанник попытался взглянуть на ее лицо, но бабка не давала сделать это. Ее хихиканье напрягало.

— А кто тебе уже поведал про меня, хлопец?

— Светозар. Изначально именно он показался мне самым противным стариком этой деревни. Но сейчас я уже не уверен в этом.

Иво говорил тихо, в полтона.

— Ох, Светозар, значит...

Милава приподняла голову. Старик не соврал, лицо ее правда было омерзительным: нос крючковатый, чрезмерно кривой, а еще с него свисали козюли, глаза косые, кожа

шелушилась и, казалось, не составило бы труда содрать ее с лица. Седые волосы на голове склеились в единое целое, были настолько жирные и затрёпанные, словно о них елозили цельным куском сала. А когда Милава улыбалась и открывала рот, в нос бил едкий неприятный запах. Да и зубы ее были кривые, половина из которых вообще уже давно выпала.

— Как тебя зовут, юноша?

Голос ее был мерзок, как будто олицетворение язвы обращалось к изгнаннику.

— Иво. Иво Эль Гарден.

— Иво, значит... Изгнанник. Давненько я подобных представителей не встречала. Уже и позабыла, какие вы отвратительные.

Иво промолчал.

— Так и ответишь на мой вопрос: полакомиться нашими душами пришел?

— Я не изгоняю живых. Это мое кредо, — голос Иво был серьезен. И хоть говорил он тихо, зато отчетливо и прямо.

— Ну это пока...

Милава не уступала в уверенности.

— Это всегда.

— Нет, Иво Эль Гарден. Это пока что ты не изгоняешь живых.

— Ты гадалка, может быть. Но не пророчица.

Бабка вновь ответила ехидным смешком в сторону изгнанника.

— Я не делаю ложных заявлений. Никогда и никому. А раз уж ты сам затронул эту тему...

Милава протянула ладонь.

— Хочешь нагадаю судьбу, юноша? С тебя один чертовый червонец и вытянутая вперед ладонь. И в глазки посмотреть нужно будет.

— Я не верю в предсказания...

— Иш ты! Так я в твою душу взгляну всего лишь за монеточку, тебе что ли даже не интересно? — Милава язвила.

Сперва Иво проигнорировал предложение, но потом все же достал монетку и положил в руку бабке. Та счастливо спрятала ее в подшитый к платью карман.

— Какой молодец. Давай сюда ручку да не стесняйся посмотреть старухе в глазки. Хотя в твои мне не очень хочется смотреть, ирод. Но, Бог с тобой — глазенки отражением души служат, придется потерпеть.

Иво послушно выполнил все, что ему было сказано. Старуха смотрела в глаза, рот открыла так, что дышать становилось все тяжелее и тяжелее. Пальцами она водила по руке изгнанника, затем, насмотревшись ему в глаза, оглядывала линии на кисти Иво. Все время охала и ахала.

— Ох... Интересная у тебя судьба, изгнанник.

— И что же ты там увидела, старуха?

Она смочила губы. Язык ее подрагивал, но она облизала их, затем вновь спрятала где-то в полости рта.

— Вижу голод. Жестокий голод. Такой, какой ты вполне возможно не сможешь пережить. Еще я вижу девушку, зеленоглазку. Она изменит тебя, создаст множество вопросов, но также на множество и ответит. Ты с ней сблизись, может даже слишком сильно... Но она очень жестока. Наверное, хуже нее не будет никого в этом мире... Или

будет... Нет, не будет. От нее слишком разит мертвыми душами.

Милава сделала паузу.

— Ох... Твоя судьба тесно связана с еще одним человеком. Он словно твой заклятый враг. Он так похож на тебя, но в то же время... Вы похожи, как две капли воды одной реки, но различны, словно огонь и вода. Кто-то из вас сгинет в небытие... Но смутно вижу, кто именно. Зеленоглазая девка будет направлять тебя и помогать, чтобы ты вышел победителем. Но сильно на нее тебе не стоит надеяться. Кроме того... Ох... Тяжело тебе будет, сынок. Вижу, как ты станешь монстром, потому что судьба такая у тебя. Много потеряешь ты в этой жизни, а приобретешь мало. Любовь вижу, но на этом все. Но эта любовь ничто, по сравнению с мертвыми душами, что витают вокруг тебя. Много кого ты изгонишь... Вы начнете изгонять друг друга. Есть что-то величественное, что повлияет на ваши братские отношения.

Она понизила тон голоса. Специально, чтобы никто не услышал лишнего. Иво старался вникать в сказанное.

— Будут особо сильные враги, с которыми не понять, как сложится. Один из таких поджидает на ближайшем пересечении дорог. Ого... — Милава удивительно воскликнула, — так это тот самый, что выкосит меня и всех в нашей деревне...

— Кто он? — Иво прервал гадание.

— Он... Монстр. Мы умрем от болезней, но ты сойдешься с ним в схватке.

— Когда это будет?

— Не знаю. Но скоро, будь уверен. После монстра придет твой заклятый враг, а вот когда придет в твою жизнь девушка... Я не могу сказать. Она и слишком близко, и слишком далеко. Очень далеко... А еще я вижу, что ты сам станешь монстром. Таким же, как тот, с кем будешь сражаться, и таким же, как твой заклятый враг.

— Кого ты имеешь в виду под монстром? Кого ты называешь монстром?

— Сложно сказать.

Она отбросила руку изгнанника. Резко склонила голову к земле, как и сидела до этого.

— Ступай отсюда. Больше мне нечего тебе сказать.

Изгнанник опешил.

— Я прошу тебя, объяснись. Что ты имела в виду под...

— Ступай. Мне больше нечего тебе сказать.

Иво отошел, но все равно настаивал на своем. Старуха ерничала.

— Иди прочь, изгнанник. Мне тяжело находиться с тобой рядом. Я сказала все, что увидела. Как это понимать — дело твое. Скажи спасибо, что вообще находилась с тобой рядом, отрепье дьявольское.

Иво еще смотрел на нее какое-то время. Может, выжидал, что та все же сдастся и скажет в подробностях то, что увидела. Но все было тщетно. Загадочная Милава выбрала самый подходящий момент, склонив голову и отвернув свой взор от изгнанника прочь, опять к земле. Она вновь запыхтела, словно «кашляющая» печка в крестьянской хате, вновь засопела и противно заиздавала истошные звуки.

Бауманец просто сгинул. Как та и просила, он не задерживался на месте и просто следовал своему пути — куда-то туда, далеко за пределы Богом забытой деревни. Местный люд не особо радовал, как и не был столь гостеприимным, чтобы оставаться здесь надолго. Ничего вообще здесь не радовало, за исключением, наверное, лишь определенного покоя, присущего местной земле.

Он подошел к последней табличке, расположенной подле неприметного выхода из Прохоровки. Место это скорее походило на старый порыпанный забор какого-нибудь дворика. Взгляд поднял. Таблички направляли в подобные этой деревни. И лишь одна указывала направление в Люстер — пятьсот верст было до столицы. На лице изгнанника выскочила гнусная ухмылка.

Иво ступил слегка в сторону — здесь кони были в загонах. А рядом стоял загонщик. Он все еще витал в облаках и слегка похрапывал. Хотя на появившегося рядом изгнанника отреагировал моментально, слегка дернувшись и проморгавшись кивнув ему в знак приветствия.

— Почем кобыла?

Загонщик указал пальцем на ту, что была ближе всего.

— Сотня, сын.

Иво отвел взгляд, затем с досадой глянул в кошелек. Монет было много, но недостаточно.

— Есть только восемьдесят две.

Он протянул кошель в руки мужчине. Тот пересчитал содержимое.

— Ай, черт с тобой. Бери, все равно уже старый, либо так, либо забить придется.

Изгнанник легко и едва заметно кивнул. Он вскочил на коня и погладил его по гриве. Животина благородно фыркнула. Они сразу же двинулись. Загонщик кричал что-то вдогонку.

— Куда путь держишь, молодец?

Иво остановился, простоял секунд пять, затем посмотрел одним глазом в сторону мужика.

— Куда глаза глядят, туда и держу.

Усевшись поудобнее, изгнанник устремился вперед по тропе.

I. Мрак I

Иво резко открыл глаза.

Было ощущение, словно нечто его потревожило. Это нечто и заставило пробудиться.

В полудреме он покрутил головой по сторонам. Все в округе было непонятным, не от мира сего. Это место было очень похоже на его родной континент, на его родные земли, которые изгнанник считал своим домом. Но вид флоры и фауны не пестрел разнообразием, коим обязан был. Все было серым, отвратительным. С деревьев слетали не листья, а частицы непонятной серой массы, растворяющейся моментально в воздухе, стволы деревьев лишь казались твердыми, а травы и вовсе не было.

Изгнанник валялся на земле. Как минимум, так казалось лишь сперва. Поводив рукой по ней, на ладонях скопились тысячи безобразных серых частиц. Иво принялся, взял остаток с ладошек на пробу. Все указывало на одно — пепел.

Лишь сейчас, придя в себя, но до конца не осознавая происходящего, он обратил внимание на некую ауру, расположенную сзади него.

Сразу дернулся, привстал и резко обернулся.

Девушка сидела совершенно спокойно, смотрела в виднеющееся вдали безжизненное мутное озеро и сверкающая в вечной мгле этого места зелеными глазенками.

— Впечатляет, правда?

Она заговорила первая. Голос ее был приятный, даже чарующий в какой-то степени, а говорила девушка уверенно, не колеблясь.

— Кто ты?

В ответ она засмеялась.

— Забавно, что первое, о чем ты захотел узнать, это мое имя. Невзирая на то, где ты оказался и, что самое важное, почему ты тут оказался. Я польщена, Иво. Мне безумно приятно.

— Ты знаешь мое имя?

— Разумеется.

— Откуда?

Она вновь засмеялась.

— От птички. Птичка — от комарика. Комарик — от лягушки, а лягушка — от рыбешки. Рыбешка — от головастика, а головастик откуда узнал — я не знаю, увы.

— Очень смешно, — Иво выразительно и наиграно посмеялся, — только я не люблю шутки.

— Очень жаль.

Она повернулась лицом к изгнаннику. И лишь тогда он рассмотрел ее.

Иво как будто в зеркало глядел: черный длинный плащ-накидка с капюшоном, черные ботинки, правда, всяко лучше и качественнее тех, что были у него самого, такая же белая рубаша с малыми отличительными чертами — она была чистой и с небольшим, но достаточным вырезом на груди, те же черные брюки. Прикид таинственной был под копирку. Чего не скажешь о ней самой. Девушка была ниже Иво на пол локтя. Телом худая, стройная, грудью чуть больше, а в бедрах чуть шире среднего. Личико ее не было «кукольным» или еще каким-то сказочным, но она действительно могла называться

красивой: отчетливые скулы, немного румяные щеки, губы слегка пухлые, формой лука Венеры, розового оттенка, нос был самый обычный, а волосы черные, чуть ниже плеч.

Однако глаза завораживали. Огромные с аккуратными ресницами, изумрудно-зеленые. Они сверкали, словно кошачьи, а также были проявлением чуда света либо любой иной магии. Ими она смотрела на Иво и выжидающе улыбалась. Ими и влюбляла.

— Прогуляемся?

II. Мрак II

Они ушли чуть дальше — вперед по протоптанной пепельной дорожке. Хотя такими тут являлись все они.

Затем остановились у озера, что было снизу. Мутная вода вызывала отвращение и даже отражения никакого в нем не было. Рядом была простецкая хатка. По всей видимости, рыбацкая: рядом валялись рваные сети.

Первым вновь заговорил Иво.

— Ты так и не представилась.

— Знаю.

Девушка уселась. Иво не поддержал.

— Я Тереза. Тереза Вальн, если тебе так будет удобнее. Приятно познакомиться. Хотя, если так можно сказать.

Изгнанник непонимающе взглянул на нее. Та играючи буркнула.

— Ладно, — продолжила она, — представлю иначе, хотя я совсем ненавижу это произносить. Тереза Вальн, более известная как Шепот смерти или Зеленоглазая ведьма. Простакам нравится давать говорящие прозвища, дабы не запоминать имени. Хотя, о чем я вообще. Думаю, тебе это знакомо.

Иво не отреагировал.

— Может, ты уже хоть какие-то признаки жизни подашь? Присядь наконец уже.

Вновь молчание в ответ. Короткое. После него изгнанник заговорил.

— Что тебе нужно ответить? Ты представляешься громким именем, коего уже не существует сотню лет. Мне нечего сказать лгунье.

Девушка не стала ждать. Прокрутила финт рукой, затем ее глаза обратились черным пламенем, таким же, как у Иво. Из второго тут же резко вылетела духовная коса Фаэдра и ловко приземлилась в руку девушке. Она покосилась на него и властно указывала на истину своих слов.

— Не стоит звать меня лгуньей. Даже тебе. И присядь уже наконец-то, очень прошу тебя.

Иво послушно выполнил просьбу и сел рядом. Возникать не стал.

— Вот и славно.

— Откуда?

— Откуда что? — косилась Тереза на изгнанника. — Откуда я владею тем же, чем и ты?

Иво смотрел в «горящие» глаза девушки.

— Ох... Прости. Такова уж реальность, что мы с тобой имеем одинаковые корни в прошлом. И та изгнанническая сила, которой владеем, есть не только у тебя.

В промежутках между словами девушка вернула нормальный облик своих глаз, а косу вновь переместила внутрь Иво.

— Пожалуй, тебе стоит яснее выразить, что ты хочешь мне сказать, — Иво говорил спокойно, взгляд его был хладнокровен.

— Пожалуй. Начнем с истоков. Звать меня Тереза. В народе и в Эксодии я более известна как Шепот смерти... Из-за определенного недоразумения.

— Ты называешь это недоразумением? — перебил Иво.

— Я? Да. Потому что есть множество факторов, указывающих на то, что это слово здесь идеально вписывается, — голос Тереза сделала более величавым, но лишь на этих словах, — продолжим. Отвечу сразу на вопрос, где мы находимся и почему мы здесь находимся.

Она на секунду оглянулась по сторонам. За ней и Иво сделал то же самое.

— Это астрал. Чистилище душ. Измерение, где скапливаются все мертвые души. К слову, удивительно, что мы ни одну еще не заметили. А также, ты второй человек, которому удалось узнать об этом месте. Сюда не дозволено попасть ни живым, ни мертвым — здесь все живет по своим правилам и не подчиняется никаким законам из всех известных. Да и физических объектов здесь нет: все, что увидишь, все души. Даже ты сейчас не в теле, а в духовном воплощении своей души.

— Что тогда мы здесь делаем?

— Вопрос логичный. Что касательно меня — это плата за грехи прошлого, а в твоём случае, как только ты заполучил мое оружие и поместил его в свою душу, он начал служить проводником, через который я могу вызволять твою душу в это скверное измерение. Правда, только на время. Сосуд, то бишь тело, в котором долго отсутствует душа, рассыпается пеплом. Ну и конечно же смогла я тебя вызволить лишь тогда, когда ты крепко-накрепко заснул. У тебя сейчас с этим проблемы, я полагаю.

— Много всего происходит. Но это не важно. Я могу понять, как ты вытащила меня сюда, но сама ты как здесь оказалась? Сомневаюсь, что кто-то тебя сюда затащил.

Тереза усмехнулась.

— Я же сказала — это плата за грехи.

— Справедливая плата чудовищу за то, что тот стер с лица земли население целого города.

Она посмотрела вниз. Ничего не ответила.

— Я не осуждаю тебя, просто отмечаю факт.

— Пусть так. Что было, того не миновать.

— Мораль здесь уже ни к месту. Я изначально считал тебя, да и до сих пор считаю, не больше чем легендой, причем удобной, объясняющей стершееся былое величие всех наших. Но сейчас именно мое мнение стирается в прах. Признаться честно, — Иво сделал паузу, прежде чем произнести имя девушки, — Тереза... Все происходящее походит скорее на дивный сон, чем на истину. Мне тяжело тебе верить.

— Придется, — выдала короткое она.

Иво надменно выдохнул.

— Черт с тобой. Как ты тут оказалась? Подробнее, пожалуйста, без всяких «плат за грехи».

— Как пожелаешь. Но придется начать с немного ранних событий.

— Начинай.

— Мы, изгнанники, и вправду отродья. Созданные для борьбы с бессмертными, преимущественно демонами. Но сами, фактически, таковыми являемся.

— Ты можешь пропустить все прелюдия.

Тереза устрашающе посмотрела на изгнанника.

— Я смогу спокойно закончить, если ты перестанешь меня постоянно перебивать.

Ответа не нужно, спасибо за понимание. Так вот, — она отбросила взгляд от изгнанника и успокоилась, затем и продолжила, — то, что я сказала, лишь объяснение того, отчего к нам такое отношение. Ты думаешь оно когда-то было иным? Нет, Иво. Нихера подобного. Мы всегда были как цепные псы, которым швыряли кость и мы обязывались грызть ее. Просто раньше были хотя бы кости, а сейчас и их нет, я так полагаю. Многие мирились с подобным, но не все. Были те из нас, кто стремился наладить контакт с окружением и жить в мире и уважении.

— Так все современные источники говорят, что раньше вас встречали как героев, разве не так?

— Ну, тут как посмотреть. С одной стороны, нас не выгоняли, не сторонились, кто-то даже уважал, а изгнанника, спасшего народ от грозного демона, встречали как героя и восхваляли. А с другой стороны, это было скорее исключением. Чаще всего нас просто не стремились поджечь при первой встрече, мы уже этому были рады. Были рады тому, что могли не скрываться и не бояться за открытую для кинжала спину. Но то и время было смутным. Вся Геенна восстала против Ассии под предводительством самого отвратительного и самого ужасного Высшего демона, которого только видал этот мир. Его звали Канай. Архидемон уничтожал все на своем пути и, Иво, если бы знал, сколько тогда изгнанников отдали свои жизни и души, чтобы просто не дать ему пройти лишний километр... Ты бы мне не поверил ни за что. Все сражались за единое дело, страдали за единое дело. Это было лучшее время. Но только потому, что без нас этот мир бы пал прахом.

— Об этом я знаю. Все исторические книги упоминают о тех временах. Хотя для современного поколения это лишь обычные сказки на ночь.

— Я не удивлена, — Тереза засмеялась, — Я бы и сама не поверила. Но правда есть правда. В конце концов, тогда победу одержали мы. Общим трудом и общими жертвами. И, конечно же, после победы наш авторитет вырос в глазах окружения. Какое-то время нас всех встречали с хлебом и солью на подносе. Но был один из нас, кто заработал все почести и бескрайнее уважение у всего живого в этом треклятом мире. Звали его Фальтерн. Высокий, жилистый, всегда добрый и всегда отзывчивый. Именно он смог изгнать Каная. Я была тогда там, и я была бессильна. А он смог его изгнать. Впоследствии, Фальтерн разделил душу Каная на четыре части. Одну оставил себе, другую даровал мне, третья и четвертая была дарована двум его близким друзьям.

— И в чем был смысл?

— А в том, — Тереза моментально обратила глаза черным пламенем, — что черное пламя — высшая демоническая сила архидемона. Фальтерн, разделяя ее на части между близкими себе изгнанниками, стремился прервать иерархию демонов в Геенне. Лишь только обладатель черного пламени может восседать на троне, таковы уж правила. Отсюда появился род Вальнов. Всех, кто владел черным пламенем.

— погоди, — Иво немного растеряно, но все также хладнокровно спрашивал, — почему тогда я...

— Потомок кого-то из нас. Я не знаю, — она дивно улыбнулась.

— Дети изгнанников не являются таковыми. Они рождаются обычными детьми.

— А душа, что хранится в теле ребенка, может быть какой угодно. Никто не знает, кем родится его ребенок: обычным смертным или на четверть демоном.

Иво кивнул: согласился и не стал спорить.

— Вроде как все хорошо, прям сказка. Но сказки на то и сказки, чтобы не быть

правдой... Следующее, что стремился сделать Фальтерн — добиться взаимного мира и уважения с обычными живыми. Он стал лицом всех изгнанников и постоянно проводил время с королями. Те отвечали ему взаимностью и уважением. До поры до времени.

Иво увидел взгляд Терезы. Он был холодный, злой, словно она сейчас взорвется изнутри и поразит все вокруг нескончаемым потоком гнева и ужаса.

— В один день владыки княжеств Баумании и Стезиса встретились с Фальтерном. Он был один, не ждал ловушек и наивно верил в дружбу с живыми. Эта наивность его и погубила. На той встрече короли убили его. Вонзили отравленный кинжал в спину, пару раз пырнули его. Бедный изгнанник был настолько ослаблен, что не смог ничего сделать в ответ. Да и не сделал бы, я его знаю. Как только они покончили с Фальтерном, почти сразу же взялись за остальных. А я, как только узнала известия о его кончине, не смогла сдержать гнева. Я изгнала Ригму. Всю, никого не пожалела. В ту ночь я кромсала все на своем пути. Всех людей, всех эльфов, dwarфов и прочих. Мне было абсолютно плевать, кто стоит предо мной. Я изгнала всех.

— Погибель одного ты сравнивала с душами всего города?

— Мы любили друг друга, Иво!

Изгнанница всплакнула, но миг успокоилась.

— Я ждала ребенка от него. Но как только он умер, я позабыла о нем. Навсегда. Я убила его. Не хотела, чтобы он рождался в этом мире. В мире, где на добро и альтруизм отвечают эгоизмом и страхом. А сама стала ужасом для всего этого сраного мира, как раз подстать ему. Но на этом я не остановилась.

Тереза сделала паузу. Иво молча ждал готовности девушки. Она немного посмотрела вглубь озера, затем, словно ее коротнуло током, вздернулась и продолжила рассказ.

— После изгнания Ригмы я начала искать способы воскресить Фальтерна. Искала долго, ведь реинкарнация, пожалуй, самое запрещенное и сокровенное, что можно только представить. В конце концов, я нашла ответ. Пособие по черной магии. Благодаря нему, я нашла способ вернуть его к жизни. Начала действовать. Там все банально, как бы не было странно: заклинания, жертвенный круг и прочее. Я все сделала. Все, как было описано, идеальнее быть не могло. Только вот, уже совершив ритуал, я осознала критическую ошибку, о которой не задумывалась ранее. Стремление воскресить дорогого мне человека ослепило разум. Душа должна была вернуться в тело, которое она покинуло... А тело Фальтерна, как оказалось, незадолго сожгли на костре. Душа-то вернулась, но вернуться ей было некуда.

— И на этом ты остановилась?

— Шутишь? Нет конечно, я желала отыскать иной способ. Но этого не желали изгнанники, которых всю уже сжигали на кострах и на которых устроили облаву. Группа пришла в храм и попыталась изгнать меня. Не буду спорить, у них были все причины на это. Но, разумеется, у них ничего не вышло — на тот момент я была самой могущественной изгнанницей. Я их в ответ убила — сочла это актом милосердия. Но один на издыхании успел проклясть меня на одинокое существование там, где не будет того, кому возможно навредить.

— Ты хочешь сказать, в это место тебя заточило обычное проклятие?

— Как бы не было смешно, но да. Со временем я стала «увядать», еле как даже на ногах стояла, а в голове приходило осознание, сколько всего я натворила ужасного. Я, как девушка, не умеющая смиряться с происходящим в моей жизни, стала искать решение этой проблемы. Искала недолго, совершила сделку с демоном. Пожелала, чтобы здоровье вновь вернулось ко

мне и все страдания, что я принесла, простились. Этот упырь исполнил желание, заковав меня в этом измерении. И тут я поняла, что по итогу проклятье сбылось, как ни посмотри, да и желание исполнилось: я одиноко существую, никому не врежу, да и здорова вполне. Только вот не живая я. Так, существую. Даже не знаю, что с телом моим.

Тереза облегченно вздохнула, затем, расслабившись, прилегла на спину и посмотрела на небо. Здесь лишь оно было похожим на что-то настоящее и живое.

— С другой стороны, — продолжила она уже лежа, — я не жалуясь. Тем более, сегодня праздник настоящий — я впервые за долгое время поговорила с человеком. Не с самой собой, а с человеком! Иво, ты даже не представляешь, какое это счастье.

Изгнанник наконец-то уселся рядом. Сначала немного посидел, а потом и вовсе лег рядом с девушкой. Также засмотрелся на небо.

— Ты права. Не представляю. Но ты так и не сказала причин, почему я здесь? Мне интересно, ты меня только ради беседы вызвала? Все-таки, как бы не хотел, но уйти отсюда по своей воле не получится. Я прав?

— Да. Прав.

Они замолчали.

— Но я и не намерена держать тебя здесь, — Тереза прервала молчание, — что до беседы, то это лишь возможность, которая выдалась мне. Да и, рассказав тебе все, я словно скинула тяжелую ношу со своих плеч. Еще приятнее не слышать в ответ осуждение.

— Потеря кого-то родного грызет изнутри. Изнутри ты и распадаешься. Ты ужасна, но не мне тебя судить. Точно не мне.

Тереза усмехнулась.

— Знаешь, забавно наблюдать за тем, как человек умирает изнутри. Особенно, если этот человек ты сам. Ходишь, как живой труп, без всяких эмоций и только иногда улыбаешься, чтобы люди не подумали, что у тебя все плохо. А на деле внутри тьма. Самая беспросветная тьма, — по щеке изгнанницы потекла едва заметная слезинка. — Ты спрашивал причину, почему ты здесь. Я вызвала тебя в этот мрак с просьбой о...

Тереза не договорила. Что-то появилось. Что-то, что взбудоражило изгнанника и тот вскочил, как сайгак. На ногах отпружинил в сторону, ментально обнажил меч и приготовился к схватке.

Тереза вставала лениво и косо смотрела на Иво. Девушка была ошеломлена его действиями.

Но через пару секунд догадалась сама. Вдали она уже видела перемещающийся с огромной скоростью в воздухе силуэт. По лицу девушки было понятно, что она знает это создание, но еще больше по нему было ясно то, что она не желает с ним пересекаться...

Иво увидел его. Тот наконец приблизился и оказался рядом. Очертаний тела у него не проглядывалось. Метра два с половиной ростом, все создание было прикрыто длинной робой, свисающей к низу. Огромный капюшон прикрывал лицо. Тварь парила в полуметре над землей и косо таранилась на изгнанников. От лица исходил гнусный пар. Глазенки не сверкали.

Изгнанник хотел уже напасть первым, но приглушенный поднявшимся ветром крик Терезы его остановил.

— Иво! Уходи!

Он не успел опомниться, как почувствовал, что его горло сдавливает необъяснимая сила. Дышать становилось практически невозможно. Иво проморгался, пришел в себя и

лишь краем глаза увидел, как создание невидимой хваткой сжимает его глотку. Сзади недовольно косилась Тереза и выжидала. Пока тварь был отвлечена, зеленоглазая, как уже показывала прежде, крутанула рукой и в этот же миг Фаэдра, заключенная в душе Иво, переметнулась напрямик ей в руку. Камни, вставленные в лезвие, ярко издали зеленое приятное свечение, озарив все вокруг.

Она совершила рывок вперед. Не быстрее телепортации, но тут же оказалась у твари за спиной. Затем полоснула по спине. Тварь покосилась и резко отпустила Иво. Он захлеб закашлял.

— Держись подальше от этой твари! С ней так просто не получится.

Тварь ринулась в атаку. Она не вела себя так, как иные, подобные ей духи: не махала руками, не пыталась истощно достать свою жертву. Действовала умнее. Выбрала жертвой мужчину, и, перелетая рывками зигзагами, достигла ее. В этот раз Иво отошел — отскочил назад, согнув колени. В это время Тереза вновь наотмашь рубанула косой по твари. Та отступила.

Изгнанники переглянулись с непонятным.

— Иво, вот тебе первый урок: с подобной скотиной вообще не связывайся. Тем более, если...

Тереза не успела договорить. Она не почувствовала, но заметила, как Иво таращился за спину. И сразу все поняла. С осознанием и выругалась. Позади надвигались еще двое таких же.

— Сучьи дети, набежали, как мухи на говно.

Они встали спина к спине. Оба обратили свои глаза пламенем. Были готовы к схватке.

Те двое уже приблизились на достаточное расстояние. Действовать изгнанники начали без предварительных команд и уточнений. Тереза взялась за новоподоспевших, Иво — за старого. Черный изгнанник начал бой классически: он совершил пару телепортаций, путая жертву, затем, телепортировавшись в последний раз, рубанул по брюху. В ответ отродье не издало ни звука, но махнуло левым рукавом, прикрывая глаза Иво. Второй сразу же телепортировался назад. Он не смотрел в сторону сражающейся Терезы, но прекрасно чувствовал ауры всех в бою и также прекрасно понимал, что девушка прекрасно справляется.

Она отыгрывалась. За все годы, что была в заточении. Плясала, как в последний раз, и скакала, словно это была самая пылкая и яркая трапеза в ее жизни. Каждого из двух упырей она по очереди одаривала смачным и широким взмахом Фаэдры. Те, не успевая достаточно сократить дистанцию, огребали и отступали. Изумруды в косе также придавали определенного антуража схватке. Казалось, с каждым взмахом лезвия их свечение лишь усиливается. Но так лишь казалось.

Иво старался не уступать. Хотя сражение с новой для него тварью давалось не просто. Более того, изгнанник совершенно не понимал, как ранить падаль. Но времени на раздумья не было — приходилось импровизировать. Свист воздуха, вызванный ударами, не прекращался ни на секунду, а сопровождался время от времени хлопками, когда Иво телепортировался.

Одну из таких ему пришлось прервать. Позади появилось чувство, что аура девушки слабеет. Затем Иво оглянулся — Тереза упала и отродья окружили ее, едва не взяли в захват. Экстренно ногами изгнанник уперся в протоптанную пепельную ямку, при этом пробуксовывая. Он не мог телепортироваться к ней — слишком уж часто использовал способность, требовалось время для восстановления сил. Ногами он оттолкнулся и ринул на

подмогу зеленоглазой мастерице.

Та уже начала задыхаться — один все же захватил ее. Второй было тоже хотел, но не успел. Иво поразил его точечным и колющим, словно длинной иглой, ударом лезвия меча, затем силой, что было мочи, рассек робу твари. Та отлетела в сторону, застопорилась. Иво рубанул и по второй, захватившей твари, но прекрасно чувствовал опасность сзади.

Со спины летели еще четверо отродий.

Прошла лишь секунда, после которой изгнанник ощутил неопишную боль в спине. Затем стало трудно дышать. Тело повалилось на землю, едва успевшая отдышаться Тереза чудом успела ухватить его и швырнуть в сторону.

Иво уже едва держал глаза открытыми. Полученные раны оказались критическими, сознание медленно, но верно, покидало изгнанника.

Он лишь краем глаза увидел чудо. Необъяснимое чудо. Видел девушку, расшвырявшую и яростную. Она сжимала деревянную рукоять своей Фаэдры так сильно, что даже слабо слышащий услышал бы этот скрип. Аура девушки многократно усилилась, превратилась в чудовищную.

Затем она что-то произнесла, но что именно Иво не услышал. В тот же миг за одинокой изгнанницей из ниоткуда появились создания. Они были необычны, уж слишком походили на настоящих воинов, хотя и живыми их назвать было трудно. И было их, по замечаниям Иво, предостаточно.

Затем наступил мрак.

III. Мрак III

— Иво.

Изгнанник очнулся от теплого прикосновения. Приятная мягкая кожа касалась его руки, а горячие губы целовали лоб и, подобно озаряющим солнечным лучам, проходящим через витражные стекла собора, грели и пробуждали. Глаза изгнанник открыл не сразу, сперва лениво щурился. По итогу все же открыл. Сидящая пред ним Тереза искренне и не наиграно улыбалась.

— Все хорошо. Можешь расслабиться.

Спина ощущала нечто мягкое, по всей видимости, матрас кровати. Находились они в комнатке. Было мрачно и тускло, освещала все лишь одна свеча, и та уже на издыхании. Но с комода по правую сторону разлило чем-то неприятно медицинским.

— Тереза... Что?..

— Тс. Молчи. Не торопись.

Изгнанница отлучилась, но почти сразу же вернулась. В руках держала мокрую льняную тряпку.

— У тебя был жар. Достаточно сильный. Он почти спал, но нужно еще немного полежать так. Не вставай.

Тряпку она аккуратно расположила на лбу Иво. Тот послушно продолжал лежать и молчать. Но молчал недолго.

— Что произошло? Я ничего почти не помню.

— Молчи. Я же попросила, — немного строго промолвила она, блеща яркими зелеными глазенками. — Все хорошо, это я уже тоже говорила.

— А подробнее нельзя сказать? — Иво вошккался в кровати.

— Ай, черт бы тебя побрал, Иво. Пока не расскажешь, не отвянешь ведь.

Тереза отсела немного подальше.

— Спугнула я их. Почти сразу же, как ты вырубился.

— Спугнула? Отчего не изгнала?

Шепот смерти выдала легкий смешок.

— Их нельзя изгнать. Ни убить, ни изгнать, ни развеять. Данные твари зовутся валиантарами. Самая высшая ступень призрака, если так можно выразиться. Они уже давно мертвы и изгнаны, ничего против них не поможет. Почти ничего... — сделала она оговорку, — все, что у них есть, инстинкт самосохранения. Когда они видят того, кто многократно сильнее их, сами отступают, да так, что пятки сверкают. Понимаешь, Иво?

— Понимаю.

Иво пальцем поддел стекающую каплю с виска.

— Это хорошо, что понимаешь. Теперь, хотя бы, понимаешь. Там, в пылу битвы, я бы не смогла все здраво объяснить. Не умею, слишком увлекаюсь.

— Я это уже понял. Впрочем, ты же по итогу победила?

Вновь в ответ послышался легкий смешок.

— Ну, если так можно сказать. Просто показала когти. Когда женщина показывает когти — беды не миновать.

— Этими когтями была твоя коса, да? — голос мужчины уже не звучал так сонно.

— Все-то ты замечаешь, Иво. Да... Уникальная способность Фаэдры. После того, что я сделала с Ригмой... Ай, не важно. Просто она очень сильная. Все, что тебе надобно знать.

— А ты, как обычно, скупа на подробности.

Изгнанница нервно покривила бровями.

— А ты, как обычно, приставуч, словно банный лист к ягодицам девок!

Нависла пауза. Тереза ее прервала, видать, почувствовать, что было бы несправедливо не отвечать на вопросы, задаваемые ей. Особенно, когда их задает впервые появившийся собеседник за последние десятки лет жизни.

— Каждое из них, — сперва девушка говорила тихо, но потом выровняла голос, — уникально. Впрочем, как и мы все. И, независимо от того, какая душа закована в оружие, такой и будет способность. В случае Фаэдры... Как бы так объяснить.

Тереза на секунду задумалась.

— Она призывает изгнанные души в качестве бестелесных воинов, сражающихся за тебя. У них нет разума, нет чувств, нет эмоций, нет даже инстинкта самосохранения. Все, что они могут, это подчиниться и направить свой гнев на стоящего пред тобой врага, бездумно истязая его. По своей натуре они — типичные фантомы. Отличаются лишь внешне.

— Звучит достаточно грозно. Впрочем, выглядит тоже.

— Ох, так ты видел... То лучше. Тогда запомни на всю жизнь, Иво. Постарайся не прибегать к подобному. Пока что ты владеец косы, и я молю тебя, Иво. Слышишь? Молю, чтобы ты никогда не отпирал этот замок. Никогда не пользовался исконной силой орудия. И если мольбы мои ты услышишь, я буду несказанно рада.

— Отчего такие переживания?

Тереза склонила голову, затем отягчено выдохнула.

— Оружие, в коем хранится душа твари, Иво. Помни эти слова, как Очи наш. Прибегая к великой силе, будь готов вывалить великую плату за ее использование. Видишь ли... Как бы забавно это не звучало, принцип у него такой же, как у женской невинности.

Иво посмеялся. Тереза оскалила.

— Здесь нет ничего смешного, Иво. Я серьезна. Пока не позовешь оружие по имени, онс

девственно. Это самый обычный клинок, рапира, лук или любое другое проявление оружия из возможных. Но, как только ты произнесешь имя и пожелаешь, чтобы оружие тебе подчинилось, оно вспыхивает и дарует всю свою мощь. Правда, потребует за это достойную плату. А какая плата у нас чаще всего взимается? Ты же понимаешь?

— Речь явно не о золоте.

— Именно. Речь о душах. Ты познаешь самый страшный голод в своей жизни. По сравнению с ним нужда в пище — пыль под ногтями. При пробуждении оружия, со временем, ты начнешь голодать. Но голод именно душевный. Твой разум затмевается, в башке лишь одно желание — изгнать, чтобы полакомиться. Ничто другое уже не привлекает. Это хлеще ломки от наркотиков.

— Так тогда... — Иво немного поменялся в лице, — тогда ты позвала ее. Все, что я отчетливо помню — что-то сказанное тобой перед тем, как появились фантомы.

— Да. Я позвала ее. Просто промолвила ее имя и пожелала, чтобы коса подчинилась мне. И она подчинилась. Механизм простой.

Иво привстал. Самочувствие улучшилось, тряпку со лба он сложил в два раза. Ткань была приятной, дорогой. Изгнанник взглянул на тело девушки и увидел, что рубаха той была небрежно надорвана снизу.

— Не обращай внимание. Любая другая ткань бы вмиг рассыпалась пеплом. А мне все равно не перед кем здесь красоваться. Хотя... Теперь уже есть, — ехидно, словно лиса, ласково лепетала Тереза. Она немного наклонилась вперед, так, что взгляд изгнанника невольно упал на красовавшуюся грудь, прикрытую достаточно открытым вырезом. Взгляд Иво отвел.

— Я тебя засмутила? Признайся, мое тело достойно и красиво, чтобы им любовались.

— Признаюсь.

Она взглянула ему в глаза. Зеленые зенки вблизи пестрели еще ярче.

— Ох... Или все дело в том, что сердце бравого изгнанника, отродья дьявольского, уже занято?

Она выразила иронию через идеальную для того улыбку. Иво не ответил.

— Очень жаль. А, впрочем, я надеюсь, у нас будет еще время это обсудить. Сейчас, увы, не до этого.

— Ты права. Помнится мне, еще до явления валиантаров, ты говорила о просьбе, адресованной мне. Сейчас идеальный момент, чтобы вернуться к ней. Тереза?

Девушка кивнула.

— Как скажешь. Видишь ли, так уж сошлись звезды, что ты ворвался в мой храм и отыскал мое оружие. Благо, что коса призрачная, и ее можно хранить в своей душе. И, как я уже говорила, она послужила проводником, и я смогла тебя выцепить в эту треклятую дыру. Здесь конечно, думаю, сошлись еще звезды, что мы с тобой обладатели пламени. Все же многие души связаны между собой, а духовная связь будет сильнее кровной.

— Тереза, — Иво сказал грубее, — не юли уже. Говори прямо.

— Вытащи меня отсюда.

— Вытащить? Тебя?

Иво ошеломило. Как будто надели на голову железный колпак и со всей дури вдарили тяжелым предметом по нему. И хоть выглядел он так, словно ему сообщили, что он — дракон, а не человек, Тереза же смотрелась вполне естественно и серьезно.

— Именно. Я прошу тебя выволить меня из этого мира. Обратно, в Ассию.

— Ты просишь меня о невозможном. Нельзя выволить человека из измерения, в которое даже нельзя открыть портал. Да и, ты прости меня, — аккуратно промолвил Иво, — но тебя даже человеком нельзя назвать. Ты же сама мне сказала, что все, что находится в астрале, лишь души?

— Все верно, — она едва заметно кивала головой. — Но я и не утверждала, что подобное совсем невозможно. Я говорила то, что знаю сама. И да, я лично знаю, что невозможно открывать порталы между этим миром и Ассией. Но это знаю я. Я, не ты, понимаешь, Иво? В конце концов, это я заперта здесь, а не ты. В Ассии полно мест и личностей, которые могут что-то знать.

— Ты говоришь так, словно я обязан исполнить твою просьбу.

— Я лишь открыто говорю то, что может тебе помочь... Помочь мне.

Тереза не сдержалась и подскочила с кровати. Нервно походила по комнате. Становилось беспокойно.

— Срань господня, Иво! Я беспомощна, понимаешь? Та отвратительная и ужасная Тереза Вальн, кою вы кличете Шепотом смерти и Зеленоглазой ведьмой, ничтожна. Я не могу ничего. Иво, ни хера я не могу. Ни сделать худо, ни исправить бывшее. Я даже, извини меня за подробности, пожрать вкусно да набухаться до смерти не могу. Я уже молчу про иные потребности человека, про простые желания простого смертного.

— Ты не простая смертная.

— Да насрать мне, Иво. Я хочу исправить то, что накуралесила. Я хочу вернуть мечту Фальтерна в реальность. Сидя здесь, я годами думала над произошедшим. Битва под Узо Бором, победа Фальтерна, чистка мира от изгнанников, сраная Ригма. Все это, Иво, все, что было — я все осознала, переосмыслила. Я уже не та дрянная девка, скалящая зубы и жаждущая мести. Я хочу послужить во благо. Во благо того, чего хотел мой любимый. Во благо всей Эксодии!

Иво покашлял. Выразительно.

— Что? — она все еще говорила накалено.

— Эксодии больше не существует, Тереза. Ее больше нет.

— Как больше нет...

В глазах девушки блеснуло отчаяние. Она уселась обратно на кровать, лицо побледнело, а вся живость ее голоса мигом исчезла.

— Единая мощная страна сгинула после пары лет событий в Ригме. Владыки тогдашних княжеств не смогли поделить власть и земли после вашей победы над всемирным злом. Изгнанников резали и сжигали, города грабили, женщин насиловали, мужчин истязали. Дворцовые перевороты один за другим, следом и куча грязной политики, интриг. По итогу Эксодия раскололась на три крупных и еще множество мелких стран. Какие-то из них со временем образовали союзы, на разных условиях, какие-то живут обособлено и ценят свою независимость больше всего. Основными княжествами все также остаются Баумания, Стезис и Аурам. Если первые два постоянно грызутся за все, что под руку попадет, лесные Аурамские жители выбрали иной путь — живут себе мирно, развиваются и бед не знают. Поговаривают, там даже изгнанников радуют, но я не решаюсь проверять, знаешь ли. Реальность такова, Тереза. Мир изменился за время твоего отсутствия. И вряд ли это под силу изменить кому-либо.

— Но они же по итогу сошлись во мнениях? Бауманцы и Стезийцы кусались и вели мелкие войны, но впоследствии, к слову, благодаря действиям Фальтерна, пришли к

примирениям. Что опять пошло не так? Что эти грязные политические шлюхи опять не поделили? Иво, я клянусь своей треклятой душой — я своими глазами видела, как разбитые и обособленные бауманцы шли на Стезис с мечом и магией в руках, а вторые отвечали тем же, а месяцем позже видела, как эти грызущиеся псы пили вместе вино из кубков и думали о дальнейшем воссоединении и взаимопомощи. Что, объясни мне? Что опять пошло не так?

— Я не знаю.

Разговор застопорился. Пауза была долгой, во время нее Тереза с холодными, как у убийцы, глазами и таким же рассудком раздумывала все сказанное. Но по итогу Иво прервал ее.

— Я понимаю, что это резкая для тебя информация, но жизнь продолжается.

Словно ничего и не было, изгнанница поправила волосы и постаралась выдать искреннюю улыбку. У нее это не очень-то и получилось.

— Все хорошо. Просто... Просто это еще одна причина вернуться и закончить дела Фальтерна.

Иво броско улыбнулся и отвел взгляд в сторону. Затем они вновь замолчали. Пламя свечи нервно покачалось — откуда-то дул сквозняк.

— Тереза?

Девушка окинула взглядом, поведя бровями.

— Сколько времени прошло?

— Где-то часов пять.

— А сколько душа может пробыть в этом мире, чтобы тело не пострадало?

— Пару дней. Как мне показалось, здесь время течет быстрее, нежели в Ассии.

— Понял. — Иво встал, потянулся, затем порыскал глазами по комнате в поисках своей походной сумки. Нашел ее быстро — она валялась в углу, справа от кровати. Ее явно бросали, никаких признаков, что аккуратно положили. Он схватил сумку и достал оттуда черную книжку с кучей потертостей на обложке. Переплет тоже страдал. Тереза охнула и удивилась.

— Боже мой... Где ты ее нашел?

— Там же, где и косу.

Она взяла книгу, провела по ней рукой. Имя автора Розарии Мнишек было уже наполовину стерто.

— Розария... Шикарная была женщина. Правда немного глупая и мечтательная, слишком сильно в добро верила. Она как раз и застала предпосылки дробления, пострадала больше всех, кого я знала. В конце концов она погибла. Какой-то трухлявый мужик засадил ей, заразил чем-то скверным. Вылечиться так и не смогла.

— Скверная смерть.

— Мир скверный. Но его можно изменить.

Изгнанница выразительно глянула ему в глаза. Руки она сложила поближе к нему и смотрела, умоляя.

— Иво, я дарю все, что только пожелаешь. Нужны деньги? Ты никогда больше не вспомнишь о них. Слава? Ты станешь самым известным не только изгнанником, но и человеком. Любовь? Со мной ты погрузишься в самый ласковый мир, какой только можешь представить. Я дам все, что захочешь. Только выпусти меня. Желание для тебя будет заветным, особенным.

Иво скверно поморщился. Ответил Терезе не сразу, сперва он пробил ее взглядом,

рассмотрел ее глаза, искал, что в них таится. Лишь после этого начал говорить.

— Я ненавижу торговаться. Ненавижу обещать и обещания. Ненавижу громкие слова и фразы. Если есть что-то, что можешь дать — даешь сразу и на месте. В качестве оплаты обещать любое желание... Скверно. Желания губят.

— Желания помогают. Если правильно их трактовать. И поверь мне, я это знаю получше многих.

Иво промолчал.

— Ладно, прости. Я перегибаю палку, — руки она наконец сложила на руки Иво. — Я прошу у тебя помощи. Просто прошу. Однако после нее буду в большом долгу. И тогда сделаю все, что тебе потребуется. Все, что захочешь. Если попросишь сам. Но, Иво, если такова плата за мою возможность исправить прошлое — я готова пойти на что угодно. Готова стать самым страшным дьяволом или самым милым ангелом, если то потребуется.

Черный изгнанник сидел и молчал. Думал. Тереза видела это по его выражению лица: брови слегка нахмурены, мышцы лица напряжены. Она не торопила его, лишь также молча смотрела и ждала любого ответа. Абсолютно любого.

— Я, — начал Иво робко и неуверенно, — постараюсь помочь тебе. Но лишь при одном условии.

Тереза кивнула головой.

— Обучи мастерски орудовать косой.

Чарующий лик

I. Источник зла I

— Эа... С-с-с-слышь... Хазяйка! Ик! Чкушку тщи сюда!

Трактир «Назойливая муха» соответствовал своему названию — всюду смердило мочой и летала куча противных мух, скрашивающих постоянные стоны пьяных. Время близилось к полночи, но группа постояльцев, разбредшиеся по разным углам, не собиралась уходить. Атмосфера внутри трактира была явно напряженной. Пили не из-за веселья, пили из-за чего-то удручающего.

Молодая девушка, годиков семнадцати от роду, устало волокла ногами к назойливому мужику — тому было чуть больше сорока с виду. Голова грязная и лохматая, моментами прослеживалась седина, а одежда его явно была уже уставшей. Она послушно, но с легким грохотом, уложила ему мелкий бутылек водки, затем удалилась.

— Ай... Срань господня, хать бы... Ик... Вид сделала культурный... Прислуга, ептить.

Он недовольно выпил половину, затем бухнулся башкой о стол. После скривил губы. Глаза сильно прижмурил.

Рядом сидел еще один. Он был полной противоположностью своему соседу: пристойно выглядел, был чист и от него не воняло за версту. Одетый в чистый дублет с мехом у воротника, с воротника шел короткий плащ, но его было достаточно, чтобы прикрыть затылок и голову, штаны были опрятные, а обувь чистая и не замызганная. Он сидел рядом, уткнувшись лицом в сжатые кулаки.

— Карпат...

— Молчи, сука...

Карпат говорил лениво, речь была безобразна. Алкоголь делал свое дело.

— Карпат, — мужчина был настойчив, руку положил собеседнику на спину и легонько похлопал, — так нельзя. Бутылкой горю не поможешь, да и Лэяя этого бы не хотела.

Карпат взвыл, слезы подступили сами по себе, но взгляд он отвернул. Сдержался, не стал плакать.

— Легко тебе, Ганс, глаголить подобное. Ты ж, сука, одинокий волк у нас, бродишь куда попадь, спишь где попадь, трахаешь кого попадь... А вот... Йа! Йа, сука! Я не такой...

Ганс промолчал.

— К чему мне все это, скажи... Скажи хоть ты, ты ж умный до чертиков... Хазяйка, еще чекушку! Ай, нет! Бутылку сюда тащи. Ганс, ты обязан выпить со мной.

— Я не буду пить.

— Если уважаешь — будешь, сука.

— Карпат... Лейя...

— Хватит мне про Лейю базарить! Пей и не выкобенивайся. Хазяйка! Жду бутылку, слышь меня?

Тишину трактира нарушал лишь бушующий Карпат, орущий на все заведение и требующий нести то, нести это. Хозяйке трактира было тяжело себя сдерживать, однако она, без всяких скандалов и истерик, послушно несла очередную бутылку требующему. В этот раз положила ее так, словно легчайшее перо несет в руках. Затем хотела сразу же уйти, но Карпат хватанул ее за кисть, хватанул больно — девушка слегка взвизгнула от боли.

— Останься, краса. Молю.

Девушка молчала и пыталась вырваться из захвата. Все попытки были тщетны.

— Сядь за стол, шлюха дворовая!

— Карпат, успокойся!

Ганс схватил Карпата за руку, приложил силу и дернул руку к себе. Девчушка сразу убежала в какую-то комнатуху вдали. Карпат оскалил.

— Ты что творишь, паршивец?! Совсем из ума выжил? Ну нельзя же так, Карпат! Нельзя!

Карпат издевательски рявкнул в ответ.

— Что тебе нельзя — у меня на жопе написано. Не мешай отвлекаться. Ученый, сука, нашелся. Если девке сказано сесть — она должна сесть. Если девке приказано пахать — она идет и пашет. Если девке сказано быть шлюхой — она обязана быть шлюхой. Иначе такую девку пороть надобно.

— Ты себя слышишь вообще? Ты с Лейей также себя вел?! Да никогда б не поверил. Приди в себя, друг. Брось ты эту бутылку, иди проспись да человеком стань.

Ганс приложил ладонью Карпата. У того на щеке остался здоровенный красный след от удара. Первые пять секунд он ничего не делал. Озирался лишь да водил языком по сухим, как кожура апельсина, губам. А потом захотел вдарить в ответ. Но не сумел — вялый пьяный удар прошелся по воздуху: Ганс ловко пригнулся в нужный момент. А Карпат после неудачной попытки не стал пытаться вновь — допил вторую часть мелкого бутылка и отбросил пустышку в сторону, схватив сразу новую, уже побольше.

— Лейя потому ш особой была, Ганс. Особой. К ней свое отношение. Она была моим личным букетом, личным с-с-с-веточком... А эти все... Ай, нахер я вообще все это говорю. Хазяйка! Еще тащи водки!

Хозяйка не отвечала, да и не было ее больше в основной зале.

— Какая тебе водка, старина? Ты б эту допил сначала.

— Эа... И то верно!

Только Карпат открыл бутылку, по полу, сделанному, видать, на скорую руку, прошла дрожь. Карпат не зарился по сторонам — приковал все внимание к водке и уже было хотел сделать глоток. А вот Ганс поменялся в лице.

Возле них уже стоял массивный, достаточно мускулистый мужчина, правда, лысый. Он грозно смотрел на Карпата и скалил зубы, будто пес на привязи. Кулаки его чесались. За его спиной удачно пряталась та девчушка, пострадавшая от всплывшего Карпата. Она тряслась и, упираясь руками в твердую, как каменная стена, спину лысого, выглядывала глазком и смотрела, что же произойдет. Лысый схватился за бутылку Карпата, отшвырнул ее в пол. Из-за создавшегося шума все посидельцы трактира сразу пересеклись взглядами и сошлись ими же на столе компании.

— Баран, ты чаво, озверел шоль?! Это моя водка...

Карпат не успел договорить — встретил лицом жесткий удар грубого кулака. По ощущениям этот удар ничем не отличался от удара массивным бревном. Пьяный сразу отлетел чуть назад.

Ганс спохватился, побежал на выручку к другу, но лысый и его отшвырнул.

— Нет... Не надо... Не надо его... — девочка жалобно пискнула, но лысый игнорировал.

Он вновь выстроил злую, питбулью гримасу, и с соответствующим поведением схватил Карпата за руки. Приставил к стенке, ударил по корпусу. Карпат слегка взвыл и сразу

сплюнул. За ним последовал еще удар, в этот раз точно направленный в печень. Карпат вновь взвыл и заскулил. Ганс, опомнившийся после случившегося, окрикнул всех сидячих.

— Мужичье! Нашего херачат, чего смотрите?! Навались!

Почти все сидевшие сразу же подскочили и засучили рукава. Лишь один не встал, одетый в плащ. Он единственный и не обернулся, не смотрел в сторону драки. Сидел спокойно и выпивал.

Посидельцы подобрались вплотную. Уже хотели напасть все разом. Лысый отошел в сторону, Карпат упал и обнял колени, корчился от боли.

— Не надо, молю вас! — девочка уже закричала. Голосок ее был писклявый.

Толпа налетела на лысого. Одинок сидевший со всей силы вдарил по столу — бунт на мгновение прекратился.

— Время полночь. Давайте подобное решать на улице, а не в трактире. Люди отдыхают. Один из толпы, что был мелким — дварф, соорудил обезьянью гримасу и выкрикнул.

— А чего ты сидишь-то, паскуда, когда нашего бьют? А?

Одиночка встал. Медленно подошел к дварфу, заглянул ему в глаза. Голубые глаза первого, под плащом, успокаивали.

— Я не местный. Он не свояк мне. А вот вы толпой хотели забить одного. Разве так поступает уважающий себя люд?

— Ах ты сука! Братцы, мочи этого тоже!

В переполохе, где было не понятно, кого же бить первым: лысого или приезжего, толпа потеряла время. Ганс опередил их, выставил грудь и указал ладонью жест «стоп».

— Стойте! Это ж свой! Иво. Иво Эль Гарден. Мой хороший товарищ, хоть и приезжий.

Иво скинул капюшон с лица. Посмотрел на толпу, затем слегка поклонился в знак приветствия.

— Какой ж он свояк, если за нашего не впрягается? — дварф все еще злился и хотел разделаться с изгнанником.

— Успокойся, Буфар...

— Нет, сука, я ему покажу!

Буфар замахнулся и со всей свойственной горному народу силой ударил по корпусу Иво. Но Иво словил летящий в него кулак и остановил его. Буфар выругался.

— Я спрошу еще раз: разве так поступают люди, когда толпой гасят одного, хоть и крупного, мужика? Нет, я не думаю, что такие правила у рабочих Вельдхейма. Вельдхейм — город почтенный, мужики тут тоже почтенные. Так с какого перепугу известные всем почтенные мужики поступают, как шакалы настоящие? — Иво перешел на крик. — Кто вам это забудет? Это их конфликт, не ваш, пускай и выясняют его сами. И, если вам так не терпится подраться, то выметайтесь из трактира и ломайте кулаки там, не здесь. И... Если вы намерены толпой напасть на мужика, что защищает честь девчухи, имейте ввиду — я в стороне не останусь.

Мужики успокоились. Все, даже тот лысый, намеревавшийся искалечить Карпата до смерти. Какое-то время они просто стояли и не знали, как поступить, но спустя время пыл спал и все вернулись по своим местам. Карпат тоже встал, но ноги дрожали и уже не из-за водки, а из-за боли. Да и в целом он резко протрезвел. Он уселся обратно на свое место и еще вылил сквозь зубы. Ганс же подошел к изгнаннику.

— Иво! Здравствуй!

— Здравствуй, Ганс. Не ожидал увидеть тебя в подобном месте.

Они пожали друг другу руки. Ганс скинул капюшон с головы. Уши его были острыми, волосы светлые и длинноватые. Он определенно был эльфом.

Иво подставил стул от другого стола к тому, где сидели Ганс с Карпатом. Уселся.

— Какими судьбами ты у нас, друг? Наемничаешь тут?

— Ну, считай, что так.

Всем своим новым знакомствам Иво говорил, что он — наемник. Лишь немногие знали истинное ремесло бауманца в связи с обстановкой в мире.

— Ну ты даешь. Вельдхейм — город дальний, да и что тут можно отыскать? Вся работа местная, шахтерская, не твое это вообще.

— Как и не твое. Мне вот тоже интересно, что почтенный егерь Аурама делает на землях Баумании, к тому же, таких далеких и исключительно рабочих?

Эльф усмехнулся.

— Ну-с... Услышал известия печальные от друга, — пальцем он указал на Карпата. — Жenuшка его сгинула... И сразу сюда, благо с Златого леса до сюда день пути. Как видишь, ему нездоровится, — Ганс взглянул на Карпата.

— Вижу. Водкой глушит боль.

— Да, а как выпьет, то все — баста. Берегов не видит от слова совсем.

Карпат уснул. Некрепко, но захрапел — его мог разбудить любой шум.

— Хотя, знаешь, Иво. Ему действительно тяжело. Он был одинокий, и от одиночества его спасла Лейя — покойная женушка. Она каждый вечер встречала его с шахт. Понимаешь? Все прочие женщины ждали в хате, а эта ждала прямо у входа. Он бежал к ней, словно дите малое, так его глаза горели от счастья. И только она у него была. А как не стало, ну... Сам понимаешь.

— Понимаю, Ганс. Понимаю.

— Так и погибла, Иво...

— От болезни, так?

Иво сказал четко и уверенно, наперед словам Ганса. Эльф смутился, взглядом охладел, зрачки его стали шире.

— Так ты знаешь...

— Немного. Новости с Вельдхейма разлетаются быстро.

— И поэтому ты здесь?

Иво молча кивнул. Эльф опечалено засмотрелся вперед. Сначала молчал.

— Это новая какая-то болезнь, друг. Еще не известная доколе. Как только Лейя заболела, к ней сразу направили врача. Хорошего, не абы какого, рабочим Вельдхейма местное самоуправление дает все лучшее, их семьям тоже. Этот врач изучал болезнь пару недель. А состояние Лейи с каждым днем ухудшалось и ухудшалось...

— Продолжай, Ганс. Какие были симптомы?

— Первые — жар. Высокая температура, озноб. Потом кожа краснеет, сердцебиение усиливается. Последний... Самый страшный — появляются волдыри, а жертва мучается в агонии. Карпат говорил, Лейя тогда ни на секунду не умолкала — все время верещала, как резаная, тряслась и просила убить ее. Перед смертью ее тошнило. Блевала кровью. А потом погибла.

Изгнанник отвратительно скорчил лицо.

— Что еще?

— Врач... — продолжил эльф, — сказал, что впервые видел подобное. Это был

действительно хороший лекарь — он окончил ЛУНУ, имеет много практики за спиной и, более того, не молод, то бишь также многого навидался за свои годы. Но с этим случаем... Он не смог ничего сделать. Даже медицински не смог объяснить, что с ней было.

ЛУНОЙ называли лучший университет Баумании. Аббревиатура удачно совпала и красивым словом, а именно Люстерский Университет Науки и Артистизма — ЛУНА.

— По итогу, — Ганс вновь вернулся к рассказу после короткой паузы, — лекарь отправил письмо в Люстер. Указал там все, что произошло с заболевшей, попросил прислать лучших врачей для изучения инцидента. Более того, указал, что возможно в этой болезни есть проявление какой-то магии. И написал это особо крупным шрифтом и даже нормальным, не свойственным лекарям, почерком.

— Магия? — Иво удивленно посмотрел на Ганса. — А она здесь причем?

Эльф пожал плечами.

— Я не знаю, Иво. Если что-то невозможно объяснить наукой — все скидывают на магию.

Иво не спорил. Действительно, так все обычно и происходило. Народы континента всегда все скидывали на магию и прочие чудеса, если не могли объяснить все самостоятельно.

— К слову, — дополнял Ганс, — Люстер уже прислал врачей и магичку, только вот недавно прибыли. Четыре лекаря, один из которых — сам декан медицинского факультета! Остальные просто лучшие из лучших. А чародейка... Иво, лишь один раз ее увидел и влюбился по уши, не буду таить. Красота неземная, само проявление магии, не иначе. Белые сахарные волосы, маленькая и прекрасная, словно куколка, а походка такая, как будто она ненастоящая вовсе — нельзя быть такой идеальной. Поэтому, если вдруг ты все же по этому вопросу здесь, хотя я даже не знаю, чем ты можешь помочь, если даже врачи ничего не понимают и не знают, то, думаю, тебе следует пообщаться с ними. Они лучше все объяснят.

— Вот оно как.

Иво выглянул в окно. Сахарные волосы были только у одной девушки в этом мире.

— А где они осели, Ганс?

Эльф пожал плечами.

— Понял.

Иво встал и накинул капюшон на голову. Перед уходом попрощался с егерем. Тот мило улыбнулся.

— Мне пора.

— Что, так быстро? Мы же даже не выпили! — эльф улыбался, разбавлял мрачность, нависшую над ним и изгнанником. Хотя, не мудрено, что между ними было мрачно — тема их дискуссии не была столь радостной и веселой.

— Обязательно выпьем, но не в этот раз, Ганс. Нужно встретиться кое с кем.

Они пересеклись взглядами. Попрощались.

— Бог с тобой, друг. Но запомнил твои слова... Касательно выпить, разумеется! И... Будь аккуратен, Иво. Лейя не единственная, кого покосила зараза. Таких много в этом городе. Боюсь, уже не только в Вельдхейме — она распространяется стремительно. Это новая чума нашего века. Так что держись подальше от очагов возгорания, я молю тебя.

— Взаимно, друг. Берегите себя.

— Свидимся, брат.

II. Источник зла II

— Вздутые вены, кожа чересчур мягкая, лимфоузлы... Опухшие. Вы пишете, милсдарь Рацкий?

Врач, записывающий под диктовку все, что только услышит, кивнул.

— Отлично! Так, далее... У него огромные мешки под глазами — не спал с полнедели, это точно. Под пальцами множество эпителия, а руки все в гематомах, ссадинах. Следовательно, коллеги, какой вывод напрашивается?

— Он царапал сам себя, господин Иона.

— Не то я хотел услышать, но, в целом, вы правы, уважаемый доктор Вайлер.

Иона, старик лет семидесяти с хвостиком, седой и морщинистый, самый старый и самый мудрый врачеватель из всех присутствовавших, декан медицинского факультета ЛУНЫ, внимательно рассматривал труп мужчины, погибшего от болезни. Лицо его было таким, каким не было уже давно: заинтересованным, воодушевленным, поистине живым. Он был опечален судьбой всех погибших, но ученый интерес все же оставался лидирующим в его жизни. Рот Ионы был прикрыт специальной медицинской маской. Как и рот всех прочих.

— Вайлер, прошу вас, запишите еще вот что: кровь умершего на запах... Кислая! Да, она имеет достаточно резкий и острый кислый запах. Такой, что ноздри вот-вот завянут. Запишите обязательно, доктор Вайлер. Госпожа Демиур...

Иона повернулся и подмигнул беловолосой девушке. Чародейка стояла и также внимательно разглядывала труп.

— Никаких признаков магии. Абсолютно. Все произошедшее — естественное.

Старик скверно ухмыльнулся.

— Вы уверены, госпожа Демиур?

— Уверена.

— Хм... Ладно, черт с ней с этой вашей магией. Коллеги, на этом на записях кончаем, переходим к изучениям. Возьмите анализы...

— Эй, вам сюда нельзя! Это санитарная...

Кричали где-то извне. По голосу — явно сторожевой. Обычный вояка, таких ставили, чтобы те не пропускали никого на оцепленную территорию. Правда, как показывала практика, не всегда они справлялись со своим заданием.

— Я кому сказал стоять! — кричал этот же сторожевой.

Инела уже видела Иво, что быстрым и уверенным шагом следовал к ней. Иона тоже видел его, и был явно нерадостен новому посетителю.

— Кто вы, мать вашу такой? И почему вы находитесь здесь? Это санитарная зона! Кто бы вы ни был, кыш отсюда!

— Он ко мне. Этот человек...

— Я королевский советник по особо... аномальным вещам, — Иво представился так, но делал это как можно быстрее и не вдаваясь в уточнения своей личности. Иона нахмурился.

— Кто-кто? — Иона ворчал.

— Это Иво. Иво Эль Гарден. Самое его Высочество Креон руководствуется советами Иво. Он наемник, но не обычный. Изучает аномальные явления и, поверьте мне, многоуважаемый доктор Иона, ему можно доверять, и он настолько же важен здесь, как и я, — Инела использовала все свои навыки красноречия, которыми обязывалась руководствоваться как приближенная к королю советница.

Иона хотел оспорить, но все же слова чародейки, сказанные особо ласково и правильно,

предотвратили галдеж. Врач вернулся к своей работе.

Инела отошла чуть в сторону, Иво подозвала к себе взглядом. Изгнанник взглянул в ее лазурные глаза чуть косо: капюшон мешал нормальному контакту.

— Иво, что ты здесь забыл? — удивленно спрашивала девушка.

— Проездом. Остальное расскажу чуть позже. И... Да, я тоже очень рад тебя видеть.

Инела, закатив глаза, отвернулась и недовольно прохихикала. Затем вновь озарилась на изгнанника.

— Да, я тебя рада видеть. Просто не ожидала увидеть тебя здесь. От тебя не было вестей с момента, как ты покинул Блакар.

— Я посылал письмо.

— Я тоже.

Изгнанник заморщился.

— Но мне не...

— Мне тоже не пришло. И если тебя шатало по всему континенту и один черт знал, где ты, а это значит, что мне было тяжело тебе доставить письмо, то я все это время была в Люстере, и мне очень интересно, как твое не дошло до меня?! — прошипела Инела.

Иво не ответил, пожал плечами.

— Ладно, потом обсудим. Я ни за что не поверю, что ты здесь, в Вельдхейме, исключительно рабочем городе, да еще и на границе, проездом. Что тебя сюда привело?

— Долгая история. И лучше не здесь.

Инела осмотрелась. Врачи были заняты своим делом. Однако Иона уже оглядывался.

— Я не думаю, что сейчас лучшее время для историй. Рассказывай кратко и лаконично. Я занята, уж прости.

При всей своей доброте и чистоте характера, Инела была отнюдь ответственной личностью и всегда в приоритет ставила работу. И если что-то мешало или отвлекало ее от той самой работы, она реагировала соответствующе: всю доброту стирала в прах и максимально серьезно и холодно отвечала.

— Леди Демиур... — Иона тихо звал чародейку. Та собиралась возвращаться. Но Иво не отпускал ее.

— Эла, правда, не при лишних ушах. Речь о том, что нельзя слышать никому. Понимаешь?

Чародейка кивнула.

— Хорошо, я поняла тебя. И догадываюсь, твоя история как-то связана с этой проказой, что тут творится. Иначе не знаю, что ты здесь забыл, в этой дыре.

— Верно догадываешься.

— Госпожа Демиур! — Иона зырил в сторону изгнанника с чародейкой, окликал вторую. Его недовольный взгляд был слишком выделяющимся. Инела обещала, что вот-вот вернется к изучениям.

— Настолько ты нужна там?

— Иво... Прости уж, но да, настолько я нужна там. Знаешь, что...

Она указала пальцем направление.

— Центральный банк, рядом с ним будет постоянный двор. Пятая комната, второй этаж. Буду ждать тебя там и мы чудно побеседуем, а пока что извини, мне нужно бежать.

При всей спешке девушка все же обняла изгнанника и чмокнула его в щеку, затем сразу же отошла к врачевателям.

Иво ушел по направлению, указанному девушкой.

III. Источник зла III

Комната постоянного двора, снятая Инелой, пестрела. Она была не той халупой, что постоянно арендовал Иво, это были целые хоромы. Огромная зала, отдельная ванная комната, большие окна, выходящие на центральную городскую площадь. Кровать чистая, заправленная, без вшей, с хорошим постельным бельем. Был даже отдельный шкаф с вином: свежие кувшины ставили в него каждый день, при уборке. А кувшин, если ее выпивали, стоил конских денег.

Чародейка скинула с себя все уличные одеяния. Она сидела у окна, на специальном мягком пуфике, прикрытая лишь шелковым халатом с мехом у воротника. Пила вино, и сквозь халат виднелось ее оголенное тело.

Иво также сидел рядом, на втором пуфике. Вино не пил, и уже рассказал историю, приключившуюся с ним после битвы с вампиром в Блакаре; рассказал про заказ демона касательно изгнания Всадника апокалипсиса, а также про то, что этот Всадник — вестник чумы и болезней. Не забыл упомянуть и про слова гадалки.

Инела все внимательно выслушала, бокал отложила в сторону.

— Я бы и не подумала, что все так обернулось. Ты все эти месяцы искал Всадника?

Иво кивнул.

— Эти всадники настолько опасны?

— Они генералы. Сильнее них только Архидемон, которого сейчас нет. Поэтому, считай, я веду охоту на сильнейшего Высшего демона. Но это пол беды.

— Вторая, — Эла перебила, — заключается в том, что гадание начинает сбываться, а сам демон показал признаки жизни. Более того, эта болезнь... Не понять, как с ней быть и что против нее делать. Врачевателям понадобится время. Боюсь, что много времени.

— Именно. Поэтому я и в Вельдхейме. Всадник обитает где-то здесь, иначе как объяснить, что именно этот город первый ощутил новую заразу. Как минимум, иных зацепок у меня нет. Мне нужно срочно найти его и изгнать. В таком случае, болезнь может прекратиться.

Инела молчала. Обдумывала, что сказать. По итогу надумала.

— Сомневаюсь, что прекратится. Носителей чумы уже достаточно, и она распространяется. Иона, старикашка этот, хоть и может показаться вредным, но он скорее злился на то, что ты явился без какой-либо защиты и мог подцепить заразу, стать разносчиком. Он считает, — Инела взяла бокал и сделала один глоток, — что болезнь может передаваться через воздух. Но это меньше похоже на правду. За эту ночь врачи сделали заключение, что, скорее всего, болезнь передается через касания, особенно, если человек по каким-то обстоятельствам контактировал с кровью инфицированного. Да и вообще вся загвоздка именно в крови. Она очень странная, Иво. Ее состав, внешний вид, химические реакции. Даже мне было понятно, что тут что-то не так.

— Это уже зона ответственности врачей. Я обязан изгнать эту тварь и постараться прервать явление чумы и мора. Но для этого мне может понадобиться помощь... Как его там звать?

Иво покосился, Инела вновь сделала глоток и спокойно промолвила.

— Иона, Иво. Между прочим, очень уважаемый врач. И не просто так.

— Да, очень рад за него, — изгнанник говорил бегло, — но буду рад, если он поможет мне.

Иanela подлила вина из кувшина. Посмотрела на Иво.

— Будешь? Я угощаю.

— Только если так, — явно подшучивая, отвечал изгнанник.

Иanela взяла второй бокал, он находился рядом, на ином столике, уже повыше, налила и ему.

— Благодарю.

— Потом отблагодаришь... Если понимаешь, о чем я.

Она кокетливо пересеклась с ним глазами, также кокетливо поморгала, затем отвернулась и пристально уставилась в окно. Иво не ответил, но подмигнул.

— Так вот...

— Сомневаюсь, что он тебе поможет. Да и сам посуди, как ты ему объяснишь, для чего тебе нужна их медицинская тайна или любая прочая помощь? Ты же не представишься изгнанником, тем более не прикроешься Креоном. А это единственное, чем ты можешь оперировать в разговоре, чтобы тебе доверились. Но... Это же единственное ты не можешь никак раскрывать. А, собственно, что тебе от них нужно было?

— Я бы хотел знать, — Иво сделал паузу, чтобы выпить пол бокала залпом. После мощного глотка он продолжил. — Где находили первых заболевших? Может быть, они где-то в определенном месте заразились, ну или хоть какие-то подобные зацепки. Мне нужны места. Подсказка, откуда можно начать поиски.

— А с этим они тебе не помогут, родной.

Голос Иanela был уже намного расслабленный, чем прежде. Вино играло свою роль.

— Я думал, они знают подобные вещи.

— Их это не интересует. Пока что не интересует. Как только узнают все самое важное, займутся и местами, источниками и прочим. Но сейчас, на общем фоне, это полная чушь. Это как пытаться узнать, где даст тебе девушка, не уговорив ее изначально на секс — бессмысленно и бесполезно. Так и здесь, — она игриво улыбнулась.

Иво промолчал. Но покивал головой, соглашаясь со сказанным чародейкой. Он опустошил бокал, поставил рядом с кувшином.

— Да и... Вообще, — Иanela разливала вино по бокалам, — тебе ли задумываться, где узнать подобную информацию? Иво, если тебе что-то нужно узнать, а доступ к первоисточнику закрыт, ты всегда шел в город и общался с людьми, узнавал сведения у них. Чаще всего, искал информацию ты в трактирах, параллельно напиваясь. Реже — в борделях и кабаках. Ты думал, я забыла?..

— То был единичный случай, Эла. Я искал суккуба, уничтожающего множество людей.

— Я понимаю прекрасно, что ты искал. Но такое же было, согласен?

Иво отвернулся, отчаянно выдохнул. Иanela звонко засмеялась.

— Ну ладно тебе! Мне уже пошутить нельзя что ли? Постарайся пообщаться с городскими, серьезно. Многие... Как бы ни было прискорбно, многие уже потеряли кого-то: семью, друзей, знакомых — они и поведают тебе, с каких пор погибший заболел и где был до этого. А от врачей толку будет ноль, я тебе это могу гарантировать.

Они чокнулись бокалами, отошли от проблемных вопросов, замолчали. Вдвоем смотрели на звездное небо за окнами. Иво не выдавал эмоций, лишь спокойно пил вино. А Иanela улыбалась.

— Давно мы с тобой так не собирались. Навивает воспоминания...

— Да, — Иво ухмыльнулся и выдал что-то похожее на улыбку. — Было время, когда мы

частенько выпивали так у озер близь Люстера. Дивное время.

— Дивное. Но не настолько, как наша первая встреча. Та — самая что ни на есть сказка.

Иво не сдержал смеха.

— Да уж. С тобой не поспоришь.

Они взялись за руки, но перед этим вновь чокнулись и вновь выпили вместе.

— Чем ты была занята все это время? В Люстере было полным-полно дел?

Инела тяжело вздохнула.

— Ну, не сказать, что прям много дел. Простые рутинные обязательства. Изредка посещала Алантею. Виделась кстати с Карелией, та всю рвется обратно, под крыло королевское.

— А под Фарбула не рвется? — Иво решил подшутить, но эта шутка стоила ему легкого заклинания, что девушка прошептала. Иво не слышал, как оно звучало, но всю оценил: по его телу прошелся легкий, но в то же время неприятный, заряд тока, отчего изгнанника всего перекосило. Он скривил лицом.

— Не стоит так шутить над королевской советницей. Между прочим, Карелия бы себе такого не позволила в отношении тебя. Что насчет Фарбула... Ай, ладно, даже я могу признать, что они выглядят, как настоящие любовники. Но лишь выглядят, слышишь? Иво?

— Слышу. Хорошо слышу.

— Это отлично, а не то я опять тебя стукну...

— Главное, не бери под контроль разум. Молю.

Инела, будучи очень молодой и талантливой чародейкой не только в Баумании, но и на всем материке, была настоящей мастерицей контроля разума. Коронным и мощнейшим приемом в ее магическом арсенале было подчинение разума, с помощью которого та, без всяких сложностей, подчиняла себе разум и волю жертвы и крутила ей так, как вздумается. Иво лишь единожды ощущал на себе эту способность, после чего никогда не хотел повторения данного инцидента: в тот раз он проснулся на тренировочном поле Бауманских воинов голым и выслушивал в течение дня кучу шуток в свою сторону от Гордолина, который до сих пор напоминает тот день.

— Как скажешь, — она подмигнула изгнаннику.

Чародейка выглядела счастливой. Ее глаза горели, она расслабленно развалилась на мягком сидении и томимая вечерней интимной атмосферой глядела на звезды. Но что-то в один момент в ее поведении переменялось: вроде и улыбка осталась, она все также воодушевленно наблюдала за ночью, радовалась времени в приятной компании и выпивала хорошее вино. Но глаза слегка сузила, напряглась. Чем-то явно обеспокоилась.

— Эти полгода мы готовили дипломатические визиты, Иво.

Изгнанник, сразу замечавший любые изменения в поведении девушки, уже давно понимал, что было что-то достаточно глобальное, закрепившее местоположение Инелы в столице на долгие месяцы. И теперь, кивая и ожидая продолжения истории, осознавал, что именно.

— Опять не поделили клочок земли? — явно в шутку твердил Иво. И успешно — Инела немного засмеялась.

— Да... Все, как всегда. Пугает только, что отношения между державами накаляются, они не могут прийти к умозаключению.

— И в чем соль?

Инела приняла более усидчивое положение.

— Медвежьи сопки — те, с которых начинаются все Лазуритовые горы. Там обнаружили огромные залежи полезных металлов, всяких разных причем. Не скажу точно какие, я ничего не смыслю в этом. Но то, как Баумания грызется со Стезисом за эти земли, уже говорит все за себя.

— Так сопки же нейтральная территория. Ни одно из государств не имеет права на них, разве нет?

Чародейка со всей присущей ей иронией фыркнула.

— Когда кого-то останавливали законы? Особенно, если их можно удобно обойти.

Она залпом выпила все содержимое бокала. Голова ее немного пошатнулась.

— Стезийцы, — Инела вновь наливала бокал, подлила и Иво, да по самый край, — нашли старинные документы, по которым сопки принадлежат им. На первой встрече дипломатов они предъявили требования касательно владения этой земли, сослались на документ. И...

— Все старинные документы потеряли юридическую силу. Это одно из первых, что все страны уяснили после распада Эксодии, — Иво перебил девушку, параллельно выпивал вино. Он уже расслабился тоже.

— Да, ты прав. За исключением одного. Не все документы потеряли силу. Некоторые, отмеченные как «документы исконные» или же «дела особой важности» все еще имеют полное право на существование. Только вот нигде не сказано, какие документы можно считать таковыми. За полгода прошло уже пять встреч, и с каждой встречей взаимоотношения накаляются.

— А в чем наше условие? Что мы хотим?

— Мы? Ты имеешь ввиду Бауманию?

Иво кивнул.

— Просто не отдать эти земли в частное владение своему прямому экономическому конкуренту.

— Баумании так сложно пойти на уступки и отдать залежи?

Взгляд Инелы окутал изгнанника. Она не сказала ни слова, но всем своим видом выдавала: «ты идиот».

— Иво, тот, кто завладеет этой землей, станет господствовать в мире, ведь ценностей там на лет пятьдесят, не меньше. Если Стезийцам удастся по итогу забрать эти земли, то они обогатятся настолько, что бывшее величие Люстера, как города, сгинет в небытие. А говорю я это, потому что возле сопок можно возвести новую торговую столицу, там как раз сходятся дороги с Лазуритовых гор, Баумании, Стезиса.

— Но нет никаких выходов с Аурама. Лесному царству может не понравиться такое решение.

— А они когда-то участвовали в распрях или торгах? Ты лучше меня знаешь их страну и куда лучше меня знаешь их менталитет. Они обособились. Живут прекрасно и независимо от прочего мира. Им вообще плевать на то, что происходит за их лесами.

Изгнанник промолчал. Так оно и было. Аурамские леса были самыми неприступными и закрытыми землями, живущими ради себя и за свой счет. Было глупо высказывать что-то про них в данной ситуации.

— С другой стороны, — продолжала Инела, — Аурам все еще имеет право высказывать свое слово. Если конфликт дойдет до всеобщего совета Эксодии, в котором примут участие лидирующие страны и уважаемые независимые территории, Аурам, думаю, поддержит

сторону Баумании. Но я не думаю, что это что-то поменяет.

— К чему ты клонишь?

— К войне конечно же.

— Война? — Иво, словно ошпаренный кипятком, скривил губами и сделал такое лицо, словно ему сказали, что слон может летать. И то в последнее он бы больше поверил.

— Именно. Стезис настроен серьезно. Даже очень. Они уже не тот народ, отстающий от нас в военном плане. И амбиций у них не занимать.

— Выглядит так, словно ты поддерживаешь их, а не Бауманию.

Инела захохотала, затем улыбнулась. Ее взгляд успокаивал, глядя на нее больше ничего не хотелось. И вправду говорят, нельзя быть настолько идеальной.

— Я просто реалист.

Она встала с пуфа. Потянулась. Сквозь шелковый халат Иво прекрасно видел все очертания фигуры девушки. Не мог не смотреть, та сама провоцировала. И дразнила.

Она подошла сзади. Легким движением ладони провела по его щекам, затем по шее. Иво смотрел и глаза его засверкали так же ярко. Инела слегка отвела его взгляд от себя и прижалась животом к голове. Игриво ухмыльнулась.

— Я недавно вспоминал, как мы познакомились, — Иво говорил тихо, и хоть голос звучал его хладнокровно, девушка понимала, что это скорее спокойствие берет верх.

— Да, я тоже частенько вспоминаю эту историю. Но она настолько часто фигурирует в наших с тобой разговорах, что я даже не хочу ее сейчас размусоливать.

— Ну и черт с ней.

Она наклонилась, голову изгнанника приподняла и нежно поцеловала того.

— Ты... Помнишь наше обещание? Тогда, в Люстере? Про Белград.

— Помню, Эла.

Она вновь его поцеловала, в этот раз одним поцелуем не обошлось.

— Сейчас конечно не Белград, но... К черту романтику, иди ко мне.

Она вытянула его вперед, за этим сразу спал шелковый халат. Ее нагое тело уже всю прижимали к себе сильные руки изгнанника.

Он бросил ее на кровать, что была позади. Одежда спала с него быстро и где-то в этот период времени. Затем быстро присоединился к девушке.

Ночное небо засияло еще ярче, а песнопение сов за окнами приглушало стоны и вздохи.

IV. Мрак IV

— Кто она такая? — Тереза с ярым интересом спрашивала о бауманской чародейке.

— Инела? Моя...

— Девушка, да?

Они были на какой-то поляне. В астрале каждая полянка и каждый лес выглядит одинаково. Тереза сидела, скрестив ноги, и, время от времени прикусывая нижнюю губу, спрашивала изгнанника о всем, что придет ей в голову. Она наблюдала за ним: за его поведением, реакцией на определенные вопросы, движения. Она наблюдала за всем, чем только можно наблюдать. Хотя Иво даже не знал этого: в его руках находилась коса, которой он учился орудовать.

Он делал выпады и резкие хлесткие взмахи. Орудовать духовным оружием было тяжело, ведь та совсем ничего не весила. Хотя, правильнее было бы выразиться, что орудовать-то ей было легко, нужно лишь привыкнуть к тому, что держишь ты не воздух, а поистине страшнейшее оружие. Тереза направляла и наставляла его, хотя больше интересовалась

именно личной жизнью Иво и происходящим в мире.

Иво не ответил на ее вопрос. Тереза засмеялась и явно старалась смутить изгнанника.

— Чего ж не отвечаешь? У тебя проблемы со сном, а тут ты заснул так, что не добудишься утром. Сам же знаешь — ублажённые мужчина быстро отрубается, — она играла глазками, — К тому же, как ты сказал, ты встретил очень близкого человека... Иво, может хватит уже молчать?! — под конец Тереза явно недовольно прошипела.

— Я слушаю тебя. Не перебивать же.

Изгнанница закатила глаза.

— Когда выберусь отсюда — лично тебя пну под зад, а голову засуну по самое дно колодца с дерьмом.

Иво вновь проигнорировал. Терезу это взбешивало еще сильнее.

— Ты всегда была такой вспыльчивой? — голос изгнанника приглушался свистом воздуха от летящего со смертельной скоростью лезвия косы.

Тут уже Тереза решила промолчать и, явно в шутку, обидчиво и слегка ворчливо дернула головой в бок. Иво усмехнулся.

— Она моя возлюбленная. Хотя, признаться честно, мы настолько редко видимся и проводим время вместе, что порой кажется, это невозможно. У нас слишком разная жизнь: она постоянно занятая, занимает высокое положение при дворце, невероятно ответственная, я же постоянно путешествую с одного края мира к другому, решаю более закрытые вопросы континента.

— Мне ты можешь говорить все ясно и проще: охотишься.

Иво выдержал паузу.

— Да. Охочусь.

— Но это же не мешает вам любить друг друга? — Тереза сбавила пыл и голос ее успокоился. В этот раз она была серьезна и действительно интересовалась жизнью изгнанника, не ставя за этим иных целей.

— Да.

Иво, до этого без остановки размахивающий Фаэдрой, остановился. Он восстановил дыхание, отошел чуть дальше и попробовал телепортироваться с косой в руках с последующей размашистой атакой. Трюк оказался удачным, однако, хоть и духовная, коса все равно была чересчур большой для подобного стиля боя. Тереза встала и похлопала.

— Совсем недурно. Попробуй схватиться ближе к лезвию — так сможешь перемещаться ближе к врагу и наносить удар, приравненный к удару мечом, однако пострадает размашистость и сила.

Иво сделал точно так, как посоветовала Тереза. Начал пробовать «играться» с косой в зависимости от нужной дистанции и силы удара. А изгнанница вновь принялась давить его личными вопросами.

— А как вы познакомились? С... — Тереза явно запомнила имя девушки, но решила наглядно вспоминать, — Инелой?.. В этой истории будут рыцари, замки, драконы и принцессы?

После совершенной телепортации и не сильным, но достаточно точным ударом, Иво «просвистел» через нос. На миг глянул в ее зеленые изумрудные глаза.

— Ничего из этого не будет.

— Ох, и какая тогда романтика?

— Кто сказал, что она будет?

— Черт, Иво, побудь хоть раз более живым и расскажи все по-человечьи, с эмоциями, красками, эпитетами, метафорами и прочим. Ты ж любишь эту девушку, так и преподнеси все соответствующе! — Тереза, словно взбешенный пес, «прогавкала». Но делала это не по злumu, скорее старалась взбодрить изгнанника. Тот же вновь ухмыльнулся, затем присел рядом. Тут же и усмехнулся.

— Лет пять назад мне было поручено охранять отряд чародеев. В окрестностях Узо Бора, прекрасно известной тебе старинной и позабытой Богом крепости, происходили некие аномальные явления: то тучи сгущаются, то лишь над ней дождь прольется, то местные охотники пропадать начнут. Был послан отряд, в котором было четыре мага и шестеро сопровождающих, одним из которых был я. С Инелой мы тогда не были знакомы, она была самой молодой из них и только-только покинула стены Алантеи.

Тереза удивилась, заморгала.

— Так она чародей? Да еще и сильный, как не взгляни. В Алантее лишь сильнейших готовят, куда меньше кого отпускают в свободное плаванье. Обычно обучающиеся там маги и служат академии до самой смерти.

Алантея — сильнейшая академия магии, что находится на самой вершине Драконьего пика в Лазуритовых горах. Эта академия независима и существует сама по себе; ни с кем не ведет никакие отношения, никого не поддерживает, также и не выступает против кого-то. И чаще всего те, кто связал свою жизнь с магией в этой академии, там же и оставались.

Однако бывали и случаи, при которых короли договаривались с высшими магами о вербовке магов себе на службу. Лишь изредка, раз в сотню, а то и в тысячу просьб, архимаги соглашались на подобное. И случай с Инелой один из таких. Девушку заприметили, когда той еще было тринадцать лет.

Тем не менее, подобное — чистое исключение. Маги Алантеи сторонятся прочего мира и живут, подчиняясь лишь себе, не влезая в обычную жизнь мирного населения, тем более не участвуя в политике.

— Да, — продолжал Иво, впервые искренне улыбнувшись изгнаннице, — когда она примкнула к Баумании, ей всего-то было восемнадцать лет. Хотя уже тогда она была грозной и могущественной, про сейчас я вообще молчу. А из того отряда лишь одна была бауманской чародейкой, все прочие были посланы лично Алантеей.

Тереза ухмыльнулась.

— И что было дальше?

— В Узо Боре произошла трагедия. Чародеи часами бродили по окрестностям крепости и не могли понять, в чем причина подобных резко появившихся явлений. Мы глазами не успели моргнуть, как всю группу урыл один ифрит. Он был мощным, явно уже старым и бывалым. Я был рядом с Инелой, оттого она и уцелела. Ну и тогда-то мне пришлось открыться ей.

Зеленоглазая засмеялась.

— А говорил не будет принцесс и драконов. Хотя... Ладно уж, не было дракона, но ифрит не уступает ему в силе и мощи. Это грозный демон. Похвально, что ты смог одолеть такую тварь — не каждому дано.

— Ну, — изгнанник склонил голову, — мне повезло, что Инела оказалась разумной. Она одна из немногих женщин, что не окликнули меня отродьем, как только я обнажил клинок. В общем-то, вот и вся история.

— За-ме-ча-тель-но!

Изгнанница специально проговорила слово по слогам. Иво молчал.

— И все же интересно выходит, Иво. Интересный, точнее быть, союз у тебя. Испокон веков изгнанники лишь с себе подобными связывали судьбы, а у тебя молоденькая статная магичка, красавица, как я понимаю... Но магичка. Исключительный человек. Я бы на твоём месте была аккуратнее. Всякое бывает.

— Всякое-не всякое, — Иво встал и вновь продолжил тренировки, — Будь что будет, Тереза. Я не скажу, что доверяю людям, но есть те, кто доверяли мне свои жизни, души, секреты и еще множество другого. Множество того, что сгинуло бы во мраке этого чертового мира, пожелай я этого. Поэтому я не боюсь и уж тем более не жалею, что мне страшно. А что касается Инелы...

Иво сделал паузу, дабы совершить отменный финт: он телепортировался к изгнаннице за спину и взмахнул косой. Махнул быстро, но при желании Тереза легко могла прервать удар круговым движением своей кисти, выхватив косу из рук Иво. Лезвие летело стремительно к шее девушки. И остановилось — до кожи оставались какие-то треклятые миллиметры. Тереза усмехнулась, затем обернулась и улыбнулась. Она сидела неподвижно.

— Она бы тоже доверилась?

— Она бы тоже доверилась.

V. Источник зла IV

Уже вечерело. Как и всегда в это время в Вельдхейме, народ гулял да кутил. Шум от пьянок и кутежа галдело распространился по всему городу. Словно тысячи птиц чирикают в унисон, сотни рабочих шумели, базарили, распевали песни, и гул их исходил отчетливый, даже из зданий с закрытыми окнами и дверьми.

Иво посещал уже четвертую таверну. Во всех до этой его, если и не посылали куда подальше, то четко настаивали на том, чтобы бауманец не лез не в свое дело и оставил их в покое.

Он вошел в нее. «Хмель да Молот» — громкое название для рабочего городишка. И народу было предостаточно. Изгнанник пошел к трактирщику.

Главным тут был бывший разбойник, Салтаем звать. О нем сказали Иво на улицах. К нему он и пришел. Возле множества бочек с вином и кег с хмельными напитками стоял мужик. Глаз один прикрывала повязка, сам одет не по последнему писку моды, но как уважаемый человек: одежда была чистой, не рваной, но поношенной. Мужик глядел по сторонам. Иво сделал вид, что тот наблюдает за порядком, ведь драки в Вельдхеймских заведениях — дело такое же обычное, как поссать по утру.

Изгнанник подмигнул мужику. Он недовольно направился к Иво.

— Че надо? — голос мужика был недовольным. Иво приспустил капюшон, положил пару медяков на стол.

— Выпить есть?

Мужик схватил монеты, бросил их под стол. Он быстро наполнил кружку пивом, метнул в руки Иво. Изгнанник отпил.

— Ты Салтай?

Мужик кивнул.

— Я Салтай. Чего надобно?

— Парни с карьеров тебя упоминали. Сказали, можешь помочь.

— И с чем же?

Иво вновь отпил из кружки.

— Нужен человек. Человек знающий, где народ местный цеплял заразу.

— Чет ты уж не сильно похож на врача. Скорее на упыря, мародёра, кто хочет руки позолотить грузом мертвых.

Иво беззлбно покивал по сторонам.

— Мне чужое не нужно. Скорее напротив, я хотел бы постараться решить эту проблему, либо же помочь врачевателям с решением. У них все долго и нудно, сам же знаешь — пока изучат, пока проанализируют, пока запишут, сообщат, а это все время. А мужики гибнут.

Салтай прошипел.

— Ай, сука! Это ты в точку сказал! Шпана поговаривала, мол столичные приехали и сразу за науку, чтоб их пес побрал. Дело благое творишь, мужик, вот че скажу, да только все равно не думаю, что поможешь. Никто не поможет сейчас, надо этих мразей ждать, пока они записочки свои оформят — блюститители сучьи!

Трактирщик стукнул кулаком по столу.

— С другой стороны, мне то что. Если уж в такое пекло лезешь, то знаешь, что делаешь. Видок у тебя ничего такой, подозрительный хоть, но профессиональный, не иначе! Как звать-то?

— Иво.

— Отлично, Иво. В общем-то, ладно. Помогу, коли лишь словом обойдемся. Но скажу сразу, человек там тяжелый — не факт, что получится у тебя с ним на контакт выйти. Только обожди пару секунд.

Салтай отошел, но почти сразу же вернулся. С собой приволок полупустую кегу с пивом, а с ней и еще одну кружку. Кружку наполнил, как только поставил на стол, с нее и начал хлебать. Иво он не подливал.

— Есть мужик один. Кличут Медным королем, но как матушка прозвала — никому не известно, все его Молотом звали. Так вот Молот отшельник. Живет как бы рядом с городом, но вообще не появляется здесь. А все мужики его знают, так как он раннее бригадиром был, а с ним работа была успешнее, чем под покровительством самих ангелов, во как скажу! Молот уже давно с нашими на карьере не пахал, отстранился, бредил про единение с природой и тому подобное. Если быть кратче-с, то шизанулся. Но была у Молота баба. Красивая, ничего не скажешь, но двинула коней из-за этой херни прокаженной. После этого Молот совсем свихнулся. Начал нести какую-то ахинею про то, что вся эта чума — нам наказание за то, шо мы дары земные отбираем, что это все проблески адских тварей и вообще, шо здесь магия замешана, не миновать всем горя. Понимаешь? Этот сукин сын обвинил город, мол из-за нас все это началось.

— Он же сам добывал железо. С чего бы он так говорил?

— Ай, сука, ну это когда было. Он, Иво, был отменным мастером. Но так было давно, потом что-то повлияло на него, и он ушел с работы. Хер знает че там приключилось, на что он живет и живет ли вообще. Человеку всегда проще во всех своих невзгодах обвинить других, себе подобных. Зависть, не иначе!

Салтай выпил пиво до дна, впоследствии пошатнулся.

— Таки вот. Его женушка сгинула одна из самых первых. Имени ее не скажу, он скрывал от нас. Но могу сказать, что травницей она была. И, на редкость, скажу тебе, отменной! Многие бабы у нее закупались травушкой-муравушкой. А сейчас негде больше, она единственная была в округе приверженица народной медицины. Вот-с, в общем, друже, может Молот и скажет тебе что-нибудь, но эт маловероятно — там все совсем плохо с

башкой у мужика.

Салтай вновь наполнил кружку пивом. Кега опустела, он положил ее вниз, от глаз посетительских подальше.

— А где этот Молот ваш обитает? — спрашивал Иво.

— Эт-с, милоч, тебе за стены надобно, потом по тропинке прямо. Там тайга будет густая начинаться, а пред ее началом увидишь опушечку. Вот там и находится хала Молотовская. Но будь аккуратен, Иво, там капканы могут быть.

— Капканы? Это он, как ты говоришь, с ума так сошел? На людей ставит?

Салтай захихикал, похрюкивая.

— Не-а, это на медведя он ставит. Тайга ж, живности сякой водится — уф! Так это еще повезет, если медведь. Бывают всякие и пострашнее: то членистоногие два метра высотой, то волкодавы мощные, то, не дай бог, и того мифические создания попадутся — я их не знаю толком, знаю только, как мужики их описывают. Те, кто выжил, разумеется.

Они стукнулись кружками, затем сразу отпили.

— Но не об этом мы. Да и не сильно важно это. Ты уж, Иво, с Молотом постарайся поаккуратнее, прошу тебя по-человечески. Каким бы сейчас ни был, в свое время ой как мужикам нашим помог. А тут все же жена сгнула... Да еще и в таких муках. Страшная эта лихорадка, весь город на жопе ровно сидит. И более того...

Салтай прокашлялся, затем отхаркнул и продолжил рассказ.

— Слышал недавно, что уже и южнее болеть начали. Ко мне на днях один мужик заглядывал. К слову, чем-то на тебя похож, только больше и шире, а за спиной меч громаднейший, впервые видел такой! Так он сказал, что уже и на юге лихорадка зародилась. Людидохнуть начали. Он упоминал одну деревушку...

— Прохоровка? — перебил Иво.

— Да! Точно она! Этакая мелкая деревушка. Тот мужик сказал, что в ней совсем беда.

Изгнанник покосился, построил скверную гримасу. Как бы то ни было, но пророчество Милавы, кое до сего момента казалось простой байкой, сбывалось. Видать, гадалка оказалась истиной. Но помимо ситуации с деревней, заразой и девушкой были еще недостающие элементы паззла.

— Иво?

Изгнанник дернулся.

— Нормально себя чувствуешь? Еще пива?

— Все хорошо. Просто задумался. Мужик этот еще что-то говорил?

— Ай, да нет вроде как. Но говорит он скверно. Голос гнусавый, но грубый шо есть мочи. Лица не увидел, он харю прикрывал не только капюшоном, но еще и маской ниже носа. Но, скажу тебе, лица видеть не надобно, чтобы понять, что он тертый калач и очень опасный. Но это так, просто тебе психологический портрет, — Салтай засмеялся, — он хрючева похавал, рассказал про деревушку, затем сгнул. Куда правда вот — хер знает. Да и мне как-то глубоко насрать на него, знаешь ли. У меня таких, как он, каждый день как говна в яме выгребной.

Иво молча кивнул.

— Ты-с мне вот что скажи, затем иди, куда глаза глядят. Кто ты такой, что собираешься помогать с заразой? Ни врач, ни маг, ну разбойник иль наемник ты, Иво. Что ж ты этакого можешь? Да и не проще ли со столичными лекарями побазарить? Чего ж ты по трактирам такое узнаешь?

— Салтай, — Иво слегка усмехнулся, — ни врач, ни маг я, да и не разбойник. Простой путник, что знает немного больше, чем остальные. Да и может тоже. Что касательно столичных, то мы ж давно уже с тобой уяснили...

Иво немного отошел от стола.

— У них все долго и нудно.

VI. Источник зла V

Салтай не соврал — капканов возле хаты Молота было пруд пруди. И с ними Иво был особенно аккуратен, приходилось опираться на свои глаза, а не на необыкновенное шестое чувство ауровидения.

Изгнанник проходил на цыпочках. Было темно, под ногами ничего толком не мелькало. Сейчас Иво думал лишь о том, как же печально, что он просто не может телепортироваться напрямик ко входу.

Пройдя полянку, он подошел к хате. Это была самая обычная прямоугольная халупа, правда с одной стены выпирала стенка большого каменного камина. Крыша соломенная, с деревянной основой. Конструкция не шибко надежная, но легкая в ремонтировании и дешевая.

У входа, что изгнанник заприметил сразу же, была пачка оберегов. Всяких, и все различные: одни шаманы ставили против злых духов, другие против иной нечисти, третьи просто ото всех обид и невзгод. Однако забавен был факт, что, в прошлом лучший рабочий города, в нынешних реалиях принял на себя роль шамана и полностью отстранился от прежней жизни.

Иво прикоснулся к ручке двери. Но не открывал. Чувствовал нечто этакое рядом. Существо было не опасным. Это был человек. И скрывался этот человек за прилежащей рядом колонной, у которой валялись старые заброшенные инструменты. Иво выжидал.

— Бу!!! — прокричал этот кто-то.

Иво дернулся, специально и наиграно, любой бы это понял. Любой, но не юнец, коим и оказался выскочивший. Личиком милый, безобидный, как зверек, со светлыми пшеничными волосами. Улыбался он ярко, и сначала не решался заговорить с незнакомцем. Но по итогу заговорил.

— Отчего ты не бежишь? Тебе не страшно?

— Очень. — Иво приклонился и улыбнулся мальчишке в ответ. — Но мужество сильнее страха. Поэтому... Я и не бегу.

Глазки мальчугана засверкали от восхищения.

— Мужество? Мужество! Да, мне папа рассказывал о таком. Теперь вижу. Здорово! Здорово!

Юнец загоготал, затрепетал. Иво скверно улыбнулся.

— Как тебя звать, шутник?

— Меня? — мальчик призадумался, покрутил кудри на своей голове, но потом выразительно воскликнул, — Зови меня Светиком! Светик я, Светик!

— Ох как. Красивое имя, Светик. А Молот — это твой батя, так?

— Молот?...

Светик недоумевал и отнекиваясь кивал головой.

— Не знаю я никакого Молота, дядь. Да и вообще... Я пошел уже, мне папка запрещает общаться с городскими.

Светик хотел убежать: словно играл в догонялки или салочки, он немного подождал, а

затем, оттолкнувшись от земли, ринулся за колону, откуда и пришел, но Иво успел ухватить того за руку. Схватил не сильно, чтобы не причинить боль ребенку, однако Светик все равно нелепо подрагивал.

— Подожди, Светик. Очень прошу. Я не из города, я просто путник, путешествую себе из города в город и общаюсь с разными людьми...

— О! Таки вы путешественник, дядя? — Светик позабыл былые запреты отца и воодушевленно, с горящими восхищенными, как и прежде, глазами опрашивал изгнанника.

Иво кивнул.

— А можете рассказать о мире? Бывали ль вы за Лазуритовыми горами? Я на картинках не видал их, но слышал, что там водятся большие драконы! Они защищают горы от вторженцев и захватчиков. А в лесах были? Которые еще... Как же они называются! Забыл!

— Аурамские?

— Да! Да! Эльфские леса! А про Черногорские высоты? Марийские острова? Ты видел китов когда-нибудь? А единорогов? О, дядя! Я вспомнил! Расскажи про...

Иво усмехнулся.

— Светик, расскажу обо всем — даю слово. Только сперва ответь, где твой отец? Он мне очень нужен в особом... Деле. Помощь в странствии, так сказать.

— Помощь в странствии?!

Светик запрыгал от счастья, затопал, затем замахал руками и даже слегка приобнял Иво.

— Как же это круто! Да, конечно, пойдёмте, дядька! Нам в хату надобно... — Светик вдруг сменился в лице, радость прошла. — Ой... Только нельзя туда ж сейчас... Папка молится да возносит, а отвлекать нельзя. Ждать придется нам. Но, ничего! Вы мне пока расскажите про... Ай, да неважно! Просто расскажите. А там и папка освободится.

Иво не дергался, стоял на месте и все также улыбался ребенку. Обычно он не был падок на подобные эмоции, но дитя, что стоял перед ним и искрился словно подпаленный в масле факел, невольно заставлял гримасу на лице изгнанника задержаться. Но он чувствовал. Чувствовал ауру, подкрадывающуюся со спины. И глядел на ребенка. Малец все еще молил поведать о неизведанных краях необъятного континента, молил так, как святоши не молят своему богу. Но Иво слышал все мольбы уже вскользь. Он концентрировался на ауре сзади.

Она подобралась впритык. Это Иво почувствовал очень хорошо, к тому же лицо Светика чересчур быстро изменилось с возбужденного на пугающее. Что-то засвистело, полетело. Лишь благодаря опыту и рефлексам, заработанным в сражениях, Иво схватил огромный колун и, немного согнувшись в коленях, смог удержать его. И сразу же после этого пересекся взглядом с ним: щетинистый, мускулистый, ростом чуть ниже изгнанника, на голове красовалась темная порыпаная шапка.

— Папа! Папа! Не бей! Он хороший, это путешественник!

Мужик оскалил.

— Кто ты, мать твою, что смог так умело отразить летящий в тебя колун весом в треть меня? И какого черта ты забыл у меня дома?

— Папа, не надо. Он хороший. Он обещал мне...

— Молчи, Светик! Я строго-настрого запретил общаться с незнакомыми людьми. А этот так вообще на человека не похож.

Иво разрядил накаленную обстановку: отошел на шаг назад, показал открытые ладони, после чего снял капюшон.

— Меч при мне, закреплен на поясе. Могу снять, если потребуешь.

— Требую отвалить.

— Боюсь, не получится.

— Папа, папа...

— Молчи, сын! — мужик рявкнул.

— Не кричи на сына, Молот. Он у тебя славный и добрый, не засоряй же его этой беспричинной агрессией.

Молот покосился взглядом. Минуту они все молчали, лишь насекомые сопели да звенели, прерывая эту мертвую тишину. Но затем Молот отложил колун, но не сильно далеко — его все еще было легко схватить, а главное, при его мышечной массе и силе, быстро.

— Я повторю вопрос: кто ты такой, что смог так резво откинуть топор? Обычный человек на подобное не способен.

— Он путешественник, папа...

— Знаю я таких путешественников, и ты знай, Светик. Он зайдет в хату и грабанет. Меня убьет, а тебя на съедение волкам отдаст.

Светик испуганно отбежал за колонну.

— Не со злом я, Молот. В хату твою могу и не ступать, а если и ступлю, то лишь с добром и помощью. К тому же, — Иво выразительно посмотрел в сторону оберегов, — тотемы охраняют тебя ото всякого зла. Если мне не изменяет память, та, что самая правая — подкова, повешенная с внешней стороны, охраняет очаг от бед и напастей. Яко же выкину что-то — оберег ответит тем же, сам знаешь. Позволь обратиться, а сам же я отброшу меч и буду говорить на расстоянии, если того потребуешь. Сына твоего тем патче не трону, клянусь.

Молот сперва настороженно смотрел в глаза Иво. Их битва взглядов продлилась недолго. Молот подраслабился, отложил топор уже на свое родное место и отворил двери хаты. Первым забежал Светик. Он знал отца очень хорошо и понимал, что подобный жест с его стороны означает принятие гостя. Да и сам Молот всем своим видом это показывал: он уже не был таким яростным, злым, стоял как-то просто и вальяжно.

— Знаешь про обереги, знаешь. Вижу, что человек толковый. Доказал мне, мужик. Забегай и рассказывай, с чем пришел. Чаю будешь?

— С радостью.

VII. Источник зла VI

— Мария была святой женщиной, Иво. Очень жалко, что никому не было дела до этого. Эти паскуды платят за свои грехи.

Молот пыхтел. Они сидели и грелись у камина. Светик же игрался в другой комнате. В последний раз, как Иво его видел, тот читал книжки про путешествия и учебники по географии.

Иво уже поведал Молоту, почему он пришел к нему. И второй одобрительно кивал. Он говорил немного, предпочитал слушать. Но всегда, когда нужно было вставить слово, он уважал Иво и оскорблял докторов. Иво не осуждал, Молота можно было понять.

— Она заболела одной из самых первых. Я тогда уже отошел от каменных работ — Светик родился. Сам понимаешь, ребенок маленький в семье, Мария одна не справлялась, ведь еще и по хате много забот, и ее травнические делишки — она их очень любила и жила народной медициной, хотела врачевать, да только должного образования не смогла получить. А еще в округе скота дикого навалом. Ну нужен я был семье, нужен!

Иво отхлебнул из кружки.

— Понимаю.

— Благо понимаешь. А эти уродцы не поняли. Они давай ко мне ломиться и созывать: «Медный король! Медный король!». Да срать мне было на эту медь, латунь, серебро и прочую ересь. Срать. Жене помощь нужна была, а они не понимали этого... — Молот замолчал.

— Потом, — вновь заговорил, — она заболела... Пошла травы собирать, у Светика тогда жар был, вылечить хотела. Ты ж знаешь местные правила, думаю: коли рабочий городской — тебе лучшего доктора даруют, да не только тебе, а всей семье. Но если же ты другого подмастерья...

— Они отвернулись от вас? — Иво говорил спокойно, но голос слегка подрагивал, догадываясь о произошедшем.

Молот злобно усмехнулся.

— Легко сказано. Поставили ультиматум, ироды. Либо я возвращаюсь в шахты, либо иду лесом и сам лечу свою жену... И сына — жар не проходил. А я не мог вернуться, ну не мог! Я им говорил, мол, вылечите их, а после я вернусь. Я был готов на такие условия. Я, не они. Местный староста не пошел на компромисс. А я не смог бросить жену. Так она и сгинула спустя неделю, в страшных муках.

Иво паскудно скривился, прикусил губу и жадно выпил весь чай до дна. Кружку он сжимал до скрипа.

— А потом сам знаешь. Распространилось все. Теперь они страдают также, как и я. Вельдхеймские зовут меня глупцом, бредящим, мол я поклоняться начал и шаманскими делами заниматься принялся. Но скажи мне, Иво, скажи, как мужик обособленный: разве я что-то не так делаю? Разве я спятил? Сбрехал? Сбрехал, что пытаюсь старинными методами защитить последнее дорогое мне тело?

— Нет. Не сбрехал.

— Во, сука! А в глазах прочих я сумасшедший.

Светик зашумел пуще прежнего. Иво с Молотом замолкли и заглянули за угол, чем же занимается ребенок. Книжки наскучили, малец заскакал на метле, словно на коне, крича что-то вроде «На острова! За сокровищами!»

— Он у тебя прирожденный искатель приключений.

— Это от матери... Мария обожала путешествия. Тяжко ей было на одном месте, быть прикованной к одному городу. Но терпела. Терпела ради меня. Мы хотели денег скопить да рвануть куда zenки глядят. И Светик ждал этого больше всего. Но как Мария покинула нас... Не до путешествий абсолютно.

— Я тут подумал... — Иво перебил Молота. — А почему мужики за тебя не заступились перед старостой? Один мне сказывал, что все тебя уважают, так чего ж они не впряглись за своего? У Вельдхеймских это же золотое правило — заступиться за своего коллегу в беде.

Молот заржал, иронично кривя губами в попытках состряпать улыбку.

— А я откуда знаю?!

Затем они замолчали.

— Прости. Просто столько злобы накопилось... Я ж ни с кем, кроме сына, не общаюсь. И некому вылить все как есть на духу. Ты первый за последнее время.

— Не страшно. Я привык слушать истории людей о горечи и утратах. И привык видеть их разбитых и подавленных, злых и оскорбленных. Просто говори.

Молот кивнул, сделал глоток чаю — горло пересохло. В перерыве он также подлил из котелка горячего в кружку изгнанника.

— Я не знаю, Иво. Вообще, староста у нас новый уже как третий месяц. И слышал я, что вшивый он... Подворовывает из казны, сливает своим связям, а те мутят что-то странное с денежками этими. Но это слухи лишь. А что по факту могу сказать, прям точно, что сволочь он, староста этот. Я хоть и ушел давно с металлодобычи, но с некоторыми ребятами по сей день контакт держу. Не друзья прямо-таки... Но хорошие знакомые остались. Так вот они мне рассказывают, что староста этот, Радмиром звать, зверь еще тот. Урезал жалование, рабочее время напротив — увеличил, с рабочими не держит контакт, работает лишь через секретаря. Мужики, мож, оттого и отпустили мою проблему, покуда себе новых не хотят, с таким-то устоем, сука. В общем, тварь он, все, что могу сказать. А, и еще...

Молот нахмурился, злобно посмотрел в самое сердце горящего напротив камина.

— Именно по его приказу и не оказали лечение Марии. Он поставил передо мной этот сраный ультиматум, который я, сам ж уже понимаешь, не был в состоянии выполнить.

— А жалобу подавали на него? Думаю, Его Высочество был бы в гневе, узнай, что творит его посадник.

Молот усмехнулся!

— А как тут жаловаться-то, брат? Вот скажи мне. Эти падали тут нам глотку сжимают, да так, что воздуха не оберешься, базарить с ними бессмысленно — все, кто бунтовал, червей кормят. А весточку послать через кого-то... Ну, тоже гиблая затея. Через кого? Тут нужен приближенный люд, кого король не скормит псам за подобное дерзкое заявление. Поэтому, не работают тут жалобы, Иво. Не работают. Мужики, единственное, думали укокошить гандона этого, Радмира, но у него такая рота за спиной стоит, что тут, скорее, он весь город перережет, лишь бы у власти остаться.

— Я могу помочь с жалобой. Не буду вдаваться в подробности — просто знай, что через меня коллективное письмо точно дойдет до короны. И точно передастся вся ситуация в городе. Даю честное слово, Молот...

— Ай, — Медный король махнул рукой, — да забей уже, Иво. Не жить этому городу. И, да, коли я вспомнил об этом, давай лучше вернемся к изначальной цели твоего визита. Мы потерялись в словах.

Иво кивнул.

— И все же ты подумай над моими словами, — добавил он.

— Подумаю, подумаю. Если доживу. Так вот...

Молот почесал затылок, сделал глоток из кружки.

— Скажу так, за других говорить не буду. А тут у каждого своя правда, Иво. В общем-то, в простонародье этой проказе дано название кровянки. Не самое романтическое название, но уж извиняй — не до романтики тут. Название такое дали из-за...

— Симптомов, я полагаю.

— Да. И не перебивай. Кровь заболевших закисло, так поговаривают. Ты уж извиняй, медицинскую консультацию не дам и могу сказать лишь слухи, но слухи тоже не просто так рождаются. Все, кто кого-то потерял, гласили, что кровь жертвы просто закисло. Не знаю, как так вообще возможно, но тут уж как есть. Хотя, как по мне, это объясняет, отчего бедные корчились в муках и агонии.

— Слухи сходятся с правдой. Люстерские врачеватели примерно подобные симптомы и указывали, я застал их во время изучения трупа.

— Ну, — Молот скверно улыбнулся, — коли так, то радуется, что все сходится. Теперь об источниках заразы...

Молот вновь отпил из кружки. Иво поддержал.

— Как сказал ранее, за каждого говорить не буду. Хотя, здесь у многих сходится судьба. Марийка, перед тем, как заболеть, собирала травы, если помнишь, я упоминал это уже.

— Помню.

— После этого и начался этот кошмар. А собирает она травы только в двух местах, но все в лесу. Первое — прямо неподалеку, чуть меньше версты отсюда. Там растет ромашка. Много ромашки. Мария из нее чай и экстракты делала. Второе место подальше, значительно подальше. Углубляясь в таежную глушь, будет речка — ответвление от Гасси. Гасси знаешь же?

— Знаю. Крупнейшая река всего континента.

— Во-о-о-т, — протянул Молот. — А от Гасси много мелких уходит. Так и есть тут мелкая речушка, Илия называется. Она чисто у нас протекает, нигде больше. Но возле нее растет столько всего, что иногда травничие со всего бела света приезжают! Там тебе и корень Синтеразы, и шалфей какой-то необычный, и... э... синекока, вроде как — Мария часто использовала ее в своих отварах. В общем, кладезь для травника. Ну и в тот день она пришла и с ромашкой, и с синекокой, да и еще со всякой приبلудой. То бишь, если подводить итог, я не знаю точно, где она цепанула заразу. Но, опять же, по слухам...

Молот призадумался, изгнанник его не торопил. И не прогадал — Молот долго не задерживался и вновь продолжил рассказ.

— После смерти жены я встречался с мужиком с карьеров, у него дочка сгинула... — глаза он прищурил, лоб напряг. — И в тот день девочка бегала в Илию купаться.

— Одна? — Иво удивленно поинтересовался. Молот покачал головой по сторонам.

— В этом-то и соль, что не одна. С подружками. Но те целёхонькие. Вот и загадка: что, почему и как.

Иво потянул шею, затем прохрустел фалангами пальцев. Изгнанник и не заметил, как Молот встал и отошел посмотреть за сыном. Иво также встал и решил заглянуть в помещение, где юный искатель приключений зачитывался литературой. Когда посмотрел, увидел, как Светик вовсю храпел, улыбаясь, а из рук не выпускал какую-то книжку с зеленой обложкой. Около него стоял Молот. Мужчина выдавал такую же детскую искреннюю улыбку, затем взял мальчика на руки и уложил рядом на мягкую кровать, укрывая того одеялом. Затем вернулся обратно в зал.

— Хороший у тебя сын.

Молот кивнул в знак благодарности.

— Он молодцом держится. Не ноет, не ревет из-за смерти матери. Постоянно помогает мне, много читает. Мечтает в будущем путешествовать и объездить все места континента.

— Как же я его понимаю, — выдал короткое, но такое чувственное и ранимое Иво.

Они направились к выходу.

— Почему ты решил заняться шаманством? Что сподвигло тебя на подобное?

Молот улыбнулся.

— А это уже моя мечта детства. Всегда мечтал о полном единении с природой, ведь она — единственная истинная наша матушка. И накормит, и напоит, и радости даст в жизни. Лишь природа, ничто другое не заменит ее заботы. И хоть я не имею в родословной сильных

шаманов, им всегда можно стать, лишь только заходи. Сын дал такой пример.

— Ты веришь в подобную магию? Ту, что основана на оберегах и символах, на поклонении природе?

— Конечно. И, будь уверен, обереги мои работают и охраняют. Сами Боги и природа меня защищают, а я им за это посягнул верностью.

Иво улыбнулся.

— Рад, что ты так считаешь. Но мужики сказали, что ты уверен, что болезнь — наказание природы за то, что мы отбираем у нее ее же жилы. Прости заранее и не сочти за грубость, но ты всю жизнь провел на шахте, так разве не достойно и тебя наказание за?..

— Не надо.

Иво замолк.

— Прости.

— Ничего. Просто не надо лишний раз напоминать мне о произошедшем. Ты мужик толковый, Иво, но даже тебе я не прощу подобного.

— Просто это все строится из твоих же слов.

Молот выдохнул. Они уже стояли и двери. Медный король отворил дверь и они вышли на улицу.

— Я брехню им всем сказал. Чтоб сочли за сумасшедшего и отвяли. Никакая это не кара природная — природа наоборот дарует свои ресурсы, чтобы мы, дети ее, жили хорошо. Я же считаю, что дело тут далеко не в этом. Мне кажется, источник кровянки куда страшнее...

— К чему ты клонишь?

Молот слегка побледнел, сглотнул слюну, да так громко, что даже Иво услышал это отчетливо.

— Я считаю, что виной всему нечисть, Иво. Сочтешь за сумасшедшего?

Иво ошарился, но не подал виду. Он изредка встречал современных людей, серьезно верящих в демонов, и каждое упоминание молодого человека о влиянии на их мир нечистой силы, так или иначе, но шокировало. Изгнанник отвел взгляд в сторону леса. Паскудно скривил губы.

— Не сочту. Скорее удивлюсь. Никто сейчас никогда не скажет, что виной какой-то проблеме — демон или иное отродье.

— Я хорошо об этом знаю из рассказов своего отца. И любой другой, не ты, счел бы меня дураком последним. Но не ты. А знаешь почему?

Молот подошел поближе. Тоже позарился в сторону леса.

— Ты же за этим и пришел, да? Ты же сам нечисть.

Иво похмурился, хотел сделать шаг назад. Он не очень приятно посмотрел на Молота. Тот не отвечал тем же, стоял с безжизненным лицом.

— Ты хорошо знаешь обереги, Иво. Удивлен, что знаешь даже подковку и двери — не самый распространенный вид защитного оберега. Но один ты не заметил.

Молот указал пальцем на почти незаметный роговик. На камне была трещина.

— Роговик тогда треснет, когда зайдет в твой очаг нечистый. Я бы не подумал о таком, честно тебе скажу. Но лишь изгнанник поверит и подтвердит слова о демоне. Понимаешь?

— Понимаю, — Иво говорил холодно.

— Но, — Молот опустил мерзость, витавшую в воздухе, даже попытался улыбнуться, — ты не подумай, что я плохо к тебе отношусь. Батяка уважал таких, как ты. А я считаю лично, что сам ты не виноват, что таким уродился. Так что не парься, ни слова о тебе не будет в

городе от меня. Но будет просьба.

— Говори.

— Отомсти этой падали за Марию. Молю. Сделаешь это и все что угодно, любое желание...

— Стой. Пожалуйста. Не нужно мне желаний, Молот, — Иво нервно высказался, помахал рукой. — Извечные обещания о любом желании порядком осточертели. Я делаю то, что должен и для чего был рожден. И делаю это просто так. Но будь уверен...

Иво подошел поближе, склонил голову так, чтобы они с Молотом соприкоснулись лбами.

— Я отомщу.

Молот не ответил. Иво ушел спокойным шагом в сторону леса.

Ветер беспокойно расшумел.

VIII. Источник зла VII

Сначала он проверил ромашковое поле.

Больших ставок на поляну не делал, и, к слову, не прогадал. Не было здесь не то что бы следов демона, не было здесь вообще ничего, кроме ромашек.

Высшие демоны всегда оставляли следы там, где проходили. Изгнанники звали подобное явление «выжженными землями». Земля, по которой ступал Высший демон и поглотил ее душу, превращалась в клочок пепла и сажу, отчего и прозвали охотники на нечисть такие земли выжженными.

Но здесь Иво ничего подобного не видел.

Он был внимателен, сконцентрирован. Понимал, что нельзя было терять времени, а также осознавал, что не может позволить себе мешкать или теряться — все нужно было делать настолько профессионально, как раннее он никогда не делал.

Иво уже сражался с Высшими демонами. Разумеется, это было не часто, но это и к лучшему — каждая такая встреча грозит изгнаннику навсегда покинуть этот мир. Эти твари были особенно опасны: они разумны, хитры, проворны, отличаются отменной и уникальной силой, а, более того, могущественны.

Но сейчас дела обстояли куда хуже. Его целью был не простой Высший демон, а сильнейший из Высших. Тот, кого короновали генералом. А именно Всадником Апокалипсиса.

Всего их было четверо, каждый владел своим уникальным из четырех титулом: война, голод, мор, смерть. Каждый из них был сильнее всех существующих и живых, и мертвых. И каждый имел в арсенале те способности, о которых даже знать никому не дано.

Иво прекрасно понимал, на что подписался. Даже не встретился с врагом, а уже ощущал это холодное покалывание в разных точках своего тела. Он был спокоен, безусловно, но внутри все равно что-то бурно щекотало. Черный изгнанник не просто считался одним из сильнейших, слава бежала быстрее него, по всему континенту бродили слухи о таинственном изгнаннике с черными, как смола, глазами. И все прочие изгнанники хорошо знали об Иво, знали о его силе и о том, на что он способен. Но даже такой известный охотник неровня Всаднику Апокалипсиса.

На ромашковом поле Иво не задерживался. Он дважды проверил окрестности на наличие всех темных аур, а также на наличие выжженных земель. И дважды ничего не нашел.

Тогда устремился вглубь. Лес был густой, весь засеянный самыми прекрасными

растениями. Свистящий воздух покачивал ветви пихты, лиственницы и кедровой сосны, а благодаря этому воздух приобретал необычайно волшебный запах. Но палитру лесных благоволий перебивал необычный горьковатый оттенок, смешавшийся со всеми ароматами. Эта горечь словно готовила, предупреждала о грядущей буре. И Иво хорошо знал этот аромат — он частенько ему встречался.

Настораживала изгнанника атмосфера этого леса. И дело даже не в чем-то плохом или скверном; как раз-таки наоборот — все было подозрительно спокойно.

Уже вдали он видел Илию, речку, протекающую рядом с Вельдхеймом. Ее журчание походило на голос девочки-припевочки из хора. А остальными участниками природного хора были сопение ветвей, гроыхание небес, тонкий и протянутый гул животных, приукрашенный звонким птичьим фальцетом.

Молот не соврал, подле Илии все было усажено различными растениями. Изгнанник немного разбирался в магии, в шаманстве и еще много в чем, но вот в травничестве не понимал абсолютно ничего. Но даже внешним видом эти растения указывали на свою уникальность и полезность в упомянутом выше ремесле. Синие, желтые, красно-бежевые лепестки, стебли интересной формы, а некоторые даже, казалось, светились. Эта картина удивляла, заставляла застопорить свой взгляд на ней. И если бы изгнанник мог, обязательно бы это сделал.

Глазами он поводил по земле. Здесь все было не так, как раннее, у ромашек. И хоть выжженных земель он не видел, все равно что-то настораживало.

Иво взглянул напрямик под ноги. Все было вполне адекватно, идентично исконному внешнему виду местной флоры и фауны. Тогда он перепрыгнул на другой берег, используя расположившиеся по реке огромные валуны. Здесь и принялся рыскать.

Бродил Иво в поисках того, чего сам не знал. Все привычные ему факты нахождения Высшего демона попросту отсутствовали. И это всерьез настораживало изгнанника.

Ровно до того момента, пока он во что-то не вляпался.

Сразу взглянул под ноги. На земле была некая субстанция, липкая и пристающая. Подошва правого ботинка запачкалась ею, а сама земля была мягче, отчего нога проваливалась в нее, как в землю, на которую вылили ведро воды. Иво попробовал отодрать вещество, но все было тщетно. И, как ни в чем не бывало, он начал рассматривать ее дальше.

Присев на корточки, он еще раз разглядел необычайное. Зеленого оттенка едкая смесь, липкая, как смола. Он взял ее на палец и принюхался. Пахло гнилью и мерзостью.

— Был бы ты рядом, Ордо, точно бы подстегнул, что я на язык эту херь не взял... — прошептал изгнанник.

Размазав субстанцию по пальцам, Иво встал на ноги. И в голову сразу что-то стукнуло. Иво слегка пошатнулся, сравнимо это было с ударом алкоголя по рассудку, когда долго не вставал, будучи пьяным. Что больше заставило поерничать и осмотреться, так это появившаяся рядом мощная аура.

Иво моментально оголил меч. Он чувствовал, откуда идет носитель ауры. И аура эта была подстать демонической. Изгнанник морально готовился к бою. Станным было лишь то, почему демон показался лишь сейчас, до этого следа его присутствия попросту нигде не было, особенно, если учитывать, что Иво единственный, кто может чувствовать ауры существ рядом.

Силуэт создания показался. Но это не был демон, хотя его аура говорила об обратном. Но с виду это был самый обычный человек: широкий, ростом с Иво. За спиной лежал

огромный, действительно огромный двуручный меч. Поверх накинут черный плащ, как у Иво, и голова была прикрыта капюшоном. Шел мужчина вальяжно, руки были спрятаны под накидку. Он точно уже увидел изгнанника, ведь находились они на прямой линии взгляда и не так уж далеко друг от друга.

Мужчина также перешел на другой берег. И неспешно приблизился к изгнаннику. Они не сразу заговорили, сперва подоспевший снял капюшон. Его карие глаза и морщинистый лоб уже не скрывались, а вот часть лица ниже носа все еще была прикрыта высоким воротом его куртки.

Лишь спустя минуту он заговорил.

— Не самое лучшее время для прогулки.

Иво оскалил. Он взглянул в холодные и полные отвращения глаза появившегося мужчины, ответил тем же взглядом. Изгнанник слегка застопорился, замешкал.

— Но ты же почему-то гуляешь.

Мужчина усмехнулся, прошел чуть дальше. Иво пристально смотрел за его движениями.

— Я наблюдаю.

— За чем же, интересно? Час поздний, ничего не может случиться.

Таинственный замолк.

— Ну да... Ничего.

В мгновение секунды он обнажил свой громадный меч. Больше всего он походил на клеймор, с затупленным лезвием во многих местах. Он рубанул со всей силы. Иво успел среагировать, но отскочить не мог. Ему пришлось телепортироваться. Изгнанник появился за спиной атаковавшего, сразу же провел контратаку и зацепил тело противника лишь краем меча — тот ступил вперед и не дал поразить себя полностью. В ответ Иво услышал злобное сопенье.

— Так и знал. Не серчай, просто решил удостовериться в своей теории.

Они смотрели друг на друга. Не разговаривали. Готовились разорвать друг другу глотки и скрестить свои клинки. Хотя, со временем эти желания подутихли. Иво ждал действий от непонятого мужчины, не хотел продолжать бой первый, а его оппонент хмурился и, хоть рта его не было видно, явно скалил зубы, подобно голодному и одичавшему псу.

— Чего не нападаешь? — перебил молчание он.

Изгнанник скривил губы в паскудной улыбке.

— Не я это начал.

— Мерзость. Я так просто вывел тебя на чистую воду, заставил показать свой истинный лик, а ты ждешь дальнейших действий и не можешь даже попытаться убить того, кто знает, кто ты такой? Ты отвратителен.

— Я просто не привык поступать, как последняя скотина, нападая на того, кого впервые вижу.

Мужчина звонко усмехнулся.

— Блюстишь кодексы чести, изгнанник?

Иво рубанул сразу же после этих слов. Хлестко, серией ударов. Каждый удар парировался и, что удивляло Иво, с какой легкостью неизвестному удавалось отбиваться от его выпадов. С виду он не выглядел поворотливо и проворно, но, на деле враг оказался настоящим ловкачом. И то, как он так быстро орудовал этим гигантским мечом — вот чему черный изгнанник не мог найти объяснения.

Он телепортировался вбок. Вновь рубанул. На удивление мечник опять смог отбить удар

и даже контратаковать — взмахнул своим огромным клеймором наотмашь, едва задел Иво, но тот вновь телепортировался. В битве ловкачей, каким бы ни был его противник, бауманец все равно одержал бы победу — его уникальная способность слишком сильна в этом аспекте. И это был вопрос лишь времени.

Иво отскочил и перешел в стойку. Противник ответил тем же. Они шагали кругами, глядя друг на друга. Когда ноги таинственного слегка придавили землю, указывая, что тот сейчас атакует, Иво за долю секунды перешел из стойки в атаку: дерзкий и агрессивный выпад с последующим сильным ударом в шею противника, однако тот вновь уклонился от удара. Тем не менее, Иво все равно был быстрее и ловчее, поэтому, даже уклонившись, удар пришелся в намеченное место, пускай и не такой смертельный. Послышался скрежет зубов от боли.

— Ты быстр, — бросил он.

Иво промолчал, вновь ринулся в атаку. На этот раз выпад не удался — мужчина смог контратаковать и ударить парня в корпус, и изгнанник упал на землю с сильной болью в ребрах. Обхватив огромный меч двумя руками, таинственный сам сделал яростный рывок в сторону лежащего изгнанника. Иво ждал, пока тот замахнется. Как только удар двуручным мечом почти задел парня, он мгновенно подставил свой меч из черного титана и заблокировал удар, и в момент блока выбил противника из равновесия ударом ноги в колено. Мечник упал. Иво быстро перехватил инициативу и встал с земли на ноги, после чего, пока враг замешкал, сам нанес удар сверху. И, только лезвие коснулось плаща, тот быстро перекатился. Удар лишь задел верх одежды, теперь накидка была изорвана в тряпье.

Он перевел дыхание, пока изгнанник обозленно глядел и выжидал следующего трюка со стороны напавшего. Иво услышал, как тот выдал легкий смешок и после этого показал свое полное лицо, спуская ворот верхней одежды. По всей губе шел небрежный шрам, выглядящий отвратительно и явно не красящий его. Зубы не были кривыми, но отчетливо выделялись желтизной. Подбородок был слегка волосистый, если бы мужчина отращивал бороду в этом месте, его лицо идеально бы походило на козлиную морду.

Он опустил меч к земле.

— Признаюсь. Ты суров и силен.

Хоть таинственный уже не был при оружии, Иво не терял концентрации и все еще держал клинок наготове, вспоминая, как человек, стоявший перед ним, быстро отбивал своей громадиной его молниеносные удары.

— Чего ты молчишь? Я тебе язык рубанул в суматохе? — мужчина паскудно посмеялся.

— Нет. О чем я могу общаться с человеком, который, не представившись, напал на меня? Была бы моя воля, я бы...

— Изгнал. Да, я знаю, — перебил он.

Иво нахмурился, отвел взгляд и сплюнул.

— Нет. Убил.

— Ох! Чтоб изгнанник да убил? Не смей меня.

Он опрокинул клеймор на стоявшее рядом дерево, подошел поближе. Он вытянул открытые ладони, указывая на неимение чего-либо, что могло бы послужить оружием.

— Ладно, это, в общем-то, неважно. Просто я бы изгнал тебя, даже не подумал убивать.

Глаза таинственный расслабил, слегка истошно улыбнулся. Иво пошатнулся на месте, даже не понял отчего, затем удивленно посмотрел на мужчину. Он хотел ему что-то сказать, да не успел. Его опередили.

— Не задавай лишних вопросов. Я тоже изгнанник.

Он протянул ему руку, дабы наконец поприветствовать. Иво не ответил взаимностью, скверно смотрел ему в глаза.

— Ладно, — тот выдохнул, — долой рамки приличия и этикет.

— Если ты и говоришь правду, то мне мерзко. Мне отвратителен собрат по жизни, кто изгонит просто так. Таких, как ты, я считаю хуже всех отродий.

В ответ послышался ироничный смех, явно специальный, чтобы задеть мировоззрение и жизненные взгляды черного изгнанника.

— А такие, как ты, слишком сильно сомневаются и кормят червей в выгребной яме. Сомнения ведут к гибели.

— Сомнения ведут к гибели — это факт. А изгнание живых ведет к становлению падали.

— Это тоже факт. Но не торопи события. Присядь.

Изгнанник уселся рядом, на огромный валун. Иво сначала все еще смотрел на него с обнаженным мечом и не желал слушать. Но вскоре остыл, убрал меч в ножны, однако не сажился — он стоял напротив и презренно смотрел на, как тот представился, собрата по цеху.

Изгнанники редко контактировали друг с другом. Чаще, если даже и встречались, никогда не показывали своего истинного обличия. Поэтому подобные громкие высказывания Иво расценивал как чистую ложь. В данной ситуации намеком на правду было лишь то, что его оппонент сразу же выявил, что Иво изгнанник, отчего мог спокойно представиться как есть, подчистую, не обманывая и не скрывая ничего от него.

И хоть судьба у всех изгнанников была одна, все они несли одно бремя и выносили одни и те же страдания жизни, нападение одних на других ради сильной души — явление обычное. Только вот, также обычно такое сражение и ограничивалось лишь сражением, никто не намеревался переходить на диалог и выяснять отношения словесно. Это и настораживало черного изгнанника.

— Как тебя звать, попрыгунчик? — с издевкой спрашивал незнакомец, явно указывая на способности черного изгнанника телепортироваться.

Иво ответил не сразу.

— Иво.

— Эль Гарден что ли? Не тот ли самый, о ком на большаке все болтают и кого кличут отменным профессионалом?

— Я без понятия, как меня кличут.

— Ай, это не важно. Я больше удивлен, что ты без опасений мне свое исконное имя сказал. Обычно такие, как ты, ограничиваются прозвищем. Хотя, в твоём случае в одинаково. Все изгнанники знают тебя как Иво — профессионал-одиночка, тот, кто одиноко странствует и изгоняет отродий по всей Эксодии, отменно выполняет свою сучью работу и славится как лучший из лучших. Черный изгнанник, удивительное отродье, глаза коего окаянные черным цветом заливаются, тот, что в плаще цветом ночного неба и с мечом черней сажи в печи.

Иво озлобленно отвернулся, но лишь на секунду. Впоследствии он встретил собеседника не менее зловещим взглядом в душу, наполненным ненавистью к своему прозвищу. Да и помимо него, подобное легкое и мерзкое поведение со стороны непонятного и подозрительного мужчины куда больше злило и будоражило изгнанника.

— Много же ты обо мне знаешь.

— Каждый знает, — усмехаясь отвечал неизвестный, — но не каждый встречал. Я могу теперь хвастаться. Да только было б пред кем. Ох... Я же даже не представился.

Неизвестный слегка преклонился, явно наиграно.

— Чарующий лик. Зови меня так, Черный изгнанник.

— Ты представляешься прозвищем? Что за глупость и мерзость. С подобными даже не хочется вести диалогов, — Иво говорил хладнокровно, он не показывал никакой эмоции в голосе и на лице, однако со стороны было понятно, что он раздражался.

Чарующий лик гнусно усмехнулся.

— «Обычно такие, как ты, ограничиваются прозвищем» — я повторю для тугодумов. А мы-с с тобой не особо-то и отличаемся.

— Очень сомневаюсь.

— За исключением того, что ты — известный воин, а я темная лошадка, которая рано или поздно, но заявит о себе на всю Эксодию, мы ничем не отличаемся. И ты еще не раз в этом убедишься. Взять, к примеру, наши с тобой жизни: ты — вольный, свободолюбивый, не имеющий постоянного пристанища странствующий охотник. Я такой же.

— Таких много.

— Таких мало, — лик повысил свой голос.

Иво не ответил.

— Продолжим. Что ты находишься на привязи короны одного из царств, что я...

Иво надменно взглянул на него.

— Отчего такие доводы?

— Оттого, — второй сплюнул, — что у каждого в этом мире свои источники и свои информаторы. Я прекрасно знаю о твоей расположенности к Бауманской свите. В частности, или, может, даже в особенности, к его Высочеству. И это, скажу я тебе, не удивительно: как бы этот мир не относился к изгнанникам и как бы их не презирал, все мудрые властители прекрасно осознают, что без нас они попросту сгинут. Поэтому они вынуждены с нами сотрудничать. Тебе не кажется это правдой жизни?

Иво вновь пошатнулся. На миг даже потускнело в глазах, но почти сразу же он, проморгавшись и подергав головой, пришел в себя.

— Нет смысла отступать. Да, кажется. И, как я понимаю, ты клонишь к тому, что ты тоже чей-то пес на привязи, выполняющий заказы наивысших господ?

— Естественно, — Чарующий лик ехидно улыбнулся.

— Разница лишь в том, — он продолжил после короткой паузы, — что ты работаешь на Бауманию. Я — на Стезис. Ничего более. Я не знаю, на каких условиях работаешь ты, но лично мне его достоинство отваливает неплохие наличные на руки. Разумеется, он постоянно грозитя мне костром, когда я назначаю слегка... Начинаю слегка больше просить, нежели он хочет мне отвалить. Но, в конце концов, здесь мы короли, и нам нет никакого дела до этих сплетен и интриг. Если пригрозятся кулаком, мы ответим им клинком. Обычного королевушку изгнать — раз плюнуть. Ты не согласен, а? Черный изгнанник?

В ответ не послышалось ничего. Изгнанник по прозвищу Чарующий лик лишь хохотнул и выразительно посмотрел взглядом, словно этим взглядом он хочет вытащить сердце из тела Иво, затем это же сердце сжать и перемолоть в потроха, скормив остатки скоту.

— К черту тебя. Ты не особо разговорчив.

— Я не особо сторонник твоих методов, лик. Не потерплю даже на словах. Не смогу сдержаться не вырвать тебе язык за одно лишь упоминание о изгнании живых.

— Да что ты заладил, Фемида сраная нашлась. Это жизнь, Иво. Паскудная изгнанническая жизнь. Изгоняй или сдохнешь. Или угрожай или сдохнешь. Другого не дано.

— Другое есть всегда.

Лик уже не издевался, не показывал эти надменные «фокусы», улыбки, вздохи, ахи и прочее, что могло раздражать. Он посерьезничал, поднабрал в уверенности своих слов, и, словно сам очарованный некой идеей, восхищенно смотрел на Иво.

— Нет дела спорить с тобой, Иво. Да и нет в этом смысла. И вообще, изначально мы с тобой галдели о нашей идентичности. И, я бы закончил. А говорить тут и мало о чем осталось. Точнее сказать, осталось-то много всего, что можно привести тебе в качестве аргументов, да только немного позволительно. Сейчас немного позволительно. Видишь ли, помимо вольности и королей, мы с тобой одного поля ягоды. Одной породы.

— Я не могу понять, с чего ты делаешь такие доводы постоянно? Может ты еще скажешь, что ты и премудрая София трахались в одной постели?

— Еще раз перебеешь, — лик сжимал кулак до скрипа, — и... Ничего не будет. Просто, прошу тебя, прекрати. Так вот. Мы с тобой одинаково мыслим, одинаково способны на величайшее, одинаковых любим женщин и одинаково нейтральны к алкоголю. Я же прав? Ты не падок на побухать, но никогда не откажешься за компанию. Так вот... Я такой же, знай это. А все это под призмой того, что мы оба изгнанники. Тебе не казалось, что мы близнецы? А? Иво?

— Мне кажется, ты несешь бред.

Лик отвратительно, с забитым слюнями горлом, язвительно просмеялся. Посмотрел свысока на Иво.

— Ну ты же тоже здесь охотишься на демона, разве нет?

Иво было сложно удивить, но изгнанник, сидевший в метре от него, выполнил эту задачу. Бауманец сразу и не понял, про что вообще говорит лик. И лик решил заполнить пробелы.

— Все тебе нужно объяснять. Да, старина, я тут тоже выслеживаю сраного Всадника Апокалипсиса. И после этого ты хочешь сказать, мы не похожи? Я ж поэтому тебя и осадил, думал, что демон облик человека взял. А ты оказался вполне прият...

Последние слова растворились в сознании. Иво прекрасно услышал все сказанное, но под конец отвлекся, да и последние фразы уже были не важны. Он резко почувствовал такую теплую и знакомую ауру, но аура эта была напряженной, беспокойной. Лик увидел, как Иво зашевелил глазами в ее поисках. И отчего-то, когда видел эти перебежки голубенькими глазками, словно он уже знал, что случится, Лик выдавал небрежную едва заметную улыбку, подтягивая уголки губ, словно те были на веревочках. И Иво прекрасно видел эту гримасу, эту отвратительную смесь удовольствия от растерянности и стремления увидеть муки жертвы. Он видел в своей жизни тысячи похожих выражений, но подобное видел впервые. И, хоть ничего не говорил, но уже понимал, что ничему хорошему эта мина не сулит.

Она показалась уже за горизонтом. Хрупкая и нежная, но бежала так, словно от этого бега сейчас зависела ее жизнь. Иво узнал ее даже не по сахарным волосам, а по собственным чародейке одеяниям. И вмиг услышал такое глухое, но в тоже время громкое выкрикнутое, что было мочи.

— Иво! Беги!

Она все еще была далеко. Но даже на таком расстоянии слова Инелы звучали громко. Они перебивали лесную тишь и были подобны яркому маяку в беспросветной гуще морского тумана. Иво моментально опомнился и резко дернулся. Его спасли лишь рефлексы, хотя щека все равно поцеловала холодное стальное острие двухметрового меча.

В голове все перемешалось, была непонятна даже суть происходящего и тем более уже произошедшего. Выжить в эти секунды помогали лишь отточенные годами навыки; те навыки, которые, подобно шестеренкам в сложнейшем механизме, автоматически и непрестанно работали.

Он увернулся раз. Затем другой. Чарующий лик стал куда проворнее и быстрее. Было попросту невозможно так свободно и просто махать этим огромным мечом, как это делал он.

Иво пришел в себя в единую секунду. И эта секунда многое определила. Изгнанник моргнул, ознаменовав полное очищение разума и подготовку к схватке, резко хватил за эфес. Меч с привычным слуху шипением оголился из ножен и в этот же момент был выставлен горизонтально, блокируя атаку. Затем снова. Иво повторял блок раз за разом, выжидая лучший момент для контратаки.

И он выждал. Ступня Чарующего лика очень неудачно и неустойчиво оказалась возле рыхлой каменистой земли — это создавало более тяжелые условия для парирования и уклонов. Черный изгнанник переместился. Не впритык, чего ждал противник, а чуть дальше. Затем он с наскоком замахнулся прямым в череп. Попал в плечо, лезвие из черного титана вошло глубоко, Иво сразу же дернул рукоятью к себе. Лик покосился, но не издал ни звука. Изгнанник понимал, что не получится закончить схватку за столь короткое время, и понимал, что не сможет сразу же поразить голову врага. Но на это ставку и сделал: заставил его повалиться во избежание смертельного удара и поразить руку, тем самым серьезно ослабив врага.

После чего Иво сразу же телепортировался вновь. В этот раз уже близко. Он появился прямо перед его лицом, согнутый в коленях, меч держал обеими руками и уже, направив в корпус, стремился вонзить его. Конец клинка коснулся одежды, а затем отчего-то резко остановился. Иво этого даже не заметил. Руки не слушались, хотя ему и не казалось, что что-то идет не так.

Лик с размаху ударил Черного изгнанника в живот, да с такой силой, что второй отлетел на метра три назад. Приземлившись, серьезно приложился затылком о булыжник. Почувствовал, как сзади погорячело, а в глазах поблекло.

Лик не задумываясь наотмашь рубанул по обездвиженному телу врага. Но в мгновение скорчился от боли. Появилась необузданная вспышка света. Он лишь краем глаза увидел взбушевавшуюся чародейку с вытянутыми к нему руками.

Изгнанники перевели дух. Лик обозленно стоял и пялился на чародейку. Та отвечала ему тем же. Она не задумывалась ни на секунду, в ее действиях не было сомнений или чего-то, что могло бы сбить ее концентрацию. Воздух вокруг нее взвыл, устремился в разные стороны. Инела стала настоящим источником хаоса и раздора. Ее волосы также подлетели кверху, одеяния не были исключением.

Она опустила руки и посмотрела на изгнанника глазами, полными ненависти и ярости, обиды и невзгоды. В этих глазах собрались все негативные эмоции, свойственные живым созданиям. Чародейка применяла свое самое сильное и самое коронное заклинание, которому только была обучена. Она подчиняла разум.

У нее всегда это получалось. Не было случая, когда ее фирменное заклинание, которым она и завоевала себе славу, не сработало. И магичка уверенно колдовала.

Она не понимала, почему не выходит. Не могла даже поверить в происходящее. Не было ничего, что могло бы ей помешать. Единственным защитным свойством, которым мог обладать Чарующий лик, было врожденное сопротивление магии, что было скорее аномалией. Но, если бы изгнанник и обладал подобной аномалией, его бы не поразила магическая вспышка молнии, вызванная Инелой ранее. Задумываясь над причинами, она совсем потеряла изгнанника из виду. Осознав это, дернулась и сразу же ощутила тяжелую ладонь, огревшую ее нежные румяные щеки.

Она упала. Посмотрела в глаза изгнаннику. Сначала не поверила своим собственным. Инела в тот же миг взглянула и на Иво, и тот тоже смотрел на Чарующего. И он тоже, невозможно ошибиться, не верил своим глазам.

Чарующий лик стоял и надменно смотрел на них. Смотрел чернящими, словно копать в печи, глазами. Такими же, какими обычно смотрит Иво.

Ошибок быть не могло. Это были такие же черные глаза. Он владел таким же черным пламенем.

— Ты, должно быть, очень удивлен, Иво. А ведь я говорил, что мы с тобой слишком похожи. словно близнецы.

Он издевательски плюнул под ноги девушке и яростно взмахнул мечом, целясь в горло. И почувствовал сопротивление прям под конец. Иво телепортировался и из последних сил отбросил клинок, летящий в Инелу, в сторону. Сам своим телом накрыл девушку, словно пеленой. Гневался и смотрел тому в лицо. Взгляды чернящими глазами соприкоснулись.

— У тебя еще есть силы? Поразительно! До чего же любовь и жалость могут укрепить волю людей к жизни.

Он пнул Иво под дых. Ребра затрещали, органы внутри закололи. Иво хотел закричать, но не выходило, у него лишь получилось громко и сипя кашлянуть кровью вперемешку с рвотой.

— Забавное зрелище. Забавное. Забавно смотреть на недоумевающие взгляды людей перед неминуемой гибелью. Знаешь... Я мог показаться тебе невежей, простым рубакой с простыми животными взглядами на жизнь.

Он присел и коснулся рукой платья девушки. Приподнял его низовье и провел рукой по дрожащей ногой ноге.

— Но я не такой. Далеко не такой. Я не ставлю себя уникамом, не ставлю себя богом или кем-то всевышним. Я просто силен. Понимаешь, Иво? Ты меня понимаешь?

Рукой он довел до бедер девушки. Она корчилась в конвульсиях и пыталась сопротивляться, но не могла. Иво тоже пытался двигаться, и тоже не мог. Лишь издавал мерзкий хрип, наблюдая за действиями, которые он не мог изменить.

— Ты идентичен мне. Все идентичны. Есть лишь момент волеизъявления. Изъявления желания что-то изменить, повлиять на события сказания, повернуть время вспять и все остальное. У нас у всех одинаковые сердца, легкие, почки, печень. У всех у нас две руки, две ноги, одинаковые возможности и одинаковые потребности. Одинаковые эмоции. Но даже с одинаковым набором все равно кто-то отличается, а кто-то — нет.

Иво видел взгляд Инелы. И понимал, что он добрался до самого провокационного для него места. Он видел, как по глазам девушки стекали слезы. Видел, как Чарующий лик постепенно рвал ее платье в клочья, дабы испробовать девушку на вкус. Он видел, как

великая и могущественная магичка, с рождения одаренная, жалко и беспомощно трясется, не зная, что же ей делать. Он видел и этот проклятый взгляд изгнанника, направленный на них откуда-то свыше. Иво видел его хладнокровие и вседозволенность. Он наконец-то взглянул на себя со стороны: на то, что видит жертва перед тем, как Черный изгнанник покончит с ней. И на все это он злился.

— Но мы с тобой — еще больше идентичны, чем все прочие, — продолжал Чарующий лик. — Мы с тобой, как две капли одной реки. Точно! Видишь эту реку? Ты же видишь ее. Илия. Прекрасная речка, вкусная и плодовая. И если все существа в этом мире — две капли воды, то мы с тобой — две капли Илии. Нам предначертана одна и та же история. Нам предначертаны исключительно одинаковые силы, одинаковые нравы, одинаковые желания. Да, взгляды и методы, может, разные. Но цели-то одни и те же... Иво, ты слышишь меня? Не смей погибать. Я помогу тебе взбодриться.

Он схватил Инелу, схватил жестко и сразу же, сжав горло и прижав к себе спиной, слегка придушивая, водил языком по нежной шее. И смотрел на Иво. Второй рукой он вновь вел к бедрам, в этот раз быстрее.

— Что с тобой? Вставай, бросайся. Рви. Убивай. Изгони меня. Я покушаюсь на самое святое, что у тебя есть. Твоя жизнь — ничто, ты упырь. Дьявольское отродье, жизни которого нет цены. Ты мерзкий и гнусный, отвратительный монстр, способный лишь на жестокость и грехи. Ты должен отнимать, не даровать. Мы все такие. Знай это, запомни на всю свою жизнь, сколько б она не продлилась. Мы, изгнанники, все такие и такими и останемся. Но, ты же считаешь, что ты не такой. Так докажи мне это? Покажи страсть! Покажи гнев! Сотри меня в порошок. Встань. Придумай что-то за эти конченные секунды пока я не отымел эту красотку! А я буду жесток. Буду груб. Буду тем, кем является каждый сраный полудемон в душе. Я буду сжимать ее, душить, бить, насиловать, иметь без сожалений, делать все, что захочу. Потому что мы созданы лишь для этого. Иво, ты меня слышишь? Я начинаю.

Он хотел спустить штаны. Но по большому лишь делал вид, что вот-вот их спустит. Истинно же хотел спровоцировать. И у него получилось.

Иво встал. Сам не знал как, но сделал это. Тело не слушалось. Иво не был прямо так серьезно ранен, как иногда было в его жизни, лишь разбитый из-за удара о камень затылок был серьезным увечьем. И тем не менее, он наконец сделал это.

Стиснул зубы. Надменно смотрел на упыря, что стоял перед ним и удерживал девушку. Смотрел и скалился.

— Да. Вот так. Уже лучше. Но ты опаздываешь, — он провел рукой меж ее ног, Инела вскрикнула. — Покажи мне свое истинное обличие.

Он шагнул вперед. Лениво и еле удерживая равновесие, но иначе не мог.

— Давай.

Шагнул еще раз, также сложно. Чарующий лик засмеялся. Он резко сжал шею Инелы еще сильнее и повернул к себе лицом, затем противно и омерзительно поцеловал ее, прикусив нижнюю губу. Вопли чародейки, словно кипяток на открытую рану, вызывали неопишную бурю внутри изгнанника. Он желал уничтожить весь этот мир.

Они целовались. Разумеется, не по собственной воле Инелы. Но этот вид злил Иво слишком сильно.

Он яростно прокричал. Сделал финт рукой, описывая полукруг. И резко в руке изгнанника засверкала коса Шепота смерти. Лик сразу же отбросил тело девушки на землю

и удивленно посмотрел на Иво. Он впервые за вечер так удивленно смотрел на Иво.

Все вокруг засияло. Такого изумрудного сияния хватило бы, чтобы осветить целый город. А возле лица Иво и вовсе смешалась вся палитра: черные огненные глаза с приятным жизненным изумрудным оттенком отвратительно пялились. Иво усмехнулся, затем робко и, казалось, что в это слово он вложил все оставшиеся силы, промолвил.

— Фаэдра.

Грянул гром. Огромная вспышка в ночи с таким грохотом, как будто взорвалась тонна пороха. От шума зазвенело в перепонках у всех. Ветер резко расвирепел, затрепетал по сторонам. Листья устремились прочь за версты, огромные валуны начало сносить неопишуемой силой, а на мелкой речушке Илии родились огромнейшие волны, опустошающие реку. Вся природа резко взбунтовалась и показала характер. И все это было украшено изумрудным ликованием косы.

Живое оружие «расцвело»: ее бестелесность сгинула, появилось физическое обличие, вся мрачность сменилась изящностью, а аура, которая до этого утрашала, сейчас была просто неопишимо ужасной. Это было видно по взгляду Чарующего лика. Он стоял, как вкопанный, и уже сам не мог пошевелиться. Возможно, резко осознал, до чего довели его собственные амбиции и провокации. А может просто был очарован ужасностью и величием косы.

Иво взмахнул ей. Он не планировал пробуждать оружие и уж тем более применять его до схватки с Мором, но не смог сдержаться. Не смог удержаться гнева и желания изгнать стоявшего перед ним урода. Позади Черного изгнанника появились фантомы. Уникальная способность Призрачной косы вмиг предстала в полном обличии. Фантомов было много. Сперва казалось, что позади стояло пятеро. Затем десятеро. Затем двадцать, а затем тех, что стояли совсем сзади, не было даже видно.

Они не двигались. Ждали приказов, покуда исполняли лишь волю своего повелителя. И Иво не намеревался ждать. Он лишь хотел насладиться обескураженным и ошеломленным отрепьем, стоявшим перед ним.

И он пожелал. Пожелал стереть изгнанника в прах. Пожелал ему самых страшных и мучительных мук, каких только можно пожелать. Фантомы незамедлительно ринулись со свойственным себе свистом в атаку. Вся картина поля боя была приукрашена волшебной изумрудной нитью света.

Иво не видел его. Лик был прикрыт множеством фантомов, терзающих его. Не прекрасно слышал истошные выкрики. Не нужно было смотреть, чтобы понять, что он наконец-то начал страдать.

Звуки прекратились, природа успокоилась. Лишь фантомы свистели в ночи.

Иво, благодаря резко выработавшемуся адреналину, подбежал к Инеле. Теперь он пожелал, чтобы все прекратилось. Коса в то же мгновение постепенно потеряла свой физический облик, вновь предстала в духовное обличие, все фантомы после этого собрались в одну большую светящуюся душу и метнулись прямиком внутрь нее. Изумрудное яркое свечение угасло, остался лишь легкий зеленый оттенок. Иво повторно махнув рукой нужный жест вернул косу внутрь, в свою душу.

После сразу поднял Инелу. Она была в сознании, лишь напугана и шокирована.

— Эла, это я. Все хорошо. Все прекратилось.

— Иво...

— Молчи. Прощу, молчи.

— Иво, я...

— Молчи.

Девушка вырубилась. Силы тоже постепенно покидали изгнанника. Идти становилось все тяжелее.

Он рухнул на колени, постарался смягчить падение тела чародейки. Она упала мягко, на траву, он повалился рядом с ней. Глазами пробежался по изуродованному телу Чарующего лика. Сначала разозлился, что того не изгнали — Иво поторопился с отзывом фантомов, но потом успокоился — смерть его устраивала тоже.

Тело было изрезано до неузнаваемости. На нем не было ни одного живого места. Все кости сломаны, сухожилия порваны, вены вскрыты. А под землей сплошное кровавое озеро.

Это последнее, что увидел изгнанник перед тем, как отключиться.

IX. Бранный мир

Комнатка была простецкой. Но довольно уютной. В ней не было ничего прямо особенного, лишь печь грела. А за окнами светало.

Ганс сидел и постоянно обеспокоено постукивал ногой. Острые уши эльфа отчетливо покрылись краснотой. Инела тоже сидела рядом, укутанная одеялами и уже успокоившаяся после того, что с ней приключилось. Иво же был серьезнее всех. Он сидел на стуле у стены комнаты, сзади голова была перевязана. Он все еще скалил и злился, хотя боль в затылке мешала полностью погрузиться в необъятную пучину ненависти.

— До сих пор не могу понять, кто это сделал... — Ганс явно был чем-то озадачен и напуган одновременно. — Сейчас из-за этого подонка всему городу смерть и только. Да что уж городу, со временем по всему континенту разбредется!

— Ганс! Прошу, друг, будь спокоен.

Эльф послушался.

— Тот, кто сделал это, — начала чародейка, явно намекая на изгнанника в лесу, однако не указывая точно на него, — заплатит сполна. Я думаю, уже заплатит.

— Госпожа Инела, я клянусь всем, что имею. Это был Черный изгнанник! «Глаза коего окаянные черным цветом заливаются... Тот, что в плаще цветом ночного неба и с мечом черней сажии в печи». Все точь-в-точь, как про него и слагают. Вы же сама его видели! Лучше и четче, нежели я. Я лишь краем глаза... а вы...

— Не торопись клясться, Ганс. Лучше еще раз вспомни: ты уверен, что мужчина, что лежал рядом с нами, был тяжело ранен, но жив? Ты точно уверен в этом?

— Да, Иво. Пускай ты, не знаю почему, так удивляешься этому, но я прекрасно помню, как он дышал и говорил со мной. На нем были лишь лоскутки, одежда изорвана в клочья. Как только я перемотал тебе голову, он умудрился уйти прочь, оставив за собой лишь кровавый след. И тот оборвался со временем. Егерь подобное не упустит, поверь.

— В этом-то и проблема, что ты прав.

Иво беззвучно выругался.

Их из леса вытащил Ганс. Эльф ринулся искать чародейку, которая резко покинула город, и набрел на Иво с Инелой, валявшихся без сознания. Он спас их, приволок к себе в избу, откачал, как только мог, дал определенные лечебные препараты, коими владел, как егерь. А как те очнулись, эльф рассказал, что произошло.

Кто-то изгнал столичных врачей. И кто-то этот был с черными глазами, в черных одеяниях. Изгнал он их громко, после бойни разрушил все лабораторные и научные записи, с грохотом бежал из города. Инела, что смогла защититься от таинственного, убежала следом

за ним. А ее уже увидел Ганс, запомнивший прекрасную внешность чародейки с самой первой встречи.

Весь город признал, что виноват в бойне Черный изгнанник. И признали неспроста. Все указывало на него. Но лишь Иво и Инела уже знали, кто на самом деле стоял за произошедшим.

— Я отойду ненадолго? Нужно проверить, урегулировалось ли в городе все? А то люди с перепугу тут устроили, сами понимаете. Подождите немного, я вернусь заодно с едой.

Эльф не дожидался ответа и быстро покинул избу.

— Блядство! — выкрикнул Иво.

— Тише, Иво. Не напрягайся, иначе кровь польется.

Иво прошелся руками по всему лицу, сжал каждый его кусок.

— Как... Как он выжил? Я не верю, Эла. Не поверю, что этот шлющий сын смог выжить после того, как стая фантомов так изувечила его тело. Ни одно живое создание, ни один изгнанник не в состоянии пережить такое, даже демон не оправился бы за пару часов от подобного! Это гонор сплошной.

— Я тоже не могу понять. Я видела... Видела своими глазами, что тогда произошло. Эта реликвия...

— Он такой же носитель черного пламени, — перебил Иво, — но даже такое не спасает. Хотя... Его способность. Ай, к черту, Эла, я начинаю бредить.

— Иво, прошу, — голос чародейки слегка дрогнул, — давай спокойно все расставим.

Иво сбавил пыл. Под конец досадно выдохнул.

— Его черные глаза... Они обращаются, как только он пользуется изгнаннической способностью. Что же ты делал? Почему ты, сраное отродье, зовешь себя Чарующим ликом. Я совершенно ничего не понимаю.

— Потом будем думать, Иво. Сейчас есть вещи куда страшнее. Касательно случившегося... Врачеватели.

Иво кивнул и облокотился на правую руку, склонив голову.

— Он изгнал их. Просто так изгнал. Не было никаких предпосылок, чем могли насолить обычные, хоть и именитые, лекари такой твари, как он? Ничем, я уверен. Это исключительные желания.

— Желания ли?

— Да, Эла. Желание. Желание изгнать, отобрать.

— Мне кажется, все куда серьезнее и глубже. У него есть свои мотивы и цели, я уверена. Он хоть и похож на обычного рубаку, но это не так. Он умен, хитер, намного умнее, чем мы думаем. Нужно просто все обдумать... Черт, что же мне Креону сказать...

— Скажешь правду, — начал Иво на опережение, — и он прикажет мне найти его и во что бы то ни стало изгнать. Будь уверена.

Инела фыркнула с психа и недовольно кивнула.

— Ладно, с этим я разберусь лично. Он уничтожил все их записи, но я помню многое, что было зафиксировано и выявлено. Благо... Меня он не уничтожил. За что я безмерно тебе благодарна. Если бы не ты...

— Все было слишком медленно. Я должен был сразу предпринять крайнюю меру.

Она расстроено взглянула ему в глаза, своим взглядом приковала изгнанника к себе.

— Ты все сделал правильно. Эта коса, реликвия... Ты лишь вскользь упомянул про нее, пока Ганс набирал воды. Но пообещай мне рассказать про нее в будущем подробнее, ладно?

Она выглядит ужасной. Она была ужасной. Я впервые видела что-то подобное и жуткое, впервые, Иво.

— Хорошо.

— Иво?

Изгнанник дернул головой.

— Что?

— Пообещай мне, что эта коса не опасна.

Иво отвел голову в сторону, прикрыл лицо руками, сложенными в ладонях.

— Обещаю.

— Этого мало. Пообещай, что не будешь его искать. Пообещай забыть. А если и встретишь, пообещай пройти мимо. Иво? Пообещай.

Изгнанник встал со стула, накинул на себя свой плащ.

— Иво!

Он также схватил и меч, закрепил за спину.

— Обещаю.

Чародейка сделала вид, что поверила его словам. Хотя на деле она прекрасно понимала, что последнее, что сделает Иво в своей жизни — опустит Чарующему лику произошедшее этой ночью.

— Тебе лучше не показываться в городе. Люди без разбору на костер повесят. Смерть неминуемая.

— И оставаться здесь тоже нельзя. Рано или поздно нас найдут.

— Сожжем плащ. Меч закутаем в бинты и спрячем.

— Эла, нет.

Он подошел к ней. Тепло приобнял.

— Мне нужно идти.

— Куда? — она нервничала, повышала голос, затем сразу же успокаивалась. Так она проделывала каждый раз, когда что-то говорила.

— Искать. Охотиться. Решать проблему этого брэнного мира.

— Молю, только не...

— Не он. Не изгнанник. Демон. Тот, кто стоит за раздором и хаосом, что сейчас готов свалить все человеческое, все сущее. Я обязан покончить с этим, обязан найти Всадника и уничтожить его раз и навсегда. Это моя обязанность, Эла.

Чародейка не ответила. Ее глаза были туманными, расплывчатыми. Она так сильно хотела смотреть ими на возлюбленного, но отчего-то не могла. Она не обижалась, не осуждала и не пыталась даже остановить, хотя очень сильно хотела. Она прекрасно понимала всю истинность и досаду слов, сказанных ей, понимала, что они — единственное, чем может жить и оперировать изгнанник. И оттого, что прекрасно понимала, чувствовала себя отвратительно.

Он поцеловал ее на прощанье.

— Пообещай себя сберечь. И пообещай опять не пропасть.

— Обещаю. И обещаю, что, когда это все закончится, мы наконец-то уедем далеко-далеко от всего: от политики, интриг, раздоров, чудищ, зла и ненависти. Мы же дали друг другу обещание.

Она мило улыбнулась, хотя эта улыбка была едва видимой. И только она задумалась над его словами...

... Как заметила свое одинокое пребывание в холодной комнате избы.

Десница агонии 2

— Я не знаю своих биологических родителей. Сколько помню себя в детстве, всегда был один, всегда воровал, убивал, чтобы защититься. И ни разу не плакал.

— Так было всегда?

Они гуляли, но решили остановиться. Не было смысла просто так ходить в этом поганом измерении. Какой толк, если все одинаково? Нет цели, нет конечной точки, куда можно было бы добраться. Не было пейзажей, которые могли бы завораживать. Не было мест, где можно было бы искупаться. Был лишь прах и пепел. Второго намного больше.

Как и все вокруг, где бы они ни находились и что бы они ни делали, здесь было серо. Повсюду. Иво понемногу привыкал к этой мрачной тусклости, где все, как в громовом облаке. Валиантаров, к слову, что было удивительным — даже Тереза это отмечала, он больше не встречал.

Сейчас они сидели на пригорке. Смуглая пепельная корочка, которая в нормальном мире была бы удивительной заросшей осокой землицей, тонула под бедрами и ягодицами сидящих. Иво и вовсе прилег, по привычке взяв в рот подобие прутика, дабы пережевать его с чудесным видом на небо. И было бы чудесно, если бы этот прутик был настоящим.

— До поры до времени. То время было смутным, и не хочется особо вспоминать.

Изгнанница состроила глазки, помахала ресничками, выпрашивая очередную дивную историю. Хотя, так можно было сказать лишь по глазам. Взгляд ее был обеспокоенный, где-то наивный, где-то, как она частенько любила делать, соблазнительный. Но не было в этом взгляде мольбы, прошения. Было все, что угодно, но не это.

— Я бы с радостью послушала, но...

— Не будешь умолять. Да, я знаю.

Иво сплюнул всю ту пепельную массу, что сжевал с «прутика», если так можно было сказать.

— Я не помню ничего особо из детства. Помню только, что скитался с одного угла до другого, с одного города в другой, с одного луга в другой, и так далее. Помню голод, помню страх. Помню первую кровь на своих руках. Я убил такого же мальчика, Тереза. Он был моим одноклассником.

Иво и до этого не улыбался, но сейчас его лицо совсем омертвело, губы превратились в натянутые струны, руки скрестил у груди. Тереза тихо выдохнула, но на него не смотрела.

— Обстоятельства заставляют делать даже самые бесчеловечные вещи, Иво. Поверь мне, я знаю это куда лучше прочих.

— Да, понимаю. Но нельзя убежать от этого чувства.

— Какого? — она хотела избежать пересечения их взглядов, но не смогла. Иво молчал, ей пришлось посмотреть ему в глаза. И сразу же ее изумрудный взор пошатнулся, губы дрогнули. Изгнанник не плакал, он даже не дышал как будто! Но по щеке стекала одна большая слеза, от которой мог бы напиться целый муравей.

— Я не скажу точно. Но это чувство поедает изнутри. Ты творишь зло, берешь на себя кучу грехов, поступаешь по-свински по отношению к кому-либо. Ты убиваешь. Ты ворующий. Ты изгоняешь их... Никто никогда не увидит того, как изнутри тебя пожирает и уничтожает самый страшный демон. Тот, которого не изгонишь, кого не покараешь и с кем не подружишься. Тот демон, что в ответе за все пагубное, что ты сотворил.

Тереза надменно усмехнулась, знала, что не заденет Черного изгнанника. Ему было плевать на реакцию.

— Если жить с такой логикой, Иво, то просто не делай ничего плохого. Чем не решение? Не убей, не укради и близкого своего, не делай всего, что сраный Бог запретил. Только ты же знаешь, что любой другой сделает с тобой что угодно, лишь бы выжить.

— В этом и суть этого чувства. Ты не имеешь выбора. Выбирая отречься от вреда всем вокруг, ты обрекаешь себя на неминуемую смерть. Это в лучшем случае. Если хочешь жить — вреди другим. Но, как быть, если ты этого не хочешь? Просто жизнь построена так.

— Смириться.

— Со смирением приходит отречение от самого себя. Ты — человек, пока помнишь все, что сделал, и пока тебе безразлично.

Тереза прилегла. Она склонила голову на плечо Иво, некоторые локоны, словно так и должно быть по природе, уложились у него на лице. Он фыркнул, дабы снести один, что был у рта. С ним разговаривать было неудобно.

— Может, ты и прав. Мне не дано понять этого, я уже не помню, когда хоть что-то испытывала. Как вытащишь меня отсюда — мы обязательно поболтаем на эту тему еще раз. Только, надеюсь, там уже будет вкусное вино, дивные бескрайние пейзажи, пляски, озера и бархатные платья. Тогда-то я и пойму тебя, думаю.

Иво слегка улыбнулся. Но лишь на миг.

— Ты потерял нить повествования. Вроде изначально речь велась про твоих... Родителей?

— Да, — он протягивал каждое слово, тянул его, словно пел, да только петь никогда не умел. И даже не понимал, почему не мог рассказать ей про это: то ли личная неприязнь к теме, то ли некое стеснение, хотя, ни того, ни другого изгнанник не испытывал. Просто отчего-то, как бы не пытался, не получалось.

— Все мальчишечьи годы я провел в Стезисе. Города менял, как варежки. Так странно, что у меня никогда не было дома; что я всегда где-то шныряюсь.

— Почему же странно, — она водила пальцами по его груди, слегка поглаживала ее, — нам всем свойственен такой стиль жизни.

— Ну, тоже верно. Но такая жизнь была до годов одиннадцати, или девяти. Уже не помню, если честно.

— Что произошло после? — она выразительно смотрела на его черные кудри, в его мерцающие голубизной небес глаза, что были для нее, узницы треклятого мертвого измерения, настоящим лучом света. Она и сама сияла, чуть увидит его глаза.

Иво с облегчением вздохнул.

— А потом меня подобрал чудоковатый мужик, очень странный и ни на кого не похожий.

— Как его зовут?

— Гордолин. От слова «гордый». Гордый за своих.

Он вновь улыбнулся. В жизни Иво было много тьмы, много туч и много ненависти. Он не мог жить иначе, ведь был непосредственно связан с этими явлениями, чувствами. И отчего-то Тереза это понимала.

С первого момента, как познакомились, понимали друг друга с полуслова. Они будто были родственными душами, единым целым в круговороте всего сущего и существующего. Она — зеленоглазая, моментами легкомысленная, но разумная и расслабленная, и он —

синеглазый мученик, несущий на себе тяжкий долг и раскрывающий широкие оконные ставни для узницы пепельного измерения.

Каждое слово, сказанное им, ценилось больше слитка золота. Каждая ее искренняя улыбка ценилась также.

— Гордолин... Прекрасное имя. А твое... Твое имя. Это он даровал его? Он прозвал тебя Иво?

— Нет. Он лишь сказал, что я сам вправе выбрать, как себя называть.

Тереза нахмурилась, до этого не смотрела в лицо своему собеседнику, хоть и лежала у него на плече, а сейчас вовсю глазела в его заполненные философскими мыслями зрачки, нервно и робко дрожащими и метящимися в разные стороны. Видела это и хихикала.

— Удивительное решение, тем более со стороны опекуна. И правда, чудоковатый он.

— На этом чудачества не кончаются, Тереза. Везде, где бы ни стояло право решения за меня, всегда это право он отдавал мне. Всегда улыбался и твердил, мол, решение обязано стоять за тем, на кого оно влияет, распространяется. Я и не заметил, как он привил мне чувство самостоятельности и ответственности за свои же решения. Помню, совсем мальчишкой, мы дружиной вышли на охоту. Гордолин взял меня с собой — мир показать, да и просто, чтобы не скучал дома. И в одной деревушке мужики с девчонками на сеновале зависли... Этот дурень мне, дай бог тринадцатилетнему шкету, предлагал к ним присоединиться... Разумеется, если сам того захочу. И по плечу хлопал, усмехаясь.

Тереза тоже не смогла сдержать смеха. Она даже привстала, опираясь руками о пепельную землю, и, заливаясь смехом, улыбочиво косилась на изгнанника. Тот в ответ улыбался, хотя и всем видом показывал, как до сих пор стыдится той ситуации.

— Только не говори, что ты не присоединился. Иначе я совсем разочаруюсь в тебе.

Иво хмыкнул.

— Не скажу.

Она вновь прилегла на него. И вновь, согреваемая теплом его тела, растаяла на теплом и упругом мужском плече, задумываясь о том, насколько прекрасна жизнь, даже такие банальные и бредовые вещи, что рассказывал Иво.

— А он... — Тереза выдержала легкую и неловкую паузу.

— Да. Знал. — перебил ее Иво. — Он знал с самого начала, что я изгнанник. Таковым меня увидел впервые. Тогда война была, и какой-то мужик пытался меня ограбить — у меня продукты были, своровал, дабы убежать подальше от линии фронта. То ли испугался, то ли обозлился — уже не помню точно, что испытал, но прекрасно помню, как чуть не изгнал его. И потом, забившись в угол из-за напавшей на меня паники, увидел Гордолина. Он подошел аккуратно — видел, что глаза горят. Сразу бросил меч, кинул мне еды. И... Черт, Тереза, это было самое человеческое, что я видел в этой жизни. После того дня не могу я от него отвязаться. Он мне стал настоящим отцом.

Иво замолчал, а Тереза, явно понимающая, что он продолжит рассказ, не встревала. И оказалась права.

— Никогда он не звал меня отродьем и тем патче никогда косо не смотрел. Знаешь, это было удивительно, но человек рисковал собственной жизнью ради какого-то дьявольского отрепья, скрывая меня. Сколько его помню, он лишь твердил, что мне дана великая сила, за которой стоит великая ответственность. А после этих слов всегда улыбался, крепко обнимал, и говорил, что я обязательно с ней справлюсь. Наверное, этим он меня и зацепил.

Тереза не видела и не чувствовала, но по щеке изгнанника скатилась едва заметная даже

самому зоркому стрелку слезка. Такая, что была ощутима лишь для Иво. Но он все равно улыбался

— После того, как встретил, — продолжал Иво, — он сразу же забрал меня в Люстер. Город процветал, экономическое чудо всего континента как никак. Начал учить фехтованию, грамоте, этикету, мышлению — всему, что сам знал и чему сам когда-то учился. Был тогда обычным воякой, но с каждым годом заслуги прибавлялись, из-под его пера вылетали новые опытные бойцы, а сам он относился к каждому воину, как к своему сыну. Вот и дослужился до генеральского чина. Стал главнокомандующим. Он при своем положении может скупить поместье огромное, поместить туда прислуг с полгорода, ничего не делать, кроме сна, выпивки и отдыха. А он и по сей день молодежь тренирует. Ничего не поменялось в его голове.

— Чудоковатый и удивительный. Лучше не описать.

— Ты права.

Они замолчали. Тереза, уже привыкшая ко всему вокруг, не могла заметить, что небо в Астрале все же отличалось от мертвой картины всего прочего. Ей было не дано. Но Иво видел.

Он недаром постоянно лежал. Небо было тем, что манило и так походило на настоящий мир. Правда, сколько бы он не смотрел, не мог понять: то ли это звезды настоящие, то ли кусочки пепла слетаются откуда-то с необузданных и неизвестных вершин.

А Терезе было плевать. Натурально. Плевать, что это, где это, плевать, что здесь было настоящим, а что — нет. В ее голове давно пропал образ жизни, образ голода, рядом с ним и вкусной еды, образ бредящего разума после того, как перепил. Она давно позабыла, как кожа покрывается мурашками от прохладного ветра, как в голове, словно щелкает, появляется желание поцеловать случайного прохожего и провести с ним ночь, после чего рано утром сбежать прочь и никогда с ним не видеться.

В ее голове было столько много мыслей, и столько всего она хотела обсудить с Иво. Столько всего хотела спросить. Порой даже хотела поцеловать его. Хотя, она явно отмечала, и не раз, что это «порой» было достаточно частым. И более того, прекрасно знала, что подобного жеста с ее стороны изгнанник в данный момент не сможет понять и расценить.

— Под его опекой, думаю, я смог стать человеком, — продолжил Иво, перебив размышления девушки, отчего та сначала не услышала слов, но вскоре слегка дернулась и убедительно кивнула.

— Ты так думаешь?

— Определенно, — Иво смачивал слюной засохшие губы и немного повел плечом, уже затекшим от лежащей на нем женской головы. — Человек из без того зверь самый страшный, что уж говорить про изгнанников. Правильные нравы формируют личность, воспитывают в нем человечность. И, знаешь, я постоянно думаю, куда бы привела меня судьба — того голодного, обозленного и ужасного мальчика, если бы не простой Бауманский мужик. Сколько бы не задумывался — итог один и тот же.

Тереза призадумалась.

— Знаешь, — заговорила она, прервав недолгое, но глубокое молчание, — в этом и заключается родительская ноша. Сквозь призму собственного опыта научить свое чадо чему-то, что сам не смог постичь. Ну, на самый крайний случай, чему сам учился и что сам отточил до идеала. И делай все по-доброму, давай выбор и никогда не ограничивай. Это сложно, многим не дается такая, казалось бы, банальная истина. А самое смешное в этом

всем, что мы с тобой это понимаем. Прекрасно понимаем. Но понимаем ровно до того момента, пока сами не обретем своих детей. Только ребенок явится, как ты резко слепнешь. Никогда не замечал?

Иво промолчал. Тереза слегка вздохнула.

— Ну, да, думаю, что замечал. Можешь не отвечать, я понимаю.

— Спасибо.

Изгнанница краем глаза взглянула ему в лицо. Она и до этого уже смотрела туда, причем так часто, что могла по памяти изобразить на холсте каждую неровность грубого мужского лица. Но сейчас что-то было иначе. Это были ни эмоции, ни отчего-то резко возникшее плохое самочувствие или что бы то ни было. И это что-то было ей настолько незнакомо, что девушка вмиг растерялась, но не могла показать этого. А Иво и не замечал, слишком сильно он был отвлечен. И Тереза хотела узнать, да только не успела вставить слова.

— Обладатели черного пламени — Вальны?

Иво произнес это чересчур резко. Так, что Терезе потребовалось время, дабы этот вопрос дошел до нее и она смогла хотя бы понять, что было спрошено. После этого она сначала скорчила мерзкую для ее лица гримасу, отодвинулась и уселась так, чтобы прекрасно и отчетливо видеть его лицо. И то, что она видела, было тяжело описать: безжизненное, холодное, слегка потерянное. Но при этом возбужденное и яростное. Он словно отчаянно терзал глазами все, к чему приковывался его взгляд. И это пугало изгнанницу.

— Да. Но... К чему вопрос?

Иво не сразу ответил. Он выжидал, подбирая слова, но, какие бы не сыскал, все сходилось к простому и элементарному, словно удар поленом по лбу.

— Я встретил одного из них. Тебе ничего не дает прозвище «Чарующий лик»?

Тереза погрубела, потерялась в пространстве. Любой, не знающий сути вещей и разговора, подумал бы, что она лихорадит и бредит. Было видно, как губы задрожали, а зрачки увеличились, лицо побледнело, как будто она готовилась вывалить наружу все содержимое своего желудка.

— Нет... Такого быть не может.

— Может. Увы, может. И я вижу, что ты что-то знаешь. Так вот теперь будь добра это высказать. Я весь во внима...

— Отнюдь, — она сказала это резко, словно отрезала. — Я не знаю о таком изгнаннике, он явно кто-то из современников. Что касательно моего... удивления, скажем так, я просто шокировалась, что души наследников Каная так удачно переродились в одно и то же время, и к тому же, пересеклись в реальности. Это немыслимо, скорее парадокс.

Иво нахмурился, а Тереза вмиг сменила потерянность заинтересованностью. Она стала совсем иным человеком лишь за секунду.

— Что он умеет? В чем заключается его способность? И... Почему «Чарующий лик»?

— Я не знаю, — бесчувственно промолвил Иво.

Тереза не ответила, но при этом, поджав одну бровь, «пробила» зелеными глазами изгнанника насквозь.

— Я лишь только догадываюсь. Он чарует, как бы то ни было банально. Пересекаясь взглядом, ты теряешь контроль и самообладание над собственным чертовым телом. Но только это лишь догадки. Я впервые сталкиваюсь с чем-то подобным, и это было ужасно.

Впервые я чувствовал себя так паршиво, в схватке с ним. Более того, Тереза...

— Ты его изгнал? — она прокричала.

— Нет, но... Он должен был быть изгнан, хотя бы убит. Но он выжил.

Шепот смерти опять побледнела.

— Иво, я надеюсь ты не пользовался...

— Пользовался.

Лишь миг дал ответы на все вопросы. Он ответил на непонятное выражение лица Иво, утвердил его поведение, объяснил, что за странное чувство постоянно преследовало их с того момента, как они вновь встретились в астрале.

Тереза уже догадалась и прекрасно понимала, чем каралось использование живого оружия в полную силу. И это понимание совсем не радовало ее. В глубине души сейчас она желала быть самой наивной дурочкой, не понимающей всех проблем и всего, что будет; той, что и не догадается об участии ставшего таким близким за такой короткий срок человека.

Она медленно отвернулась, затем сжала лицо руками.

— Молю тебя, выдержи.

Границы человеческие и демонические

I. Голод

Он выглядел тревожно.

Выглядел так, как никогда до этого не выглядел. Максимально мерзко, максимально отвратительно. Такому, как он, не дала бы никакая проститутка, ни за какие деньги. А еще от него скверно разило.

Иво ковлял босыми ногами по мокрой земле. Меж пальцев, как через сито, просаживалась грязь, иногда пальцами он давил червей. Он уже и не помнил, где потерял ботинки. И плащ. Черный изгнанник мог не взять даже треклятые ботинки, но плащ он бы ни за что не забыл. Дряблая замызганная рубаха, кою уже пора было изорвать на лоскутки, уж явно не прибавляла виду бауманцу, зато еще как была подстать ему.

Волосы были грязные, сальные, вперемешку с комочками земли. Пряди склеивались воедино, а в самой глубине волосистого леса прослеживались кровавые следы от ногтей. Те, к слову, были изгрызаны подчистую. Руки Иво тряслись, дергался и левый глаз постоянно. Дыхание было сбитым, неровным, зубы он скалил, подобно одичавшему волку в поисках любой пищи, даже отравленной.

По земле волок меч. Клинок не был длинным, но из-за пригнувшейся фигуры кончиком он доставал до земли, и оставлял за собой четкий след разреза.

Погода была, мягко говоря, не очень. Мокрый снег валил, как из ведра, ветер дул в лицо, отчего приходилось постоянно уворачиваться, да и земля под ногами всячески мешала любому путнику, затрудняла пройти каждый новый метр.

В голове творился настоящий хаос. Изгнанник одновременно размышлял о чем-то часами и терялся в своих же мыслях, в их цепочках, истоках и развитиях. Также, как он мельтешил истерически головой, в сознании метался из одного угла в другой. О чем бы не подумал, всегда наткался на единственное «хочу!», «хочу!», «изгнать!», «пожрать!», «стереть!» и прочие синонимы. Внутри него таился знакомый ему Иво Эль Гарден, тот мужчина, кто никогда и мухи не обидит, если та безобидная. Но этот Иво был где-то далеко, под оковами голода и жажды, и глядел он снизу-вверх на обезумившего наркомана, ковлявшего ногами в поисках лишней дозы.

Иво сбился со счета, скольких он уже изгнал. Была пара призраков, пара бесов, один черт. Иво даже смог отыскать отряд маршей — пускай и низших, но демонов. Их было много в одной группе, и душ Иво после бойни Иво поглотил тоже немало. Однако, даже их оказалось недостаточно. Последним изгнанным им был Цербер — чрезвычайно мощный и сильный трехглавый демон-пес, затерявшийся в мире живых впоследствии открывшегося портала между мирами. С ним Иво сражался очень долго, и по итогу изгнал с особым пристрастием и жаждой. Но голод не утихал. Тот внутренний, запертый в клетку, изгнанник жалобно смотрел на свое новое обличие. Смотрел и сожалел.

Все это время он шел, правда уже не знал, куда. Одичалый, в поисках пищи. Зависимый, в поисках дозы. Он никогда не сталкивался с подобным чувством: потеря счета дней, тремор рук, истерические выпады и психические атаки. Даже сейчас, познав весь спектр этой дряни, все равно не осознавал, насколько сильно он вкусил всего самого ужасного, что хранит в себе этот мир. Зубы настолько сильно сжимались, что уже даже крошились от любого прикуса посильней. Чувство не из лучших, но даже его Иво не ощущал.

Вдали был свет. Да, он узнал его. Такой знакомый, самый обычный и простой источник света, но он напомнил о жизни, о чем-то хорошем. Но напомнил на миг, последующей мыслью было то, что где свет, там и люди. А люди — обладатели самой сытной и самой лучшей души — живой души.

Как бы он не пытался сопротивляться самому себе, ничего не выходило. Животный инстинкт был сильнее.

Иво ускорился. Он чувствовал ауру, почему-то до боли знакомую, и летел на нее, как мотылек на свет. Постоянно спотыкался о сырую рыхлую землю, застревал в ней же пятками, но цеплялся за эту ауру всеми оставшимися силами.

Почувствовав ее достаточно близко, «на расстоянии вытянутой руки», изгнанник не сдержался и телепортировался несколько раз вперед. Он хрипел, черными огромными глазами смотрел вперед, даже не оглядывался по сторонам. Он видел эту ауру. Воочию. Заулыбался, из-за частого дыхания в горле сначала пересохло, а затем, из-за предвкушения, наоборот слюни полились ручьем.

Перед ним стоял Тихомир. Робкий, не очень высокий. Стоял с лопатой, рядом была уже выкопана яма.

Иво слегка остуился, на миг даже потерял чувство голода и вернул рассудок. Однако потом, помотав головой и со всей силы сжав свой череп, ринулся вперед, отбросив все задние мысли. Он настолько обезумел, что совсем забыл, что Тихомир погиб больше полугода назад.

Резкий, но такой глупый и такой небрежный выпад с мечом, не попал в цель. Тихомир отступил в сторону, что-то сказал себе под нос. Он взмахнул лопатой, хотя по всем ощущениям это была далеко не лопата. Взмахнул он ей, как мечом.

Что было после, Иво не понимал. Свет пропал, чувство голода тоже, любая боль резко прекратилась. Однако и жизнь как будто пропала тоже.

II. Клубки судьбы I

«Пустота. Такое простое, короткое и до боли знакомое слово. Постоянно преследует, постоянно. Ты ищешь себе призвание, друзей, любовь, чтобы построить что — то? Как бы ни так... Ты же боишься. Просто боишься. Боишься этой черной херни, что съест, поглотит, заберет навсегда. Ты боишься взглянуть в чистое озеро и увидеть там себя. А что ты увидишь еще? Отражение мира? Деревья, листики да палочки? А это реальность вообще? Или очередная абстракция, производимая твоим жалким мозгом? Самая чистая и искренняя пустота. А как думаешь, ты одинок? Нет? Пф, что за чушь... Что у тебя есть вообще? Ты пустой. Ты и есть пустота. Нашел себе друзей по цеху, девочку юную, которая разделяет с тобой койку да излиживает тебя и все, уже не пустой? Так забавно... Позволь мне лучше разъяснить тебе...

Ты — житель этого мира. Так? Так. Банально, кто ж спорит — то. Задумайся на секундочку, что за тобой стоит? Близкие тебе существа, так ты подумал. Я это знаю. Мне достаточно, что ты это слышишь в своей пустой голове, чтобы понять это. Но так ли они тебе близки? Нет, нет, я ни в коем случае не опровергаю это, просто спрашиваю. Просто... Ты никогда не думал, что все это ложь и иллюзия? Тебя обманывают, там, к примеру... Не думал? Ах... Ты вообще нужен кому — то? Ого, так тебя любят. На самом деле, это замечательно. Волшебно. Я бы сказал, это и есть магия. Тебя любят, ласкают, заботятся. Я вот не знаю, каково это, когда тебе готовят поесть, одевают и просят о чем — то из — за волнений. Но, давай на секундочку вернемся в реальность. На тебя плевать. Ты никому в

этом мире не нужен, кроме себя. Эгоизм, понимаешь? В самый критический момент человек спасет свою жопу. Да даже не важно, человек или любое другое существо — оно спасет свою шкуру, и только потом, может быть, тебя. Но сам факт. Вся забота в твою сторону, эта сучья любовь — все это личная выгода. Все лишь ради того, чтобы заполнить пустоту, ты же помнишь, о чем мы говорим? Ты — пустышка. Мгла, поглощающаяся самостоятельно в безвременный хаос, в котором сознание теряется, а все границы между хорошим и плохим вмиг исчезают. Открой глаза же ты наконец; при любой удобной ситуации тебя бросят, плюнут на тебя. Ты любишь только ради удовлетворения, тебя любят ради удовлетворения. Животные инстинкты, грязь, похоть. Сегодня ты сладко трахаешься, а завтра поливаешь грязью ради уже другой выгоды. Вся жизнь — жалкое посмешище... Так противно. А самое забавное, что ты сейчас сидишь и думаешь, а так ли это. И со временем ты себе же и скажешь: «А ведь он прав...» Но это также смешно и жалко, ведь ты согласился с чьим — то также никому ненужным мнением... Потому что ты пустой. Тебе проще взять чье — то мнение, чью — то силу и поместить в себя, дабы заполнить пустоту. И, когда ты сдохнешь, ничего не изменится. Будет такая же пустота. Однако, если быть честным, ты меня порой удивляешь. Твои действия, мотивы. Ты словно растешь. Моментами ты уже не тот жалкий ребенок, а вполне осознанное существо. Но, по итогу, ты ведь все равно снова разрушишь абсолютно все, что строил так долго, если оно само собой не развалится... И снова будет пустота.

Разве я не прав?»

* * * * *

Хруст древесины, исходящий от чего-то горящего, больше походил на ломающиеся кости. Хотя, надо сказать, сейчас он был как раз кстати. Время шло к ночи, холодало. Для поддержания примитивного комфорта требовалось тепло. Изгнанник открыл свои глаза после долгого пребывания во сне. Первые минуты мужчина вовсе не понимал, где он и что вообще происходит.

— Очнулся пади, — проямлил мужской, немного выше, чем у Иво, голос. Он явно наблюдал долгое время за изгнанником, отчего сразу же обратил внимание на шум.

Иво не ответил. Елозил на месте, пытался перекатиться со спины на живот.

— Тише-тише... Лежи смирно, не шебарши! Вот, держи лекарство.

Иво не оглядывался назад, но прямо перед его лицом оказалась жилистая рука с чем-то в районе кисти. В кулаке был сжат флакон, который обычному глазу показался бы пустым. Но не изгнаннику. Иво сразу же жадно схватил его и отгрыз пробку, швырнув ее куда-то вдаль. Душу, что была в ней, он проглотил также быстро, как и выхватил.

Мужчина засмеялся.

— Что с тебя взять.

В голову изгнанника что — то резко ударило, после чего появилась легкая тошнота. Иво дернулся, словно его ужалила оса, после чего упал с кровати на сырой деревянный пол. Второй сначала сидел как ни в чем ни бывало, но затем все же встал и подбежал к изгнаннику. Тот уже оклемался и смог взглянуть на подоспевшего, отплюнул и встал, отряхнувшись. Тело было оголенным, лишь портки, что едва держались, скрывали гениталии бауманца.

— Ты подкачался, Иво.

Иво отдышался, затем не смог сдержать эмоций и подоспел к давнему знакомому.

— Ордо, постоянно же ты меня выручаешь.

Старый изгнанник высмеялся.

— За детьми принято ухаживать. Тебе полегчало, я смотрю? Больше не матросит, как соплю по ветру, а?

— Не матросит, — усаживаясь обратно на койку, проворчал Иво. — И хочется верить, больше никогда не будет.

Ордо обреченно выдохнул, затем, издав звуки, похожие на причмокивание губами, выразительно прокашлялся.

— Сутки спал. Последствия голода. Сейчас должно полегчать. Я сходил на охоту, тут в тройке верст демон витал — фамильяр чей-то. Опасная тварь вышла, змееподобное отродье, что чуть не потрепало меня.

Ордо посмеялся, пытаясь сбавить напряжение и чувство вины и черного изгнанника. Сам Ордовик уже давно не охотится, поглощая души, помещенные в специальный приблизительно полулитровый сосуд, напоминающий выпуклый стеклянный пузырь с тонким горлышком. Те изгнанники, что были способны охотиться, помещали изгнанные души для тех, кто уже не мог самостоятельно добывать себе души для пропитания. И Ордо был одним из вторых.

Он был легендарным изгнанником. Конечно же прошлого поколения. Своих ровесников он уже давно не видел на белом свете. Да и, как сам считал, к лучшему.

Ведь он отказался от самостоятельной добычи душ. И отказался, потому что в прошлом слишком обильно их поглощал и по итогу перешел на души живых созданий. Его забытое прозвище «Чудовище из Анаретты» уже мало кому известно. А получил он его, так как в юные годы изгнал немало людей в вассальном княжестве Баумании — Анаретте. Но со временем смог возмужать и слезть с самого страшного наркотика, что может вскружить голову изгнаннику. Наркотика, без которого ты не сможешь выжить, но которым можешь упиваться постоянно.

Иво прекрасно знал о его прошлом. Отчего и уважал старого изгнанника сильнее прочих, покуда сам, как изгнанник, понимал, что отречься от зависимости живыми душами практически невозможно.

И так как знал это, чертовски стыдился, что он, отрекшийся старик, охотился, дабы откачать беспечного изгнанника. Стыдился и постоянно отводил взгляд.

— Не стыдись. Со всяким бывает. Благо, я опередил тебя. Впереди Тайныр, край плодородных земель, а там люду много... Прости за правду, но кто знает, что на тебя бы нашло.

— Не извиняйся. Все правильно говоришь.

— Ты, — почти сразу же продолжил он, — чуть меня увидел — сразу накинулся с мечом. Поэтому я так и мыслю.

— Тебя?

Иво помнил ту ночь. И он отчетливо помнил, что видел давнейшего старика, уже погибшего, но не выходящего из его головы. Он видел его настоящего. И даже если это все было лишь оплотом его фантазии, образом пред отчаянием, этот образ был слишком настоящим. Иво думал и не сразу услышал, как его окликают.

— Иво? — Ордо сказал чуть громче, чем обычно.

Изгнанник дернулся. Взглянул, показывая, что слышит.

— Тебя лихорадит до сих пор? Если нужно, есть еще души.

Иво фыркнул себе под нос, после чего повертел головой.

— Есть что накинуть?

Ордо бросил руку в сторону, указывая на выстиранные и уже высушенные штаны изгнанника. Рубахи не было, за место нее валялась свитка — длинная распашная одежда из сукна. Иво сразу же вопросительно взглянул на Ордо.

— Выкупил у местного барыги. За гроши, не переживай. Твоя рубаха совсем уставшая была. А плащ и вовсе где-то просахатил. Поэтому уж довольствуйся, что есть. Обувь вон, кстати.

В углу были аккуратно сложены сапоги. Видно, что не новые, но всяко лучше ходить в них, нежели босым. Иво принялся одеваться. Ордо в это время уселся поудобнее и заговорил.

— Мне доложили про Вельдхейм. Про случившееся. И про то, что тебя заклеямили.

Иво с особым пристрастием обратил свой взгляд на наставника. Тот дополнил.

— То... Изгнание какого-то хрена важного — врачеватель или кто он там был. Признаюсь честно, не запоминал особо. Зато прекрасно запомнил рассказы о том, как треклятое отродье, чьи зеньки подобны саже в печи, устроило переполох в самом дальнем городе Баумании.

— Это не...

— Знаем. Уже знаем. Скажи спасибо Дарио, как встретишь его. Он серьезно рисковал в тот день, дабы отчистить твое имя перед нашими ребятами. Ты единственный известный носитель черного пламени. А, учитывая, что каждый из нас обладает чем-то уникальным, никто и никогда бы не подумал, что нам есть идентичные и подобные.

— Дарио был в тот день?

В голове Иво всплыл знакомый образ давнего товарища по ремеслу.

— Был. По моей просьбе. Видишь ли, моя правая рука выполняла там свою миссию, и так получилось, что краем глаза он приметил тебя. Сначала он думал сойтись с тобой и помочь в охоте сам знаешь на кого, но потом вспомнил, что ты — носитель сраной косы Шепота Смерти, и решил тихонько проследить. Так, как он умеет.

Иво фыркнул с последующим ироничным смешком.

— Уже все знают? Ты решил подорвать свою репутацию?

— Только Дарио. И я, разумеется. Иные члены ордена считают, что я принес подлинную косу. У нас свои планы, Иво. Все реликвии нужно отыскать и хорошо спрятать. Некоторые уже найдены другими изгнанниками. Чем, собственно говоря, и занимался Дарио в Вельдхейме.

— К чему ты клонишь?

— А к тому, что та срань, с кем ты сражался в тот день, обладатель живого оружия, Иво. Иво не поверил.

— Я сражался с ним. Я бы почувствовал.

Ордо на секунду засмеялся, как придворный шут, рассказавший свою лучшую шутку его Высочеству, затем, пытаясь сдержать смех, сперва чихнул, заплевав все вокруг, а потом прокашлялся так сильно, что Иво пришлось подоспеть к старику и поддержать его. Прокашлявшись, Ордо продолжил.

— Прости, просто безумно смешно стало. Что бы ты почувствовал? Ужас, как от призрачной косы? Ауру? Это не так работает, Черный изгнанник. Каждое, подобно нам, уникально. А с этим чудовищем все намного страшнее... Чарующий лик, верно?

Иво погрубел, нахмурился. Убедительно и быстро кивнул. Одевался он медленно, но штаны уже надел. Сейчас накидывал свитку.

— Так его прозвали все, кто смог каким-то чудом выжить. Имени точного никто не знает. Но Дарио соединил все цепочки. Помнишь ту заварушку, историю, что изгнанник в одиночку разгромил целый отряд близь Узо Бора? Так вот это был он. Лик. А разгромил он их, потому что отыскал в катакомбах мертвой крепости живое оружие. Дарио узнал, что за оружие он схватил. Имя ей Крипта, Дарующая жизнь. И она уникальна во многом. Но в одном она будет уникальна всегда. А именно в том, что в нее закована душа живого существа. Но настолько сильного при жизни, что душа его до сих пор остается могущественной и способной сравниться с демонической.

Ордо ненадолго отвлекся, нагнулся к печи. Там был котелок, в нем плескался любимый и фирменный походный чай Ордовика. Он разлил его по двум кружкам и одну сразу же подал Иво. Изгнанник, быстро надевший верхнюю часть одеяний, схватил кружку и сразу же вдохнул ударивший в нос приятный аромат.

— Прогрейся. Все же тебя сутки озноб брал, а силы тебе будут нужны сейчас. Пей и слушай дальше.

Они громко отхлебнули. Иво присел рядом. В одежде было всяко удобнее, нежели без нее.

— Из-за того, что душа в оружии живого, ему обязательно кормить оружие. Ты уже понял, что значит голод по-нашему, так? Так вот он не испытывает этого. Завидно, с-с-сука! Но это малая беда. Знаешь чья душа закована в Крипте?

— Чья же?

Ордо, как и всегда, истошно засмеялся.

— Ты, как любитель Аурамской земли, должен оценить. В Крипте закована душа Тармалена, бывшего Владыки лесов, то бишь отца нынешней королевы. И ты, разумеется, как истинный знаток всего эльфского и лесного, уже догадался, что может даровать такое орудие, так?

Иво кивнул. В лице немного поменялся. Ступил пот, он немного ужаснулся на миг, но вскоре вновь посерьезничал.

— Бессмертие.

— Да, Иво. Сраное бессмертие. Конечно, изгнанию это не мешает, но Крипте постоянно регенерирует с бешеной скоростью, запрещает погибнуть, ежесекундно восстанавливает силы своему носителю, отчего тот становится практически неуязвимым.

— Тогда это все объясняет.

— Объясняет что? — Ордо покосился, один глаз прищурил, а бровь второго поднял вверх.

— Почему он выжил. В ту ночь, когда мы сражались, я... не сдержался, Ордо.

— Я это прекрасно понял. Как минимум, потому что ты, чуть увидел меня, сразу же изгнать попытался. И бредил, как вытраханный осел.

Иво, как пес, виновато опустил взгляд.

— Ладно, не извиняйся. Этот Лик очень опасный персонаж, ты сделал все правильно. Умри ты и Эксодия потеряла бы великого изгнанника, а главное, правильного. Я тебя не осуждаю. А лихорадку из-за душ мы поборем, будь уверен. Рассказывай дальше давай.

Черный изгнанник кивнул в знак благодарности, затем вновь выпил чаю.

— Коса призывает фантомов. Всех, кого ей изгнали. И эти фантомы слушают лишь твою волю, твои приказы. Я приказал им изорвать его на лоскуты, убить в страшных муках, но... Он выжил, Ордо. Теперь хотя бы знаю почему.

— Мда уж... — Ордо сплюнул, — одной занозой в заднице больше у нас. Еще и Мор этот сраный... Лихорадка распространяется, уже даже некоторые изгнанники заболели. И болезнь дерьмовая. Хер пойми че с ней делать, тем более после произошедшего в Вельдхейме.

— Я найду его, — Иво сказал, как отрезал. Хотя Ордо был уверен в его словах.

— Не сомневаюсь. И я здесь, чтобы помочь. К слову, даже знаю, где можем что-нибудь отыскать. Но пока о другом. Раз уж ты скрещивал с ним клинки, то... Что он может? Чем обладает? Безумно интересно понять, что за изгнанник одолел тебя — того, кто безудержно перемещается в пространстве, кого невозможно просто так задеть.

— Я не знаю.

Ордо посмотрел, как Филин в ночи, в которого умудрились со спины швырнуть огромную шишку, а тот не смог этого заметить. Если кратко, то глаза выпучил, губы подкосил к низу, а мину сделал настолько кислой, как будто только что потерял кота, прирученного с детства. Но мина была такой лишь на мгновение. Затем, как и всегда в этой жизни, столкнувшись с чем-то неопределимо непонятным, Ордо слегка с психа выдал смешок, затем серьезно попятился в сторону.

— Серьезно?

— Да, — Иво отвечал хладнокровно. — Хотя, есть лишь догадки. Он же Лик. И он чарует.

— Вот оно что! Прости, Иво, сперва мне казалось, что здесь суть идет о шляхах с именем Лика — они же Лики. И они, сука, ой как чаруют.

Иво злобно улыбнулся, отвернувшись. Затем посмеялся.

— Я серьезно. Просто... Когда смотришь на него, тело не слушается. Ни капли. Ты просто стоишь, витаешь в облаках, отчаиваешься. Я уже не помню весь букет того, что было, что испытывал. Помню лишь, как взглянул, а на меня зарятся черные, цвета глубокого космоса, цвета бездны, глаза. А внутри сверкает черный огонек. Я словно посмотрел в зеркало, Ордо. И тогда обессилел: не мог пошевелить конечностями, не мог отпрыгнуть от летящего медленного удара, не мог даже телепортироваться. Вообще ничего не мог. Может, это как-то и связано с его способностями, но мне кажется, я просто увидел собственное отражение и не выдержал.

— Не выдержал чего?

— Я не знаю. Всего сразу.

— Пф, — Ордо встал, размял спину, затем положил руку на плечо изгнаннику, — не бузи. Главное, что выжил — без тебя тяжело бы пришлось.

— Еще он прислужник Стезийской короны, — Иво, как ошпаренный, сказал это громче, чем планировал, но лишь потому, что резко вспомнил об этом.

И вновь Ордо посмотрел этим взглядом. Вновь ужаснулся, слегка вздрогнул, усмехнулся, затем удивился.

— Знаешь, у меня был знакомый... Так вот он, перед тем, как сказать подобное, всегда говорил: «внимание, анекдот...»

— Ордо, я серьезно. Ну хотя... Тут как посмотреть. Я отчетливо помню это. Он говорил, что мы с ним похожи, приводил тысячу примеров. И в одном из таких промолвил, что я — прислуга Бауманской короны, а он — Стезийской.

Ордо прошел в центр помещения. Там покрутился немного, затем отошел к огню, хотя, таковым его уже было тяжело называть. Там, в печи, догорала пара веток и только. Ордо взял

воду, что была рядом, полил по веткам. Появился легкий неприятный запах возле печи. Затем обернулся и глазом взглянул на Иво. Губ не показывал.

— Если так, то очень интересно выходит. Я попрошу Дарио, как будет время, разобраться с этим. Это уже моя зона ответственности. Но это ладно, вопросы будущего. Ты как, оклемался?

Иво не ответил. Лишь кивнул.

— Отлично. Тогда пошли искать твоего Мора. Благо у нас отменная зацепка на пути.

— Какая?

Ордо захихикал.

— Изгнанники узнают о бушующей нечистой силе через сказания и истории, благодаря слухам знают, где искать отродье. Так и пойдем на слухи. Тут рядом есть местечко. Наши слагают, там завелась отменная падаль, какая-то редкая и чересчур опасная. Край плодородных земель, Иво. Бауманская золотина — Тайныр, наша остановка.

III. Клубки судьбы II

Был день. Дружинники молчали. А бабки галдели. Да галдели так, что самый даже самый шумный и веселый трубадур пожелал бы, чтобы его уши увяли и навсегда потеряли возможность слышать.

Они тарахтели без перебоя. Кто-то паниковал, кто-то смеялся, а кто-то просто навивал интрижек и участвовал в дискуссии. Мол, «ну они же что-то обсуждают, чем я хуже?».

— Так, — один из дружины воскликнул. Он был грозным, с койфом на башке, явно уже уставал от крестьянских бессмысленных пеней. — Четче выражайтесь, матушки-с, да покороче...

— Покороче-покороче, милоч! Как ж тут покороче, когда такое творится! — выкрикнула одна из толпы. А бабулек было много.

И все были похожи друг на друга. Словно муравьи, столпились у своего домища и было их столько, что не пересчитаешь.

— Покороче, бабуль — это значит, что нужно сказать ЧЕТКО (особо яро выделял это слово воин) и так, чтобы мы эту проблему...

— ГА-ГА-ГА-ГА!

И вновь галдеж. Мужики уже не выдерживали.

Кстати, они удивлялись, почему на улицах не было мужиков. Лишь бабки да бабы, не иначе. Хотя, порой под взгляды попадали прекрасные девы, ради которых любой мужчина ринулся бы совершать подвиги. И дружинники бы ринулись, знакомились бы, да только девоньки слишком быстро убегали. А потом появлялся вновь галдеж. Отчего и кипели головы.

Дружинников было двое. И оба были под копирку одеты: шаровары, сапоги, рубаха на голое тело, поверх нее — доспех. Голову защищал койф — защитный головной убор в виде капюшона с чепчиком. И один стоял в нем, а другой без него, светил своими кудрявыми светлыми волосами. А в зубах он грыз соломинку.

— Милсдари, так когда ирода отыщите? — почти вся толпа бабулек прокричала одновременно.

Дружинники также одновременно выдохнули. Перед тем, как что-то ответить, нагнетающе промолчали.

— Бабушки, мудрые девы наши, отыщем так сразу, как только узнаем, кто этот ваш ирод и что такого творится.

— Ну как что творится! — одна из толпы негодовала, вышла вперед, начала размахивать короткими ручонками, — А кто Аськину хатку то пожег, а? Кто Славочкину кормушку растоптал? А из-за кого все скотинки-то мои подохли?

— Ну так, из-за кого? — обреченно уже спрашивал тот, что был в койфе.

— ИЗ-ЗА ИРОДА! — бабки вновь «скрестили» свои голоса в единое мощное оружие. Дружинникам это не понравилось, ответили они соответствующе.

— Так а кто этот ваш сраный ирод?!

Бабки прошипели, а затем наступила пятисекундная тишина. Наверное, ни разу еще в своей жизни эти дружинники не испытывали наслаждения, сравнимого с тем, что испытали сейчас. Захотелось даже улыбнуться. Но сразу же желание улыбаться сменилось желанием резать и убивать: бабки вновь загалдели.

— Ну тот, из-за которого Аськина хата сгинула, кормушечка там... И скотинки! Скотинки ж из-за кого сгинули!

И каждая несла что-то свое. Их споры, дискуссии, все сплелось воедино. Это был мощный смерч, остановить который было не под силу никому. Мужики уже отступили назад, лишь наотмашь, с особым выражением, махнув руками на прощание. И они уже отдалялись, но вдруг, на удивление всем, орущая и галдящая толпа бабок начала утихать. Дружинники даже не поверили сперва, думали, вновь секундное мгновение, затишье перед бурей.

А нет.

Один из них, тот, что был в койфе, обернулся. Глаза выпучил.

Подле бабок стояли Ордовик и Иво. Причем Иво, которого вся королевская дружина прекрасна знала благодаря близости к генералу Бауманской армии, они заприметили не сразу из-за непривычного для него нового одеяния, а также из-за неимения с собой этакой «визитной карточки» в виде черного длинного плаща с капюшоном. Выдали бауманца голубые выразительные глаза, потрепанные лохматые черные волосы и, потом уже, когда пригляделись, также узнали родные еще с детства черты лица.

А вот более зрелого, взрослого и опытного изгнанника мужчины никогда не видели, зато сейчас они прекрасно наблюдали картину, как этот, уже старик, кумекал с каждой старухой, да еще и улыбаясь каждой в ответ. Они не могли понять, как он смог найти общий с ними язык, и тем более не могли поверить в то, что он — какой-то непонятный пожилой спутник королевского Советника, приемного сына генерала Баумании, мог бы узнать у галдящей женской половины города, что же здесь происходит. Переглянувшись между друг другом, дружинники решили возвратиться.

— Так... угу, — воротя головой, что-то мямлил Ордовик.

Дружинники приблизились, но встречать пока не стали.

— И вот он, милоч, сгинувший с годика два с полем тому назад, стоит и смотрит на меня! Я духу-то перевела, конечно, но, скажу-с вам чесслово... — одна из бабушек перешла на шепот, — вспомнила молодецкое время и... Потекло у меня все, вот.

Она покраснела. Ордо засмеялся и, подобно истинному кавалеру, приобнял старуху, посмотрел на нее «кошачьим взглядом», полным любви и соблазна.

— Ну что же вы так говорите, родная моя. С кем не бывает, тем более покуда такое увидишь! Мой товарищ вот, Иво, и не такое вытворял. Правда, Иво?

— Неправда, — холодно отвечал Черный изгнанник.

— Правда-правда. Он как-то, вспомню, в одном нашем путешествии с голоду песок

начал жрать! А запивать знаете чем?

Бабка захихикала. И те, что подслушивали, тоже.

— Мочой единорогов!

Иво ударил Ордо по корпусу, старый изгнанник слегка покривился, затем перевел дыхание и, склонив голову и вновь улыбнувшись своей кошачьей хитрой мордой, прохихикал.

— Шучу конечно же, дамы. Шучу. Чтобы сбросить с вас груз страха и ужаса, который вы пережили. Так я вас правильно понимаю, бабушка... э-э-э?

Бабушка кивала без остановки.

— Еврося!

— Ох, да! — Ордо, как поэт, восторженно прокричал ее имя, — Еврося! Правильно понимаю, что вы видели покойного мужа?

— Да, правильно понимаете, милок. Он алкашом был еще тем, и сгинул из-за водки. Я даже не расстроилась, скажу вам. Но когда увидела его вновь... Ну живой был, я точно говорю! Все настоящее — и кожа, и глаза эти его собачьи, и сутулое тело, и ножки-крючки. Ну он был, он!

— И что вы сделали? — Иво встрял в разговор. Было видно, что бабушке это не понравилось. Она гневно позарилась, оскалила, сверкнула зубами.

— Убежала я! И вообще, негоже встречать в разговоры между культурными людьми.

Она замолчала, как и все. Эта была та самая полюбившаяся дружинниками пятисекундная тишина. Но вновь, как по шаблону, она так же резко прервалась. Бабка Еврося дополнила свое обращение к Иво.

— ... Урод!

Иво закатил глаза, выдохнул и отступил. Он слышал, как Ордо сглаживал углы, но желания дальше участвовать в этих старческих галдежках не было от слова совсем. Тем более, покуда Иво увидел знакомые лица. Те самые два дружинника.

Он узнал их. Два подчиненных Гордолина — тот, что стоял в койфе — Гринго, и Динли (когого все звали просто Дином) с «обнаженной» головой. Хотя, подчиненными их никто никогда и не считал — это было лишь официальное положение. На деле же они являлись бравыми войнами отряда Гордолина, лучшими из лучших, отменными профессионалами.

С ними Иво был достаточно близко знаком, с каждым из них он тренировался, оттачивал навыки, где-то даже сражался. Каждый из них вложил что-то свое в фехтовальные навыки изгнанника, которыми он сейчас обладает. Но ни Гринго, ни Динли, ни любой прочий дружинник никогда не знал об истинном изгнанническом нутре приемного сына их генерала.

Они улыбнулись ему, выпятили грудь, слегка подрыгались на месте. Иво в ответ ухмыльнулся.

— Уж не бравый Бауманский меч карающий я вижу на горизонте, Динли? — Гринго «напялил» на себя маску актера, с особым пристрастием, не глядя на изгнанника и размахивая руками, как на представлении, заявлял мужчина.

— Да вот вопрос сложный задаешь, мой друг. Бравый карающий меч Баумании черный, как ночь, головушку-то прикрывает. А с этим что-то не так...

— Свитка домашняя слишком, да?

Иво приблизился. Руками он сымитировал обнажение клинка из ножен, затем также сымитировал парирование с последующей серией хлестких и четких ударов, которые они

когда-то отработывали на тренировках. Динли показательно отпрыгнул, прикрывая голову таким же «невидимым» и имитированным мечом, а вот Гринго пригнулся в коленях и завыл, сделал жалкое лицо, сложив руки в ладонях, моля.

— О нет! Это он — барин Иво Эль Гарден! Динли, я спасу тебя от напасти! Беги убегай, брат! Иво, господ, помилуйте...

Иво усмехнулся, подал руки склоненному пред ним воину. После чего они побратались, слились в крепких мужских объятиях. Динли их поддержал.

— Рады видеть тебя, Иво, — сказано было дружинниками одновременно. В их поведении отчетливо прослеживалась строгость, военное воспитание и четкость, прекрасно понималось, что они — солдаты одной армии и одного отряда.

— И я вас, парни.

Голос изгнанника стал слаще, а настроение приумножилось.

* * * * *

— А кто это там, старикан этот? Он колдун что ли, я не пойму... — Динли жадно позарился на Ордовика. Тот всю уже зазнакомился с местным женским контингентом и яро одаривал их комплиментами.

— С чего б колдун, Дин?

— Только колдун с этими мегерами справится! Жуть ж какая-то! — выражался Гринго.

— Точно-точно. Явно чарами пользуется, никак не иначе, — поддержал Динли.

Иво засмеялся.

— Если подвешенный язык и умение повилить задом перед женщинами — чары, то да, не могу не согласиться.

— Хе-хе, и то верно. Так и все же, а кто он? И какими судьбами ты здесь, странник? Уж очень занятное место встречи у нас выходит, да, Дин?

Динли два раза кивнул.

— И как на тебя не посмотри — все не тот Иво, коего знаю, — после кивка дополнил светловолосый кудрявый дружинник, намекая на утеранный плащ.

— Плащ... Изорвался, — изгнанник врал, но делал это уверенно, — А что до того старика, то это давний друг мой. Очень давний и очень хороший, поэтому чтите, как своего...

— Узнаю слова генерала! Он всегда так говорил и всегда тому учил, — перебил Гринго. Иво лишь подмигнул в знак согласия.

— Именно так, — Иво вспоминал в голове Гордолина, Бауманского «медведя», — а здесь мы проездом, считай. Так звезды сошлись, что на пути Тайныр был. Да и вести отсюда не самые хорошие были, вот и решили заглянуть, вдруг помочь чем сможем.

— Ай, Иво, все брехня. Хер пойми че творится. Проказа эта, кровянка, чтоб ее, уже и дс сюда добралась. Но это полбеда, — Гринго снял койф. Голова была почти лысой, очень короткий волос едва виднелся обычному человеческому глазу.

— Какая вторая?

— Пытаемся разобраться, — Динли указал пальцем на бабушек, которые, к слову, уже расходились по хатам.

— А вести какие были? Неспроста ж элитарный отряд сюда выслали.

Дружинники «отступили», умолкли на миг.

— Чертовщина творится определенная. Ну, это если, по слухам. Говорят, за последнюю неделю сгинуло очень много народу. И болезнь начала еще сильнее распространяться, —

начал Динли.

— А дело изначально было так, — продолжил уже Гринго. — Все было как обычно. Мы у казарм сидели, салаг учили, сам же знаешь, как жизнь протекает в мирное время. Ну и генерал с нами тем же занимался. И в один день все резко переменялось.

— Продолжай, — кивал Иво, осмотрев пространство за спиной. Ордо договаривал с бабками.

— К нам в ворота завалился шпанюк. Не прям юнец, конечно, но шкила еще та. Ростом три с пол локтя. Ворвался во двор не взирая на запреты стражи — ворота открыты были, заезжала повозка с вооружением. И как ворвался, так и Гордолину в ноги прыгнул, завопил, кричит, мол, демон его семью в Тайныре убил, — Гринго усмехнулся под конец.

— Ну и, — уже Дин продолжил рассказывать историю, — сам же знаешь Гордолина. Он его опросил и собрал отряд. Нас здесь пятеро, отряд небольшой. Прибыли мы пару дней назад. И пока что все тщетно, никакой, чтоб ее, нечистой силой не пахнет. Бабки только вон бредят, мол какой-то ирод им козни ставит. Но мое лично мнение, что это какой-то шалапай делает. Ему надобно пальцы отсечь и бросить в яму выгребную, ну кто ж еще может хаты жечь, кормушки, сука, топтать! Ну, со скотиной тяжелее конечно — тут у нас эпидемия начинается, скот гибнет. Но это вопрос временный — когда мы отправлялись в Тайныр, я тайком углядел, как в Люстер прибыла чародейка твоя. Гордолин сказал, что она принесла известия, способные помочь как-то с лечением, а то пока все тщетно выходит.

Иво хотел вставить слово, но не успел — Гринго слишком быстро продолжил диалог.

— Иво, не переживай. Все сделаем и со всем управимся. Всех накажем.

— Я не переживаю, Гринго. Однако, коль я здесь, уж помогу братьям по оружию. Тем более, что...

— ... С ним такой умный, а главное — опытный, товарищ. Да, Иво?

Ордо подкрался почти незаметно. Он встал рядом и улыбался, протягивая руку дружинникам. Те сначала стояли в ступоре, однако затем ответили старику тем же.

— Ордовик. Приятно познакомиться.

Гринго и Дин тоже представились.

— Что, чародей, как колдуется? Тут парни были шокированы твоими навыками в общении с девами в возрасте, — Иво явно высмеивал Ордо. Но, как обычно, получалось скверно.

— Прекрасно колдуется, друг мой. Знаешь... До сих пор хихикаю с того, как тебя милашка Еврося обозвала. Мужики, вы же слышали, да? У-род! Иво урод, во дает, а!

Втроем они тихонько захохотали. Иво стукнул дружинников по затылку, Ордо трогать не стал.

— Милая дама, твоя Еврося. Жаль только, что хер старый уже не стоит, да, Ордо? Так бы осчастливил даму, глядишь, сам бы стал добрее.

— Да, ты прав. Поэтому, прошу, задобри бабушку за меня. А она обещала за это пирожков с картофелем и грибами дать! Чародейке мы ни слова не скажем, да ведь, парни? Иво, соглашайся, там пять минут всего поковыряться и пирожки у нас в кармане — «услуга за услу...»

— Ай, иди нахер, Ордо.

Дружинники не выдержали, засмеялись. Ордо с Иво тоже их поддержали, только еще друг другу тепло улыбнулись и легким кивком выразили благодарность за такой «дружеский поединок» подшучиваниями. Иво еще, к слову, никогда не выигрывал в нем.

— Шутки в сторону, парни, — Ордо выступил немного вперед. — Я тут покумекал с ними, и каждая говорит что-то свое, нескладное.

— Во-во! — перебили Гринго и Динли. Видно было, что эта ситуация являлась очень болезненной и знакомой до мозга костей.

— Но, — вопреки всему возражал Ордо, — есть кое-что, за что можно зацепиться. Я понял, что тут водится злой дух...

Дружинники отчего-то поверили Ордовику, хотя тот всем видом выдавал свое вранье. Иво даже слегка краснел за старого озорника.

— Что значит «дух»? — спрашивал Дин.

— То и значит, мужики. Злой дух, прогнать которого будет ой как не просто.

— А это ты как такой вывод сделал, старик Ордовик? — глаза Гринго на лоб полезли.

Ордовику явно нужно было идти по жизни в театр, и Иво в этом убеждался с каждым днем все сильнее и сильнее.

— По правде говоря... Ай, Иво, что их обманывать. Они свои ребята, можно и сказать, кто мы на самом деле.

Дружинники слегка напряглись. Иво наблюдал. А Ордо в глубине души свистел и ржал, как опьяненный вольный кобель.

— Мы... с Иво... Ну... В общем, мы с ним шаманы. Так и познакомились.

— Сука, что? — Иво не сдержался, даже не заметил сразу, как сказал это вслух. Хотя, по лицам Гринго с Динли была видна такая же реакция.

— Иво, хватит притворяться, и не позорься уж перед ними. Да, мужики, шаманы мы. Я Иво как-то повстречал в странствиях, так и обучил шаманству элементарному. А он и продолжил учение, только уже сам. И время от времени мы, забредая куда-нибудь, где водится злой дух, пытаемся его прогнать старыми обрядческими способами. Так и здесь, Гринго, Динли...

Ордовик вошел во вкус вешания «лапши на уши». Хотя дружинникам нравилось, они верили и, словно «прося добавки», вкушали его историю.

— Здесь водится злой... Кхм... Иво, как мы его там называли?

Изгнанник надеялся промолчать. Надеялся зазря — все внимание теперь было приковано к нему. Он выдохнул, но стал как кошка на дыбах.

— Домовой это, Ордо. Сраный домовый, — мысленно Иво уже изрезал старика до смерти.

— О-о-о! Точно-точно, самый настоящий домовый здесь завелся. Вы и посмотрите: шалости-то детские, на самом деле. Ну кормушку потоптал... Хату пожег — жестко, конечно, в сравнении, но это классическая шалость Домового.

Дружинники переглянулись.

— Иво, ты правда... шаман? — Гринго этим вопросом стремился поставить точку в сомнениях. А вот Динли уже всю верил этой бредовой истории Ордо.

— Да, Гринго... Правда. Прости, что не говорил. Боялся, — Иво косо посмотрел на Ордовика, слегка скаля зубы, время от времени прикусывая губу, — опозориться. Боялся, что не поймут меня. Да, Ордо?

— Верно-верно, мужики. Это ж дело такое, необычное, скажем так. Поэтому лишний раз ляпнешь и засмеют, хе-хе! Поэтому, Иво, нам с тобой тут есть с чем поработать. Смекаешь?

Иво кивнул.

— Смекаю.

— Вот и славно.

— Господа... Кхм, шаманы, — Гринго ворвался в их разговор, — здорово, что вы догадались, что тут творится, однако разве домовый может людей убивать? Тут ж слухи ходят, что люди пропадают, мальчуган вон кричал вообще, что демон напасть устроил! Разве может домовый так делать?!

Ордо немного отошел назад. Поменялся в лице. Он вспомнил все самое грустное, что творилось в его жизни, дабы эмоции были неподдельными. Затем приподнял верх одежды. На брюхе красовался шрам, причем очень серьезный. Некая тварь полоснула старика в брюхо, не иначе. Но шрам был уже старый, давно затянувшийся, однако, в совокупности с жалобным, испуганным лицом Ордовика, дружинники громко сглотнули слюну и уставились ему в глаза.

— Дух-то он, может быть, и шалости детские творит, но в бою не жалеет. Поэтому, господа дружинники, оставьте его нам. Нашим обрядам, тотемам и прочей ереси никому не понятной. Хорошо? Очень вас молю.

Гринго с Динли решили не спорить. Дважды кивнули и закрыли эту тему. Затем кстати резко обнаружили, что все разошлись по своим делам и они вчетвером были единственными оставшимися стоящими возле городской ратуши.

— Как же тихо, — восхищался Динли.

Иво отвернулся и высмеялся такой радости. А вот Ордо согласился с дружинником и также порадовался тишине. Хотя, очевидно, что вокруг не было тихо — люди все также ходили, бродили, что-то делали, где-то галдели. Но это уже был обычный городской шум, не бабушкины галделки, так сильно давящие на нервы. Эта тишина и радовала.

— Потом порадуемся, Дин. Сперва начальству про домового доложим. Иво, ты как, с нами?

— А кто за главного?

Дружинники переглянулись, затем браво воскликнули.

— Гордолин!

Иво обрадовался, но не показал этого.

Он очень скучал по тому, кто вытянул его из тьмы. Скучал по его наставлениям, иногда глупым мыслям. Скучал по его заботе, по его вопросам. Гордолин никогда не давал советов, лишь говорил, как сам бы поступил — по этому Иво скучал особенно сильно.

И сейчас Черный изгнанник был рад так, как уже очень давно не радовался.

— Конечно с вами.

— Эт здорово! А вы, старик Ордовик, с нами или как?

Ордо улыбнулся. Он знал, кем был генерал Баумании для его товарища по изгнанническому цеху. Знал, насколько он был важен для него. И знал, что Гордолин не был обычным человеком. Он знал про изгнанников, про демонов, знал, что они существуют и видел их собственными глазами. Ордо знал Гордолина как человека понимающего и принимающего, отчего, хоть лично с ним знаком не был, но уже заочно доверял ему.

— Боюсь, что свидеться с достопочтенным генералом мне не суждено, — Ордо потирал подбородок, — меня ожидают... Шаманские всякие дела. Кто-то же должен ловить Домового, пока Иво занят иными делами. Так ведь, Иво?

Изгнанник подмигнул.

— Ну-с, если так обстоят дела наши, — Гринго сначала выдохнул, однако после,

полный воодушевления и напористости, выпрямил спину и выразительно, четко и громко прокричал, — то мы поможем вам в поисках злого духа! Покуда он кошмарил земли наши, мы, рыцари дружины Гордолина, элитарного отряда, встанем на защиту наших женщин и детей!

Сперва все замолчали. Затем Динли загоготал.

— Вот дурак, а.

Дружинники отступали. Иво остался еще там, но ненадолго. Сказал, что догонит бравых воинов.

Как только изгнанники остались наедине, Иво принялся «поедать» Ордовика косым злым взглядом и скалящимися зубами

— Какие, сука, шаманы, Ордо? Ты совсем уже башкой двинулся?

Ордо издевательски хихикал, но лишь первое время.

— Не быкуй. Как мне еще при них сказать, что здесь демон завелся. Не буду ж я им в лоб говорить, что я старик-изгнанник, и дружбан ваш, Иво, тоже изгнанник. Мы здесь пришли демона изгонять, ведь у вас в городе демон завелся. Демон-демон-демон, и еще раз демон. Пришлось... Импровизировать.

Иво, хоть и прекрасно это все понимал, еще больше понимал, что Ордовик просто любил издевательски шутить над ним. И, если брать во внимание происходящее, это было меньшее из зол.

Он отступил в претензиях, остыл.

— Догадался? — обращался Иво. Ордовик отбросил всю происходящую клоунаду до этого, посерьезничал. Бауманец и без ответа понял, что догадался.

— Здесь на ум приходит лишь один демон. Тут сложно прогадать, потому что он — единственный такой.

— Да. Только вот не того мы искали.

Иво слегка оскалил. Пару секунд, в мыслях, он злобно ругался на себя, что не может отыскать заказанное ему отродье. Он прокрутил все произошедшее, осознал последствия, затем осознал, что и сегодня не суждено выполнить заказ.

Он смотрел на подобные вещи, как профессионал. Всегда, причем. Но в этот раз брал во внимание иные вещи. От явлений Всадников апокалипсиса страдает весь мир, страдает глобально и слишком сильно. Каким бы ни был характер, гуманность, человечность и сопереживание своим ближайшим братьям брали верх. Злило не только непрофессиональное затягивание изгнания, злило то, что из-за этого затягивания страдает слишком много живых. Злило то, что он проигрывал.

Но все это он прокрутил лишь за пару секунд. Затем хладнокровно выдохнул, хрустнул пальцами, прикусил губу, замотивировано взглянул на собрата по цеху. Ордо надменно усмехнулся в ответ, маякнул глазом, что сокол, стремящийся на понижение.

— Найдем, Иво. Сейчас давай с этой падалью разберемся. Тем более, ты же знаешь, что означает эта тварь?

— Знаю.

Изгнанник фыркнул, но согласился. И голос его был явно нерадостным. Ведь местный обитатель был ничуть не менее опасным.

IV. Клубки судьбы III

— Парки. Демон судьбы.

Вся дружина, как и подозревалось, остановилась в ратуше. Учитывая размеры Тайныра,

города третьего по величине и населению в Баумании, административное здание здесь было соответствующим. Большое, кирпичное, с двумя высокими башнями по бокам, крыши которых были возвышенными и острыми.

И хоть место ночлега столичные войны выбрали подходящее, каждый вечер они предпочитали проводить в более «приземленных» и, скажем, «уютных» заведениях.

Всего их было пятеро — Дин не соврал. В отряд входили Гринго, Динли, Ромлан — относительно юный, но ужасно потенциальный, так про него говорили в столичной армии, возглавлял отряд сам бауманский «медведь» — Гордолин, а пятым, как ни странно, являлся озорной гуляка Фарбул. Пятому члену этой команды Иво был особо рад, так как все еще чувствовал легкую вину после событий в Блакаре.

Дин, Гринго и Ромлан уже успели покинуть ратушу. К гадалке не ходи, а понятно куда — в бордель либо трактир. И, если бы не появившийся в здании изгнанник, то Фарбул появился бы там самый первый. И свое стремление выпить и отдохнуть с девушками особого статуса он бы объяснил тем, что нужно «подготовить почву» и «изучить все самое лучшее и вкусное» для боевых товарищей.

Разумеется, ни то, ни другое, не было бы правдой. Фарбул просто любит выпивку и женщин больше, чем все остальное в этой жизни.

— Срань какая, — все же Фарбул не выдержал, — что это за тварь, Иво?

— Фарбул, — генерал «по-отцовски» воскликнул, чтобы тот не перебивал. Фарб не возникал, отпил из кубка и отвел рукой в сторону, указывая, что не возражает.

Затем медведь вновь осмотрел изгнанника. Из-за чересчур «экзотического» для стиля Иво наряда, моментами было тяжело распознать знакомое лицо.

— Что за порось? — звучал грубейший медвежий голос Гордолина. Он качал головой и стирал засохшую субстанцию на уже скукоженных сухих пальцах. Делал это часто.

Сидели они на расстоянии друг от друга. Иво располагался у стенки, облокотившись на нее, ноги сложив на стоявшую рядом деревянную скамью, рядом с собой уставил меч, тоже облокотив его на стену. Напротив сидел Гордолин, напряженно и пристально смотря на изгнанника. Он поменял позу, уселся как-то более скованно, локти сложив на колени и, соединив кулаки обеих рук, подпирал ими подбородок. А Фарбул был ближе к Гордолину и вальяжно распластался на мягких сидениях, уложенных шкурами и обтянутыми кожей. Что было удивительно, обычно он никогда не замолкал ни на секунду. А сейчас бравый вояка Баумании внимательно слушал и не намеревался встрять ни на секунду. Рядом с ним был стол, а на столе — кубок с пивом. И время от времени он отпивал из него.

— Он... — лишь это смог промолвить Иво. Затем умолк.

Нависла неловкая пауза, в которой Гордолин начал испытывать некое волнение. А все потому, что прекрасно знал приемного сына.

Иво ни разу его не видел, лишь читал, и то немного — информации слишком мало. Пару раз слышал байки от таких же изгнанников. Но те тоже мало что знали и могли рассказать. Обычно, все рассказы заканчивались тем, что они попросту убегали прочь во избежание неминуемой кончины.

Демонов подразделяли на низших и высших. Главным отличием являлась возможность отрывать порталы между Геенной — пристанищем демонических отродий, и Ассией — миром живых. И низшие таковой способностью не обладали, почему и не могли вернуться в свой мир, если случайно проникли в мир живых через уже открытый высшим демоном портал. Деление было обобщенное, но главное и абсолютно правильное. Конечно же, оно

целостно определяло силу отродий: высший демон, чаще всего, был могущественнее, живучее, сильнее любого низшего. Но во всех правилах бывают исключения.

Лишь два низших демона вызывают ужас даже у бывалых охотников на отродий. Первый — Аванит — один из сильнейших демонических тварей, способный поравняться силой с практически любым высшим разумным демоном. Хотя с данным представителем демонической расы все намного проще — аваниты не питаются живыми душами и, если и нападают, то лишь защищаясь, либо преследуя иную цель, не связанную с поглощением души.

А вот со вторым исключением все не так однозначно.

— Парки — низший демон, — Иво наконец прервал паузу, столь тяжелую для сознания Гордолина, но говорил «аккуратно», со спокойным, но моментами вздрагиваемым голосом, таращась в дальнюю трещину деревянного пола, с изредка слышимым хрустом костяшек пальцев, — самый малоизвестный изгнанническому кругу, не имеющий ни облика, ни точного списка возможностей. Самый настоящий кот в мешке. О нем было известно лишь одно — этот демон вмешивается в судьбу, является каждому, кого ждет судьбоносное явление. И предстает в облике того, кто уже сыграл в твоей судьбе важнейшую роль. Сначала парки проявляет мелкие пакости, «шалит», может что-то отобрать, либо что-то поджечь, либо иная дрянь в том же духе. А потом, представая каким-либо особенно важным в твоей жизни объектом, поглощал твою душу, после чего продолжал странствовать в поисках новой жертвы.

Иво на секунду отвлекся — его прервала унижительная насмешка Фарбула.

— Звучит, как обычная тварь. В чем опасность то, брат? Демон как демон, любая иная сволочь — возьми да изгони его, как оно появится.

Гордолин не успел возмутиться — Иво отреагировал впервые.

— А ты его в одного и не изгонишь, — фыркнул Иво. — Практически невозможно.

— Отчего это так? — восклицал Фарбул, после чего встал, выпрямился, потянулся руками с последующим хрустом спиной и принялся расхаживать по комнате, нарезая круги, словно акула, нашедшая свою жертву.

Иво отклонил взгляд, поморщился. После нахмурился и посмотрел на них.

— Если перед тобой появится дочка, жадно молящая об объятиях, потому что ей страшно — сможешь вонзить в нее свой клинок?

Фарбул тихо выругался.

— Не я профессиональный охотник на демонов. Я не смогу.

— И я бы не смог. Это человеческое, Фарб. Даже если знаешь, что этот человек не может быть здесь, или если знаешь, что он уже умер — все равно рука дрогнет.

— Иво, — Гордолин прервал свое молчание жестким железным по звонкости голосом, после обращения еще и откашлялся, — если он действует так, то просто изгнанием должны заниматься несколько людей?

— Во-во! Генерал дело говорит! — Фарбул прекратил бессмысленно ходить из угла в угол и уставился на Иво, всячески провокационно жестикулируя.

— Да. Однако второй, что будет приманкой, слишком рискует. Его видит только тот, перед кем он предстает, для прочих его тело невидимо. Это слишком опасно. Да и ладно, если бы эта была единственная проблема. Куда важнее, что демон судьбы предстает лишь перед тем, кому судьба уготовила злую шутку, кто стоит перед судьбоносным решением, жизненной развилкой. А такой человек — далеко не каждый. И даже если такой человек и

есть среди нас, сам он не подозревает об уготовленном ему. Понимаешь?

Фарбул прекратил обезьянничать — уселся поближе к своей кружке с пивом.

— Понимаю.

— Изгнания никогда не были безопасными, — успокаивающе молвил Гордолин.

— Для подготовленного гибрида, то есть для меня, были. Но не для человека, что физически не может противостоять ему. И я повторюсь — если бы проблема была только в этом.

Под конец фразы Иво почувствовал подступающую к горлу рвоту. Затем головную боль, такую едкую и резкую. В зрачках немного потемнело, а сам он едва видимо пошатнулся. Он не чувствовал этого привкуса во рту, но всем телом ощущал некую дрянь, просто мозгу было проще всего воссоздать источником полость рта. После всего пагубного настало чувство голода. Разумеется, не человеческого, и, разумеется, неутолимого. На миг он понял, что потерял рассудок и хотел отбросить все, чем занимался, лишь бы утолить это отвратительное чувство. Но пока была не критическая точка. Лишь благодаря Ордовику.

— С тобой что-то стряслось? — Гордолин слегка наклонился всем телом вперед и протянул руку — он заметил, что изгнанника на секунду как током ударило.

— Приболел.

Иво отвечал невозмутимо.

— Ну так если приболел, — Фарбул резко вскочил и заплясал своим фирменным танцем — ногами отбивая в пол, отскакивая, как заяц, и разводя руками по сторонам, — сейчас вылечим! Водка с перцем лечит любую дрянь — я тебе зуб даю. А как видишь...

— Все зубы твои целые! — рыкнул генерал.

Первое время Фарб все еще пританцовывал, но со временем запал угас, и он присел. И смачно выпил всю кружку пива, с мощнейшей отрыжкой в конце.

— Ай, балаболить можно долго, Иво. Как эту тварь урыть? Только скажи, что нам сделать — риски, пiski — срать и чхать. Если надо — будем драть! Хотя... демона драть не особо хочется. Но ради друга готов! Чесс-слово!

Генерал с изгнанником залились наивным и глупым смехом. Именно из-за этого Фарбула все и любили — из-за детской наивности, где-то прямоты, а где-то максимальной несерьезности. И хотя эти качества, наверное, не присущи могучему воину страны, но именно они и делали его тем самым могучим воином.

— Ладно, — вытирая подоспевшие от смеха слезы, Гордолин хлопнул ладонью по колену, — шутить можно много, и это хорошо, что вы шутите в любой ситуации. Однако положение вещей надобно менять. Есть идеи, Иво?

Воцарилась тишина. Изгнанник встал. Какое-то время он бродил по комнате, тер появившуюся в странствиях небрежную мужскую щетину, такую любимую многими женщинами. Краем глаза он окинул свой клинок, ждущий своего звездного часа в потрепанных кожаных ножнах. Меч схватил, достал, прокрутил. Пока крутил им, вспомнил о Фаэдре, что таилась внутри и пылала, жаждала души. Хоть и мысль о таком могущественном оружии радовала, цена за его использование заставляла спотыкаться и громко сглатывать.

— Я здесь не единственный изгнанник. Есть еще один. Мы с ним постараемся выследить парки. И изгнать, — Иво взмахнул мечом, со свистом, что соловей спел.

Фарбул наигранно и показательно поменялся в лице: лицо напряг, брови нахмурил, сделал вид, что блюет.

— Вот те на... Еще одно отродье пожаловало.

— Фарбул!

Гордолин вновь яростно рыкнул. Иво не отвечал.

— Ему можно доверять? — видно было, как генерал напрягся. Конечно он не был согласен с единым мнением живых касательно изгнанников. Он сам с юных лет растил такого, воспитывал и видел, что тот ничем не является грозным отродьем, как все его кличут. Однако некоторые опасения все равно находились в его голове.

— Абсолютно.

— Отлично, тогда я...

— Иво, а ты кого больше любишь, — перебил резко Гордолина Фарбул. Как всегда, сделал это провокационно, — меня, своего лучшего друга, истинного брата, любимца всех красивых и... чего греха таить, не очень, женщин, или его — всего лишь упыря, как и ты?

— Фарбул... — прошептал Иво. В зале послышалось, как Гордолин не выдержал и всыпал хлесткого отцовского подзатыльника бородатому. Второй сразу же отступил.

— Балда ты. Не о том думаешь.

— Да я всего лишь пошутил! Между прочим, генерал, свое время мог бы тратить на более приятные вещи, нежели размусоливание, как мы какую-то там неведомую нечисть выкуривать будем. Не хорошо как-то выходит.

— Размусоливать-то уже и нечего, — Иво провел взглядом по всему лезвию своего меча, затем сложил в ножны с отчетливым откликом, когда гарда стукнулась о препятствие, — да и не обсуждали мы ничего толком. Я просто должен был вас предупредить.

— Что ты и сделал! Молодец! А теперь как, Иво, в трактир?

Изгнанник отступил, улыбаясь.

— Нет, брат. Позже.

— Как ж нет-то! Ты мне вообще-то собузыка торчишь! Забыл уже?

— Нет.

Больше Иво ничего не сказал. Сперва Фарбул хотел оспорить, но по итогу вспомнил, что спорить с изгнанником всегда было бессмысленно.

— Ладно, черт с тобой. Вы как, генерал, может хоть вы компанию составите?

Гордолин сперва тяжело выдохнул, всем видом указывая, насколько он порой терпеть не может подобное детское похабное поведение своего воина. Но затем также вспомнил, что он — просто такой человек, и встретил его отцовской улыбкой.

— Нет. Но спасибо за предупреждение.

— Ну и хер с вами. Вы только на моей могиле меня поддержите, и то я не уверен. Пойду к парням, хоть они меня поддержат, я надеюсь.

Фарбул попрощался с товарищами и вмиг устремился из зала. Видать, так соскучился по трактирам, что даже звук закрывающейся двери из ратуши прозвенел по всему зданию. Гордолин задумался о чем-то — тер свою бороду и иногда грыз фалангу большого пальца, дышал тяжело. Иво посмотрел в зеркало, подумал, что может заметить Ордовика, выжидающего его. Но старика-изгнанника не обнаружилось.

* * * * *

— Выглядишь замученным.

Изгнанник уселся напротив генерала. Сразу и не расслышал сказанного.

— Разве? Думал, вполне естественный вид.

— Для того, кто охотится на бессмертных и каждый день рискует собственной шкурой?

Вполне.

Гордолин усмехнулся, затем, до этого находящийся в достаточно скованной и напряженной позе, уселся намного удобнее, распластавшись всей массой своего тела и отбросив руки по бокам.

— Давненько мы с тобой вот так не сидели, — Гордолин прервал тишину, — когда был последний раз? Пару лет назад?

— Что-то около того.

Гордолин чавкал скопившейся в полости рта слюной, но смотрел с особым пристрастием на изгнанника. В его взгляде прослеживалась та незаметная, но искренняя мужская любовь и привязанность. В первую очередь, к сыну, а потом уже к человеку.

— Так чего же ты ждешь? Рассказывай!

— Что рассказывать? — Иво скривил губы в улыбку. Получилось не очень.

— Как что — все. Хочешь сказать, за годы с тобой ничего не приключилось? Да ни за что не поверю, что у тебя все было спокойно и тихо, Иво.

— Да с чего бы?! — бауманец усмехнулся.

Гордолин перед тем, как сказать, показательно прокашлялся и указал пальцем на бауманца.

— Как минимум с того, что мечник, что никогда не снимает свой черный плащ, сидит предо мной в разукрашенной пестрой свитке. Ты демонов решил теперь радовать красивыми одеяниями? Или со свадьбы сбежал какой? — медведь засмеялся с последующим рычащим вздохом.

Иво склонил голову и выдал нелепую улыбку.

— Старые вещи изорвались. Пришлось надеть то, что было.

— Ай, всякое бывает. Я вон тоже, — Гордолин приподнял надетый на себя гамбезон, свежий и чистый, — старый куртец так износил, что там теперь только мышцы могут жить. Пришлось вот заменить его, хотя тот я любил ой как сильно. Был удобный, красивый, в нем и в бой, и на парад, и на свадьбу — универсальная этакая штука была.

— Да, я помню его, — Иво поерничал на стуле, — и помню его уже лет так десять. Хочешь-не хочешь, а за десять лет любая вещь изнашивается.

— Это да. Правда жизни.

Они замолчали. В их молчании было что-то загадочное, неясное. Как будто они все равно общались, но ментально — понимали друг друга и без слов. Лишь взглядами иногда пересекались. И хоть сидели молча, Иво всегда понимал, когда Гордолин собирается что-то сказать — бауманский медведь всегда глубоко и громко вдыхал воздуха полную грудь перед любой фразой. Так и сейчас вдохнул.

— Я слышал новости с Вельдхейма.

Изгнанник напряг мышцы лица, ответить не успел.

— Знаю. Знаю, что не ты. Ты бы не смог.

Сразу же за напряжением пришло расслабление.

— Спасибо.

— За что? — Гордолин слегка наклонился вперед, по-отцовски улыбнулся.

— За доверие.

— Брось. Я слишком хорошо тебя знаю. Знаю, что ты ни за что не пошел бы против людей.

Генерал Баумани нехотя, но встал с нагретого уже места, сначала «размял все кости»

— с возрастом приобрелась такая необходимость, после подсел рядом с Иво. Присел поближе, так, чтобы плечи едва касались друг друга. Он склонил голову, затем вновь вдохнул грудью и устремил медвежий взгляд в окно. Там что-то происходило, мелькало, как будто он смотрел на животных, запертых в вольере. И видя жизнь за окном, невольно выдавал довольную гримасу.

— Вас, изгнанников, кличут отродьями и монстрами. Не видят разницы между вами и демонами. А я считаю, что зря.

Он приобнял бауманца. Тот усмехнулся в ответ.

— Я бы на твоём месте так не думал. За великой силой приходит великая ответственность. И эту ответственность мало кто хочет нести.

— А что, с людьми все иначе?

Иво промолчал. Хотя Гордолин прекрасно понимал, что в этом молчании и кроется его ответ.

— За властью и возможностью всегда стоит грех. Возьми любое живое создание. Крестьянин властен над скотиной, и, только этот крестьянин возжелает — скотина сдохнет сразу. Графы и прочая голубая кровь властны над крестьянами, и стоит им захотеть, как головы простого люда полетят в выгребные ямы, а тела их обогрятся шрамами от розгов и кнутов. Короли же властны над всеми. Кто-то — пешки, кто-то — ладьи. Кто-то — королева. Но власть имеется над всеми. И любое пожелание, любой каприз будут исполнены.

Гордолин оглянулся назад, там стоял столик, на котором было много разных предметов. Но среди всякого хлама безделушек и не только искал генерал именно тот заветный кубок меду, причем Люстерского, считавшегося лучшим на всем континенте. И он нашел его — кубок хорошенько прикрывался корзиной с какими-то то ли военными, то ли административными документами. Быстро дотянувшись до него, светловолосый смачно отпил, да так, что по усам стекать начало. Без замедления он подал кружку изгнаннику. Тот выпил также, словно подражая своему, хоть и не настоящему, но отцу. Гордолин засмеялся, забирая кружку обратно в свои крепкие мужские руки.

— Все властны над жизнью кого-то, сын. Разница лишь в том, что ты властен над судьбой. Мы решаем, жить ли человек, вы же решаете, жить ли этой душе в принципе. Конечно, разница колоссальная, если смотреть на мир свысока. Но здесь, в моменте, какая разница? Что так тебя нет, что так. Я считаю, разницы никакой.

— Ты наивен, Гордолин, — Иво легко смеялся, — убей человека, животное или другого представителя разумной расы — он переродится. Изгони его же и на одно живое создание будет меньше.

Гордолин похлопал Иво по спине.

— Да, ты прав. Однако это и называется — смотреть на мир свысока, глобально. А в моменте все одинаково. Да и к черту это все, такие вопросы не для нас. Этим пусть занимаются философы, а не простой люд. Будь я при дворе либо при огороде — я всегда буду считать себя обычным пахарем...

— Как и я, — дополнял Иво, и слова его звучали тепло. Они отогревали именно душу старика-генерала.

— Ну так конечно — кто ж тебя вырастил-то!

Комната озарилась искренним громким смехом, таким «неопрятным» и небрежно мужским, моментами с прихрюкиванием.

— Вот с тобой всегда так — начнешь за одно, закончишь вообще за другое, — говорил

Иво, как будто обижался, под конец отобрав кружку с выпивкой и сделав громкий глоток, словно он что-то с трудом проглатывает.

— Не соглашусь. Здесь же все пересекается. Кто-то должен успокаивать твой разум. Что до новостей про черного изгнанника...

— Меня не напрягает. Ни капли.

Гордолин облегченно посмотрел изгнаннику в глаза, морща все свое лицо.

— Если так, то это только радует. Хоть и слава твоя далеко не светлая. Знаешь, мне постоянно снились кошмары, раньше не так часто, а сейчас — постоянно. В них мы идем вместе, даже не знаю куда. Ты, как обычно, идешь, а руку на рукояти меча держишь, всегда готовый к бою. И на протяжении всего сна мы куда-то идем и лишь изредка перекидываемся словами. А под конец я остаюсь один — ты куда-то испаряешься, прям вмиг, даже не успеваю понять когда. Я оборачиваюсь, а вокруг пустота. Оборачиваюсь вновь, а передо мной ты стоишь, только уже не живой. Глаза — пустышки. Как будто... Ох, прости за такие слова, но как будто ты был изгнан. Я не знаю, как это выглядит, как это происходит, но подобные ощущения, что я потеряю не только тебя, а еще и твою душу — они пугали, Иво. Да и пугают. Признаться честно, наши с тобой огромные разлуки тяжело переносятся.

Изгнанник, после услышанного, сразу подметил, что подобные откровения были несвойственны Бауманскому генералу. Он отвернулся и напряженно выдохнул, тихо, через нос. Специально, чтобы Гордолин не заметил. Мысли о демоне не давали ему покоя, не позволяли «размякнуть» и показать истинных переживаний, выдать ту благодарность за любовь и оценить то, насколько его отец беспокоится. Поэтому он сделал это так тихо, незаметно. Не хотел раскисать и поддаваться чувствам, не хотел просить прощение за все переживания, что он доставил. Не хотел делать то, что помешало бы ему изгнать тварь, угрожающую городу.

— Мне тоже тяжело. Я каждый день надеюсь, что когда-нибудь все это кончится, и мы будем жить как простые люди. Соседние домики, общий огород, общее дело какое-то. Очень на это надеюсь. Но можешь не переживать, я никуда не испарюсь, даю слово. А что до слухов — мне не привыкать к происходящему. В таком мире живем, — изгнанник все же смог притянуть уголки рта ввысь, сформировав не очень красивую, но все же улыбку.

— Твоя правда, — медведь фыркнул, кивнул головой. — Что там произошло?

— Там?

Иво задумался, вспомнил каждый момент того вечера — и таверну, и взбучку рабочих, и Медного короля Молота, и... прекрасно помнил его чудного сына, мечтающего о приключениях на свою голову. Куда больше он помнил ту проклятую встречу с неизвестным изгнанником, прозвище которому в изгнаннических кругах «Чарующий лик». Помнил каждую секунду, проведенную рядом с ним, помнил каждое сказанное им слово. Но это со временем он забудет, так устроен мозг. Зато никогда не забудет, что тот пытался сделать с его женщиной. Не позволит себе забыть. И покуда он помнит это, каждый треклятый день будет сам себе давать обещание, что найдет уroda и отомстит. И за Инелу, и за происшествие в городе.

Пока все вспоминал, не заметил, как случайно обратил глаза черным пламенем, и меч в ножнах также воссиял изгнаннической аурой. Обратил на это внимание лишь тогда, когда Гордолин начал трясти его тело руками.

Бауманец резко пришел в себя, правда, какое-то время еще бил себя ладонями по лицу.

— Иво?

— Ничего страшного. Просто задумался. Ничего. Ничего.

Последствия использования живого оружия — непроизвольное проявление изгнаннических способностей. Такое явление Иво впервые на себе испытал, и о подобном слышал лишь из слухов и баек, которые рассказывали собратья-изгнанники на большаке. Как оказалось, байки были правдой. И это немного напрягало.

— В тот вечер, — Иво быстро переключился на общение, чтобы вновь не погружаться в негативные мысли и не проверять самого себя на стойкость, — я искал демона. Очень сильного демона. Он объявился в наших кругах, и именно он — причина происходящей резко появившейся эпидемии. Шел по слухам, набрел на Вельдхейм. Демона не нашел, зато нашел изгнанника...

— И что он?

Гордолин не захотел лишний раз напрягать Иво — поверил на слово, также переключился на тему разговора без задних мыслей. Хотя взглядом выдавал обеспокоенность и заинтересованность тем, что только что увидел.

— Он... Он тот, кто стоит за новостями обо мне. Тот, кто изгнал врачей. Тот, кто хотел изгнать меня. Тот, кто схватил Инелу и...

Иво вновь был на грани, Гордолин это заметил. Он резко схватил сына за руку — помогло, разум изгнанника моментально очистился.

— Не дополняй. Я догадываюсь.

— И к лучшему. Этот персонаж — темная лошадка среди нас всех. Даже сообщество изгнанников до конца ничего о нем не знает. Знают только, что он могуч, но что он из себя представляет и какие цели преследует — тайна. Есть лишь одно, что я могу тебе сказать, и это будет важно тебе знать.

— Что же? — свою руку Гордолин не убирал.

— В нашем с ним диалоге он все время твердил о том, что мы с ним похожи. Но среди бреда, что он нес, особенно он заострил внимание на том, что я — помощник Баумании, а он — Стезиса.

К сказанному сначала Гордолин отнесся скептически. В это время, чтобы кто-то пользовался услугами изгнанников — тех, кого сами народы и истребили, было слишком рискованно. И к правителям этот риск утраивался. Но потом резко вспомнил, что Баумании это не мешало — подумал, что такой же расклад событий может быть и у Стезийцев — главных политических и экономических конкурентов. Потом вновь сменил свое мнение, ведь Баумания приобрела Иво в качестве изгнанника лишь благодаря тому, что Гордолин оставил его в качестве приемного сына, и потом вновь поверил в сказанное изгнанником, так как вспомнил, что нашел Иво в стезийском городе.

— Как думаешь, врет? — голос медведя слегка дрожал.

— В этом и проблема, что не думаю. По объективным причинам.

Они встретились взглядами. Видать, не один Гордолин только что провел мысленную цепочку.

— А считаю, что тебе важно это знать, — продолжал Иво, — потому что Инела мне рассказала о назревающем конфликте между двумя великими державами. Я не буду ничего утверждать, но...

— Зная военные методы стезийцев, при условии сражения, они могут прибегнуть к любым методам. Даже к вовлечению охотников на демонов, гибридов с паранормальными способностями, — продолжил мысль Гордолин. — И даже к изгнанию своего врага,

принимая на свою душу самые страшные из возможных грехи.

Иво лишь кивнул в ответ.

— Так тебе и это уже известно... — медведь тяжело вздохнул.

— Вскользь. Но да.

Светловолосый встал, аккуратно положил кубок с медом на край стола, затем подошел к зеркалу. Руки скрестил, посмотрел, что происходит снаружи. А снаружи все также бурлила жизнь: хоть и была ночь, мужики бурно веселились, вдали Гордолин даже видел возлюбленную парочку, которая, скорее всего, искала удобный сеновал, лишь бы уединиться от лишних глаз и ушей. Он видел, как жили люди. И жили в мирное время. Освежая память и осознавая, как могут обстоять дела дальше, как бы не хотел, но понимал, что подобная мирская жизнь может закончиться одним лишь решением той или иной стороны. И это безумно пугало.

— Я считаю, что во избежание конфликта, можно и уступить те или иные территории. Даже если они даруют чертовское могущество.

— Я такого же мнения. Умирать не хочется никому. Но также я могу понять Его Высочество Креона. Если Баумания сдаст лидирующие позиции, то, рано или поздно, Стезис все равно придет с войной. Они всегда были завоевателями по натуре, это лишь вопрос времени.

— И также вопрос правителя. Ты не думал, что следующий их владыка будет миротворцем?

— Я не думал. Я не верю в это. Я был недавно в Кораллейке — город прекрасный. Сделан для народа, везде все пестрит и порхает. Миротворчество для народа, отец — такие у них правила. Как бы я не любил Люстер, как бы не считал его родиной, родным городом и местом, где я — это я, нельзя отменять того факта, что нищета этот город съедает. Как и эту страну. У них, в Стезисе, немного иначе.

Гордолин озадачено вертел головой. Хоть он и генерал всей могучей армии Баумании, как человек он соглашался со словами сына.

— Но есть другая сторона этой картины, — дополнял Иво, — они — лишь внутренние миротворцы. Но никак не внешние. Только появится момент, и они сожгут все дотла, но заберут себе любой сожженный кусок, чтобы сделать там свой внутренний мир. В случае Баумании же мы никогда не сунемся на чужие земли, никогда не принесем хаос и разрушение, зато внутри своей страны не можем отчего-то этот хаос искоренить.

— Политика — вещь сложная, Иво.

— Политики сложные, отец. Не политика.

Иво тоже подошел к окну. Также скрестил руки и тоже устремил взгляд на происходящее за окном. Если Гордолин смотрел и переживал за грядущее, Иво радовался за настоящее.

Он всегда мечтал о простой и спокойной жизни где-то вдали от людей, от шума. Мечтал о том, что, наверное, никогда не сбудется. И когда видел ту простую жизнь, всегда радовался и улыбался.

— А жизнь прекрасная. И мы с тобой должны ее оберегать. Ты по-своему, и я по-своему. Но оберегать их жизни мы обязаны.

Гордолин не задумываясь ответил.

— Именно так.

V. Клубки судьбы IV

— Держи.

Ордо протянул очередной флакон с душой. Иво старался спокойно откупорить его, однако получилось, как всегда: жадно «сгрыз» верхушку, представляющую из себя обычную пробку, отплюнул ее в неизвестном направлении с такой силой, что воздух посвистывал, затем жадно поглотил содержимое.

Ордовик все время тихонько похихикивал, хотя тем самым скрывал истинный ужас и страх — в юном, в сравнении с собой, конечно же, изгнаннике, сейчас он видел самого себя в молодости, в то время, когда не сдержался и стал изгонять живых.

Но то было очень давно.

Прошло некоторое время, после которого черный изгнанник выровнял дыхание, успокоил рассудок, вернул нормальный темп сердцебиению. Его глубокий вдох-выход ознаменовал возвращение к нормальному состоянию.

— Я рад, что ты сам понимаешь, когда тебя начинает накрывать. Я вот так не мог, — цокал Ордовик.

— Сомневаюсь, что был человек, способный ухаживать за тобой так, как ты за мной.

Ордо не оспорил.

— Не было такого. Ты прав.

Они стояли в каком-то переулке. Кромешная тьма сейчас была лучшим спутником, но только здесь, в забытых богом улочках. Центр Тайныра все равно не засыпал ни на секунду. И это мешало «работать».

Изгнанники выслеживали демона судьбы. Хотя, правдивее было бы сказать, бились в попытках выследить его.

Еще не было случая, когда охотники на бессмертную нечисть смогли бы изгнать такого представителя низших демонов как парки. Отменный вид, ничего не скажешь. Такой, кого не выследишь, кого просто так не найдешь. Самая настоящая заноза в заднице, принимающая уникальные обличие и поведение для каждой новой своей жертвы. А жертв могло бы несколько.

Иво пытался учуять ауру демона. Он хорошо знал эту ауру: темную, отвратительную; такую ауру, способную ужаснуть, окутать целиком и полностью, так, что ты не сможешь сдвинуться с места. Если бы каждый представитель живой и разумной расы обладал этим шестым чувством, чувством окружающих аур, они бы давно уже сошли с ума. Потому что это ощущение не передашь простыми словами. Аура любого демона была олицетворением смерти и отчаяния. словно ты смотришь на ту самую барышню с косой, жаждущую отнять у тебя жизнь. Только ощущение это было десятикратно хуже. Далее уже все зависело от демона, чью ауру ты ощущаешь. Чем страшнее и властнее отродье, тем больше этот ужас окутывал тебя, заставлял дрожать и «падать ниц», дабы не сблизиться с ней.

Черный изгнанник привык к этому чувству. И, наверное, он был единственным, кто хладнокровно и спокойно относился к исходящему от аур ужасу. Лишь только, потому что это было примитивной привычкой. Второй причиной было то, что он во всем мире был единственным живым, кто чувствовал это.

* * * * *

Без плаща было неудобно. словно у Иво руки отобрали.

Конечно, свитка была красивой, праздничной и нарядной. Она как-то разбавляла этот черный мрачный образ, такой привычный и родной для бауманца. Но тем самым она и «мешала ему», заставляла чувствовать себя «не в своей тарелке».

Изгнанники не проходили улицы — они их «переплывали»: плавно перетекали из

одного места в другое, с должной незаметностью и скрытностью.

— Как оно? — умиротворенно спрашивал старик. Давно такого не было, но позабытое временем «Чудовище из Анаретты» словно вспомнило молодость — такого вовлечения в охоту старик Ордо не испытывал давно.

Иво радовался этому — с одной стороны. С другой — корил себя, что заставлял старика вернуться к тому, отчего тот с таким трудом отказался.

— Никак. Ничего не чувствую. Настолько ничего, что противно.

— Вот плешивая... — ругался тихо Ордо.

Он остановился, задумался. Впервые Иво видел, как на висках мудрейшего изгнанника выступили вены.

— Давай подумаем еще раз: Это точно парки, иные представители демонической расы ни по одному пункту не подходят. Из того, что нам известно о демоне судьбы: первое, — Ордо загибал пальцы, перечисляя, — он не имеет своего родного облика, постоянно принимая чужой, близкий и знакомый для жертвы, делая ту психически уязвимой. Второе, он изгоняет, если так можно сказать, «тихо», чтобы никто этого не заметил. Третье...

Ордовик словно язык прикусил. Не смог продолжить.

— Нет третьего, Ордо. И второе это следствие, вытекающее из твоего «первого». Все что мы знаем об этой твари, за исключением, что она является как вестница судьбоносных решений, для того, чтобы изменить судьбы, так это только то, что она предстает в чужом образе.

— Нет-нет! — предводитель ордена изгнанников бурно воскликнул, — Парки, перед тем, как изгнать жертву, творит пакости и шалости...

— Я это впервые от тебя услышал, а прочие изгнанники никогда о таком не говорили. Ты уверен в своем суждении?

Стоило Иво перебить Ордовика, как тот всерьез задумался о своих словах. И, видимо, он был чертовски недоволен, что его мысли и слова не сходятся с истиной. Чудовище из Анаретты скалилось до отвратительного скрипа зубами.

— Тогда я вообще без понятия, что с ним делать. Если даже ты, единственный способный почувствовать ауру любой твари, не можешь ее отыскать!

Ордо «вскипел», не выдержал и треснул кулаком по стене какого-то кирпичного дома. Приложил нормально — сразу и не заметил, как разбил кулак, подобно яйцу. Фаланги обагрились кровью. Изгнанник попробовал ее привкус — лакнул краем языка.

— Кровь... Давно я ее не проливал, — как будто счастливый ребенок сейчас говорил, резко сменивший старого изгнанника. — Прости меня, Иво. Просто я... Я давно не испытывал этого чувства. Очень давно.

— Про какое чувство ты говоришь? — Иво слегка склонил голову, выражая что-то по типу сочувствия. Правда, он сам не понимал, чему сочувствовать — просто ему казалось, что так нужно.

— Чувство, что я обязан спасти этих людей. Чувство, что я — изгнанник — отвратительный и ужасный монстр в глазах окружения, не имею права на ошибку и должен любой ценой сохранить мир.

Он прекратил вещать. Прекратил, чтобы коснуться пальцем кровавой фаланги и вновь вкусить ее языком. Как только он почувствовал этот кислый привкус, глаза старик уронил к земле, а уголки рта раздвинулись, стремясь ввысь.

— Чувство, что я кому-то нужен. Не тебе, Иво. Не кому-то из изгнанников. А живому

человеку. Даже масштабнее — стране. Целой стране. Чувство, что я нужен этой стране, нужен ей, чтобы сохранить мир и порядок. Ты испытываешь это чувство?

Иво подошел поближе. Он облокотился на стену, которую Ордо чуть не разгромил, руки скрестил и взглянул на звездное ночное небо.

— Наверное, да. От нас отказались, и отказались уже очень давно. Но отказ не значит, что в нас не нуждаются. Отказ означает страх, простой страх, из-за которого почти все проблемы этого мира. Да, Ордо, я испытываю это чувство постоянно. И как только перестану его испытывать, я сразу же воплощу свою мечту, а ты узнаешь об этом первый.

— Мечту? — усмехался старик, — Ту самую, о которой ты постоянно гредишь и мнишь? О спокойной жизни?

— Именно она.

Иво обнажил меч, показал его Ордовику. Состояние лезвия было удручающим, однако это был все тот же меч из черного титана, покрытый рунами, значения которых не было известно никому, кроме самого владельца меча.

— Сейчас в моих руках меч. Меч хоть и служит способом защиты, но он все равно был создан, чтобы что-то отнимать. Причины разные, но путь один. Меч — отнимает. Но когда-нибудь я сложу его в самый дальний шкаф, запиру на самый сложный замок и забуду о нем, как о страшном сне.

— И что придет на смену?

Иво звонко «пшикнул», всем своим голосом.

— Трость. Книга. Череп какой-нибудь твари с необъятного переливающегося моря. Это не имеет значения. Я буду рад, даже если на смену мечу ничего не придет. Руки будут свободными. И чистыми.

Черный изгнанник обнял собрата по цеху.

— Но это, если и будет, то очень нескоро. А сейчас нам нужно сделать то, что обязаны. То, для чего были созданы.

Ордо не промолвил ни слова, зато плавно кивнул пару раз. Этим уже было все сказано.

Иво сунул меч обратно в ножны, затем взглянул на старика. Тот пришел в себя, вновь встретил бауманца выражением лица, как будто он стал филином, затем усмехнулся, отбросил все прочие мысли.

— Что-то упущено, Иво. И в этом упущенном таится ответ.

Иво почесал затылок.

— Хороший вопрос.

— И требуются такие же хорошие ответы. Давай по порядку, еще раз. Все, что известно — даже самое бредовое. В бреде обычно и таится сложная истина, как бы не было странно.

Рядом были ящики. Большие, в таких обычно перемещали тяжелые и крупные грузы между городами — торговое удобство, не более. Ордовик подпрыгнул и уселся на него, отстегнул меч, дабы тот не упирался в стенку ящика и не мешал свободной и удобной посадке. Он пересекся взглядом с Иво. Хотели одновременно что-то сказать, однако предводитель ордена уступил.

— Парки — демон судьбы. Предстает в облике, уже сыгравшем огромную роль в судьбе жертвы. И облик этот может быть как живого, так и уже покинувшего этот свет существа.

— Разве не только живого? Про обличье мертвых я впервые слышу, — Ордо всерьез удивился, что на секунду взбесило Иво.

Черный изгнанник прошипел и выругался.

— Я не пойму, как прийти к общему выводу, если все так разнится? Что это за тварь такая?

— Значит, — Чудовище из Анаретты сразу же подхватило, — давай исходить из общей информации. Вспомни все трактаты, гримуары, пособия, вспомню всю демонологию, все учения. Вспоминай, Иво. Вспоминай хоть что-нибудь, что может помочь. Мы не могли так грубо ошибиться.

Изгнанник погрузился в свои же мысли. Он был силен в теории, всю демонологию изучил еще будучи ребенком — хвала Гордолину, понимавшему, что от судьбы мальчика не упрячешь и рано или поздно он займется тем, для чего был рожден. Тем более, учитывая, что данную литературу уже не достанешь так просто — все профессиональные учения о демонах были либо сожжены, либо помещены в крупнейшую магическую библиотеку в Алантее, откуда никто ничего не может вынести. Такая же участь постигла и все учения анимансии — древнейшей науки, изучавшей души и все ее явления. Причиной такой запретности что демонологии, что анимансии, являлись те самые отвратительные всему миру гибриды живых и демонов.

В памяти предстал каждый переплет книг. Каждая страница. Каждая ночь, проведенная за чтением и изучением тайных знаний, оставленных предками. Черный изгнанник помнил каждый вид низшего демона. Самые популярные и часто встречающиеся: бес, марш, черт, имп. Помнил самые опасные виды: аванит, цербер, ифрит. Прекрасно помнил про суккубов и инкубов, что были чрезвычайно редкими представителями, застрявшими в Ассии. Помнил треклятых фамильяров, представляющих собой созданного хозяином демона-духа, которых вообще классифицировать едва возможно. Помнил про отвратнейших балузов, способных своей силой снести целую деревню с лица земли, помнил про крикс, самых, наверное, мерзких и противных демонов. И, конечно же, он помнил про тех самых демонов «парки». О тех, о ком во всей демонологии информации «с ноготок», и та ничем толком не поможет.

— Ничего, Ордо. Ничего такого, что я мог бы связать.

— Ай, чтоб тебя...

Ордовик склонил голову. Он был явно недоволен происходящим. Где-то в глубине души винил себя за всю ту беспомощность и жалость, в которой они оказались. Каким бы опытным Иво не был, не он был тем великим и небезызвестным Ордовиком, создателем и предводителем крупнейшего изгнаннического сообщества. Даже будучи профессионалом своего дела, Иво был моложе, не обладал таким опытом, каким обладал Ордо. И, если даже такой опытный старик-изгнанник не может повлиять на ситуацию, нет смысла винить кого-то, кроме себя.

— И все же, я не понимаю, Ордо. Я не поверю, что помимо внешности, парки умеет скрывать ауру. Ауру имеет любая душа, абсолютна. Ее невозможно замаскировать или, тем более, скрыть полностью. В это я ни за что не поверю.

— Ну-с, Иво, — Ордо спрыгнул с ящика, выглянул на широкую улицу, на которую они так и не вышли, — я не обладаю этим чудным шестым чувством. Да и, драть ее под хвост всем табором, эта бестия настолько неизвестна, что я уже ничему не удивлюсь!

— Можно сослаться на множественные физические характеристики. Но душа у всех одинаковая. Нет душ темнее или светлее — душа одна и та же. То же можно сказать и про ауру.

— А ты уверен в этом... суждении? В том, что все души одинаковы? — Ордо встретил Иво неуверенным взглядом, в котором отчетливо проглядывались сомнения в любом

утверждении об этом мире.

Иво же напротив — уверенно кивал.

— Это не мои доводы. Это подтвержденная информация, которую мне еще очень давно рассказали последние оставшиеся эльфские анимансеры.

Чудовище из Анаретты сплюнуло на землю.

— Хорошо иметь таких друзей в великом Златом лесу. Аж завидно. Однако, даже если и так, я уже не знаю, чему верить, а чему — нет. Может, мы все-таки ошиблись? Бог с ним, я поверю в то, что ауру скрыть невозможно, однако, если руководствоваться этой информацией, значит и демона здесь нет? Нет никакого парки? И все слухи оказались в действительности лишь слухами. А все проблемы исходят от людей?

— Не думаю, Ордо. Я... Тогда, в поле, когда ты меня впервые встретил, я видел не тебя. Я вообще не думаю, что ты там был изначально. Я видел человека. Старика. Старика, что сыграл огромную роль в моей судьбе. Я видел его своими глазами, отчетливо помню, как он стоял и смотрел на меня. Подобное может лишь парки.

— Тебя лихорадило, Иво. Все чувства смешались, ты не видел ту грань реальности и вымысла. Всего лишь привиделось — я встретил тебя тогда, и помню каждое твое движение вплоть до момента, пока не огрел тебя лопатой со всей силы и ты не рухнул мертвым грузом.

Иво насторожился.

— Те два дружинника — Гринго и Динли — они поведали, что приехали сюда лично, потому что юнец из этого города ворвался в королевский двор прямо в ноги Гордолину. Он был похож на пса скорее, чем на человека, все время хлюпал и рыдал, молвил о спасении, молвил, что демон его семью убил...

— Это тем более мимо. Мальчик был напуган и мог сказать что угодно, сам понимаешь. А что до демона, так сам понимаешь, что парки обретает обличие кого-то судьбоносного. Мальчишка не мог физически увидеть демона.

— А что, если парки обретает обличие лишь для того, кого изгоняет?

Ордовик фыркнул.

— Да, эта тварь — огромный секрет для всего изгнаннического общества. Но то, что он обретает чье-то обличие и не имеет своего исконного внешнего вида, чистейшей воды факт! Это единственное, о чем упоминается в любом источнике, будь то слухи, сказы или научные письма. Единственная и неоспоримая информация.

Иво все еще раздумывал о том, где и в чем они с Ордовиком ошиблись. И каждый раз, когда он приходил к какой-то версии, та сразу же разбивалась в пух и прах.

— Бабки эти еще, — Ордо плюнул дробью в сторону, видать, сильно был раздражен, — со своими хатками, лавками, шавками!

— Насколько я помню, ты им очень понравился. А они, смею предположить, тебе. Что сейчас-то не так? — Иво явно иронизировал.

— Да херню они несли. Нет, ну я слышал от некоторых изгнанников, что парки любят заниматься всяческими шалостями, но, если так подумать, то это ж ересь полная. Чушь да и только. Какая логика? Какой смысл? Он, прежде всего, демон, который стремится изгнать и поглотить живую душу. Если, в случае суккубов или инкубов, я могу понять бурное стремление утолить нескончаемую сексуальную тягу, мушто это их особенность как демонов похоти, они, трахаясь, восполняют силы и энергию, или какая-нибудь Лилит — тварь, смахивающая на суккуба, но пожирающая души исключительно новорожденных — такова ее специфика. А здесь, Иво, какая-то бесовщина. Не поверю я, что демон судьбы восполняет

силы с помощью шалостей и проказ.

— Уже не веришь?

Ордо вновь посмотрел этим взглядом филина. Иво аж вздрогнул.

— Уже не верю. Уже не могу ничему верить. Запутался, и чувствую, распутать этот сраный клубок судьбы мне поможет только фляга едкого дрянного пойла!

Иво сразу же вспомнил Фарбула, который сказал бы точь-в-точь также, без каких-либо изменений.

— А что генерал? — продолжал Ордо. — Он что-нибудь говорил дельное? Что-то, может быть, замечал, или еще что-то? Ну хоть что-то!

Черный изгнанник то ли посмеялся, то ли расстроился — ни Ордо, ни даже он сам этого не поняли. Но лицо его было не самым прекрасным.

— Вообще ничего.

— Ненавижу это все, — в этот раз Ордо явно расстроился, и это было настолько искренне, насколько это возможно.

Впрочем, в свою фразу он вкладывал столько же искренности.

И злился бы дальше. Дальше бы сидел и недоумевал от происходящего, дальше бы впивался клыками ненависти в самого себя, дальше бы изгрызал себя за то, что он — в действительности величайший, легендарный основатель ордена изгнанников не может выкурить какого-то низшего демона. Даже учитывая, что он давно не практиковался в охоте — все равно терзал бы.

Если бы не едкий пагубный запах, резко вдаривший по ноздрям. Он был отвратителен — на мгновенье Ордо показалось, что он вот-вот выблюет все, что съел на ужин, и все, что выпил. Он сразу же осмотрелся, и первым делом увидел Черного изгнанника, явно приметившего это зловонье тоже. Иво взвинулся, выгнул спину, словно кошка встала на дыбы, выскочил на улицу.

Ордо последовал за ним. Дым исходил откуда-то справа, с восточной стороны города.

Лишним словам изгнанники не отдавались — они перешли на бег, следуя уже по главной улице. Лишние мысли о догадках, домыслах и их личных ошибках испарились — оставалось лишь предчувствие. Пагубное, мерзкое, ужасающее. Самое настоящее шестое чувство, коим обладает каждый живой представитель. Предчувствие, что, если ты срочно не ринешься туда, произойдет беда; предчувствие, что на тебя смотрят, желают убить. Предчувствие, что где-то происходит что-то неладное. Предчувствие, что именно там, где сейчас горит и горит явно неспроста, таятся все ответы на их многочисленные вопросы.

Интуиция?

Возможно. Кто-то зовет это шестое чувство именно так. Но называть те или иные вещи можно всегда по-разному — суть их не меняется.

Дым усиливался, а вот видимость и чистый воздух наоборот — с каждым метром их становилось все меньше и меньше. Перед ними показался деревянный барак — здание уже вовсю пылало ярким пламенем, и процесс этот было не под силу остановить. Вокруг была суматоха, крики, оры, плачь, истязающий самую глубину души. В дыму было плохо видно, что именно происходит, однако образы и силуэты людей постоянно метались из стороны в сторону.

Первым в эту гущу ворвался Иво — ему было легче ориентироваться в слепой зоне благодаря его личному шестому чувству — умению чувствовать и ощущать чужие ауры. Их было много, и все, то ли к сожалению, то ли к счастью, человеческие. Но даже человеческие

ауры рознились.

Множество из них были светлые. Самые обычные, непримечательные, чистые и добрые, с оттенком светящейся белой ясности. А какие-то были чернее, смуглее — тоже человеческие, да только грязные и отвратные по сравнению с белыми ясными. Такие ауры представляли людей низкосортных, не имеющих нормы морали, чести. Типичные разбойники, бандиты, насильники, узурпаторы. Человеческие демоны во плоти, имеющие едва отличимый от белого смугло-красный оттенок аур.

И все эти ауры сплелись в один большой кокон. Все они схлестнулись, воссоединились, перемешались. Какие-то угасали — потеря смуглого едва видимого свечения ознаменовало смерть человека.

Иво ринулся вперед. Обнажил клинок, увидел приближающиеся две белые ауры и одну смугло-красную. Принял стойку, меч выставил горизонтально, обхватив рукоять двумя ладонями.

Изгнанник уже увидел двух девушек. Одна была на вид лет так шестнадцати, вторая — совсем малышка, годиков восемь от силы. Они также заметили изгнанника. В глазах просачивался испуг, недоверие, шестнадцатилетняя резко застопорилась, обхватила девочку двумя руками, пригнулась, прикрывая маленькую своим хрупким телом.

Сзади уже подбегал мужчина. В дыму было тяжело разглядеть все его отвратство, но даже так Иво увидел, что мочка его правого уха явно отгрызена, не отрезана — шрам слишком неровный, если бы был нанесен лезвием. Тело худощавое, костлявое, руки забиты какими-то некачественными наколками. Половины зубов так не было вовсе. Он бежал без задних мыслей. Словно бездумное зверье, обезумившее, жаждущее крови. В руке держал сабельку. Встретив девушек, резко замахнулся.

Но изгнанник был на порядок быстрее. Даже не применяя изгнаннической способности телепортации, он двумя широкими шагами, с должной скоростью, приблизился к мужчине на расстоянии полметра — тот этого даже не заметил. Его сабля уже летела, стремилась разрубить шестнадцатилетку пополам, однако Иво без особых усилий отбросил оружие ввысь, после чего вонзил лезвие меча из черного титана тому под ребра. Бандит скукожился, харкнул кровью прямо на пригнувшуюся девушку, затем заорал. Иво не жалел его, он прокрутил мечом, после чего, применяя всю имеющуюся у него грубую силу, распотрошил беднягу, разрубив его тело от одних ребер до других. Тело стремительное полетело прямиком на девиц, но изгнанник сразу же отбросил его в обратную сторону, и то рухнуло на землю, обагрив все вокруг густой кровью.

В этот момент подоспел и Ордо. Иво лишь краем глаза взглянул на него, и меч Чудовища из Анаретты уже тоже был весь заляпан густой красной массой, а сам старик с ужасом смотрел на изорванное тело бандита, убитого нечеловеческим образом.

Шестнадцатилетняя не поднимала головы — тихо рыдала и, наверное, уже давно поверила, что умерла. Иво приобнял ее, погладил по голове, прошептал на ухо: «все хорошо». Та подняла голову, изгнанник прижал ее к себе.

Он хотел расспросить ее, но понимал, что момент не самый подходящий.

— Торопись к генералу. Бегом!

Иво всем вниманием уставился на Ордовика, что тяжело дышал, протирает глаза, и явно испытывал трудности в нахождении в густом дыме из-за возраста.

— Лучше ты, — Ордо присел на колени, чтобы его товарищ мог лучше услышать сказанное. — Здесь я сам справлюсь.

— Я лучше ориентируюсь в слепом пространстве, Ордо. Я останусь здесь, а ты торопись к Гордолину. Прошу тебя, быстрее...

— Иво! — Ордо вскрикнул. — Ты удивителен и справишься с чем угодно. Однако в скорости тебя никому не превзойти. Торопись, ты будешь там за считанные мгновения, а я...

Ордо закашлял, слегка пошатнулся.

— А я сделаю то, что должен. То, что делал всегда и то, о чем я лишь недавно вспомнил.

В дыму было тяжело разглядеть чей-либо взгляд. Конечно, находясь с человеком достаточно близко, можно было развидеть его физические особенности, но не то, как этот человек смотрит на тебя и что он этим хочет сказать. Иво бы не понял, что пытается передать ему его наставник и друг по ремеслу, если бы не знал его хорошо.

Он был уверен, что Ордо искренне желает защитить. Он может много что сказать, но самого главного не скажет даже ему, зато выдаст это своим взглядом, каждой своей морщиной и каждым кусочком своей кожи, выстроившимся в нужное лицо.

Он желал быть нужным и полезным. Не Черному изгнаннику, а обычному человеку, дабы напомнить самому себе, что он — не отродье и не монстр, а защитник всех своих слабейших братьев и сестер.

Иво не ответил, но отступил и, скрывшись в дыму, обратил глаза черным пламенем.

* * * * *

Словно рысь, бежал быстрее, чем когда-либо, совмещая это с телепортацией.

Он был уже близок. Вдалеке видел ту самую ратушу, свет в которой, на удивление, не мерцал ни в одной из комнат. А удивительно это было, покуда, из-за напасти в городе, было шумно, и шумно так, что бауманский генерал — самое ответственное лицо этой страны, самый подготовленный и тот, что всегда наготове, должен был явно услышать, что что-то явно не так. А если бы и не услышал, явно был бы оповещен случайными прохожими.

Приближаясь к центральной площади около ратуши, Иво прекратил телепортироваться и продолжил движение простым человеческим, пускай и не таким быстрым и стремительным, шагом. Народу вокруг не было. Голову вскружили абсолютно разные мысли и эмоции: от испуга и удивления до моментальной паники и некой возмущенности, а причиной всему этому спектру была непонятная мертвая тишина там, где еще недавно было шумно.

Он остановился. Окинул все взглядом, обострил чутье аур вокруг. Первым делом проверил округу на наличие любого демона — того не оказалось. Это успокоило изгнанника, вновь вернуло к холодному и рассудительному состоянию, смело любую эмоцию, выраженную мимикой на его лице.

Дальше он ступил вперед. Аккуратным шагом. Ветер слегка поддувал, ставни домов рядом шелестели, дребезжали, а таблички, прибитые с мыслью «и так сойдет», воссоздавали самую отвратительную картину заброшенности и одиночества местности. Руку Иво держал на рукояти, был готов выхватить меч со свистом и снести любую угрозу за долю секунды. Хотя угроз никаких он и не наблюдал.

Простояв на площади, изгнанник устремился в центральное здание управления Тайныра. Дверь в ратушу была не заперта, приоткрыта.

Он заглянул в щель промеж дверей. Там была такая же тихая и мертвая картина, которую бауманец видел слишком часто, чтобы удивляться ей.

Шаг первый, с последующим осмотром каждой стороны в здание. Первым делом взглянул на залу: кружка с пивом лежит на своем месте, кресло, на котором сидел Гордолин,

своего положения не изменило, следов насилия или борьбы не было. Сделал второй шаг, закрыв за собой дверь. Слева была вторая комната — побольше, правда она была все время закрыта на огромный замок. Запертой и оставалась.

Перед лицом сразу встречала лестница. Там Иво ни разу не был, хотя и предполагал, что выше находились спальные комнаты. Начал аккуратно, как рысь, на цыпочках, подниматься, однако тихую походку нарушал противный скрип дерева, выдававший местоположение изгнанника.

На половине пути, на лестнице, резко мотанул головой за спину, корпус довел чуть позже. За перегородкой следовал продольный по бокам коридор. Иво убедился в отсутствии опасности и, сначала слегка выдержав паузу, с наскоку перешел на бег, быстро оказавшись на втором этаже ратуши.

Быстрый поворот головы на девяносто градусов направо. Хотелось проверить каждую комнату, да побыстрее, с помощью телепортаций, однако, если вдруг кто-то заметит — проблем впоследствии не оберешься. Иво вновь усилил свое чутье аур, выискивая ту заветную, знакомую до боли с самого детства, чистую и, наверное, самую светлейшую на его памяти, ауру Гордолина.

Однако, что выбило из колеи, он ничего не почувствовал. Сердцебиение усиливалось, но изгнанник противостоял ненужному сейчас волнению. Противостоял так, как сам себя научил, благодаря извечным сражениям и похождениям по лезвию ножа. А метод был прост: он отбрасывал все свойственное ему человеческое, выжимая на максимум все циничное, безразличное и хладнокровное, что только таилось в закромах его души. Отбрасывал всю память о близких, о любви, дружбе, веселье и радости. В такие моменты от жертвовал всем, надевая жестокую маску убийцы и грешника. Порой даже, чтобы огрубеть и очерстветь, представлял, как с особым пристрастием убивает детей, грабит дома и совершает все то, что так ненавидит и презирает, стремится искоренить. Представлял, как он, с яркой улыбкой на лице, весь измазанный и излитый кровью, сражается один в поле против сотен, нет, тысяч демонов, отродий, приспешников темных сил. Да не важно было против кого он сражается, важнее было то, что в своих представлениях делал он это с улыбкой. Искренней улыбкой.

И как бы ему не нравился такой метод, лишь он ослабевал хватку всего спектра человеческих адекватных эмоций, их проявлений. Если бы не делал так, то давно бы кормил червей в выгребной братской яме.

Бушующее штормовое море, возникшее в разуме Черного изгнанника, вновь обернулось идеальной зеркальной морской гладью, истинным штилем. Не теряя времени, раз не смог обнаружить местонахождение генерала дистанционно, решил пойти старым способом — сделать все вручную.

Сначала пошел направо. Первая комната — ничего. Выглядела она не то чтобы просто, скорее, безвкусно. Кованая кровать с хорошо набитым матрасом и дорогими покрывалами, деревянные столы и стулья лакированные, шкаф из деревянного массива, но сам был не сильно большой. Люстр не было, все освещалось свечами, а те, в свою очередь, не были задействованы по назначению. Комната не была бедной, а действительно безвкусной. Да и в той никого не было. И ничьих вещей, к слову, в ней не было тоже.

Следом сразу же осмотрел вторую комнату. Такой же интерьер, такая же мрачная пустота. Такая же нетронутая посетителем каморка. Третья и четвертая комнаты были словно под копирку первым двум, во всех смыслах и соображениях. Иво с надеждой отворил дверь пятой, последней комнаты, но ничего уникального и наталкивающего там также не

обнаружил.

Он скривил лицо, показал весь гнев и всю злость, что скопилась. Положение вещей было таковым, что изгнаннику казалось, будто кто-то обводит его вокруг пальца, заигрывает с ним. Кто-то, подобный самому настоящему Богу, способный вертеть этим миром, как ему вздумается.

Напротив каждой двери гостиничной комнаты было окно. Не голое, а остекленное, уж на центральное здание денег власти не пожалели. Он выглянул в окно, что было напротив последнего, пятого помещения. На миг в глазах увидел радостную массу людей, что видел при разговоре с отцом, однако это было скорее теплое воспоминание, всплывшее, потому что сходились обстоятельства. Он лишь на мгновение увидел толпу, следом, проморгавшись, вновь встретился с пустотой и заброшенностью, такой напрягавшей его и бросавшей в омут недоумения.

Иво быстро ушел в левую часть коридора. Комнаты здесь ничем не отличались от уже осмотренных, за исключением того, что эти уже были заселены всем отрядом, прибывшим из Люстера. Первая была явно комнатка Динли — на столе красовался дневник с кучей записей, стол уже был заляпан чернилами. Динли увлекался писательством, писал какие-то небылицы, чаще — подобие стихов, а реже — баллады и поэмы. А еще у него горела свеча, правда та уже изживала себя, и скорее Иво видел лишь подсвечник с залитым в него воском и угасающим одиноким мерцающим огоньком где-то среди всей этой массы.

Вторая комната принадлежала Гринго. На кровати лежали ножны меча, они были визиткой бауманского воина. Выгравированные два орла, чьи клювы соединяются и переходят в волнистый орнамент его семейного герба, а все это украшено еще и позолотой.

Третья комната, по всем соображениям, была Ромлана. Иво не знал юнца лично, сам изгнанник его не застал, а познакомиться еще не успел. Но, учитывая, что из Люстерского отряда остались Гордолин, Фарбул и сам, собственно, Ромлан, а никаких отличительных знаков первых двух бауманцев в комнате не было, изгнанник делал вывод, что в комнате поселился юный бравый дружинник. Хотя, благодаря осмотру его ночлега, теперь Иво знал кое-что и о нем. А именно то, что Ромлан был исключительно верующим — далеко не каждый человек будет странствовать с иконой, которую он будет класть в каждое место своей ночевки, формируя свой личный переносной красный угол, свойственный каждой крестьянской хате.

Подходя к четвертой комнате, Иво уже обнажил меч, а походку сделал более тихой и пружинистой, так как оставалось лишь два помещения, не осмотренных им. Конечно, выше был еще этаж, однако его Иво даже не брал в расчет, покуда уже обнаружил места, где остановился отряд Гордолина. А, зная Гордолина, он бы не стал селиться где-то лично, не рядом со своими подчиненными.

Комнату Фарбула Иво узнал бы из тысячи. Свой личный бочонок с пивом, валявшийся явно женский халат под кроватью. Хоть Фарбул и был со специфическим мировоззрением, наблюдавшим радости жизни исключительно в хорошей выпивке и красивых (а порой даже и не очень) женщинах, но каждый раз, когда Иво сталкивался с его, как многие говорили, «наивностью и жизненной деградацией», он невольно улыбался и становился спокойнее. В этот раз исключения не было.

Прикрывая дверь, левым ухом, сам не понимая как, Иво услышал тихий хрип, даже скорее предсмертный. Это было также почти невозможно, как в непроглядном тумане, который можно черпать ложкой и есть, на расстоянии ста метров увидеть полный облик

зверя либо иного любого создания. Адреналин заставил обратить глаза, мгновенно телепортироваться за единственную отделяющую комнаты друг от друга стену. Как приземлился на ноги, сразу нанес удар.

Тварь была, на удивление, простейшей. Облик ее был смутным, размером с козу, с короткими рожками, грубой кожей, таким лицом, как будто оно человеческое, только разбито всмятку грубым плоским предметом.

Отродьем была Мара — низший демон, питающийся кошмарами людскими, эльфскими и прочих представителей разумных рас. Пожирал душу демон не сразу, сначала он изматывал жертву, заставлял видеть ее самые ужасные сны, которые только она могла себе представить. Еще из способностей Мары выделялось затуманивание рассудка жертвы — та могла не замечать банальных и простейших вещей, творившихся у нее под носом, а все события были, как в тумане.

Демон сидел сверху Гордолина, кривя руками у его носа. После нанесенного мощного и точного удара, он отпрыгнул на пол, взглянул растерянными глазенками на Иво, напугано затоптал ножками. Мара не был силен в бою, поэтому убивал жертву лишь тогда, когда та — спит, либо находится в уязвимом состоянии.

Гордолин еле дышал, все лицо было потным, мокрым, красным. Иво не был силен в медицине, однако даже он догадывался, что бауманский медведь попросту был лишен притока кислорода в легкие.

Изгнанник не церемонился — он отсек руку демона, да так быстро, что тварь обнаружила это не сразу. Кровь струей окрасила всю комнату, в частности и изгнанника с генералом. Мара завопила, постаралась скрыться — мелкая и уже однорукая, она промчалась между ног Иво и, как только могла, быстро бежала прочь по коридору, попутно оставляя густой кровавый след. Иво не догонял, склонив голову. Затем резко телепортировался, встретив демоницу туловищем, что та стукнулась о него и пошатнулась. Инстинкт самосохранения отродья заставлял ту просто бежать отсюда, спасти свою шкуру, Мара вообще ничего прочего не чувствовала и не ощущала. Бежать пыталась долго, пока не поняла, что тело ее валяется на полу, а отрубленные ноги потерялись где-то сзади. Ратушу пронизывал резкий утонченный писк, выражающий всю боль, что сейчас отродье испытывало. И тут она взглянула на него.

Нельзя сказать, что демоны не обладают разумом. Обладают, и еще каким. Высшие демоны умны, смекалисты, они умнее многих живых созданий. А у низших все работает, как у животных. Они — хищники, и чаще мыслят лишь о том, как уничтожить свою добычу. Когда не могут этого сделать — пытаются сбежать, чтобы сохранить свою жизнь, а когда понимают, что могут погибнуть — тоже боятся и дрожат от страха. Исключением были лишь суккубы и инкубы, которых приписывают к низшим демонам, однако те обладают идентичным живым созданиям разумом, их речью, и, более того, могут очаровывать своих жертв.

Но сейчас этот страх смерти был совсем иным. Необъяснимым. Демоница видела нечто. Черные глаза, надменно смотрящие на нее свысока, из-за которых она даже не могла пискнуть, дергающиеся губы, выдававшие все желание насладиться процессом изгнания и зрелищем, как демоница мучается. Этот взгляд был нечеловеческим, даже не изгнанническим. Он был настоящим дьявольским, самым страшным взглядом, существующим в мире, в любых измерениях. Взгляд, который эта жалкая демоница могла видеть лишь у себя в мире, в Геенне — чистилище, обители всех демонов, где те проводят

все свое время жизни.

Этот взгляд демоница запомнит, как самое ужасное, что она могла увидеть. Запомнит даже после смерти.

Иво резко дернул ведущей рукой, но не в сторону расчлененной, живой лишь благодаря своему бессмертию, Мары, а дернул где-то сзади. Послышалось хлюпанье, затем мертвая тишина. А затем что-то рухнуло, что-то не очень тяжелое. Это была такая Мара, такой же демон, с такой же внешностью. Их было двое, и тот второй, что уже был изгнан, следил за всей ратушей, затуманивая рассудок каждого входящего в нее.

Мигом, после изгнания второй демоницы, все стало ясно. Из комнат дружинников слышался шорох — никто и не отсутствовал, те лишь спали глубинным сном. Изгнанник осознавал, что времени у него не осталось — об его истинном облике из всех них знали лишь Гордолин и Фарбул.

Он не испытывал жалости, а напротив, чувствовал себя богом. Ему не требовалось представлять что-то ужасное в своей голове. Все это он сейчас воплощал и делал с особым пристрастием и особой любовью.

— Сгинь.

Хлесткий удар. Да, действительно. Этот взгляд демоница запомнит даже после своей неминуемой кончины.

VI. Клубки судьбы V

У крыльца ратуши сидело трое: Фарбул, как всегда — пьющий, только в этот раз, видимо, не от счастливой жизни, Иво, хладнокровно смотрящий вдаль, и Ордовик, копирующий взгляд Иво, хотя ему это было совершенно не свойственно.

— Поправится, Иво. Не переживай раньше времени. Ты его спас.

Фарб не был силен в утешении, однако все равно, что бы не делал, он мог вдохнуть в любого человека такие необходимые тому силы. Он крепко приобнял брата, таковым его и считал. Да, они не были родными, но их дружба была крепче любого гранита, любой стали, а такую дружбу в народе и называли «братством».

Иво благодарил бородатого. Да, без слов, но Фарбул и так все прекрасно понимал. Он передал кружку, в которой плескалось вино, а Иво, который особо не заигрывал с алкоголем, без задних мыслей опустошил емкость и всем видом показывал, что требуется еще доза — другая любого пойла. И неудивительно, что ближайший друг изгнанника, знавший его, как свои пять пальцев, прекрасно это понимал и чувствовал.

Он покинул их — пошел за целой бутылкой. Нет, бутылками, одной здесь явно было мало. Ордо подсел поближе.

— Все с ним будет нормально. Мара мучает, терзает, вгоняет в состояние предсмертное, но не изгоняет мгновенно. И не убивает. Сам же знаешь.

— Знаю.

Впереди все еще полыхало, хотя и с разбойниками уже было покончено. Ордовик не сорвал, прекрасно справился с поставленной ему задачей и спас столько людей, сколько только мог. Потери были минимальные.

Нападавшими были обычный разбойники из табора. Обычно такие нападали на мелкие города и деревушки, однако сейчас бандитов стало куда больше, ведь по стране начал распространяться хаос, из-за болезни. Скот стал гибнуть, народ погрузился в проблемы. А такое время — идеальное для напастей и грабежа. Все предельно логично.

— Мы с тобой очень сильно ошиблись. Во всем, Ордо.

Старик не отрицал — за вечер ошибок было совершенно непозволительное количество.
— Пускай будет уроком. Любой человек ошибается, любой гном ошибается, даже великий народ эльфов ошибается. Все ошибаются, Иво.

— Не утешай.

— И не смею. Смысл утешать? Все, что требовалось от нас, было выполнено.

Иво не ответил.

— Демоны изгнаны. Да, мы ошиблись в выборе особи, сделав ставку на треклятого парки. Да, ты не придал определенным словам своего отца должное значение...

Иво вспомнил их разговор, да только жалел, что вспомнил его лишь сейчас. Гордолин ведь рассказывал про кошмары, и Иво прекрасно знал этого человека; человека, которому сны-то не снятся от слова совсем. Но настолько загруженный левыми мыслями он не услышал этой истории. Точнее, услышал, но не расслышал всего. Расслышал лишь то, что захотел тогда слышать.

— ... Мы иные, не как все они, — продолжал Ордо и указывал пальцем на всполошившуюся толпу, помогавшую раненым, просто стоявшую либо занимавшуюся чем-то еще — было неважно. — Мы ужаснее, страшнее, нас не зря боятся. Но даже мы, при всей своей ужасности, остаемся людьми. А всем людям свойственно забываться, ошибаться, испытывать эмоции. Это и делает людей — людьми. Разве нет?

Иво вновь не ответил.

— Эх, — Ордовик выдал сиплую струю горячего воздуха сквозь зубы, — но история конечно интересная получилась. Самый настоящий сказ о двух дураках, коих вокруг пальца обвел их собственный разум. Сами себе враги, получается.

— Получается, — наконец-то согласился Иво.

И следом хотел уйти.

— Ты куда, изгнанник? — явно стараясь разрядить атмосферу, специально называя Иво изгнанником, спрашивал Ордо.

— К Гордолину. Проверю и уйду.

— Не стоит.

— Почему?

— Не стоит, — повторял Ордо, но уже строже.

Иво решил не спорить — он не успел полностью подняться, лишь приподнял заднюю точку и напряг ноги, чтобы полностью выпрямиться.

— Ему нужен покой, лишний человек, пускай даже и ты, будет только мешать. Оставь его сестрам.

Иво покрутил головой.

— ... Пока что, — дополнил Ордо.

Голова Иво немного побаливала, но он доверился своему товарищу — просто уселся так, как сидел до этого, тем самым доказывая, что не уйдет.

Ордо положил руку ему на спину.

— Парки — демон легендарный, но я предлагаю внести его в список вида уже изгнанного, либо несуществующего. Во избежание подобных инцидентов, — старик перешел на хохот. — Либо указать в современном трактате, что он опасен тем, что сбивает изгнанников с толку!

Иво ухмыльнулся.

— Поддерживаю тебя. Истинно опасен, и действительно способен изменять судьбу.

Появился Фарбул. Он был явно веселее, чем, когда уходил. В руках смог удержать аж пять бутылок с вином. Встречал сидевших на крыльце яркой улыбкой.

— Жить будет! Там сестричка одна, Лилли ее звать... Ух какая роковая женщина — до жути обворожительная! Так она говорит, что все хорошо с генералом — они его откачали, сейчас подлечат и будет завтра, как новенький! Но, это, Иво...

Изгнанники смотрели на бауманского воина, всем сердцем ждали продолжения вопроса. А Фарбул специально нагнетал.

— ... Сломай руку, а? По-братски. Ну уж очень эту Лилли я хочу!

Иво усмехнулся, треснул друга по затылку, да по сильнее. Фарбул «айкнул», екнул, немного покривился.

— Я просил руку сломать, а не это! Спасибо, что не изгнал хоть, пакость этакая.

Тут уже Ордо не выдержал и засмеялся. Фарбул был доволен, что смог рассмешить человека, а Иво успокоился и просто улыбнулся, причем даже не скрывая этого. Улыбнулся по-человечески.

— Во! Такое мне нравится! — указывал Фарб пальцем на улыбку Иво. — Чаше стирай эту грань людскую и демоническую. Просто будь собой. Долой эти судьбы, души, плохое и хорошее! Просто пей, Иво! Пей и пой!

Фарбул орал на всю улицу. Его конечно никто не слышал, но тем самым он всерьез радовался за своего близкого.

— Грань людскую и демоническую... Красиво сказано, — Ордо сказал это тихо, словно делая вывод для самого себя. Как будто то самое искреннее желание просто помочь и было стиранием его личных границ человека и демона.

Да, именно это и случилось тогда с Ордовиком.

Он встал, размял спину, проверил, надежно ли закреплен его меч, после выступил вперед. Иво внимательно смотрел на него.

— Что дальше? — Чудовище из Анаретты напоминало о том, что ничему еще не пришел конец. И о том, что есть еще дела. Дела важные.

Иво ответил не сразу. Сперва он смотрел на звезды. Всегда, когда нужно было подумать, он смотрел именно на них. Отчего-то так пошло, что именно в ночном небе Черный изгнанник находил все ответы.

— Дальше...

Он оборвал свою речь, вновь рассудительно взглянув на мерцающие огоньки в небе.

— Дальше я сам, Ордо. Можешь не переживать.

Старик кивнул, хотя сам прекрасно понимал, что все равно будет из тени наблюдать и, если потребуется, помогать.

— Но это уже завтра, — Иво резко сменил тон, сделал его более живым и свойственным счастливым людям.

Это не удивило Фарбула с Ордовиком, а именно шокировало. Они давно не слышали такой жизни в знакомом голосе.

— А сегодня, пока еще есть время, Фарбул. Сегодня мы с тобой нажремся. Как я тебе и обещал. Долой границы человеческие и демонические.

Ордо усмехнулся, но не стал задерживаться. Он попрощался с Иво, попрощался тепло, по-особенному. Хотел и с Фарбулом попрощаться, да только возможным это не представлялось.

Фарбул был чересчур счастлив той новости, что Иво с ним выпьет. Нет, не выпьет —

если бы просто выпил, то так бы и выразился: «сегодня мы с тобой напьемся». И тогда он бы не был столь счастлив. Но это «нажремся»... Оно меняло все в корни.

Благо, все осталось позади. Ужасы, смерти, демоны.

Как и остались позади границы человеческие и демонические.

Десница агонии 3

Астрал не блистал разнообразием погоды, здесь все всегда было одинаково: мрачно, блекло и тускло, с порывами ветра, из-за которых постоянно ловил лицом щекочущие частички пыли и пепла.

Но сейчас было все иначе.

Даже удивительно, как в измерении, где нет понятия жизни от слова совсем, ни физической, ни духовной, что-то засверкало, засияло. Это было попросту невозможно, ведь источника света ни в небе, ни где бы то ни было еще, не было. Но отчего-то в этот день было ярче, чем обычно.

Каждую встречу Иво и Тереза проводили в разных местах. Каждый раз, засыпая на континенте, изгнанник просыпался здесь, в астрале, и каждый раз в новом месте. Каждый раз, пробуждаясь, он оглядывался, сперва видел Терезу, стоящую к нему, чаще всего, спиной и всматривающаяся в дальний и бескрайний пепельно-бледный горизонт. Она как-то рассказывала, что так высматривает мертвые души — валиантаров, что могут случайно наткнуться на них при своих бессмысленных странствиях по миру, и лишь иногда зеленоглазая изгнанница просто терялась в собственных мыслях и ожиданиях, когда ее единственный собеседник и уже даже товарищ пробудится. После Терезы Иво всегда сразу смотрел на округу. Места всегда были разные: то утес, то прибрежная часть, то какой-то густой лес, то напротив — кустарная местность.

В этот раз Иво очнулся вновь на утесе, только на другом, не на том, что был в первый раз.

И только он открыл глаза, как Шепот Смерти резко обернулась, взглянула на него мерцающими изумрудными глазами.

— Выжми, — звучало с явным отголоском приказа.

Тереза, стоявшая и взирающая на промокший, то бишь вспотевший, лоб Черного изгнанника, недовольно косилась на него мерцающими изумрудами, что словно два фонаря светили в давящем и крошечном пепельном измерении.

Сам же Иво смотрелся болезненно: лицо бледнее, чем обычно, губы безжизненные, да и сам постоянно потел. В руках уже держал ветошь — кусочек рубашки девушки, что та так радостно рванула от своей одежды и вложила ему в ладони, дабы он смог хотя бы немного улучшить общее свое состояние. Но наряду с этой радостью было и агрессивное кошачье шипение.

Но она не могла вести себя так постоянно. Всегда такая колкая, «шипастая», ни на сантиметр к себе не подпустит, а в случае с ним ведет себя, как шелковая. Порой она все равно показывала характер, но то было как раз-таки лишь порой.

— Выжал, — проговорил свое действие Иво, после чего расположил рваный кусок на лбу. Под конец недовольно выдохнул. Пепел, что был повсюду в астрале, уже даже казался мягче, чем раньше — можно было представить не самую уютную, но койку в трактире за гроши.

— Вот и славно, — с облегчением выдыхала та.

Затем она прилегла рядом.

— Я предупреждала тебя. Надеюсь, ты более рассудителен и смекалист, чем я. Надеюсь, хотя бы ты имеешь инстинкты самосохранения и желание жить. Видимо,

ошиблась.

— Видимо, — Иво отвечал быстро, без свойственных себе пауз и выжиданий.

* * * * *

— Мерзкое чувство, наверное.

Иво окинул ее взглядом, преклонив при этом голову вбок.

— Голод. То, что чувствуешь ты. В твоем случае все еще хуже — Фаэдра, — девушка дернула рукой, притянув к себе изумрудную косу, крутанув в последствии ее лезвием, создавая воображаемую окружность, — прожорливее, чем любое другое существующее оружие.

— Почему ты так неуверенно это утверждаешь? — изгнанник приостановился.

В ответ Тереза усмехнулась, обращая зеленые глаза в чернящие, как ночь. Коса реагировала также: изумруды, вставленные в лезвие, начали настолько ярко светиться, что Иво прикрыл свои глаза рукой, иначе сразу же ослеп бы.

— Потому, что я не испытывала его.

Она тихо, едва шевеля губами, промолвила имя оружия — «Фаэдра», тем самым активировав ее. Вмиг пред Иво предстали те самые фантомы, которых бауманец сам когда-то призывал. В этот раз их было всего трое, и все они стояли позади изгнанницы. Взгляд Терезы был суров и безжалостен, но с лица не спадала яркая улыбка. Иво отмечал, что этот взгляд был самым жутким, что он видел в своей жизни.

— В ту треклятую ночь, в Ригме, я изгнала столько людей, что душа демона, закованная в косу, ужаснулась.

На первый взгляд, после ее слов ничего не изменилось. Но так было только сперва. Так подумал бы кто угодно, но не Иво. Он прекрасно чувствовал ее ауру, чувствовал, как она разжигалась и становилась чудовищнее, страшнее, опаснее. Изгнанник не боялся, он ждал и наблюдал, но отмечал поведение девушки эффектным. Далее он моргнул, и после того, как моргнул, увидел уже десять стоящих фантомов позади. А Тереза предпочла не ждать.

— Алюнай. Правая рука Каная, лорда Когтейма, самого страшного отродья этого мира — того самого, чью душу впоследствии Фальтерн разделил между нами, создав род Вальнов. Твой истинный род.

— Мне было позволено создать свой род самостоятельно, чем я и воспользовался. Я Эль Гарден, первый и единственный. Не Вальн.

Тереза усмехнулась. Потом улыбнулась, после чего отдала приказ косе. Она ничего не сказала, но это виделось по глазам и сияющим изумрудам. В ту же секунду позади изгнанницы, словно слепленные из тумана, воссоздались еще пятеро фантомов, а сама Шепот Смерти не прекращала улыбаться.

— Твое право. Но черный медведь отличается от белого лишь цветом шерсти. Он все еще остается медведем, с присущими медведям повадками и способностями. Сейчас мы не об этом, — она сделала секундную паузу, Иво не перебивал ее. — В Фаэдре закована душа Алюная. Он был ужасной тварью. Даже у демонов есть понятие чести, но не у этого ублюдка. Он был первым, кто додумался сделать живое оружие. Это была уникальная реликвия — толстый гримуар с тысячей пустых страниц. И имя ему — Конромнардар.

Иво заметил, как в глазах девушки блеснула искра ненависти и злости, а с ней подле изгнанницы появилось еще пятнадцать фантомов. Тереза была пылкой и страстной, но она всегда умела сдерживать порыв своей ярости. Лишь единожды в Ригме не смогла, что было, скорее, исключением. Либо простым и искренним желанием не сдержаться.

— Конромнардар уникален во всем. Душа, закованная в книгу — ее там не было, однако оружие было живым. Магия? Нет, скорее контракт. Гримуар был сшит из тысячи страниц шелкового огневика — единственного и самого редчайшего растения Эксодии, которое больше нигде и никогда не сыщешь. После, как сшили, гримуар прожгли в черном пламене, в кузне замка лорда Геенны. Так и родилось первое оружие. Однако, души в нем не было, зато было черное пламя. Конромнардар становился живым, когда ему жертвовали души. Мертвые, живые — без разницы, гримуару подходили любые. Лишь пожертвуй душу, сожги ее и измельчи пеплом, и обычный толмут становился ужаснейшим оружием. Но что было самым интересным, так это его сила... Она была безграничной, Иво. Оружие исполняло любой каприз, если он соизмерим количеству душ, вознесенных владельцем.

Иво был прямой противоположностью Терезы — пока девушка пылала, он являлся гладким шпилем среди бушующего костра. Взгляд его был хладнокровен и спокоен, лицо безэмоциональным, тело — неподвижным. Такая реакция возбуждала девушку.

— И эта тварь не стеснялась в своих желаниях. Она жертвовала тысячами ради целей. Помню, во время смуты и войны, Фальтерн рассказывал мне, что Алюнай пожертвовал десятками Высших демонов, чтобы обрушить огненный дождь на Златой лес. Представь силу тех душ. Каждый Высший демон стоит десяти изгнанников, что физически, что духовно. А он принес в жертву не один такой десяток.

Тереза, словно по щелчку пальцев, развеяла всех фантомов и вернула облик своих глаз из черных в изумрудные. Но улыбаться девушка не перестала.

— И как ты обрела его душу? Твои слова дают понять о том, что правую руку лорда Геенны было невозможно уничтожить. Что же ты сделала? — звучало из уст Иво, все также безэмоционально и холодно.

Тереза подмигнула.

— Была битва под лесной чащей Златого леса. Та, в которой мы перевернули все и обрели надежду на победу. Я настигла Алюная. Настигла в момент, когда он остался наедине, без тех, кого мог пожертвовать. Я разрубила его пополам, сделала это с большим удовольствием. После чего забрала его душу. Утырка погубило его величие, самомнение, что он непобедим. Я надолго запомнила его взгляд перед смертью. И когда принесла его душу Фальтерну, попросила сковать оружие, коего свет еще не видал, заковав в него душу Алюная. Фальтерн дал добро. Так и родилась Фаэдра.

Иво слегка улыбнулся.

— Дивная история. Но не дает ответа на начальный вопрос: почему коса тебя боится?

Тереза повела плечом, затем подошла поближе к Иво. Она обняла его, второй рукой продолжая удерживать косу. Изгнанник не ответил взаимностью. Тогда Тереза усмехнулась, а Иво почувствовал жжение внутри себя такое, что стало тяжело стоять на ногах. Все ауры, что он встречал до этого, блекли на фоне ауры Терезы, увядали и испарялись. Все, что было до нее, было каплей, а теперь он столкнулся даже не с морем. Он столкнулся с океаном.

— Потому что даже он не изгонял пятьсот живых душ за считанные часы.

Иво видел, что было за спиной Шепота Смерти. Видел, но предпочел бы лишиться зрения, дабы не лицезреть этого. В один миг абсолютно все, что он видел за ней — пепельное поле, дальние леса, вся мертвая земля заполнилась фантомами. Их было так много, что изгнанник даже предположить боялся о их примерном количестве.

А Тереза перестала улыбаться. И Иво почувствовал, как плечо начало намочать.

— Я чудовище, и это факт, который не смыть. Все, чего я желаю, это исправить все свои

грехи.

Она отошла чуть назад, косу отбросила, и та мигом влетела в тело Иво, испарившись и забрав с собой всех фантомов. Тереза видела, что Иво был слегка напуган — он не боялся ее, он просто не встречал раннее подобного. Страх перед неизвестным — самый сильный страх, который не скрыть и от которого не скрыться.

— Конромнардар уничтожен, хотя он мог бы исполнить мое желание, принеси я в жертву достаточное количество душ. Но у меня есть ты... И я молю тебя. Молю о помощи.

Тереза резко обхватила лицо бауманца руками и поцеловала его. Иво был ошарашен, он не оттолкнул девушку. После поцелуя она отошла и он взглянул на нее. Девушка была напугана, ее лик еще недавно был грозным и напористым, а сейчас он был самым спокойным и милым, что он видел. Было тяжело признать, но он был добрее и милее даже, чем лицо Инелы. Это было тяжело признать именно ему, любой иной бы расценил, как только пожелал. Но для него это было непростое принятие, сделанное за долю секунды.

И аура. Ее аура вдруг стала самой спокойной, что он встречал в этом мире. Идеально доброй и невинной.

Он не ответил ни слова, но устами сложил:

— Я тебя выгашу отсюда.

Клятва эта звучала лишь в его голове. И только там она была, есть и будет.

Заветные желания 1

I. Убита, но не изгнана I

Дорога была протоптанной. Как и всякий прочий тракт, по которому ежедневно проходили десятки караванщиков, торговцев и еще сотня-другая иных путников. И сейчас проходила очередная телега с очередным отрядом.

Первое, о чем подумал Иво, так это насколько же странники болтливы. Второе — насколько они глупы, третье — как они его уже достали.

Он разместился в обозе на куче сена, наваленной с целью имитации лежбища. Глаз не смыкал, хотя и устал в дороге. А еще потому, что скверно доверял местному люду. Они казались ему неприятными, людьми с низким уровнем восприятия всего живого. Простыми словами, они казались ему обычными разбойниками, ведь таковыми могли стать все, если покажется идеальный момент. А тут еще и ребята прямиком из Хельсинга у него под боком, что само собой уже являлось достаточной причиной для остережения.

Хельсинг — государство небольшое, однако неприступное. Место, которое было тяжело взять даже великим державам, стоящим у штурвала всего континента. Расположившееся севернее Анаретты, вассального княжества Баумании, южнее Аурамского густого леса, западнее Баумании и восточнее рожденного в огне Руллема, оно было прикрыто отовсюду «природными щитами»: лесами, известными лишь местным, возвышенностями, раскрывающими взор пред любой напастью, реками, мешавшими продвигаться пехоте и дарующими жизнь всей стране.

Славу Хельсинг носил, если не прибегать к ругательствам, не лучшую. Многие прозвали это место «Бесовой долиной» — изгнанников здесь проживало больше половины всех оставшихся в мире. А те в свою очередь, будучи изгоями и врагами в лице всего народа, редко проявляли милосердие и желали мира тем, кто не желает того им в ответ. Еще одной причиной столь поганого прозвища являлось место, носящее громкое на всю Эксодию название «Сады смерти». Так прозвали выжженные демонами леса, где земля давно превратилась в пепел, а деревья никогда больше не озеленятся. Леса стали таковыми после смуты, когда армия отродий Геенны во главе с архидемоном Канаем пыталась завоевать мир живых. Не сложно догадаться, что живность там обитает теперь соответствующая. Сразу объяснялось, почему большинство изгнанников выбрало местом обитания Хельсинг — охотиться было проще. А местные святоши, одновременно и фактические правители страны, прекрасно это осознавали и «тактично» закрывали на все глаза.

Не взирая на такую популярность, столица Хельсинга — Баствест, была городом популярным. Сердце похоти, разврата, тщеславия, быстрых денег, криминала и, как бы это ни было странно, особенно религиозное место. Место, где в один день можно было заработать гору денег и стать лордом, после чего, всего лишь спустя пару часов, эту же гору потерять и из лорда превратиться обратно в обычного простака. Это был город, куда сбегались все простолюдины, кому нечего было терять. Сбегались, чтобы рискнуть, и, если риск оправдывался, ты начинал новую жизнь, если же нет — тебе все равно было нечего терять. Фраза «из грязи в князи» здесь имела особый титул, служила девизом.

И знамена Баствестских — ангел, проткнувший цербера — еще больше раздражали Иво. А знамена он эти видел все свое последнее время. Путь с приграничного бауманского Тайныра не шибко далек до стен Баствеста, зато достаточно опасен.

Помимо Иво в обозе сидело еще четверо: трое мужчин и одна женщина. Хотя, даже будучи женщиной, она выглядела более мужественной и воинственной, чем те трое вместе взятые. Волосы были завязаны в пучок на затылке, на губе глубокий и отчетливый шрам, глаза — карие. Девушка не была красоткой, зато Иво видел ее суровый взгляд; взгляд явно несладкой жизни.

И эти четверо постоянно о чем-то галдели. Первое время Иво, когда еще пытался спать, пропускал все мимо ушей, но сейчас это виделось невозможным — уши не пропускали никакой лишней информации, как бы не старались.

— Нет, брось. Ты явно бредишь, — сказал тот мужчина, что сидел ближе всех к всаднику. Он был бледноват, на вид лет тридцати, а на его лице не было ни единой волосинки за исключением бровей.

— С чего бы?! — девушка восклицала. Под конец махнув рукой.

— С того бы! — хрюкая, говорил второй мужик. Он был толстеньким. А еще противно хихикал и от него несло собственной мочой.

И девушка терпела этот запах, при огромном желании рубануть тому по горлу и вышвырнуть в сточные ямы.

— Боюсь нагрубить, миледи... Но я не думаю, что ваши слова истинны. Мне тяжело верится в них, — третий был эльфом. Высоковатым, с гладкой и нечеловеческой идеальной кожей. Уши, как и у всех иных представителей этой расы, острые. Оружия рядом не было, да и речь выдавала, что он не воин — чересчур воспитанная и грамотная.

— Отбрось свои слова, эльф! — выкрикнул первый мужик, слегка привстав на ноги, затем плюхнувшись обратной задницей. — Какая же она миледи? Миледи живут в замках, спина стройнее сосновой ветви. У нее от миледи лишь прирожденный талант к отменному вранью! Не иначе! Так я и поверил, что...

— А еще миледи не гадят! — вставил хрюкающий. Девчонка грозно на него посмотрела, следом все резко утихло, а она обнажила свой клинок.

— Из всех в этой повозке лишь от тебя смердит, как от трупа. Чернорук хоть и грубый, — она кинжалом указала на первого, — а эльфишечка Силлиар, при всей своей приятности, видится мне тем, кто первый воткнет кинжал в спину...

Она швырнула кинжал в сторону хрюкающего. И попала точно в цель, чуть левее его уха. Лезвие слегка подстригло его грязные слипшиеся волосы, и, как показалось всем сидящим в обозе, вонять стало куда сильнее.

— Они хотя бы не противные свиньи, в отличие от тебя. И люди с хоть какой-то честью! — грозно выкрикнув, она закончила свою речь.

Чернорук засмеялся, а вот эльф Силлиар сначала не подал реакции, однако, как Чернорук закончил смеяться, захлопал в ладоши, и из-за перчаток на своих руках, звук был приглушеннее и... скромнее. Тем не менее, девчонка восприняла это в знак похвалы.

— Не пугай ты его, — Чернорук достал флягу с каким-то пойлом, откупорил ее, выплюнув пробку, затем принялся жадно глотать содержимое. — Наш Хрюк — человек совсем иной масти, не боец, и не воин.

— Тогда кто же он? — эльф задал явно риторический вопрос. Никто не ждал и не хотел слышать ответа. Никто, кроме Хрюка, как его все звали.

— Я... Ну...

Он вновь захрюкал. Чернорук не мог сдерживать смеха. И это даже задело Хрюка.

— В Баствесе можно вылезти из грязи в князи! Я слышал это отовсюду. И хочу

попытать свою удачу!

— В Баствесте, мой друг, — Силлиар даже взглянул на Хрюка, хотя до этого всегда, когда говорил, смотрел лишь прямо перед собой, — правила таковые для всех. Ты не единственный, кто бежит за попыткой вылезти из...

Эльф хотел сказать «дерьма», но не позволил себе.

— Жизненной ямы, — все же уточнение подобрал Силлиар цензурное.

— Называй дерьмо — дерьмом, остроухий. Да и хер с ним, с дерьмом, — Чернорук сделал еще один глоток с фляги, затем передал ее эльфу. — Будешь?

Силлиар недолго думал, схватил флягу и, перед тем, как выпить, словно используя волчье чутье, обнюхал горлышко фляги и скверно скривил губами.

— Что это, мой друг?

— Адская вода. Дерьмовое пойло, но в Руллеме иного не наливают. Зато прогревает, ух. Пей, не отравлено. Но глотай сразу, языком старайся не елить — почувствуешь ее мерзотный привкус и всю телегу заблудешь. Второго Хрюка нам не нужно.

Силлиар долго решался сделать глоток, однако все же сделал. Как и сказал Чернорук, выпил быстро, не прочувствовав привкуса. И как только адская вода полилась по телу, эльф весь покрылся мурашками и непроизвольно затрясся. Успокоившись, выдохнул.

Чернорук засмеялся, однако взглянул на эльфа с уважением.

— Молодцом, остроухий. Выдержал. Передай фляжку девке — выпьет, и все байки про драконов как рукой откинёт.

— Это не байки, — прошипела девушка.

— А что же это?

— Истина.

Чернорук фыркнул под нос.

— Истина у меня в штанах, и я готов дать тебе ее заглотить, покуда мы не увидим сраную башню монастыря при въезде в Баствест. Хочешь?

Девушка резко вскочила и ринулась за кинжалом, торчащим у уха Хрюка. Как вытащила, хотела уже перерезать Черноруку горло, да только Силлиар ее остановил, схватив за пояс и слегка покашляв.

— Миледи... Прошу, без кровопролития. Хотя бы в телеге. Сойдем на землю и я не удержу вас — боюсь, силенок не хватит. Но здесь давайте обойдемся миром.

Он смог разрядить накаленную до предела обстановку — девушка села обратно, а Чернорук ухмыльнулся.

— Драконы все еще летают. Мы чтим их веками, чтим и сейчас. Если их осталось мало, потому что людям свойственно истреблять кого-угодно, кто от них отличается, — краем глаза она взглянула на острые уши эльфа.

— Драконы вымерли. Давно вымерли... — неуверенно говорил Хрюк, как всегда прихрюкивая.

— Драконы живы!

Каждое слово девушка сказала с четким акцентом на каждый слог, благодаря чему эта короткая фраза растянулась в три раза и звучала куда более грозно.

Чернорук отобрал флягу у эльфа, с явной злостью смотря на девушку. Он вновь жадно отпил и бросил взгляд на Иво. Изгнанник это почувствовал.

— А ты чего, язык прикусил? Валяешься тут, как труп в куче навоза.

Иво отвернулся. Такой ответ мужчине не устроил.

— Пить будешь?

— Я не падок на пойло.

Чернорук усмехнулся.

— Девок тоже не любишь? Эй, Хрюк, крутанись-ка жопой пред нашим гостем, дай я гляну, зашевелится ли у него в штанах!

Иво вновь тактически промолчал. Вся группа видела, как это злило и еще больше провоцировало Чернорука. Он собирался плюнуть в изгнанника, но в последний раз одумался — подумал, что даже для такого поганца, как он, это слишком.

— Ай, что за дураки со мной едут! Один — сын свиньи обосранный, второй — труп в куче навоза, третий — остроухий интеллигент, чтоб его, а четвертая сидит и тарыхтит про своих драконов. Надо было ехать в другой повозке.

— Надо было, Чернорук. Но то уже невозможно, — Силлиар возражал.

— И драконы существуют! — дополняла девушка, разбавляя свою фразу злыми карими глазами.

Хрюк хотел тоже что-то сказать, но подумал, что лучше будет промолчать.

— Да я член свой проглочу целиком, если ты права! Покажи мне эту крылатую тварь либо скажи, где ее найти. И даю тебе слово, — Чернорук положил руку на грудь, — я заглотну свой член так, как ни одна шляха Баствеста не заглотнет!

— Драконий пик, — резко встрял в увлекательную речь Чернорука Иво. — Езжай к Драконьему пику.

— Они там были задолго до твоего рождения. И моего, — говоря, Чернорук начал плевать по сторонам. Говорил он экспрессивно

— Были — ты прав, — слегка улыбаясь, отвечал Иво. — А сейчас есть, как минимум, один. Древнейший и мудрейший из всех драконов мира. Тот, что способен общаться силой мыслей и знает все прошедшее, знает всю историю, все знания. Знает все. Ты не слышал о таком разве? Вроде гордый и смелый муж, а столь известного не слышал?

Девушка не сдержала смеху — она засмеялась так, что своих гоготом заразила Хрюка и вызвала у эльфа искреннюю улыбку. Хрюканье и гогот сплелись в единый звук, и был этот звук похож на адское журчанье в животе после пропавшей похлебки.

Чернорук сначала улыбнулся, затем вновь выпил адской воды и обнажил свой кортик, что лежал у него за пазухой. Лезвие кортика направил в сторону Иво.

— Нет, ублюдок. Не слышал. Может, расскажешь?

— Чего ж не рассказать. Тем более, когда на кону твой член у тебя в пасти, — Иво издевательски улыбнулся, дерзко и броско.

Чернорук швырнул кортик прямиком в изгнанника — он специально целился прямиком в лоб, и кидал с целью убить. Иво предчувствовал, что опьяневший компаньон в этой треклятой повозке попробует выкинуть что-то такое, и заранее держал руку на рукояти меча. Он резко обнажил его и так ловко отбил, что лязг стали, казалось, оглушил сидящую рядом девушку. Сам кортик улетел куда-то в сторону эльфа. Тот сначала испугался, что лезвие попадет в него самого, однако, убедившись, что оружие лежит у него возле правой ноги, выдохнул и отложил его еще дальше.

Иво невозмутимо сунул меч обратно в ножны и, облокотившись вновь на сено, посмотрел Черноруку в глаза.

— Тиссифонт. Дракона зовут Тиссифонт. Крылатая кладезь знаний, единственный дракон, живущий в Драконьем пике. Постоянный гость всех чародеев и колдунов из

Алантеи, также их несменный помощник и советник. Дракон, что пережил смуту, напасть демонов. Один из немногих вообще живых существ, оставшихся с тех времен. Не веришь мне, так поезжай туда и самолично убедись. Он постоянно кружит в тех местах, и постоянно слышен его рык, постоянно слышно, как его огромнейшие крылья разрезают воздух. Убедись, а после заглоти свой собственный член, да так, как ни одна шлюха Баствеста не заглотит.

Чернорук злился, это было видно по его нахмурившемуся лицу, по тому, как он скалил зубы, подобно волку. Тем не менее, мужчина смог взять себя в руки и ответил изгнаннику злой, но все же улыбкой.

— Побываю как-нибудь в тех краях.

После чего рухнул на спину. Эльф повеселел, увидев, что перепалка закончилась. Хрюк кивнул Иво, тем самым оказывая уважение, а девушка начала аплодировать, после чего протянула руку.

— Неплохо. Очень даже неплохо. Не думала, что кто-то в этих краях знает о великом драконе с Лазуритовых гор. Ты покори мое сердце.

— А я не думал, — Иво пожал ей руку, — что кто-то так страстно любит драконов. Они прекрасные существа, жаль только малочисленные.

— На это есть своя причина, — добавил Силлиар. — Драконы не отличают своего и чужого. Сотни лет назад они были угрозой.

— Люди, эльфы, дварфы, любые представители разумных рас сами представляют для себя угрозу больше, чем кто бы то ни был, — отвечал Иво.

Силлиар не промолвил ни слова в ответ, однако, выждав пару секунд, кивнул несколько раз. За ним кивнули все, за исключением Чернорука.

— Как тебя зовут? — интересовалась девушка.

— Иво. Иво Эль Гарден.

Она кокетливо пошевелила шеей, чтобы ее ключица оголилась и красочный вырез на рубахе четче виделся изгнаннику.

— Я Оленна, родом из Штормового порта. Приятно познакомиться.

Иво глазами пробежался по открытой части тела девушки, затем также быстро отвернулся.

Вся группа впервые за долгое время замолчала, что несказанно радовало Иво. К сожалению, радовало недолго. Чернорук зашевелился, потом уселся так, чтобы видеть Иво. Он уже не злился, и, скорее даже, стыдился.

— Прости, Иво Эль Гарден. За то, что чуть не убил тебя.

Оленна хотела оскалить и оскорбить грубияна, но не успела.

— Не ты первый, не ты последний. Все нормально, — спокойным голосом отвечал изгнанник.

— Ты не отсюда, Иво, — Силлиар с ярым интересом оглядывал путника, чуть ли не раздевая его глазами. — И я впервые видел, чтобы кто-то так ловко и искусно орудовал клинком, что смог отбить летящий в него нож, да еще и не зацепив ничего лишнего. Кто ты?

— Кортик, а не нож... — шептал Чернорук.

— Я наемник. Или путешественник. Что-то из этого, что тебе больше нравится.

— Ни наемники, ни путешественники, ни даже солдаты так ловко с мечом не обходятся. Чтобы так умело управлять клинком, нужно жить битвой. Ты уверен, что ты наемник или путешественник? — Оленна ухмыльнулась.

— Оставь мужчину в покое, женщина. Здесь не имеет значения, кто мы такие, — ворчал Чернорук. — С такими навыками никто и пальцем его не тронет — это хорошо для него. Я знаю. Знаю лучше, чем кто-либо из вас.

Хрюканье разбавило слова. Силлиар начал «подгорать» от стыда.

— А-с... Почему знаешь? — Хрюк хоть и был человеком исконным, но смотрел действительно, как настоящая свинья.

Чернорук улыбнулся.

— Потому что знаю этот чертовый Баствест, как свои пять пальцев. Я отсюда родом, и сейчас еду домой. Чему не скажу, что радуюсь, но тепло в душе определенное испытываю.

— И как тебе Баствест? Проясни незнающим об этих краях, — Оленна говорила, словно пела — сладко и пронзительно. Чернорук даже начал задумываться, что девушка едет работать шлюхой в бордель, но то, как она управлялась с кинжалами, никак не сходилось с этой мыслью.

Он повертелся, уперся ягодицами в самое мягкое место, перед тем, как говорить, допил адскую воду, что оставалась во фляге.

— Баствест — город пошлый, скажу честно. Город нечестный, здесь закон работает на тех, у кого власть. Для прочих этого самого закона не существует. Город подстраивается под каждого, а ты, в свою очередь, обязан подстроиться под город, под его условия. Ты вот, допустим, девчушка, зачем сюда едешь?

— Я ищу дядю, — девушка сложила губы в мерзкую улыбку, — чтобы убить.

Чернорук покосился, края губ стянул максимально к низу лица и учащенно закивал.

— Неплохо, весьма неплохо. Здесь такое любят и уважают. Найди в городе Бродячих псов — за пару десятков монет они скажут, где найти жертву, за полсотни — принесут тебе его голову, заранее выколыв глаза. Если твой дядя, конечно, не служитель церкви или не какой-нибудь барин. За таких потребуют сотни, если не тысячу — зависит от статуса жертвы. А ты, Хрюк? Жизни ищешь?

Хрюк кивнул. Кивнул, хрюкая.

— Разворачивайся и ищи в другом месте. Ты свинота, а свинов в Баствесте режут, либо используют, как скот. Но, если у тебя все совсем скудно, обратись в верховную церковь у Бордовой цитадели — там принимают всех, промывают им мозги, дают кров и еду в обмен на вечную службу какому-то там Богу. Но будь готов лечить всяких упырей. Тем более сейчас... Сами все понимаете, слышите новости мировые. До Баствеста эта холера или как ее там, эпидемия, только доходит. Из-за чего много народу сюда двинуло, тут было безопасно до сегодняшних дней. Что до тебя, эльф? Небось девок потрахать сочных человеческих захотелось?

Силлиар неловко улыбнулся.

— Отнюдь. Из Баствеста я намерен двинуть в великий лес Аурама. На родину.

— Ай, скучный. Но дело твое. Тогда не смей выступать ночью, только по утру, как петухов услышишь первых. И, как выйдешь с северной границы, ты обязательно встретишь отряд уродов, даю тебе гарантию. Либо несколько. Если пристанут, попробуй сказать им: «Рыжая bestия убита, но не изгнана». Если повезет — отстанут и пропустят, если нет — ты труп. Поэтому, если ты при деньгах, советую собрать отряд таких же ублюдков, готовых проводить тебя. Тут таких полно. Сам таким был. А ты, Иво? Наемник либо путешественник, что ты в этой яме ищешь? Тебя любой лорд выкупит себе в защитники с твоими-то навыками. Неужто за этим сюда едешь?

— Нет. Просто ищу работу, и подумал, что здесь ее будет достаточно.

— О как...

Чернорук задумчиво осмотрел Иво всего, от его черных нестриженных долгое время вьющихся волос до ботинок, грязных, зато не рваных.

— Исходя из рассказов нашего спутника Чернорука... — речь Эльфа оборвалась, так как Иво набрал воздуха и перебил его.

— ... «Рыжая бестия убита, но не изгнана». Что значит эта фраза? — Иво не поворачивал головы, смотрел все так же прямо и говорил все так же спокойно.

Чернорук покосился, ответил не сразу. Сперва набрался храбрости.

— Хельсинг — бесова долина, край изгнанников. Спасибо чертовым садам за такую честь. Рыжая бестия — самый главный из местных. Хотя, он скорее считается легендой. Мы знаем, что изгнанников тут пруд пруди, но почти не видим их. Зато всегда слышим. Они настолько осторожны, настолько искусны. Но также жестоки и безжалостны, если жизнь заставит — сотрут тебя и обоссут. Да вот только по городу слух пошел, что их главный — Рыжая бестия, был уничтожен какой-то тварью, что завелась в Садах смерти. Убита, но не изгнана. Изгнанники шокированы, не иначе. Говорят, эта Рыжая бестия всегда сражалась, не используя глаз, с повязкой на лице — и всегда побеждала. Он дурак, если это правда, однако не думаю, что его просто так возвели в идолы полудемонов. В Баствесе репутация добивается силой. Всегда. Так вот эта фраза — что-то вроде почести их лидеру. «Убита, но не изгнана» означает, что душа Рыжей бестии все еще живет, и что она обязательно вернется. Если изгнанники ее слышат, то принимают твое уважение и не тронут тебя. Либо даже могут посчитать за своего. Если ни то, ни другое — удачи тебе.

— Удивительное прозвище у этого человека, — насмехалась Оленна. — Рыжая бестия! Словно какая-то сучка дикая, способная обслужить десятерых за ночь.

— А ты смогла бы? — Чернорук прикусил губу.

Оленна же хотела вновь перерезать ему горло.

— Если изгнанника прозвали бестией, значит его надо обходить за 10 верст. Просто так такое прозвище не дается.

— А ты откуда знаешь? — Чернорук пятился на Иво, когда говорил, плевался в его сторону.

— Слышал из рассказов и историй. Прозвища дают лишь тем, кто отличился, дают сильнейшим. Прозвищами незнакомые изгнанники представляются друг другу, прозвища становятся легендами, благодаря прозвищу об изгнаннике узнает весь мир. И представляет его так, каково его прозвище. Только вот бестиями прозывают лишь исключительных ублюдков. Тех, кто настолько страшен и ужасен, настолько опасен и безжалостен, что даже чудовище для них скорее комплимент, нежели что-то иное. До твоих слов, Чернорук, я слышал лишь об одном изгнаннике с приставкой «бестия». Это Одноглазая бестия — в бою ему нет равных, в убийствах тем более. У него нет друзей, потому что все его друзья обычно умирают, либо изгоняются. Я надеялся, что это будет единственная бестия на моей памяти, но теперь их будет две.

Иво замолк и окинул всех сидевших невинной человеческой улыбкой.

— Печально, что бестий становится больше. О скольких мы еще не слышали? — прервал он свое молчание.

— Думаю, о многих, — как напуганная свинья, прохрюкал Хрюк. Оленне показалось, что от него вновь завоняло сильнее.

— А про тварь в садах что-то слышал? — Иво слегка попятился вперед, оживился голосом, от прежнего хладнокровия остались только глаза и неподвижные веки. — Я много историй слышал про разных тварей, разумеется, историй нехороших. Но, чтобы демон убил изгнанника, а не изгнал, я слышу впервые.

— С чего ты взял, что это демон? — Чернорук напрягся, один глаз прищурил.

— С того, что в Садах смерти не суждено водиться живому. Земли выжжены, мертвы, теперь это дом отродий.

Силлиар нахмурился, Оленна поправила рубаху — приняла, что Иво не интересуется ее вырез и прикрыла, дабы Хрюк, который стал ее осматривать, облизываясь, не продолжал. Чернорук не мог оспорить слов изгнанника, кивнул и тяжело выдохнул.

— Не знаю, что там за тварь. И, если честно, знать не хочу. Есть только слушок, и слушок, разнесшийся уже далеко за пределы Баствеста и всего Хельсинга. Слушок, что это мертвец на коне. Я конечно не силен в демонологии и всей этой науке отвратительной, но не думаю я, что демоны скачут на конях. Демоны — чудища, выглядят как чудища, ведут себя как звери, не болтают и скорее сами могут быть использованы в качестве коней. Ты так не думаешь?

Иво убедился, что слухи, которые он слышал на границе Баумании, были достоверны. Он не показывал ничего на своем лице, хотя убеждение, что Всадник апокалипсиса в тех краях, куда он следует, озадачило его, напрягло и расслабило, причем все это одновременно.

В голове не укладывалось, почему Мор выбрал края изгнанников. Следом Иво анализировал, что, если даже изгнанник, которого прозвали «бестией», проиграл, то Высший демон с такой же легкостью уничтожит любого другого изгнанника, менее опасного.

Он думал, не показывая ничего на лице. Да только все равно Чернорук видел это легкое напряжение. Лишь он видел.

— Наемник или путешественник, говоришь...

II. Убита, но не изгнана II

— Следующий.

Это слово звучало монотонно, а из-за специфики залы разносилось повсюду. Место, где грешники молились и каялись, где нуждающиеся просили помощи и советов, а почтенные в обществе «отцы» — священнослужители собора Святой покровительницы Ионеллии — большого церковного храма, расположенного прямоком подле Бордового столичного замка, всегда принимали прихожан, хотя и не всегда с удовольствием. Вера здесь была скорее предлогом во имя власти.

Следующий прошел. Какой-то шкет, лет тринадцати отроду, с вырванными клочками волосами с головы. С виду помесь человека с крысой, настолько гадкая у него была осанка.

Он что-то пробормотал. Наверное, даже Святой отец собора не все разобрал, хотя, как истинный богослужитель, ему не требовались слова для того, чтобы понять человека. Такие, как он, ведь видят это. Так говорят.

И вновь прозвучало на весь зал:

— Следующий.

Теперь была старуха. Тоненькая, как соломинка, с платком в горох на голове, вся в морщинах, да еще и с больными ногами — передвигалась ой как тяжело. Ее Святой отец ждал долго. Он был раздражен, это виделось, да только виделось абстрагированному от веры человеку; человеку, знавшему, что вера, как минимум, в Хельсинге, лишь способ управления

и подчинения. Как обычно, это видели неместные, либо же те местные, что зарабатывали на хлеб с помощью мерзопакостных деяний.

Она подошла к нему, сразу же приклонилась, хотя давалось ей это с большим трудом. Отец смотрел и ждал.

— Святой отец Силантий... — едва шевеля губами, промолвила она.

— Не торопись, дитя. Подумай.

Отец Силантий говорил спокойно, выдерживая свою роль Божьего представителя. Старуха послушно умолкла, погрузилась в свои мысли. Потом застонала.

Силантий был молод для своего статуса. Святыми отцами во всем мире становились лишь достойнейшие. Хотя, в Хельсинге, как поговаривали, ими становились лишь удобнейшие. Этот был с молодой кожей, морщинами лишь на лбу, даже возле губ не было складок — он улыбался очень редко. Взгляд его мрачный, глаза болотно-зеленые. Цвет волос был скрыт за церковным клобуком, зато худое тело было невозможно скрыть даже длинным и большим подрясником.

Он положил руку на ее плечи, затем преклонился к лобу и чмокнул.

— Как тебя зовут, дитя?

— Зоря.

— Зоря... — протягивал Силантий. — Дитя утренней зари. Поведай мне, с чем пришла чем нагрешила да чем провинилась.

Старушка Зоря скривила губы, пустила слезы, хотя и не рыдала. Она опиралась на руки Святого отца, упирающиеся в ее плечи, на ногах было тяжело стоять.

— Мой сын был убит, отец. Убит зверски и не по-людски. Убит грешниками и сынами бесовыми.

После она замолчала.

— Продолжай, дитя Зоря. В чем твое согрешение?

И она незамедлительно продолжила.

— За день до того, отец... Я курей кормила. А прошел дождь, да такой проливной, что земля грязью стала, сплошной грязью. Когда кормила курей, чуть не скатилась на ногах да не пала в грязь телом. А меня человек поддержал. Он был добр, чем-то похож на моего сына. Когда поскользнулась, он подхватил меня и донес до хаты, усадил на кресло да побеспокоился обо мне. Смотрел невинными детскими глазами.

Отец Силантий все время кивал.

— Я на добро добром решила ответить, — продолжала старуха, и чем дальше заходила, тем больше слез лила, — и покормила сынка этого. Когда кормились, вернулся мой сын, и они вместе из одного чана молоко хлебали. Сын мой, Фидор, так благодарил этого парня, что предложил ему кров наш, за то, что он меня, его матушку не оставил и помог. С моего одобрения. А я одобрила. Потому щ, я ж больная...

— Не отвлекайся, дитя, — сказал уже более грозно и властно отец Силантий. — Не отвлекайся.

Зоря с перепугу сглотнула слюну. Кивнула потом.

— На следующий день этот парень... Как оказалось, ирод. Он убил моего Фидора, рванул ему глотку, после...

Старуха не смогла продолжить. Тогда отец Силантий сдвинул ей плечи, старуха завопила от боли. Начала вскрикивать, затем плакать.

— ... после надругался над телом моего мальчика! Испражнился прямо передо мной.

Затем поблагодарил за еду, кров и молоко. Я накормила сына своего убийцы! — Зоря принялась кричать, истошно по-старчески. — Накормила, напоила, приняла в свой дом. Разрешила, впустила! Если бы не я, то мой мальчик Фидор был бы жив!

Силантий прекратил сжимать больное тело старушки, резко отпустил. Та повалилась, уперлась лицом в его грудь. Он обнял ее, конечно, но посмотрел, как на свинью.

Она тряслась и рыдала. А он смотрел, как на низший сорт общества. Картина маслом.

— За твои прегрешения, за твою вину пред Богом за смерть сына своего... Приговариваю к голоду недельному, дитя Зоря. После недельного голода все твои грехи искупятся, когда первый кусочек хлеба попадет в твой рот. Но, если неделю не выдержишь, Божья кара тебя постигнет и в тот миг сгорит все, что у тебя есть. Таково мое слово.

После этого он отодвинул ее, и вновь монотонно и скучно проговорил на всю залу.

— Следующий.

* * * * *

— Как тебя зовут, дитя?

Иво стоял пред Силантием, на голову был надет капюшон плаща. Оружие он был вынужден оставить на входе. Также, как и со всеми, Силантий положил руки на плечи слушаемого, затем приклонился к его лбу и чмокал.

— Иво. Иво Эль Гарден.

— Иво Эль Гарден... — с особым интересом пропел Силантий. — Неместное дитя приезжее. Что ж, Бог един пред нами, и нет разницы, откуда его сын прибыл. Поведай мне о грехах своих, сын. Лишь сперваними капюшон свой, дабы я, Божий представитель, смог узреть твой грешный лик.

Иво усмехнулся, и это разозлило Силантия.

— Боюсь, в этом нет нужды, отец. Мой лик ничего вам не даст.

Силантий начал сжимать плечи. Лишь почувствовав на своей шкуре, Иво понял, что этот Святой отец прекрасно знал болевые точки на плечах своих жертв, и был он скорее не священнослужителем, а типичным садистом.

— Открой свой лик, сын.

— Я повторяю еще раз: в этом нет нужды, отец.

Силантий сжал плечи Иво со всей своей силой.

— Нет нужды в твоём нахождении здесь. Ты весь пронизан грехами. Приговариваю тебя к... — начал шипеть Силантий, словно кипящая вода.

Иво слегка приподнял голову, дабы Святой отец увидел это: горящие изнутри черным пламенем зрачки, скверная злобная гримаса, взгляд, выражающий все желание выпотрошить этого священничешку и швырнуть его кости псам. Силантий сразу отступился, но старался не подавать виду, что боится.

— Я же говорил, нет нужды, ведь Рыжая бестия убита, но не изгнана.

Иво сказал полупшепотом, так, чтобы лишь Силантий услышал сказанное. И священник резко поменялся во взгляде: глазами хаотично бродил по зале собора, то ли выискивая помощи, то ли еще чего, губы задрожали, причем так, как еще недавно дрожали у старушки, которую он терзал и заставлял «искупать» своих «грехи» (которые и грехами-то назвать невозможно). Он сразу же потерял свое величие, свою возвышенность, и даже забыл о Боге, как показалось. Хотя он о нем и не вспоминал, думается.

Иво обратил глаза обратно, затем пристально смотрел на напуганного святошу. Тот, в свою очередь, не очень-то и хотел пересекаться взглядом с изгнанником.

— Отец, я так и не покаялся. Выслушаете?

Силантий не поднимал шума, послушно, хоть и с легким тремором, подошел к изгнаннику, положил руки на плечи. Голову склонил к лбу, но губами не коснулся его. Общались они шепотом.

— Говори, сын Божий.

Иво, перед тем, как что-то сказать, набрал легкие полные воздуха, затем со свистом выдохнул.

— Я повинен во многом, отец. И много за моей спиной поступков, за которые ни один Бог не сможет меня простить. Когда мне было лет семь от роду, я впервые убил человека. Была война, и чтобы выжить, мне приходилось идти на крайние меры, даже будучи ребенком. Я не понимал, почему меня боятся, почему все смотрят, как на отщепенца, инога. Не понимал, почему они смотрят на простого мальчика, как на самую опасную тварь. Потом понял, когда объяснили добрые люди. Добрый человек научил добру, отец, и я понял, почему меня боятся. А также понял, почему я буду грешником, грехи коего невозможно искупить.

— Продолжай, — голос Силантия уравнился, больше не было той колеблющейся дрожи. И величия с надменностью, что ни странно.

— Я изгнал первую тварь в тринадцать. Это произошло случайно, тогда я и понял, что умею, на практике. Черными глазами я уже давно сверкал, но вот истинную изгнанническую силу применил лишь тогда. Это была толпа маршей: слабые демоны по одиночке, зато сильные в группе. Я изгнал троих из десяти, и остальные семеро убежали. Когда меня нашли, я был весь в крови, валялся на поляне. Добрый человек не ужаснулся, лишь сказал, что я — молодец, и что это моя задача — защищать беспомощных от тех, кто хочет им навредить. Этот добрый человек вложил в меня человечность.

Иво на секунду умолк, перевел дыхание. Скверно сложил губы, затем смочил их. А затем уже продолжил толковать.

— В семнадцать я жестоко расправился с группой людей. Уроды, самые обычные. Они хотели изнасиловать девочку, а я проходил рядом. Не смог сдержать гнева и, обратив глаза черным, быстро приблизился, затем одному отсек конечности, другому отрубил голову, третьего заколол, а четвертому с пятым вырвал сердца. Девочка была напугана, и мне повезло, что она не видела черных глаз и то, как я нечеловечески перемещаюсь в пространстве. Лишь это меня спасло. Добрый человек тогда вновь нашел меня, потому что я отошел от дружины. И, когда увидел то кровавое месиво, я впервые узрел, как он ужаснулся от чего-то в этой жизни. Тогда этот добрый человек сказал мне, что, если и убиваешь, делай это менее жестоко и так, чтобы жертва не страдала. «Убивай, как человек, а не как зверь», — до сих пор помню эту фразу. Тем не менее, за спасение девочки он меня поблагодарил. А сама девочка боялась меня больше, чем тех уродов, мне кажется.

— Продолжай, сын Иво Эль Гарден.

— Продолжаю, отец. С того времени все мои убийства и согрешения лишь приумножались. Но есть главное, от которого даже моя душа начала болеть. Я должен прогнать отродье, сильнейшее отродье. То, что убило, но не изгнало. Но я не успеваю, и не могу его найти. Из-за этого слишком много людей пострадало и страдает по сей день. Из-за этого брат по духу убит...

— ... но не изгнан, — продолжил эту фразу отец Силантий. — Смерть — не конец.

Иво вновь встретился с ним глазами. В этот раз своими обычными голубыми.

— Вы правы. Это не конец. И все же, я думаю, Бог смог бы указать мне, где эта тварь

обитают. А я в свою очередь стану Божьим мечом, что покарает настоящее зло, и тем самым искуплю свои грехи. Вы поможете мне, отец?

Иво шагнул назад.

Они смотрели друг на друга: Иво ждал ответа, а Силантий думал, какой ответ ему дать.

Баствест, будучи столичным градом Хельсинга, был вторым местом, где изгнанника при первой встрече не вели на костер. Иво знал это, а еще знал, что церковь здесь правит всем. Законно власть конечно ей не принадлежала, но законы здесь работают там, где это выгодно. И на тех, кому это выгодно. Бесова долина кишела изгнанниками, и всем это было на руку.

После политического раскола всей Эксодии, когда изгнанников истребляли, сжигали, предавали и уничтожали, Хельсинг знал, что это ошибка больших масштабов. Однако такое маленькое государство, чудом сохранившее суверенитет, не могло возражать воле могучих и больших стран. Поэтому Хельсинг вел свою политику, тихую: они предоставляют безопасное и тихое место для убийц бессмертной нечисти, а те, в свою очередь, защищают страну от чужаков, а что главное — делают это тихо. Международное право, твердящее, что всякий, стоящий на стороне гибрида-упыря, подвержен смерти, работает на всех без исключений.

Конечно, каждая страна в той или иной степени пользуется услугами охотников на демонов. И каждая страна это понимает. Но пока еще не было зафиксировано этого публично. А как только подобная весть разлетится на весь континент, будет суд. Суд войной.

Силантий мигом взглянул на вход в собор. Там стоял крупный бугай, сторожащий ножны меча. Затем он посмотрел на Иво. Тот подмигнул ему, покивал.

Силантий прошел к бугаю. Что-то сказал ему на ухо, затем тот без колебаний отдал Святому отцу меч.

По возвращению на свое место, Силантий отдал меч изгнаннику. Позади них стояли еще двое священников, они молились и омывали статую Бога, представленную бородатым мускулистым мужчиной, а снизу статуи было выцарапано «Род». Силантий подошел к одному из них, вновь что-то прошептал на ухо. Этот второй священник молча выслушал, затем послушно кивнул, встал на место Святого отца-слушателя. Силантий передал ему клубок и показал свои светлые волосы длинной до ушей.

— Иво Эль Гарден... — резко и даже громко сказал Силантий, так, что по всей зале разнеслось вновь эхо.

Иво закрепил меч за спину, затем молча осмотрел лицо отца еще раз.

— Бог укажет тебе путь. Следуй за мной.

Они устремились в глубь собора. Подойдя к самой дальней двери, которую даже никто не охранял, Силантий достал из кармана одинокий, но длинный ключ, который отворил дверь. Массивная конструкция поддалась сразу же, хоть и злобно скрипела. По закрытию двери, на весь зал собора раздался массивный хлопок. А затем, словно ничего и не было, раздалось эхо.

— Следующий.

III. Убита, но не изгнана III

Продольный коридор. За ним — комнатка, склад с припасами. После нее — темный зал, большой, просторный даже.

Все время Силантий был рядом. И все время он молчал. Как только они вошли в помещение, Святой отец ступил чуть правее, сразу же преклонил колени.

И зажглись огни.

Зал квадратов четыреста площадью, справа и слева были голые кирпичные стены. Наготу этих стен прерывали лишь факела, от которых исходило смуглое свечение. Такое, чтобы вошедшие не смогли видеть лиц тех, кто были напротив.

А напротив сидело семеро. Они сидели и продолговатого стола из деревянного массива. У каждого была своя незажжённая свеча, свой лист бумаги, своя чернильница, и, разумеется, свое перо. Каждый сидел с открытым лицом, однако из-за теней их Иво не мог увидеть.

Он стоял смиренно, ждал следующего шага Силантия. А он, в свою очередь, нервно подрагивал, стучал зубами. Затем молниеносно дернул головой в сторону изгнанника, кивая ему, тем самым указывая, чтобы Иво тоже преклонил колени. Но изгнанник даже не смотрел в его сторону.

— Преклони колени... — тихо шептал священник.

Иво игнорировал.

Силантию это явно не понравилось. Среди всех личностей, коих встречал Иво в своей жизни, этот был самый «двуличный» и «странный»: он менялся в лице каждый раз, когда менялась ситуация вокруг него. А еще он был до чертиков дерганый, а это, скорее, даже забавляло. Сейчас Силантий нервно метался головой, словно его безостановочно коротило током. А еще, наряду с дерганием головой, постукиванием зубами и забавным тремором всего тела, теперь он еще и постанывал, словно загнанный в угол зверь.

— Молю тебя, изгнанник, преклони...

— С кем имею честь встретиться, — слегка отведя взгляд в сторону и прикусывая нижнюю губу, громко произнес Иво, явно делая акцент на второй части предложения, — лицом к лицу.

После этих слов у Силантия случился еще больший припадок — он покосился и упал на колени, оперевшись о пол руками. Стон стал громче.

— ... если так можно выразиться, конечно, — дополнил Черный изгнанник.

Факелы вмиг угасли. По залу прошел холодный ветер, сковывающий и вызывающий дрожь в ногах. Силантий не сдержался и зарыдал. Лишь его вопли нарушали тихую идиллию места.

В крошечной темноте Иво ничего не видел, зато все прекрасно чувствовал: семь аур напротив все также присутствовали и были такими же, как прежде, аура Силантия тоже присутствовал в том же месте, ее окрас лишь сменился из-за страха.

И появилась еще одна.

Аура сильная, темная, словно демоническая. Она медленно приближалась к изгнаннику, местами, как змея, мельтешила из стороны в сторону. А местами, как гордый лев, шла прямо.

Но физического обличия этой ауры в помещении не было, и лишь Иво ее чувствовал. Хотя изгнанник догадывался, что не может быть все настолько просто.

Иво ждал, закрыв свои глаза. Так он лучше концентрировался на чувстве аур. Руку потихоньку направлял за спину, обхватывая рукоять меча.

Затем она резко ускорилась — раза в три. Нет, в четыре. Иво быстро обнажил клинок, сделал шаг назад, присел и выставил меч перед собой. Моментально о черное лезвие что-то лязгнуло, а о пол что-то чиркнуло. Иво не сразу заметил, как воздух что-то разрезает снизу, и это что-то летело прямо на него.

Пришлось вмиг обратить глаза, применив изгнанническую силу, телепортироваться

приблизительно за спину атаковавшему. Сделал это Иво быстро, так как, по всей видимости, второе лезвие, летящее снизу, едва не вонзилось ему в ногу. Оказавшись за спиной, Иво атаковал сверху рубящим ударом. Невидимый ответчик блокировал, скрестив два своих лезвия. Черный изгнанник дернул за рукоять, и лязг стали оглушил всех находящихся в зале, Силантия оглушил же вдвойне — тот отскочил ближе к стене и постепенно отползал, дабы упереться в нее спиной.

Схватка продолжалась, хотя и натиск с двух сторон угас. Иво оказался в центре зала, хват взял удобнее, руками обволокло крепко рукоять, выставив лезвие диагонально. Напавший на него был напротив, иного Черному изгнаннику понять не было дано. Он чувствовал лишь колебания в пространстве, но не мог понять, как готовится атаковать противник, что он собирается делать, и собирается ли вообще. Обычно, в бою такие факторы осознаются по положению ног, рук, метанию глаз в разные стороны. Хотя, любой иной на месте изгнанника давно бы уже лежал с изорванным брюхом, поэтому Иво должен был радоваться хотя бы тому факту, что он все еще на коне.

Неизвестный двинулся: сначала влево, потом — вправо. Он был ловчее и проворнее изгнанника, в скорости Иво явно уступал, а особенно, учитывая, что Иво лишь понимал, где он находится, перевес был вдвойне на стороне теневого врага. Пришлось вновь закрыть глаза, чтобы усилить шестое чувство на максимум.

Правая нога назад. Левая — пропорционально левее и чуть прямо. Конец черного лезвия направить в другую сторону, все также горизонтально, однако слегка приподнять — сюда летит один из клинков.

Верно! Удар был сильным, несмотря на, как показалось за время сражения изгнаннику, краткость клинка его противника.

Второй уже летел прямо в живот. Не задумываясь, изгнанник отпустил свой меч, резко двинув левый локоть вниз со всей силы. Локтем он сбил несущуюся в него руку неизвестного, ошеломив того. Этот шанс изгнанник решил использовать: он со всей силы толкнулся вперед, сбивая всей своей массой стоявшего перед ним невидимого, а перед тем, как упасть, телепортировался чуть дальше, приземлившись однако все равно неудачно. Секунду, пока вставал, глазами он искал свой меч на полу. Нашел почти сразу же.

Рывок вперед, с последующим нырком к мечу. Иво почти схватил его, да только потерял бдительность и не уследил, как враг оказался сбоку и пнул его в ребро, отбросив и разорвав дистанцию между мечом. Иво смог сгруппироваться, кувырнулся боком и приземлился на колени, сразу же телепортировавшись назад, чуть выше пола, чтобы встать на ноги.

Оказавшись без оружия, таинственный невидимый враг сразу же ринулся вперед, с такой же скоростью, как и в первую свою атаку. Изгнанник запыхался, чтобы добраться до меча из сплавов черного титана и алюминия, ему пришлось бы сделать три короткие телепортации, которые выбили бы его из сил, а еще, ко всему прочему, вызвали бы необратимую боль в голове и голод по душам, что он испытывал после использования косы Терезы.

Однако вариантов не оставалось.

Он решился не телепортироваться к мечу. Глаза его засияли еще пуще черным, сам он дернул рукой. Вмиг, словно из воздуха, в его руках засияла призрачная коса, озарив изумрудным светом все помещение.

Только свет постиг зал, как таинственный враг, скрывавшийся до этого в тени, стал видим. Он не ожидал такого поворота событий, резко остановился, а на лице его отчетливо

виднелся шок и нежелание принимать случившееся за правду.

С виду, обычный юнец. Меньше Иво на голову, комплекцией тела — худой, зато в хороших штанах, отбитых ботинках и дублоне бордово-черного цвета. Хотя вот лицом он был очень-то похож на Иво. Смуглое, грязноватое, на всю нижнюю губу глубокий шрам. Волосы русые, примерно до висков длиной.

Глаза его отдавали перламутром. А еще они тоже сверкали. Сверкали, как глаза Иво сверкают черным оттенком, только эти сверкали совсем иначе, оттенком таким же, как и у его настоящего цвета глаз. Перламутровым.

Перед ним стоял такой же изгнанник. И понял это Иво лишь благодаря глазам.

Глаза — есть зеркало души. И лишь по ним гибрида можно отличить от обычного живого существа. Когда изгнанники пользуются своими способностями, их глаза начинают сиять. У каждого так, ведь глаза — есть отражение души. А у тех, чья душа на четверть демоническая, отражение будет соответствующим.

В руках же этого изгнанника, как и догадался Иво, было два клинка. Но они были искусны, красивы. Лезвие каждого уникальной формы, и каждое оно пылало, только вот это был не огонь. Это было что-то уникальное, скорее походило на тень. словно тысяча теней скопилось и окружило лезвия. Эфес кинжалов также не оставался без внимания: гарда была искривленной, как будто крылья, с пробоинами в металле, навершие, оно же яблоко на рукояти, было стилизовано под голову Высшего демона: крупный череп, короткие рога на лбу, злобные очертания лица. В районе глаз демона была пустота, которая, однако, также заполнялась тенями, как и на лезвиях клинков.

Иво быстро осмотрел его, затем стремительно замахнулся Фаэдрой. Он все равно не мог ловко управляться с косой, хотя и улучшился в скорости, проворности и технике благодаря тренировкам с Терезой.

— Довольно, — прозвучало со стороны сидевших семерых.

Иво резко остановился, что спасло беднягу: лезвие уже целовало его шею и, приблизясь оно еще сантиметром вперед, как все вокруг обагрилось бы кровью. Сам же второй изгнанник уже был готов принять свою смерть, хотя и стоял непоколебимо и уверенно, встречая черные мерцающие глаза своими, а также делая отвратную ухмылку.

И какое-то время они так и смотрели друг на друга, пока факелы вновь не зажглись, смешав изумрудный окрас приятным теплым огненным.

Черный изгнанник медленно убрал оружие с горла, затем махнул ведущей рукой, и Фаэдра испарилась, частичками оставшегося изумрудного свечения влетая внутрь своего владельца. После этого в висок поступила сильная боль, Иво покосился и еле устоял на ногах. Он был удивлен, но второй изгнанник ловко подхватил его одной рукой под подмышку, а второй — за пояс. Затем вновь встреча взглядов, на этот раз не враждебная, скорее даже, выражающая солидарность и понимание.

Тот кивнул, и, убедившись, что Иво спокойно стоит самостоятельно, отошел в сторону. Черный изгнанник оглянулся, после нащупал на поясе свою мелкую походную сумку, а в ней — последнюю емкость с душой, запечатанной Ордовиком.

Зубами он откупорил пробку, отплюнул ее, и медленно поглотил душу твари. После того, как поглотил, громко сплотнул, затем со свистом выдохнул, закрыв глаза. Как открыл — те уже были голубыми, человеческими.

До сего момента все семеро молчали, смотрели, скорее даже наблюдали за происходящим. Лишь один из них, тот, что сидел левее всех, смотрел на Силантия,

дрожащего от страха и, что было возможно, купающегося в своей же моче — начали доноситься нотки скверного ароматного букета.

Тот, кто сидел посередине, первый зажег свою свечу. И сразу же приковал все внимание Иво к себе.

Это был уже старый человек, годов пятидесяти-пятидесяти пяти, лысый, без единого волоса на лице, с малым количеством морщин, суровым взглядом, одетый в что-то, напоминающее рясу, но не являющееся таковой.

Он стукнул кулаком по продолговатому столу, тем самым собрав внимание всех, кто был в зале. Даже шуганного Силантия. Даже самого левого из семерых.

— Большая редкость встретить приезжего обладателя живого оружия. Еще большая редкость — встретить Черного изгнанника, известное на всю округу отродье, профессионала, вольного охотника на демонов, устроившего настоящую резню в Бауманском городе.

— Последнее, — Иво вышел чуть вперед, — я бы откинул. Я могу многое про себя признать, даже то, что не является правдой. Но резня — не моя заслуга.

— Пусть так, — прозвучал женский голос, молодой, слегка грубоватый для женщины — он звучал справа от лысого старика. — Но сути не меняет.

Она встала, зажгла свечу. Красотка одним словом: румяные щеки, красные большие губы, белые волосы, заплетенные в толстую косу за спиной. Кожа идеальная, тело укрыто шелковым дорогим платьем цвета синего моря. А взгляд ее был способен укротить сотню мужчин.

— Неоднозначная особа, достаточно спорная, — продолжала она, — прибыла в наши края. Но зачем? Особа, живущая по своим правилам, особа, твердящая...

— Рыжая бестия убита, но не изгнана, — закончил фразу старик.

Нависло тяжкое молчание, которое вызывало напряжение и какое-то недопонимание между сторонами диалога. Ее прервал вопящий Силантий, который, однако, постарался взять себя в руки, и даже умудрился встать. Хотя стоял все еще, опиравшись руками о стену.

— Ваши светлости, сын Иво Эль Гарден... Простите, бес Черный изгнанник.

Иво выразительно посмотрел на Силантия, повел глазами на женщину. Та на миг усмехнулась, улыбнулась, но увидел это только Иво.

А Силантий прекрасно заметил тот косой взгляд изгнанника.

— Нет, все же сын Иво Эль Гарден, — исправил он. — Гость сказал, что грешен, но хочет искупить грехи. Став оружием Бога, он намерен покарать адову бестию, постигшую Рыжую бестию. Поэтому он и здесь...

Силантий склонил голову, не желая видеть, как на него смотрят. Но он был слишком, видать, хорошего о себе мнения — Святой отец был последним, на кого желали смотреть все находящиеся.

— Рыжая бестия не смогла. Ты подавно не сможешь, — грозно воскликнула женщина.

— Рыжая бестия — не я, — возникал Иво, и говорил это с особым сарказмом.

Отчего та женщина прошипела, выгнула спину.

— Ты падок на оскорбления, Иво Эль Гарден. Сперва оскорбляешь нас, теперь — сильнейшего изгнанника всего континента...

Она хотела закончить говорить, но Иво ее перебил.

— Вы падки на угрозы, мужи и женщины. Сперва представляете пред зашедшим за тенью, после чего, когда вас что-то не устроило, пытаетесь изгнать его с помощью ручного убийцы.

Там, где я чаще бываю, такое зовется «грязь».

— Ты в самом грязном районе всего мира. Добро пожаловать, — лысый старик сказал громко, но по-доброму. — Здесь свои правила.

Он вышел из-за стола. Ростом старик был невелик, да и телом не вышел, ходил медленно, зато осанку держал так ровно, что по ней можно было мерить что угодно.

Он вышел к центру зала, наклонился, поднял меч Иво. Сперва осмотрел его, покрутил, затем направился к изгнаннику. Он вручил ему оружие, протянул двумя руками: одной удерживая рукоять, другой — клинок.

— Ты спрашивал, с кем имеешь честь встретиться? Мы — безликие. Те, кто не обладает именами. Те, чьи лица скрыты за маской теней. Те, кто держит грязный оплот изгнанничества под контролем. Мы не изгнанники, мы не герои. Но мы их союзники, представляющие их в особо деликатных вопросах.

Иво забрал меч, сунул в ножны. Старик развернулся и прошел к правой стене, направился к столу вдоль нее.

— Но кто ты, Иво Эль Гарден? Друг или враг? Защитник или убийца? Щит или меч?

— Тот, кто пришел изгнать беса, что таится в садах. Если слухи, конечно, не врут.

— Слухи не врут, — заговорила женщина, также выходя в центр зала. — Бестия и правда поселилась в Садах смерти. Бестия сильная, бестия страшная. Демон, коих этот мир еще не видал. Огромная, отвратная, слизкая и мерзкая. Одним своим видом устрашает...

— Вы лично видели ее, что утверждаете подобное? — Иво перебил ее, и та вновь разозлилась.

Однако теперь уже старик встрял в речь, тем самым разряжая обстановку.

— Никто из нас ее не видел, Черный изгнанник. Но даже так, утверждать такое мы можем.

Иво окинул их взглядом, сделал шаг вперед, затем усмехнулся.

— Мне нужна информация, а не сухие доводы.

— Это не сухие доводы, изгнанник! — прошипела женщина, стукнув по столу кулаком. — Это сведения, собранные очевидцами. Ты свалился сюда, как снег на голову, грубишь и без малейшего уважения относишься к местной власти, чуть не угробил одного из своих братьев, а сейчас проявляешь всю свою мерзотность, вызываешь сильнейшее отвращение! Ты отвратителен!

После ее речи, слов и не подобрать было. Женщина, единственная из безликих, явно была самой экспрессивной и дерзкой среди всего совета. Она не задумывалась о том, что сказать — просто молвила то, что думала. И всегда яростно «взрывалась», когда получала не тот ответ, который хотела.

И если все, обычно, выбирали молчание, дабы не провоцировать дамочку пуще прежнего, то Иво напротив, каждый раз дерзил еще сильнее, выводя ее на новый уровень злости.

— Послушайте меня. Все, хотя в первую очередь, вы, — он указал пальцем на женщину. Та аж покраснела и чаще задышала. — Мне плевать на местные законы, плевать на последствия, плевать на советы, интриги, установки и прочее. Я прибыл сюда, в неизвестный мне край, и даже, как вы сами говорите, край самый «грязный».

Теперь он выразительно посмотрел на старика. Тот ответил встречным безэмоциональным взглядом.

— Я прибыл сюда, ознакомленный с местными правилами и контингентом. Я знаю, что

изгнанники Баствеста недолюбливают прочих с иных частей континента. И знаю, что они тут имеют определенную власть. Только он пожелают и меня могут стереть с лица мира, поверьте, я знаю, о чем говорю — себе подобных я понимаю, как никто другой. Я прибыл сюда, зная, что теплого приема не стоит ждать, но я прибыл сюда, потому что должен был. Должен изгнать ту тварь, что порочит не только ваши земли, но и земли всего сраного континента. Ту тварь, что представляет особую угрозу. Таковую, что, если даже ваша хваленная и великая, сильнейшая Рыжая бестия с ней не справилась, то не справится никто иной.

— Так почему ты так яро веришь, что, если наша хваленная и великая, сильнейшая Рыжая бестия с ней не справилась, то справишься ты? — ехидное лицо женщины прямо пыталось вдавить изгнанника под землю.

— Я не верю, — ловко парировал Иво. — И не смею утверждать, что справлюсь я. Однако кто-то должен это сделать. Если не получится у меня, получится у иного изгнанника, рано или поздно.

— Только ли в деле чести вопрос, Черный изгнанник? — обратился старик, обратился громко, величественным голосом. — Что тебе будет с этого риска? Или ты хочешь сказать, что ты, подобно рыцарю, стремишься защитить весь мир живых?

— Половина правды. Жить хочется всем, но жизни не сыщешь, пока по миру ходит Всадник Апокалипсиса...

— С чего ты взял, что он — Всадник Апокалипсиса?!

Резко в разговор встрял до этого стоявший смирно и молчавший второй изгнанник. Говорил он уверенно, голос не дрожал, однако говорил, явно не веря словам своего собрата по духу.

— Полная чушь, дамы и господа! — сразу же после него ворвалась женщина. — Видите, даже Винсент скептически относится к словам Черного отродья — своего собрата, между прочим. Пустите на корм псам чужака!

— У меня контракт. На изгнание Всадника Апокалипсиса. Всадника Чумы, вестника болезней и подобных проказ. Тот, что на белом, как мгла, коне, и тот, кого зовут Мором.

— Что за контракт? — Винсент, изгнанник, подчиняющий тень, спрашивал с особым интересом.

А женщина «горела» так сильно, что вот-вот была готова сама выйти и разобраться с чужаком.

— Сказочник. Демон-перебежчик. Ты должен о нем знать, я полагаю.

И вот она не выдержала.

— Свинство! Изгнанник, заключающий контракты с демонами! Вот поэтому вас, отродий, и пожгли всех. Слухи не врут, вы действительно больше отродья, чем люди. Члены совета, прошу прислушаться к моим словам и хорошенько прикинуть доводы. Старейшина, — она взглянула на старика.

Тот все также безэмоционально стоял у стены.

— Внемлите моим словам! Отродье, о ком слагают паршивые слухи, тот, глаза коего окаянные черным цветом заливаются, кто в плаще цветом ночного неба и с мечом черней сажи в печи, пришел к нам дерзить и выпрашивать информацию о наших землях, о происходящем на них. Пришел, чтобы изгнать демона, по поручению одного демона!

— Успокойтесь, Гризельда, — Винсент подошел и встал рядом с Иво. Перед тем, как продолжить, кивнул. — Черный изгнанник говорит истинные доводы, по которым можно судить, что он не врет.

— Что?! Да как ты смеешь, Винсент...

— Гризельда! — громковато для своего возраста, но возразил лысый старейшина безликих.

Винсент подождал пару секунд, и когда дождался полной тишины, в первую очередь, от Гризельды, громко заявил:

— Сказочник — демон, ваши опасения можно понять. Но это демон, что перешел на сторону людей, и с тех пор ни разу не вкусил живой души. Он, скорее, торговец, выбравший путь сотрудничества. О нем знает каждый изгнанник, потому что так многие существуют. Контракт с ним не обязует, однако все еще выгоден. Демон просит души в обмен на любые желания, соизмеренные тому количеству душ, что ему принесли. Благодаря им он живет и питается, душами исключительно мертвых, а изгнанники, в свою очередь, живут своим ремеслом: чаще всего те, кто приносят ему души, просят деньги иль любую иную ценность, за которую они выручат червонец-другой. Все честно, госпожа Гризельда. И, если Черный изгнанник, то бишь Иво Эль Гарден, утверждает о таком грозном демоне, как генерале всей Геенны, он же Всадник Апокалипсиса, приплетая сюда Сказочника, его слова обретают совершенно иной смысл. Потому что демоны Геенны не забывают предательств, особенно таких сильных. И здесь стоит учесть, что, если Сказочник для выполнения такого тяжелого заказа выбрал его, — пальцем он указал на Иво, — значит он действительно силен. Я лично убедился в его силе, он первый, кто смог сражаться против теневых клинков наравне, и, более того, убил бы меня, не остановите вы его.

Все безликие, после речи, зашуршали и зашептались. Даже Гризельда, самая громкая и дерзкая женщина на памяти Иво, уселась и вступила в личную дискуссию совета. И лишь старик все стоял у стены и словно чего-то ожидал.

— Я сделал все, что мог, брат, — прошептал Винсент Иво. Иво благодарно похлопал его по спине.

— Я знаю. Спасибо.

После недолгих обсуждений, среди шестерых сидевших безликих, со своего сидения встал тот, что был в маске: какой-то странный и чужоковатый, слегка пухленький, с голосом «острым» и не самым приятным — Иво радовался, что он молчал до этого.

— Иво Эль Гарден, мы расскажем вам все, что знаем. Как вы просили, не сухие факты. И покажем, разумеется. Старейшина Гаарльд, это решение пятерых из шести сидящих — госпожа Гризельда единственная противится такому исходу. Ваш голос дорогой, но даже он ничего не решает, и, тем не менее, я обязан спросить вашего мнения.

Гаарльд потер лысину, затем вдавил определенный кирпич в стене. Сразу после этого, сработал какой-то механизм, и кусок стены принялся отъезжать, постепенно озаряя ярким светом все еще тусклый, хоть и освещенный факелами, зал. Иво пытался заглянуть туда, увидеть, что же там находится, однако длинные стены, ведущие в помещение, мешали это сделать.

Как стена полностью отодвинулась и открыла проход, Гаарльд рукой указал на проход.

— Я давно уже все решил. Винсент, проводи Черного изгнанника к своему братству. И поведай, что случилось в Садах смерти, нет смысла уже скрывать.

Иво с облегчением выдохнул, а Винсент улыбнулся.

— Не самое теплое знакомство, но тем не менее, Черный изгнанник, — он протянул ему руку, они скрепили знакомство теплым рукопожатием, затем направились в открывшееся помещение.

— И мне приятно, Винсент.

Изгнанники покинули зал. Безликие встали и тоже удалились. Все, кроме Гаарльда. Сперва он подошел к «потерявшемуся» Силантию, щелкнул у его лица пальцами, и когда тот дернулся и опомнился, кивками старик пошутил над ним.

— Можешь идти, Святой отец. Занимайся своими делами. И... пред этим подмойся, прошу.

Силантий не возникая, убежал.

IV. Убита, но не изгнана IV

Взглянув на него, Иво понимал, отчего он был именно «рыжей» бестией. Другого слова здесь не подобрать, что лучше бы описало мужчину.

Рыжая борода. Густая, такой густой еще Иво не видел, туда можно было свободно нырнуть рукой, спокойно «поплавать», цепляя множественное количество крошек и слипшихся воедино волосков. Но это только низ, сверху все было идентично: длинные рыжие волосы, обычно заправленные в толстенный хвост, но сейчас на умершем теле они были в своем первоизданном виде.

Поговаривали, что он ни разу за свою жизнь не брился и не стригся. Вообще ни разу, с самого детства.

Рыжая бестия, узнаваемая сразу — такой действительно существовал только один, и спутать его было абсолютно невозможно.

Тело было нагим, лежало на платформе, руки и ноги отодвинуты от прочего тела.

Он был мускулист, крупный, самый настоящий зверь. Кулаком он, кажется, мог размазать череп ребенка без особых усилий, и это высказывание отнюдь без преувеличений. Грудь тоже широкая, с набранной мышечной массой. К бедрам тело сужалось, а в ногах вновь расширялось. Самый настоящий титан. Хотя, до истинного исполина ему не доставало роста: он был примерно, как Иво, ввысь, что не делало его титаном. Крупным — да. Зверем — да. Но не титаном.

Изгнанники разглядывали тело. Помимо них, в комнате были еще колдуны-знахари, поддерживавшие тело и не дававшие ему разлагаться. Они были настолько уставшие, что и не заметили вошедших посетителей. Но даже так выполняли свою работу на все пять баллов.

Теперь Иво с Винсентом подошли поближе. Пока Иво прошел к голове, Иво, скрестив руки, любовался всей этой «грудой», иначе и не назовешь: Тело, конечно, сохранилось, и сохранилось прекрасно, так, что все раны на нем были, как свеженанесенные. И каждый неловкий взгляд, брошенный в его сторону, невольно подзывал к горлу желчь, которую приходилось отрадно сдерживать.

— Убит с неделю-полторы тому назад, — прервал молчание Винсент.

Иво спрятал руки под плащ, подошел на осмотр.

— Чародеи всего Баствеста борются за его жизнь, верят, что еще можно воскресить.

— Душа не покидает тело, пока то не разложится. Умное решение, только не уверен, что возможное.

Иво докоснулся рукой до его волос. На удивление, те были действительно, как у живого человека.

— Все возможно, изгнанник. Черную магию никто не отменял.

Винсент указал рукой на тело. Все продырявленное, как решето, раны окровавлены, вокруг дыр все было покрыто черным, словно под кожу ввели чернила.

— Пробоины в теле: трахея не иначе как под замену, легкие все изорваны — три

снаряда попало, еще один прямо под сердцем, желудок тоже пробит, он лопнул под действием силы.

Затем они прошли чуть дальше.

— Кишки как намотало, иного не подберешь. Ноги тоже все пробиты, колено левой ноги прострелено. Вот здесь, на икре, — Винсент указал на левую ногу, — наконечник стрелы...

— Стрелы? С такими дырами, скорее, в него швыряли копьями, если не чем-то иным.

Винсент скривил губами.

— Увы, стрелы, мой друг. Я видел собственными глазами. Но об этом позже. Здесь, — продолжал он показ, — стрела прошла по касательной.

И в том месте, где стрела, как сказал Винсент, лишь царапнула бедолагу, все вокруг тоже покрылось черным.

Иво хотел потрогать то место на коже, но Винсент успел ударить его по ладони и откинуть в сторону.

— Не смей. И никогда не вздумай.

Иво с недоумением посмотрел на изгнанника.

— Это смертельно. Врачеватели, кто первые столкнулись с осмотром, трогали пораженные черные участки тела. Каждый сразу же отправился на костер — таким даже псов не покормишь, те сдохнут моментально.

— Есть догадки, что это?

— Никаких. Я был с Янисом в ту ночь. И то, что видел, не передашь словами.

— Ты был там? — не отводя взгляда от трупа, спрашивал Черный изгнанник.

В ответ Винсент промолчал, но в данном случае это был ответ «да».

Затем отошел от тела. Иво еще раз прикинул ранения, все факторы, еще раз обдумал все, исходя из полученной информации.

— Это непобедимая тварь, Иво. Таких демонов мы еще не встречали в своей жизни.

— Непобедимых тварей нет, — Иво вернулся к голове, отодвинул веки и всмотрелся в глаза. Обычные, без изменений.

— Теперь есть.

Иво отвел голову, сложил руки на свободный участок платформы. Затем прикусил губу, сменил задумчивое выражение, отошел к Винсенту.

— Ты назвал его Янисом. Это его имя?

— Да. Янис Донвар, последний из своего рода, предводитель Братства единого клинка, крупного лагеря изгнанников с запада. Сильнейший изгнанник, коего я знаю. Не сочти за грубость, я признаю твою силу, но даже ты ему в подметки не годишься.

— О трупах принято говорить в прошедшем.

Винсент усмехнулся.

— Рыжая bestия мертва, но не изгнана.

Иво не спорил. Ему даже импонировала такая преданность своему лидеру. Он вернулся к делу.

— Что было в ту ночь?

Винсент скрестил руки, взгляд устремил на изрешеченное тело товарища.

— До нас дошли слухи, что в Садах смерти завелась падаль, крупная и опасная. С ней столкнулись наши, отряд двух изгнанников, возвращались с приграничной территории Баумании. Один из них чудом выжил и рассказал, как они встретили настоящее чудовище.

Янис сначала отчитал его, что тот бросил товарища и, поджав хвост, сбежал, лишь потом выслушал. По всему описанию — типичный Высший демон, их всегда одинаково описывают: страшный, отвратительный, разумный, с похожим на человеческое тело строением. Только тут он добавил, сделал акцент на том, что демон был на коне. В первый раз, когда Янис это услышал, он засмеял тот мужика.

Резко в комнату вошли колдуны. Они перебили рассказ изгнанников, но невозмутимо и, словно никого, кроме них, нет в комнате, прошли вперед и сменили тех, что поддерживали тело до этого.

— Потом Янис отправил еще три пары изгнанников на охоту, — продолжал Винсент, — думал, что шестерых, пускай и не сильнейших, хватит, чтобы разобраться отродьем. По итогу те не вернулись спустя два дня. Тут Янис Донвар и задумался.

— Задумался?

— Именно. Ты его не знаешь, но он до чертиков практичный человек, а еще никогда не недооценивает события. Никакие. Он знал, что шестеро должны были справиться с Высшим демоном, пускай даже, если бы выжил всего лишь один. Но вчетвером не изгнать Высшего демона — это надо постараться. Как бы то ни было, после этого Янис самолично собрался на охоту, меня прихватил на всякий случай, как будто предчувствуя неладное.

Винсент вновь отвлекся на колдунов. Эти были отдохнувшие, по их манере поведения было видно, что они волей-неволей слушают его рассказ. Изгнанника это слегка раздражало.

— Что было потом? — возвращал Винсента Иво.

— Потом был кошмар. Мы собрались в ночь, специально, чтобы мне было максимально легко сражаться.

Он достал свои клинки.

— Морис. Теневые клинки. Объяснять, что такое живое оружие, нет смысла, я так понимаю.

Иво с особым интересом взглянул на два кинжала — те не прекращали «пылать» тенью, а столь уникальный и необычный внешний вид еще больше подтверждал наличие души демона внутри оружия.

— Тебе вручили реликвию? Должно быть, Янис Донвар ценил тебя, Винсент. Но откуда вы их достали? Мне известно, что живые оружия настолько хорошо запрятаны, что найти их, скорее, чистого рода везение, практически несуществующее.

— Ценит, — сперва поправил Винсент. — Что до находки, то, если все так, как ты сказал, как тебе удалось завладеть призрачной косой Шепота смерти? Она считается сильнейшей и ужаснейшей из всех оружий. Вопрос не удачи, вопрос подготовки. Как бы сильно не были запрятаны реликвии, карты помнят все. И те, кто их прятали, оставляли подсказки для своих предков. Морис мы нашли в глубинах Черногорских высот, практически на выжженных землях. А где ты откопал косу Шепота смерти?

— В ее храме, как не странно. Правда, в случае с косой, проблема была не найти, а заполучить — владелица оружия очень постаралась, чтобы никто не завладел ее реликвией.

— Вот оно как, — Винсента слегка пробило на смех. — А с этими все было наоборот: мы неделю торчали, отбиваясь от полчищ всяких уродов, обыскивая каждый камушек. Карта была не до конца дописана, пришлось выкручиваться на месте самостоятельно. Но сейчас о другом.

Он сложил клинки на место — укрепил их на поясе, вложив в ножны из тугой телячьей кожи.

— Как-нибудь еще побеседуем об этом.

— Надеюсь, Иво. И надеюсь, к этому моменту в беседе с нами будет участвовать Янис, — он вновь окинул его тело молниеносным взглядом. — Ночью, когда тень берет вверх, Морис раскрываются на полную. В тени они делали тебя практически неуязвимым, невидимым глазу уж точно. Но в ту ночь нам это вообще не помогло. В садах первое время мы не могли отыскать бестию. А потом нашли. Он вышел вальяжно, как король этих земель, так медленно и так лениво. Пересекся с нами взглядом, что-то сказал. Буду честен, я не помню, что он тогда пробормотал. Зато прекрасно помню его лик, как он выглядел.

— Продолжай.

— Гнилое тело. Как живой труп. Личинки торчали, дышал он скверно, громко, хрипел постоянно. Зато конь призрачно-белый, как настоящий, только неживой словно. На конине был его лук, самый могучий лук, что я видел в действии. Он вооружился, затем положил свои мерзкие пальцы на тетиву. И, когда натягивал, стрела сама создавалась у него на пальце — ядовитая, кривая, но летящая так быстро, что уклониться от нее, считай, невозможно. А стреляет он так, словно стрелы пускает из своих глаз, быстро и метко.

— И все же, Винсент, — Иво подошел к телу Яниса Донвара, — мне с трудом верится, что эти дыры сделали стрелы. Такое неподвластно наконецнику.

— Не ищи логики, Черный изгнанник. Здесь ее нет. Здесь только ужас, пропасть и отчаяние. Янис, когда чуть не откинул копыта от первой шальной стрелы, моментально отбросил повязку с глаз. Иво, я знаю его семь с лишним лет. Ни разу за время, что я с Янисом, он не снимал повязку с головы. Он побеждал любого с закрытыми глазами, сражался так, потому что и без зрения был могуч.

— Я не понимаю этого. Зрение слишком много дает преимущества.

Винсент сложил губы в неловкую странную некрасивую улыбку.

— Янис отказался от зрения, чтобы вывести иные свои четыре чувства на новый уровень. Он отказался от зрения, чтобы слышать, чувствовать, осязать, вкушать лучше, чем любой другой человек, чтобы благодаря этому побеждать. И, поверь мне, у него получилось. К тому же, ты же тоже закрывал глаза во время нашей схватки. Ты должен понимать его.

— Я закрываю глаза, потому что чувствую ауры. Это невозможно объяснить словами, но, когда закрываю глаза, начинаю видеть.

— У него, — усмехался Винсент, — все точно также.

Изгнанник подошел к Иво, они начали смотреть на безжизненное лицо Яниса, последнюю его гримасу перед смертью.

— Схватка наша длилась минут пять, если не меньше. Какое-то время мы старались сблизиться, нанести удар. Но это были тщетные попытки. Пока Янис кружился и отвлекал его, я приближался, чтобы нанести роковой удар. Мы хотели изгнать его с одной серии ударов, использовать наше преимущество моей незаметности. Но ошиблись, и ошибка стоила жизни Яниса.

— Он тебя заметил?

— Позже да. Я-то смог нанести удары — вонзил оба кинжала ему в спину. Да только толку ноль, демон отпрыгнул и моментально натянул тетиву, пустив в меня стрелу.

— И все же ты жив. Почему?

— Потому что Янис пожертвовал собой.

Винсент указал на глаза, приоткрыл веки.

— Глаза — самое сильное, чем он обладает. И в них его изгнанническая сила. Он может

меняться местами с тем, что видит, с любым объектом. И, когда стрела уже едва касалась меня, я резко оказался далеко. Крутанул головой, а Янис уже лежал на земле с пробитым горлом. После — со всем остальным, демон безжалостно пустил еще с десятков стрел. Одной, правда, промахнулся, задел край ноги, — он посмотрел на почерневшую икру Рыжей бестии. — Я понял, что, если умру, все будет потеряно. Вернулся в лагерь, все рассказал. Днем мы отправились на место битвы, а тело Яниса лежало, такое, какое ты видишь сейчас. Мы сразу же его забрали и спустили сюда. С того момента все, кто только способны, работают над его воскрешением. Что радует — работают успешно.

— Есть шансы, что его воскресят? — Иво провел рукой по горлу, нащупывая сонную артерию.

— Это вопрос времени, Иво. Но, да, шансы большие. Возвращаясь к нашему диалогу, к слову, больше мне нечего тебе рассказать. Это вся информация, собранная ценой сильнейшего изгнанника Баствеста и нашими братьями.

— А битва где была?

Иво нащупал артерию, слегка сжал ее. Та была упругой, эластичной. Затем он рукой повел дальше, дошел до места ранения, пальцами едва касался черных отметин от ранения Всадника апокалипсиса. Пока Иво не отвел руку, Винсент не начал говорить.

— В тот вечер — восток садов. В первый раз — ближе к западу.

— Вот оно как...

Иво пошатнулся, рукой успел опереться на платформу, но та из-за этого содрогнулась. Маги, что поддерживали состояние тела, чуть не сбили концентрацию и на секунду заклинание пропало, но один из них вовремя взял все в свои руки и выдержал поддержание в одиночку. К нему быстро подключились его собратья.

Они хотели выругаться на изгнанника, но не сделали этого — слова бы отвлекли от работы.

Сам Иво протер лицо ладонями, на них скопилась влага. Изгнанник намок, пот ступил, в глазах немного темнело.

В это время Винсент достал закрепленный за внутренний карман куртки флягу, дал ее изгнаннику. Иво понюхал — вода. Он жадно вылебал содержимое, затем отдышался. Следом за флягой собрат по цеху вручил еще один предмет: сосуд, стеклянный, причем выполненный из обычного хрупкого стекла. В нем Иво чувствовал ауру — душу. Ее он также жадно высосал, параллельно взирая, как чародеи смотрят на него с презрением и страхом, хотя и с изгнанниками они были уже знакомы. Чего уж, они спасали одного из них, если можно выразиться, что мертвого можно спасти.

— Чревато использовать живое оружие и не иметь с собой души. Думал, ты понимаешь.

Состояние постепенно улучшалось, хотя стоять на своих двоих без поддержки все еще было тяжеловато.

— Мои закончились, а восполнить не успел.

— Значит, воспользуешься моими. Я дам тебе парочку на сутки. А сейчас вечерет уже. Проспись, а завтра подготовишься к охоте. Я все равно пойду с тобой, торопиться нам нет смысла.

Иво холодным взглядом, взглядом убийцы, взглянул в глаза убитого Яниса; безжизненные зеньки, что по сей момент цеплялись за свое существование и, казалось, все еще мерцали изгнанническими бликами.

— Да. Конечно.

Иво говорил вскользь, словно и не знает, на что отвечает.

Винсент простился с телом товарища и наставника, затем кивнул одному из магов. Тот ответил тем же. Затем они вышли из зала.

В том, где Иво встретился с безликими, уже было пусто, даже аур не ощущалось поблизости.

— Наш дом находится дальше от Баствеста, там и до садов ближе. Так что, Черный изгнанник чувствуй себя, как дома.

А после Винсент добавил.

— Я конечно замолвлю за тебя словечко, однако, как встретишь наших, не забудь...

Иво остановился, посмотрел на Винсента. Тот ухмыльнулся.

— Рыжая бестия убита, но не изгнана.

V. Мор I

Не спали лишь дозорные. И Иво.

Первых понять можно: наблюдатели, стоявшие на страже этой ночью, готовые разорвать каждого незваного гостя. А вот Черный изгнанник готовился к вылазке.

Он был бы рад послушать Винсента, да только не мог себе позволить задерживаться. И рисковать жизнью, или даже душой, еще одного, подобного ему, гибрида. В этом попросту не было смысла. Винсент рассказал, как ему и Рыжей бестии не удалось вдвоем изгнать отродье. Что изменится, замени бестию на него?

Одно его радовало: не нужно было прикрываться. Он был сейчас там, где все — такие же, как и он. Такие же упыри, чудища, ненавистные теми, кого они защищают. Все с одинаковой судьбой, одинаковой участью. Радовало, что не нужно будет искать сотню причин, почему он уходит куда-то ночью. Достаточно сказать, что на охоту, и тебя поймут без лишних слов. Единственное, что Иво не мог сказать Братству единого клинка, то, что он — носитель живого оружия. Этого они могли не понять.

После раскола и падения всего изгнаннического общества, оставшиеся разделились на три основные категории.

Первые стали Духовным орденом, под предводительством Ордовика, коего они чтили, как отца. Они даже негласно звали себя семьей, а не орденом. В этом обществе изгнанников царила исконная цель, видение мира, что они — гибриды, созданные давным-давно эльфскими анимансерами, даже будучи гонимыми и преступными, обязаны чтить свои корни и стоять на страже живого. Даже при свинском отношении к себе. Ордо привил каждому члену своего ордена такое правило: «Работай в тени и не убей, не изгони». И, так или иначе, каждый, кто приходил в орден, становился истинным щитом Эксодии.

Вторыми были изгнанники Братства единого клинка, расположившиеся в Баствесте. Их явного лидера Иво не знал даже по слухам и историям, хотя сейчас и догадывался, что им был Янис Донвар (или как сказал бы Винсент, им является Янис Донвар). Зато Иво прекрасно знал мировоззрение западных собратьев — те еще революционеры. Сторонники, что жизнь с ними обошлась жестоко, и что они достойны лучшей жизни. Жесткие и черствые, где-то прям, как животные, братья клинка являлись могучим отрядом, слаженным коллективом, имеющим бесконечный боевой опыт с каждым представителем мира: и живым, и мертвым. И весь этот опыт они накапливали, чтобы по итогу свергнуть современную власть и гонения, чтобы наконец-то выйти во свет.

Третьими были такие, как Иво — вольные изгнанники, свободолюбивые, со своим кодексом чести и своим видением картины. Одиночки бродили по миру, изгоняли

встречавшихся на пути демонов и иную нечисть, занимались всем, что попадется под руку. Они занимались всем, чем только захотят, и ничто их не держало, им было плевать на законы этого мира, было плевать на то, как изменится ситуация. Они просто жили, дорожа своей свободой больше, чем даже жизнью.

И, если с одиночками все понятно, то между крупными объединениями изгнанников всегда были негласные конфликты. О них никто не говорил, никто в открытую не заявлял о нападениях или прочих пакостях. Но каждый смотрел на представителя иной касты глазами злобными, ненавистными и презрительными.

Преимущественно, Иво общался лишь с Духовным орденом; с Ордо отношения были исконно дружескими, но сейчас, в Баствесте, Иво поближе познакомился и с представителями другой стороны неоглашенного конфликта. И те показались ему такими же, правда, действительно куда жестче и суровее. В них словно кипела иная кровь, кровь воинственная, кровь горячая, чем в орденских, что была «хладнокровнее» и спокойнее. Но это были все те же упыри. Такие же, как и он.

Изгнанник вышел из палатки. Во второй раз увидел маленькую изгнанническую деревню, которой даже имени не дали. Скрытая за Хельсингским лесом, с обычными домишками, трактиром, оружейной, она больше походила на разбитый военными лагерь. Даже знамена клинка витали на вышках по всему периметру, хотя внутри были и знамена Хельсинга, видать, для прикрытия.

Он прошел быстро к восточному выходу, откуда была прямая дорога в Сады смерти. Шаг изгнанника хоть и был быстр, но в то же время тихий, дабы не наводить лишнего шороху.

Подойдя к воротам, изгнанники братства сразу увидели Черного изгнанника. В ночи не было видно, кто это был именно. Иво кивнул тому, что был сверху, затем обнажил клинок и указал его острием в сторону садов. Такой жест был популярен среди изгнанников, означал, что тот идет на охоту.

Как и думал, вопросов у дозорных не возникло.

VI. Мор II

Погода портилась. Поднимался ветер, причем ветер жестокий, ревущий и метущий, сильными потоками сносящий все на своем пути.

И этот ветер словно гнал изгнанника вперед, упирался ему в спину, а когда тот сворачивал с пути, яростно срывал с его головы капюшон, открывая лик каждому, кого только можно встретить.

А встретить здесь можно было кого угодно.

Он еще не ступил на земли Садов смерти, еще не ступил на пепельные мертвые клочки земли, где под таким ветром все должно осыпаться. Общим понятием подобное явление называли «выжженными землями» — землями, с которых высосали всю жизнь, отобрали ее у плодородных земель континента. Иво читал как-то по детству о подобном в какой-то скучной книжке по истории. Во время смуты, когда демоны пошли жестокой войной на мир живых, наряду с изгнаниями представителей разумных рас, они также и изгоняли земли, потому что те обладают самой высокой жизненной энергией во всем мире. Именно земля, питающая десятки тысяч растений и животных, служит верхом жизненного цикла, и, как бы это, может, странно не звучало, но земля тоже обладает душой. По крайней мере, так утверждают анимансеры, изучающие науку о душах, их явлениях и всем таком. А то, что отродья Геенны «выжигали» и изгоняли земли, лишь подтверждает их слова.

Но пока еще была здоровая земля, правда, уже отрезками чахлая, значит, сады были близко.

А еще Иво чувствовал некие ауры по близости. Они были не по пути, находились севернее, и ауры были паскудные, проще говоря. Это были не чудовища или не бессмертные отродья, это были люди, только люди с «плохой» по всей видимости репутацией.

Иво хотел проигнорировать, но затем услышал лязг мечей. Звук был такой тихий, тем более прикрытый за сильным ветром, однако это щелканье Иво знал как никто другой.

Он сменил курс, ускорился. Ветер дул слева, капюшон постоянно слетал, тем более на бегу.

Пробежав полверсты, затем слегка сместившись направо, глазами изгнанник увидел схватку. А подойдя поближе, понял, что это была не схватка, а простое избиение.

Два тела валялось на земле, окровавленные, одному отсекли руку, другого просто проткнули и поводили сталью в теле. Рядом с лужей крови барахтался еще один, приглянувшись, эльф. Руками он толкался о землю и старался быстрее ползти назад. Спереди него стояло четверо ублюдков, еще трое валялись мертвыми, убитые более «гуманно». Эти четверо нагоняли и насмехались над эльфом, и вот один замахнулся, целясь в коленную чашечку.

Иво не думал, ринулся, параллельно обнажая меч. Понимая, что обычной скоростью ему не удастся преодолеть расстояние, совершил телепортацию. Оказавшись прямо у эльфа, с грохотом он ударил мечом снизу, встречая летящий меч врага. Благодаря неожиданности и силе, вложенной изгнанником в удар, меч противника отлетел вверх, затем прилетел, едва не проткнул одного из четверых, того, что стоял позади и глумился.

Напавший резко отпрыгнул, затем короткими шажками доковылял до своего оружия и быстро схватил его. Он отвлекся, отвел взгляд, даже не слышал крики своих товарищей, но зато скоро почувствовал, как глотка его касается затупленного меча из черного титана, а глаза Иво с презрением разрывают бедолагу на части.

Все отошли назад, но выставили мечи, угрожая.

— Иво! — резко послышалось сзади.

Иво не отворачивался, глядел в оба, не терял из виду каждого ублюдка.

Эльф встал, подбежал к изгнаннику, расположился слева от него. Иво краем глаза глянул, это был Силлиар, тот самый эльф, с коим Иво познакомился в повозке по пути в Баствест.

Иво отбросил ублюдка от себя, тот плюхнулся на землю, резко отступил назад и вновь плюхнулся. Эльф с изгнанником сделали пару шагов от них.

— Кто ты такой, мать твою? Хер ли забыл здесь, сучий потрох? — сплевывая кровью, выражал явное недовольство брошенный изгнанником.

— Что здесь случилось, эльф? — Иво игнорировал слова одного из четверых.

Силлиар посмотрел на двоих жестоко убитых, горестно вздохнул.

— Хотел до Аурама добраться, нанял ребят за хорошую плату. А здесь они...

Стороны конфликта вновь пересеклись взглядами.

— Ну а дальше, думаю, сам догадываешься, — продолжал эльф.

— Кто ты такой, сука? Я тебя спрашиваю? — тот самый урод кричал и едва ли не рвал всю свою глотку от злобы.

Резко выступил из их группы тот, что стоял позади. Его лица до сего момента не было видно, зато теперь Силлиар и Иво поняли, кто это был.

— Его зовут Иво, Вальдер. Иво Эль Гарден. Наемник или путешественник, как больше нравится.

Чернорук был один из банды, и по его лицу было прекрасно видно, как он не рад видеть мужчину в черном плаще.

Вальдер был лидером всей шайки. Он отряхнулся, вооружился мечом, затем ступил вперед.

— Наемник или путешественник, говоришь... Чернорук, тебя в детстве видать сковородой херачили по свиной башке! Это ж изгнанник, мать его! Отвратный тип, что суккубов трахает да душами закидывается, як наркоман всякий. Глуп ты, Чернорук. Глуп и туп, прям как твоя мать кошелка.

Все, за исключением Чернорука, громко засмеялись. Чернорук прекрасно помнил навыки владения мечом Иво, и оттого смешно ему вообще не было.

— Он не соперник тебе, Вальдер. Поверь моим словам, или очень сильно пожалеешь.

— Мне? Не соперник?

Вальдер надменно ступил вперед.

— Интересный у тебя меч, бес. Когда оторву его с твоими руками, возьму себе в качестве трофея. Назову его... Хм, Бесова игла. Да, Бесова игла. Прекрасное название для трофейного орудия.

Вальдер с выпадом напал на изгнанника. Иво с холодным рассудком парировал, ловко откинул эльфа в сторону, чтобы того ненароком не задело. Затем отразил еще пару ударов. По итогу, когда меч из черного титана удержал меч Вальдера, Иво вложил всю свою массу в удар, корпусом «пырнул того», а когда лидер шайки упал, направил меч прямо ему в глаза. Вальдер зажмурился, на миг испугался, но меч воткнулся в землю, лишь целуя щеку человека. Как открыл глаза, увидел лицо изгнанника, бесчувственное и холодное.

Иво сразу вынул клинок, шагнул ближе к остальным. Все, опять же, кроме Чернорука, подготовились к схватке.

— Идите прочь с этих земель. Не дай бог к утру замечу хоть одного из вас — пощады можете не ждать...

Речь Иво прервала мертвая хватка Вальдера — он цепанул изгнанника за ногу, дернул ее и уже направлял летящий кортик прямо ему в икру. Кортик почти достиг своей цели, однако ментально Иво пропал из виду. И также ментально, как вспышка, появился чуть дальше, замахивающийся мечом.

Все прошло быстро. Рука Вальдера, которой он держал кортик, отлетела так, словно и никогда ему не принадлежала, а сам Вальдер не понял, что ему отсекли конечность. Понял только, когда разглядел обрубок руки, затем — саму руку, до которой он докоснулся оставшейся левой рукой.

Вмиг он завопил, истошно, от боли, закричал. Бандиты восприняли это, как угрозу, ринулись в атаку на Иво. Все, кроме Чернорука.

Ему не хотелось этого делать. Он не любил убивать себе подобных. Но не всегда все происходит так, как мы того хотим. Иво скверно покосился, смел свою хладнокровную мину, сменил ее отвратительной и угрюмой. Первого он перерезал хлестким ударом в живот — от ранения из того показали кишки и прочие внутренности, а кровь забрызгала все лицо Вальдера, отчего тот даже закашлял.

Удар второго Иво сначала парировал. Затем — отбил, ошеломив бандита, после чего хлестнул его по одной ноге, затем — по другой. Из-за того, что мужчине резанули его

мышцы ног, он упал на колени и отбросил меч, а Иво, не задумываясь о морали, пощаде или еще чем-то, способном поколебать его разум, замахнулся и рубанул бандита по шее. Голова того отскочила и влетела прямо на землю, встречаясь с напуганными глазами Вальдера, усиливая эффект ужаса и шока лидера.

Чернорук не двигался, руки сложил на пояс, голову отвел и тихо выругался. Иво направил кончик меча на него, однако, не увидев никакой реакции, смахнул мечом, очищая лезвие от крови, приклонился к труп с отсеченной головой, взяв край его куртки, провел по лезвию, затем сунул меч в ножны.

— Бес! Демон! Отродье! — вопил Вальдер.

Силлиар смотрел и ужасался, однако виду не подавал. Он хотел бы отвернуться, да только не позволял себе, ведь, отвернувшись, резко стал бы уязвим к любой атаке.

Чернорук подошел к Вальдеру. Напоследок он посмотрел на него. Глаза покраснели, из эмоций на лице — и жалость, и сожаление, и ненависть. Он прервал это прощанье взглядом своим клинком, занесенным прямо в горло лидера. Вальдер еще какое-то время кашлял и булькал кровью. А после утих.

— Я не хотел, Чернорук, — Иво оглянулся на место бойни, еще раз взглянул на ее последствия.

— Я знаю, — холодно отвечал бандит. — И все же, случилось, что случилось.

— Иво! — эльф кричал и подзывал изгнанника.

Тот незамедлительно подоспел к аурамцу.

— Черт возьми, ждал чего угодно, но не того, что меня выручишь именно ты!

Эльф был на эмоциях, говорил громко, видно было, что его до сих пор будоражит и колотит. Иво положил руку ему на плечо.

— Передавай королеве Шае весточку от меня. Скажи, что Эль Гарден скучает по лесу.

Силлиар сначала мило улыбнулся, затем широко оттопырил глаза, выпучил их. Он хотел прокричать, уведомить об опасности, да только Иво понял все из без слов. Он вновь вспышкой пропал и также со звуком и мерцанием появился, только сзади. Чернорук заносил кортик прямо под ребро. Иво, оказавшийся сзади него, схватил того, рукой перехватил кинжал, затем — отобрал. Как только кортик оказался в руке изгнанника, он вонзил его Черноруку прямо в сердце, точно и ювелирно. И всю предсмертную агонию пришлось лицезреть, удерживая тело оставшегося бандита на руках. Он секунд шесть побарахтался, затем стих.

Как только стих, был уложен на землю.

Силлиар хотел что-то сказать: взял воздуха в легкие с отчетливым звуком, затем заикнулся, но Иво его опередил.

— Не смей, Силлиар. Ничего не говори.

Эльф не понял подобного, однако верзить не стал — послушно встал рядом. Они склонили головы, сложили ладони, вытянув руки вниз. И простояли так минут пять. Молча. Взирая на Чернорука.

— Прости за грубость, — Силлиар прервал молчание, — но все же зачем ты прибыл в Баствест? Примкнуть к остальным изгнанникам?

— Нет.

— В чем тогда причина?

— Причина, Силлиар... — Иво отступил, проверил свое снаряжение, затем словил носом каплю, прилетевшую напрямиком с неба.

Дождь пошел.

— ... в том, что есть неотложные дела, в этом грязном, разящем смертью, уголке мира.

— Вот оно как.

Эльф также отошел, укрылся за длинной ризой, прикрывая руками лицо.

— Не хочешь завтра выступить в Аурам? Там, конечно, изгнанники открыто не заявляют о себе, зато и не гонят их, только встретятся.

— Я знаю, — перебил Иво. — Знаю Аурам ближе, чем ты можешь себе представить. Нет, Силлиар. В Аурам я пока не могу себе позволить. Позже — вполне возможно, но не сейчас.

— А что сейчас? — мокрыми пальцами протирал свое лицо эльф.

Иво направил взгляд на восток. В сторону, где живых не чтят.

— А сейчас неотложные дела.

VII. Мор III

Ночная Эксодия была невыразительно прекрасной. Всегда. Независимо от времени года. Даже мертвая земля, треклятые Сады Смерти чем-то прекрасным отдавали. Хотя и не оспоришь, что в них мало чего красивого осталось. Но, даже в кучке вечного пепла, под ногами находилась некая красота. Что-то вечно дивило Иво в этих местах, пускай он и не был частым гостем выжженных земель, территорий мертвых и отобранных у их исконных поселенцев. Но даже так. Они все равно оставались красивым райским лежбищем. Нужно лишь увидеть эту красоту, прочувствовать ее. А еще... Искоренить всех, кто хочет отобрать это наследие у коренных жителей этого мира.

Иво неспешно шагал вглубь садов. Бушующий ветер вперемешку с проливным дождем создавали неопишемую атмосферу скорби и страха. Сады словно выли, молили о пощаде, о жизни, но их никто не слышал.

И сейчас, вновь взглянув на так называемые Сады смерти, он еще аз осознал, почему их прозвали садами.

Здесь росло много роз. Когда-то, разумеется. Но бывшее наследие и величие красоты земной отдавало ее отголосками. Здесь все было темным, угасшим, увядшим. Деревья остались, как и кустарники и прочая живность, да только вся без зелени — почерневшие ветки да и только. Причем, ветки пепельные, из-за взбушевавшегося ветра в садах все перемешалось, повсюду был пепел, летящим пряником в лицо путника.

Розы, да. На них указывало множество голых ветвей, голых и шипастых. Но дотронься ты хоть до одного шипа, он посыплется прахом и пеплом.

Сады словно возвращали его в тот треклятый день. И слишком многое напоминали. Напоминали о чащобе близь Верхоянска, где он изгнал падаль. Напоминали о ней, потому что там тоже был участок мертвой земли, где при малейшем касании все осыпалось. Множество шипов напоминало о той малине, которую бедняга дочка старика Тихого собирала и цепанула при нападении. Вспоминая все то, что случилось, лучше явно не становилось.

Изгнанник много, что повидал. Много делал зла, и, наверное, добра тоже. Но были иногда у него воспоминания, которые он предпочел бы забыть навсегда. Не потому, что не дорожил ими. Скорее, напротив — есть настолько сокровенные и дорогие воспоминания, которые хочется забыть, ведь их близость к тебе сгрызает и уничтожает тебя изнутри, ломает всего полностью.

Все было бы не так. Точно не так, выживи бы ты, старик...

Иво не терял концентрации. Думал о всяком, но не терял, готовился к худшему, надеясь на лучшее. На миг он зажмурил глаза, так, что даже больно сделалось, а после открыл их, забыв обо всем. Обо всем лишнем сейчас.

Сейчас был только он. И тварь, ожидающая где-то там, впереди.

VIII. Мор IV

Звук, словно песок сыпанулся, с каким-то оттенком треска. Звук издался справа. Иссушенная «до смерти» ветка издала его. Изгнанник оставался все таким же непоколебимым, спокойным, даже руку на рукоять меча не положил. Он все также шел себе в прямом направлении с безжизненным выражением лица. Догадки не провели — жертва сама найдет его, не заставит долго ждать. Очередной хруст, уже более небрежный. Жертва передвигается быстро, слишком быстро. Еще буквально минута и она нападет на изгнанника. Иво был к этому готов. И он ждал.

Ожидания оправдались. Справа от Иво, из куста, находящегося в пяти метрах от него, вылетела небольшая туша демона, выставившая когти прямо в сторону изгнанника. Тот незамедлительно принял оборонительную стойку, вытащив моментально меч из ножен, затем ловко отразил атаку демона. Это был загулявший одинокий марш — демон звероподобной формы, смахивающий на мутировавшую псину. Демон не самый сильный, если он один, только вот, марши одиночками не передвигаются...

Демон отлетел в сторону и хорошенько так приложился всем телом о дерево. С его ветвей посыпался прах, а само дерево пошатнулось и чуть не повалилось на землю. Иво резко телепортировался впритык к демону и нанес оглушающий удар мечом. Марш взвыл от боли. Осознав, что он больше не сможет нормально передвигаться, парень обратился черным пламенем и нанес последний удар по демону, сжигая его плоть. Демон напоследок пискнул, но следом замолчал, и его тело безжизненно повалилось на землю, постепенно начав увядать. Иво изгнал его: почти невидимая форма души принялась переходить в тело изгнанника. Как только душа полностью покинула тело марша и переместилась в тело Иво, тот вдохнул холодного воздуха от наслаждения и широко растянул уголки своих губ.

Голод играл свою роль.

Не успел Иво насладиться добычей с охоты, как на него со спины напали еще трое маршей. Изгнанник ловко увернулся, избежав атак демонов, он сразу же перешел в наступление: первого он изгнал чересчур быстро — демон замешкал и, из-за того, что не обладал подобным изгнаннику разумом и достаточной реакцией, не заметил, как он переместился к нему за спину. Оставшиеся два марша почувствовали инстинкт самосохранения, увидев могущество изгнанника и принялись убегать в гущу леса. Благодаря своим невнушительным размерам, скорости им было не занимать. Также быстро, как они напали на Иво, они и ускользнули от него. Все сады зашумели от звуков побега. Демоны бежали от охотника сквозь безжизненные лысые кусты и пепельную землю, из-за чего и создавалась эта «симфония звуков». Однако Иво никак не уступал им. Он преследовал их со всем азартом и искушением, стремился догнать и стереть с лица земли этих двух жалких созданий. Словно мелких псов, которыми хотел полакомиться оголодавший хищник. Телепортируясь почти впритык к маршам, он уже был в буквальных миллиметрах от их тел. Одного из них он так и настиг: переместился лицом к лицу к бежавшему и повалил его на землю, после чего молниеносно нанес роковой удар, изгнав его.

Марши не обладали речью — лишь иногда кряхтели что-то себе под нос, либо издавали зловещее дыхание. Но, если бы они умели складно говорить или кричать, третий оставшийся

сейчас бы молил о пощаде или провоцил свои мольбы на все сады, да так, что изгнанники братства, расположившиеся достаточно близко к садам, проснулись от происходящего. Это было изгнаннику на руку. Пока Иво поглощал душу демона, оставшийся пока еще в живых марш немедля бежал дальше. Его скорость достигала двадцать метров в секунду — адреналин давал о себе знать. Аура изгнанника вселяла ужас и страх, и сейчас, в сравнении с той мелкой, хоть и демонической, но простой аурой животногоподобного марша, именно она была настоящей демонической. Изменив траекторию и взяв направление немного левее, демон учуял сильную вонь от мертвой земли и обратил внимание на заваленную иссушенными деревьями поляну, в которой красовался огромный овраг. В его голове что-то стукнуло; именно туда он и направился. Проскочив обвалившиеся деревья, марш залез в огромную яму под огромным еще стоящим дубом и прижался максимально сильно к стенке ямы; с самой поляны его не должно было быть видно. Хорошенько спрятавшись, марш почти затаил дыхание — лишь сопел себе легонько, вынюхивая приближавшегося изгнанника. Но его запаха не было, лишь та самая вонь от земли. Обладал бы марш сердцем, сейчас бы оно колотилось сильнее церковного колокола в крещение.

Демон затаился. Едва дышал, выжидал чего-то. Сомнительное решение, конечно. Куда логичнее смотрелось бы просто бежать быстрее ветра в любую сторону, после чего найти своих сородичей и остаться с другой стаей. Конечно, никто не давал гарантий, что та стая не растерзает тебя в порыве безумного голода, но это всяко безопаснее, чем оставаться рядом с бушующим монстром, сверкающим черными огоньками.

В садах повеяло какими-то благовониями... Чем-то непонятным, словно запах оливы. Но марш не знал такого аромата, поэтому в его голове этот запах был просто резким и отличным от вони выжженных земель садов. Он вытащил голову из ямы, в которой переживал опасность, дабы понять, от чего исходит этот запах... Он был нечетким, сконцентрированным по достаточно большой территории. Наравне с запахом появилась та самая ужасающая аура Иво.

Марш моментально вернулся в яму. Инстинкт самосохранения немного подвел, и, фактически, до изгнания демона оставались считанные секунды. А хотя, фортуна может быть благосклонной к этому отродью в данный момент. Аура его все усиливалась и усиливалась. Жар от черного пламени уже чувствовался на кусочках кожи демона — так ему казалось. Это были обычные «колики» от страха. Марш прижимался к краям ямы сильнее прежнего, а его самый развитый орган — нос — свистел из-за учащенного дыхания. Иво появился почти незаметно. Демон не видел его, но отчетливо чувствовал его запах. Олива.

Иво сел на одиноко лежащее на земле дерево. Он был спокоен, медленно дышал и разглядывал местности. Отвратительные, гнилые «трусобы» природного наследия все же каким-то чудом дарили гармонию его душе. Меч из черного титана пылал черным пламенем, а под капюшоном виднелись 2 ярких огонька.

Ветер своим порывом повалил одно и мертвых деревьев на землю, после падения все вокруг озарилось густым пеплом и прахом. Видимость стала нулевой, еще и дождь сильный мешал, но даже в этой каше черные огоньки прекрасно виднелись.

— Я слишком долго гонялся за тобой, — крикнул изгнанник куда-то вдаль.

Марш наблюдал, подобно годовалому ребенку, изучающему поведение взрослых.

Что-то вдали опять повалилось, но этого ни демон, ни изгнанник не увидели.

Взгляд Иво направился в сторону сидящего в яме марша. Он не видел самого демона, лишь пристально пялился в его сторону. Улыбался. Легонько, скверная улыбка едва

виднелась из-под капюшона, но она мерцала, подобно яркой звезде ночного неба, дополняя то самое «небо», состоящее из двух горящих черными огоньками глаз.

— А ты, в свою очередь, слишком задержался там, где тебе не место, — продолжил свое обращение Иво, положив руку на рукоять меча.

Затем он резко встал с дерева. Посыпалась пыль с его одеяний. Изгнанник схватился за яблоко на эфесе и сжал его покрепче, однако самой стойки он не принял. Марш понял, что, если сейчас не атакует, его попросту искрошат, подобно мелкому скоту на убое. Приняв положение поудобнее, он уперся задними лапами о стенки ямы, затем сделал резкий выпад в сторону изгнанника. Передние лапы он выставил вперед, стремясь поразить плоть Иво как можно быстрее. Главным было задеть его тело, нанести хоть какие-то увечья, а затем ранить ноги, тем самым обездвижив врага. Там уже дело останется за малым. Иво не двигался, не подавал вообще никаких знаков внимания на летящую на него угрозу. Едва острые когти демона коснулись верхней одежды изгнанника, он телепортировался в сторону на один метр, но взгляда своего не отводил.

Неудачно атаковав, демон хотел провести вторую атаку в спину противника, но его ошеломила еще одна мощная аура, исходящая откуда-то из вне поляны. Прямоком оттуда, куда смотрел изгнанник. Аура была мощнее ауры Иво, в разы мощнее. Еще ужаснее, более жестокая. По сравнению с этой аурой, даже Иво был мелкой рыбой в крупном океане, куда уж там про марша говорить. Она являлось воплощением всего демонического. Такую ауру встретить еще нужно постараться. Куда больше удивляло демона то, что Иво спокойно реагировал на стоящего в тени. Он не испытывал страха, волнения — он исключительно мужественно и бодро стоял и что-то странное говорил себе под нос. Происходящее было максимально удивительным и совсем непонятным низшему демону. Несмотря ни на что, Иво продолжал пристально смотреть в темноту и непоколебимо стоять, крепко сжимая рукоять меча в кулаке. Сжимать со скрипом.

Тем временем, вдали послышался какой-то топот. А после топота он появился.

Из тени вышел высокий два с половиной метра ростом демон. Он не обладал огромными мускулами и мышцами, но массивным назвать его можно был сполна. Практически весь худощавый, но жилистый. Руки длинные, с ободранной кожей в непонятных рваных балахонах; некоторыми участками, конечно же, открытое. На голове его был такой знакомый атрибут Иво — капюшон. Этот, правда, не покрывал лица полностью, отчего то в свою очередь спокойно виднелось окружающим. А лучше бы лица этого не было видно. Оно повергало в ужас одним только своим присутствием. Это было смуглое иссушенное широкое лицо, на котором моментами кожа попросту была содрана. Эти пробоины заполняли трупные черви и мухи. Лицо демона было очень похоже на лицо старика лет восьмидесяти, только мертвое уже как десятилетия. Взгляд был суровый и такой же безжизненный. Также, один глаз был прикрыт белой повязкой. Она вся была пропитана непонятной густой субстанцией болотного цвета. Тело демона было таким же худощавым, кожа обтягивала кости, где-то она была также содрана и это место заполняли мухи. Хотя, нельзя было отметить мощную грудь этого существа. Тут скопилось большинство мышц твари, и грудь была целиком и полностью целой. Примерно также выглядели и руки демона: тонкие, худые, кожа обтягивала кости и была моментами содрана, но отчетливо выделялись мышцы. Ноги были идентичны рукам. Демон прошел на поляну и за ним также ступил огромный конь белого цвета. Это был не настоящий конь, а своего рода дух; фантом, на котором держались тяжелые доспехи с какими-то потрепанными тканевыми сумками.

Притягивала внимание иная особенность — огромный деревянный лук с тетивой, походившей на тысячи тончайших паучьих нитей, сплетенных воедино. Нити эти отдавали темно-зеленым оттенком. А дуга лука была качественно выстрогана — от нее веяло смутой и раздором. Моментами, конечно, она была поцарапана, но в целом оружие демона было высшего качества. Были слышны какие-то невнятные шепоты, исходящие от оружия, и оно всем своим видом указывало на то, что было живым.

Иво наблюдал за демоном. Начал перебираться с ноги на ногу, но все также пристально смотрел на него. Марш в это время скрылся за поленом, укрываясь еще не полностью пропавшим облаком пепла от падения дерева и тихо наблюдал за происходящим издалека.

— Не понятно мне лишь одно... — Иво говорил грозно и злобно.

Демон не спеша взял в руки лук, укрепленный на коне

— Отчего ты не изгнал душу того изгнанника? Это не похоже на тебе подобных.

Тварь прохрипела, что-то бормоча себе под нос, проглатывая половину слогов. Голос ее был по-настоящему демонический — низкий и сиплый.

Затем отродье провело рукой по тетиве, и на той появилась тонкая-тонкая стрела с заостренным наконечником, на котором был яд такого же темно-болотного цвета. Он глубоко вдохнул, затем также выдохнул. Из всех пробоин в теле доносился свист, мухи вокруг него жужжали и кружили.

— Душу того сопляка, — одним своим голосом Мор уже был способен вселить ужас. Он целился напрямиком в изгнанника, — я восполню твоей, изгнанник.

Иво обнажил клинок, встал в стойку, взгляда не отводил и внимательно наблюдал за поведением демона. Он медленно переходил с ноги на ногу, перемещаясь влево.

— Один наш общий знакомый попросил меня об услуге. Он очень дорожит нашей «дружбой», — Иво специально сделал акцент на этом слове, — и я его не могу подвести. Да и я повторяюсь...

Глаза Иво как будто всполохнули, сильнее засверкали черными огоньками.

— Ты задержался в этом мире.

Демон в эту же секунду выстрелил из лука. Стрела была невероятно тонкой и летела быстро, однако Иво смог ее разрубить мечом. На место, куда упал наконечник стрелы, моментально разрасталась какая-то непонятная зараза — выжженная земля в этом уголке начала бурлить, покрываясь черными волокнами, которые Иво уже наблюдал на теле мертвого Яниса. Демон усмехнулся, а изгнанник скинул капюшон с головы, прикусив губу и на мгновение зажмурил глаза.

— Изгнанник, — прохрипел демон, — ты сгинешь в муках, даровав мне свою душу. Последнее, что ты увидишь в своей никчемной жизни, будет проказа, зараза и томимая улыбка, являющаяся ответом на твою агонию пред тем, как сгинуть в небытие. А после чего...

Демон натянул очередную стрелу, практически выпустив ее.

— ... После чего и демон-перебежчик сгинет в таких же муках.

И вот он ее пустил, вторую стрелу, и вновь Иво смог ее разрубить. И в ответ получил всю ту же насмешку, как и в первый раз.

— Так вот каков ты, — Иво сперва шептал, а потом перешел на голос, больше походивший на исконно демонический, слишком жесткий, грубый, объемный, — вестник чумы и болезни, один из четырех Всадников апокалипсиса, генералов всей Геенны. Мор.

Только его губы закончили говорить, начался танец.

IX. Мор V

Иво резко пропал с поляны, а Мор молниеносно перескочил в ее центр. Проводя по тетиве своего лука, на ней постоянно появлялись тонкие ядовитые стрелы. Демон закрыл глаза и принялся выискивать ауру изгнанника.

Сзади!

Любимый трюк изгнанника — телепортироваться в неизвестное место, после чего провести резкую атаку в спину противника, однако Всадник апокалипсиса был готов к этому. Он увернулся от летящего прям на него меча и застал Иво врасплох, затем быстрым прицельным выстрелом пустил стрелу ему прям под ноги. Изгнанник вновь переместился в пространстве и скрылся с глаз Мора. Тот со всем своим немного назойливым спокойствием оглядывал поляну и выжидал, где же появится парень.

— Изгнанник, — шипел Мор, — кончай со скачками.

Иво резко появился прям перед лицом всадника. Демон сразу же нанес удар рукой прям в голову парня, но тот ловко присел и направил меч прямо в ноги. Лезвие смогло поразить цель, и Мор отпрыгнул назад, немного взвывая от боли.

— Назойливая муха... — выронил он.

Иво легонько, в полуприседе, отошел от противника. Он скалил зубами от злости и гнева, на что реагировал его меч — он также пылал от ярости черным пламенем, местами казалось, что клинок сейчас треснет. Однако Мора это, по всей видимости, только забавляло. Он ехидно смеялся, издевался над Иво, всячески пытаясь вывести его из себя.

Черный изгнанник сделал еще один молниеносный выпад с последующей серией быстрых атак. Все были неудачными — не смотря на свои внушительные размеры, Мор обладал отменной ловкостью и проворством, постоянно увеличивая дистанцию между ним и изгнанником. Отпрыгнув от Иво, он за считанную секунду зарядил лук и выпустил стрелу. В ответ на это Иво не уклонился, напротив — вновь бросился напрямиком на демона. Стрела прошла по касательной с его плащом. Из-за дождя, Иво поскользнулся повалился на землю, не сумев сдержать равновесия.

В то время, пока Иво замешкался, Мор прицелился точно в грудь парня, выпустил стрелу, в ответ на что Иво резко телепортировался назад. Быстро встав на ноги, он опять телепортировался. И опять. И опять.

Через телепортаций сбила прицельные выстрелы демона, после чего Иво еще раз телепортировался под ногами Мора. Он рубанул тому по сухожилию, демон в ответ пнул со всей силы и Иво откинул в сторону на семь метров. Тот бы сломал себе ребра, если бы не успел в полете телепортироваться и сгруппироваться на лопатки.

Однако давать времени на перегруппировку и восстановление нельзя было давать. Изгнанник резко подскочил и ринулся в атаку. Он успешно поразил Мора, нанеся сильную рваную рану на его левой ноге. Демон вновь попытался отбросить Иво ударом ноги, но Иво успел телепортироваться вбок. Мор был прыгуч, и благодаря своей прыгучести также увеличил дистанцию, отскочив в противоположную сторону от охотника на демонов. Между ними было метров тридцать. Всадник апокалипсиса яростно хрипел и принялся залечивать рану. Он использовал какие-то заклинания, и на месте раны появилось множество мух, которые закрыли брешь в теле. Однако, закончить лечение Мору не удалось, ему помешал агрессивно летящий на него Иво. Парень выставил меч напрямиком в грудь демона, стремясь нанести последнюю колотую рану и закончить на этом битву. Мор на последних секундах двинул плечом, увернувшись от атаки, но Иво в этот же момент телепортировался в воздух и

яростно атаковал еще раз. Осознавая, что уклониться не получится, Всадник апокалипсиса выставил руку к небу и произнес заклинание на непонятном языке. Летящего изгнанника сбил рой мух и он отлетел в сторону, однако, благодаря последующей после этой атаки Мора телепортации, смог устоять на ногах.

Последовала тяжелая отдышка. Сил было потрачено много, а настолько частое применение своей способности телепортации было слишком затратным. Иво даже не понимал, как у него получилось повернуть такой трюк. Самым главным было то, что он избежал плачевной участи, и все еще может сражаться против одного из наисильнейших Высших демонов. Он понимал, что, если словит стрелу, битва, скорее всего, будет проиграна. А, благодаря множественной телепортации из стороны в сторону, изгнаннику удалось не только нивелировать весь урон по себе, но и неожиданно атаковать Мора. Правда, тот теперь был неистово зол. Очень зол.

Он не отводил взгляда от изгнанника — тяжело сопел, скалил зубы, пылал ненавистью к нему. Раны, оставленные мечом, почти затянулись, а мухи, витавшие вокруг него, постепенно пропадали. Мор был почти наготове уничтожить парня за один щелчок пальцев. Иво же старался держать себя под контролем, хотя и жаждал изгнать чудище как можно скорее. На его эмоциональное состояние также реагировало и пламя — его едва видимые кончики на мече извивались агрессивно, словно волны перебивались в бушующем шторме, а глаза Иво вовсе превратились в фактические две черных точки. Лишь маленькие язычки пламени виднелись в его зрачках, разбавляя всю черную палитру. Иво сделал шаг вперед, не скрывая презрительного взгляда на Мора. Всем своим видом Иво показывал, насколько сильно он хочет измолотить Всадника, насколько сильно хочет искрошить его и изгнать. Сплюнув кровью, парень выронил что-то невнятное, после чего повторился.

— Ты силен. Не удивлен, почему Янис Донвар проиграл тебе. И прекрасно понимаю, почему из всех изгнанников Сказочник обратился именно ко мне.

Всадник резко пустил стрелу прямо в сердце парня, но тот также резко телепортировался на пару метров в сторону, так что стрела поразила дерево где-то позади. Оно начало гнить, и спустя секунд тринадцать неуклюже повалилось на землю, оставляя за собой большое облако пепла и праха.

— Рано или поздно ты выбьешься из сил, — крихтел Мор, выпуская очередную очередь из стрел.

Мор истошно завыл своим сипящим и хриплым голосом. Демон указал рукой прямо на парня. Иво моментально бросился вперед в атаку. Он каждую секунду, направляясь на Мора, телепортировался из стороны в сторону в хаотичном порядке, ловко уклоняясь от летящих в него стрел. Достаточно сблизившись с всадником, Иво выжал из себя максимум и вложил все силы в свой меч. Оружие изгнанника еле выдержало такой наплыв энергии. Он направил удар прямо — колотый и точный в грудь. Когда между ними оставался метр, а изгнанник уже находился в неостановимой атаке — его ноги были в воздухе, а сам он на скорости летел прямо на жертву. Острие клинка коснулось груди, но Мор в последний момент отвел тело в сторону, и клинок прошел по касательной, разорвав грудь демона. Затем в спину Иво вновь влетел появившийся с неба рой мух, отбрасывая изгнанника вперед. Иво хотел вновь телепортироваться, дабы смягчить удар от падения, но в этот раз у него не получилось и он приземлился брюхом о большой валун — каменная порода, что, хоть и была фактически «мертвой», но душой не обладала, отчего все еще оставалась твердой, как скала.

Иво скорчился от боли, согнулся, отхаркнул кровью. После почувствовал угрозу позади

и исключительно благодаря инстинкту самосохранения смог слегка оттолкнуться. Стрела прилетела не в спину, как того хотел Мор, а в правую ногу, что, хоть и не прервало жизнь изгнанника в тот же миг, все равно нанесло необратимое увечье.

Иво хотел заорать, но прикусил свою губу так, что из нее ручейком полилась кровь. Подобная ситуация, где он был на волоске от смерти, не первая на его памяти, и это играло свою роль. Опыт и профессионализм, что был за его плечами, будто подбивал изгнанника к действиям, а адреналин, вырабатывающийся в крови, приглушал боль в ноге.

Он перекатился, оперся на ноги, резко взглянул в сторону Мора. Тот натянул еще стрелу и пустил ее. Руки словно ожили и сами умудрились разрубить летящую стрелу. Мор скверно прохрипел, пустил еще стрелу. Иво отпрыгнул.

Затем быстро встал на ноги. Уже не так быстро, но все же, вытянув меч острием к небу, он приближался к Морю. Голова безумно разболелась, в висках пульсировало настолько сильно, как будто изнутри кто-то постукивал палочками с нечеловеческой скоростью.

Мор вновь пустил стрелу. Иво зажмурился и, открыв глаза, немного поменялся в лице: вены на лице почернели, по всему остальному телу, особенно на руках, они вздулись и отчетливо выпирали через тонкую человеческую кожу. Он сумел пересилить себя и вновь телепортировался. Оказался в этот раз он в воздухе, двумя руками обхватил меч и занес его над головой.

В этот момент, когда количество необузданной ярости и демонического нутра Иво превысило возможный предел, в полете меч, скованный из, казалось, сильнейшего и крепчайшего сплава металлов, треснул: трещина пошла сначала у гарды оружия, затем по всей длине лезвия. Последнее, чем оружие смогло послужить изгнаннику, это нанесение рваной раны прямоком в лицо Всадника апокалипсиса. После удара клинок рассыпался, Иво, оттолкнувшись от плеч демона, кувырком приземлился на землю и обессиленный пал, продолжая держать в правой руке такую давний и полюбившийся за годы владения эфес.

Мор рассвирепел, начал размахивать руками по сторонам, удерживая в одной из них свой лук. Он обернулся, зарычал на изгнанника. Иво разглядел его лицо, теперь оно было еще более отвратительным. Порез был настолько рваный, что куски кожи, составляющие до этого цельное полотно на лице демона, лоскутами перебивались на ветру, открывая взору все внутреннее лица демона. Из свежей раны полилась жидкая мерзкая субстанция зелено-болотного оттенка, покрывающая всего Всадника.

Он рывком ринулся на обезоруженного изгнанника, натягивая на бегу тетиву своего лука.

Иво собрался, встал на ноги, затем дернул рукой. Вмиг все поле битвы озарилось изумрудным сиянием. Он прекрасно понимал, что без этого не выиграет схватку никогда в жизни, однако также и не желал прибегать к использованию косы, понимая все последствия.

Стрела была пущена, но перед тем, как она покинула хватку Мора, Иво успел промолвить заветное имя.

— Фаэдра.

Стрела поразила резко появившегося пред изгнанником фантома, однако тот в ответ испарился, а после вновь появился, прикрывая своим телом изгнанника.

После появления одного фантома следом появилось еще десятеро, затем еще столько же. Сразу, как только их призрачные ноги касались земли, они бежали в атаку. Мор не ожидал подобного, он отвратительно поморщился и мощным скачком назад отступил, седлав своего коня. Он стукнул поводьями и белый, как мгла, призрачный конь, заржав,

устремился прочь с поляны в ту степь, откуда изначально пришел на бойню.

Иво же всем своим лицом показывал, что он отбросил все человеческое. Он растерял рассудок, хладнокровие. Сейчас он уже даже и не помнил, с какой целью пришел сражаться, с какой целью пришел изгнать эту тварь.

Он был безумно голоден. Специфика организма изгнанников, постоянная жажда душ, плата за ту чертовую четверть души демона, скрещенную с живой. Сейчас он превысил все, что только мог и на что был способен, его лимиты увеличились, как и увеличились потребности. В демоне он видел исключительно пищу, думал, что только он способен утолить этот нечеловеческий голод. Поэтому и не хотел пользоваться Фаэдрой, ведь та многократно усиливала это отвратительное чувство.

Он встал и устремился в погоню, фантомы последовали за ним. Ранение на ноге он даже не чувствовал, хотя та, в свою очередь, уже почернела и едва ли ее можно было назвать живой.

Чтобы сократить дистанцию, Иво телепортировался раз за разом. И каждая телепортация все сильнее давила на его сознание, сильнее превращала его в безрассудного зверя. Конь Мора скакал уверенно, однако мягкая и рыхлая пепельная земля сильно замедляла его. Сам Всадник, убегая, отстреливался, пытаясь попасть в Иво, однако второй либо, с помощью телепортации, уклонялся, либо фантомы, нескончаемо призываемые косою, вставали под удар.

Ветер вновь подул сильнее прежнего, из-за чего череда деревьев, стоявших на пути Всадника, повалилась, образовав густейшее пепельное облако.

Конь Мора встал на дыбы, заржал, а один из фантомов настиг его и рубанул со свистом по лапе. Конь покосился, затем к тому одному фантому присоединилось еще с десятков подобных. Мор вскочил, вновь повел рукой, призывая рой трупных мух, отбивая свое ездовое животное от напасти. Во всей этой заварухе, причем закрытой в пепле, он не заметил, как изгнанник появился резко под ногами и, присев, махнул наотмашь косою, отсекая ногу демона. В песнопениях, состоящих из истошных и агрессивных криков, Мор принялся стрелять по разным сторонам, пока не почувствовал, как рука, которой он держал лук, не могла двигаться: ряд фантомов направил всю свою ненависть и злобу на нее, по приказу изгнанника. Десятки молниеносных хлестких порезов не давали свободно управлять конечностью. Мор попытался отпрыгнуть на одной ноге, и это у него получилось. Он вышел из пепельного облака, натянув тетиву и подготовившись к выстрелу, намереваясь ей поразить изгнанника.

Которого искать ему не пришлось. Иво стоял на земле, упирался ногами в землю. Он крутанул косою, создавая очертания круга в воздухе, затем, вытянув прямую руку назад, пропал из виду. Мор ожидал, притаил дыхание.

После Иво показался — Мор увидел его у руки, которой держал лук. Он дернул рукой, однако из-за того, что земли под ногами не было, случайно пустил стрелу в воздух.

Зато Черный изгнанник, прокрутившись вокруг своего тела, собрав все силы, махнул косою так, как никогда прежде у него не получалось. Мор, перед тем, как почувствовать всю силу этого удара, увидел лицо изгнанника, и это лицо очень сильно напоминало лицо, что он видел каждый день. Лицо подобных ему Высших демонов, все почерневшее. А черные глаза, мерцающие каждый раз, когда Иво использовал свою изгнанническую силу, превратились в самые настоящие угли по оттенку черноты.

Один взмах, после которого голова демона повисла на тонком, но крепком, куске кожи,

не дававшим ей упасть на землю.

Затем тело упало. Фантомы продолжали терзать коня Всадника, а Иво нанес второй удар, и этот второй удар был в самую середину грудины. Лезвие вошло так грубо и так глубоко, что прозвучал треск, схожий с ломанными костями.

Это был последний удар, он же и был фатальным. Резко все озарилось ярко-зеленым, зелено-болотным и пепельно-смуглым. Тело Мора задрожало, а из места, куда было вонзено лезвие Фаэдры, проглядывалась чрезмерно сильная аура — душа демона. Не простая душа демона, а душа Высшего демона, удостоенного чина Всадника апокалипсиса.

Она быстро покинула тело своего владельца, после чего также быстро влетела в тело Иво. Он отбросил косу, забился в конвульсиях, пытался проглотить ее, но без сил рухнул рядом с изгнанным демоном и потерял сознание. Раненая нога вся почернела, в особенности вены. Схватка закончилась, основная опасность миновала, а с ней и пропадали все сдерживающие изгнанника от смерти факторы: адреналин, гнев, ярость, цель.

Перед тем, как закрыть свои глаза и окунуться в пучину тьмы, он увидел, как фантомы закончили терзать белого коня Всадника. А после они и вовсе испарились, легким дуновением ветра влетая в призрачную косу, брошенную рядом.

И это было последнее, что он видел.

X. Мор VI

Иво пришел в себя резко.

Резко вскочил, опираясь руками о то, на чем лежал, оглянулся, и дышал так, словно до этого не дышал месяц.

Одинокая кровать в палатке, рядом — стол и кувшин с чем-то. Изгнанник попытался встать, но не смог — нога сильно ныла. Иво дернул головой, вспомнив, что в его ногу попала стрела Мора. Он отдернул одеяло, вцепился в ногу. Она была забинтована, бинты Иво немного отодвинул. Посмотрел на место, освободившееся от лоскутов — нога как нога, ни крови, ни ссадин, ни черноты, вызванной стрелами Мора. Ничего. Двигать ей он тоже мог, только, при движении, появлялась резкая острая боль.

Иво настолько увлекся этим процессом, как не заметил, что был не один в палатке. На другом ее конце сидела девушка, одетая в знахарские одеяния. Она поприветствовала Иво взглядом и, прикрывая рот, захихикала.

Иво улыбнулся в ответ, но потом провел глазами выше от ноги. Понял, что он совсем голый.

Она схватила что-то с расположенного рядом сундука, кокетливо подошла к изгнаннику и бросила ему в лицо предмет — брюки. Брюки новые, это не была одежда Иво. Когда он снял штаны с лица, девушка уже спиной стояла к нему, покидая палатку.

А через какое-то время в нее зашел другой персонаж. Не такой красивый, как та девушка, скорее, грубый бородатый. Его Иво уже где-то видел. Да, видел. Видел в секретной комнате собора Святой покровительницы Ионеллии. И, учитывая то, что он его видел, глазам своим поверить было невозможно.

Янис Донвар, собственной персоной. Рыжая бестия. Мускулистый «шкаф», живее всех живых, сверкающий зубами сквозь поросшую бороду.

По пути к Иво он схватил стул, что был у входа в палатку, установил его рядом с кроватью, сразу же уселся.

Они встретились взглядами.

— Что ты так смотришь, словно труп оживший увидел?

Следом Донвар засмеялся. Он схватил кувшин, принялся жадно пить. Как закончил — передал Иво.

— Пей, не бойся, не отравлено.

Иво взял кувшин, сделал глоток. Это было вино, и, хоть изгнанник никогда не был любителем алкоголя, такого вкусного вина он никогда не пил. Или, даже, правильнее было бы сказать, никогда алкоголь еще не был столь вкусным. Он жадно пил, так, что капли вина стекали по его шее.

Не заметил, как выпил весь кувшин. Янис в ответ только улыбнулся и хлопнул Иво по здоровой ноге.

— Вижу, здоров. Это радует.

Иво тяжело дышал, собирая капли вина по своим губам. Янис протянул руку, Иво вложил в нее кувшин.

— Я вообще поздороваться хотел, — наигрывая возмущенность, говорил Янис, — но это тоже можно.

Иво не сдержался и выдал легкий смешок. После протянул руку.

— Рыжая bestия убита... — начал он

— ... но не изгнана, — Донвар закончил.

Они пожали руки, и Рыжая bestия слегка наклонилась вперед, приобняв Черногo изгнанника.

— Все же тебя воскресили.

— Магия творит чудеса, — теребя свою рыжую густую бороду, говорил Рыжая bestия. — Особенно, когда за твоей спиной стоит такая мощная поддержка всех магов Хельсинга. И верные братья, само собой.

— И когда тебя сумели вернуть к жизни? — все еще тяжело дыша говорил Иво.

— Два дня назад. Ровно тогда, когда тебя нашли. Вернулся один из моих, а с собой притащил какое-то там «сердце мантикоры» — редкий цветок, цветущий далеко за Баствестом, на западе, близь Аурамского леса. С ним-то меня и вернули. А вот в твое возвращение верилось с трудом.

— Сколько я спал? — захлебываясь, интересовался Иво.

— Три дня, получается. Хотя, учитывая, что уже вечерет, может и больше. Прости, я сам не совсем отошел от смерти, — Янис усмехнулся, — не успел привыкнуть к привычному течению жизни и времени, может чего-то и путаю.

Иво спустил ноги с кровати, локтями уперся в колени, голову опустил.

— Ты как сам-то, изгнанник? Если хочешь, я позову ту храмовую сестренку.

— Нет, — Иво поднял голову, схватил штаны, — я себя нормально чувствую.

— Еще бы ты себя плохо чувствовал! Тебя откачивали лучшие из лучших. И ухаживали. Я о другом говорил...

Он ехидно посмотрел на Иво, а тот широко улыбнулся, натягивая штаны.

— Я сам подойду, если потребуется.

— Смотри, не затягивай. Изгнаннику той тварины возлагается награда. Меня все это время терзал вопрос: как ты сумел эту тварь изгнать, при этом словив лишь одну стрелу в ногу? Хер с ним, как ты умудрился с такой ногой ее добить?

— Чудом, Янис. И только.

— Брось эту скромность, Иво Эль Гарден. Я сражался с ней. И я знаю, что это такое. Не в чуде здесь дело, чудом и я могу ее сразить. И не в скачках твоих пространственных дело, не

в оружии треклятой Шепота смерти. В чем же суть?

Иво взглянул на него.

— Мне Винсент рассказал. Сказал, сражался с тобой, и поведал о том, что ты из себя представляешь. Ты против?

— Нет.

— Вот и славно. Так вернемся к вопросу.

Иво хотел отвести взгляд, но Янис Донвар подхватил его подбородок и приподнял, дабы их взгляды сошлись. Иво отдернул голову и фыркнул.

— Что ты сделал в той битве? Я, прозванный бестией, жидко обделался в сражении с этим чудищем, а ты, какой-то простецкий Черный изгнанник, не только сверг ее, но и выжил?

— Янис, будь ты проклят и проклято все в этом мире, ничего. Ничего не сделал.

— Но как?

Иво влез в штаны, затянул ремень, аккуратно и медленно встал на ноги. Нога все еще ныла, поэтому ходить он мог, словно улитка.

— Чудом, говорю же. С помощью опыта, накопленного годами, с помощью надежд, возложенных на меня. И, да, будь уверен, с помощью скачков и косы тоже.

— Это был Всадник?

— Он самый.

— И ты серьезно хочешь сказать, что Сказочник лично попросил тебя изгнать отродье?

— Да, Янис. Все так.

Рыжая бестия встал, пошевелил мышцами лица, затем скрестил руки. Он осмотрел палатку, нашел тот самый сундук с вещами. Подойдя к нему, взял куртку и кинул Иво. Вслед за курткой кинул еще и рубаху.

Иво надел верх, после чего хотел выйти из палатки.

— Ты забыл, — окликивал его Донвар, вручая в руки его черный плащ, весь помятый и рваный. Иво с улыбкой и теплом принял его, сразу же надел.

— Отчистили, как могли, но рванье лучше не сделаешь.

— Я знаю. И все же спасибо.

Янис кивнул. Они вышли из палатки, солнце уже отдавало красно-оранжевым.

— Что дальше, Иво? Искать демона? — они шагали прямо, правда, еще и не думали, кто куда идет.

— Он сам меня найдет.

— Тогда, может, подождешь здесь? До конца залижешь раны, очухаешься. Да и вообще, оставался бы с нами.

— Нет, Янис. Хельсинг совсем не в моем вкусе.

— Что тебе не по душе?

— Все: люди, менталитет, местная власть, погода, — Иво вспомнил вечер битвы, — ветрено и дождливо у вас. Это не по мне.

— А что тебе нужно? — Янис засмеялся и улыбнулся. — Девки столичные да улицы приличные?

— Думаю, — Иво скромно улыбнулся, улыбки не отвел, — свобода и отдых где-нибудь в более приятных краях будут в самый раз.

— Вот оно как, значит...

Они прошли мимо конюха. Очередной изгнанник, других здесь не было, стоял и

вычищал гриву одного из жеребцов. Иво остановился и оглянул одного из коней.

Янис это заметил и сразу же, даже не спрашивая Иво, крикнул конюху.

— Оролл, подготовь коня для Черного изгнанника!

Конюх, коего звали Оролл, кивнул и сразу же переключился на другого коня, того, что был покрупнее и массивнее.

Иво не успел сказать и слова.

— Меньшее, чем я могу тебя отблагодарить. В конце концов, изгнанническую солидарность никто не отменял. А тебе, с твоей-то ногой, — Янис с издевкой, причем специально, взглянул на больную ногу, словно пытаясь уговорить Иво вернуться, — доковыляешь версты этак три и падешь в грязь лицом, как свинья болотная. Я себе не прощу, если человек, изгнавший самого сильного демона, так низко падет.

— Будь по-твоему. Спасибо, — Иво, дополняя благодарность, преклонил голову. Янис вновь похлопал его по спине.

— В следующую нашу встречу отблагодаришь.

Они продолжили идти, только в этот раз зная конечную точку — южные ворота, через которые Иво дойдет до Баствеста, а с Баствеста — в сторону Баумании, на восток.

— Ты без повязки ходишь, я посмотрю. Или ты только сражаешься в ней, скрывая глаза?

Рыжая бестия как будто засмузилась и восприняла слова Иво как комплимент.

— Знаешь, после того, как воскреснешь, неплохо бы наладить все чувства, даже то, коим пользуешься лучше всего. И, раз ты затронул это, я бы выразил желание сразиться с тобой как-нибудь.

— Чем заслужил такую честь?

— Повадками. Что я сражаюсь, не прибегая к зрению, что ты. Или мне о тебе наврали?

— Винсент...

— Как бы то ни было, Иво.

Они подошли к южному выходу из лагеря.

— Если когда-нибудь наши клинки и скрестятся в битве, думаю, падем мы оба. Я тебя плохо знаю, и, как бы не пытался уговорить остаться, ты все равно меня не слушаешь. Мне кажется, мы до чертиков похожи. А между похожими побед не бывает.

— А что бывает?

— Все, что угодно, Иво, но не победы. Будь ты моим братом, Иво, я бы никогда тебя не победил.

— А я — тебя. Такая логика?

— Такая логика.

Оролл подоспел верхом на коне. Он сполз с него, вручил поводья Иво. Черный изгнанник взлез верхом на коня, правда, с поддержкой Яниса Донвара.

Он ступил вперед, медленно, затем обернулся.

— Точно не останешься? У меня есть вино и девки. Что тебе еще нужно для счастья?

Иво скверно улыбнулся, языком нащупывая зажившую от сильного прикуса губу.

— Свобода, друзья, любовь. Все вместе.

— А мы с тобой не друзья? — Янис сложил руки на бедрах, его ясные и добрые глаза были, как теплое солнце после холодной вьюги.

— Друзья или нет, Янис, я не знаю. Но знаю, что еще встретимся. И когда встретимся, точно станем друзьями.

Рыжая бестия кивнул, не стирая улыбки с лица.

Перед тем, как Иво успеет отдалиться в сторону Баствеста, он прокричал ему на прощанье.

— Иво!

Черный изгнанник обернулся.

— После случившегося, Иво, после случившегося, как бы тебя не звали, я всегда буду звать тебя Черной бестией. Иначе никак.

Иво услышал и показал сжатый кулак. Обдумав новое прозвище, данное ему Янисом Донваром, лидером Братства единого клинка, Рыжей бестией, одним из сильнейших представителей охотников на демонов, он еще сильнее усмехнулся себе под нос.

Кем бы его не прозвали, и кем бы его не считали, это не имело такого значения, какое придают прозвищам сплетники.

Главное — всегда оставаться человеком.

Заветные желания 2

I. Незаконченные дела I

Холодок повеял по всему телу. ОдинокИй Иво, ковырЯвшийся веткой в горящем костре, сразу обратил на это внимание.

Он сидел среди какого-то леса, один, смотрел вдаль, с накинутым на голову капюшоном. Кулаки сжал, время от времени щелкая фалангами пальцев.

За холодом последовал туман. Густой и широкий, как минимум, так ему казалось. А после тумана пошла речь.

— Однажды, — голос был хрипящий и не из самых приятных, — один мальчик стал мужчиной, вскинув на себя тяжелую ношу палача.

Голос звучал то слева, то справа. Сказочник привычно для себя появлялся с рассказом сказки, невидимый облетая гостя кругами.

— Стал он таковым, потому что его друг попросил поквитаться с тем, кто хочет обидеть его. А мальчик тот ценил своих друзей...

— И ценил его слова. Обещания.

Сказочник зловеще захихикал.

— Разумеется. Обещал все, что мальчик пожелает, как только поквитается с нехорошим существом... И вот мальчик поквитался.

Он появился, как обычно, одетый в ризу, сутулый и худой, с фиолетовыми глазами, мерцающими из-под длинного капюшона. Сидеть демон не умел, он лишь витал в воздухе, но показался он также у костра, расположившись напротив Иво.

— Торговец и исполнитель желаний всегда держит свое слово. Рад видеть тебя в здравии, Иво.

Иво ухмыльнулся.

— Не скажу, что тоже рад тебя видеть, но все же здравствуй, Сказочник.

— О-о-о, — хрипел демон, — Иво Эль Гарден, ничуть не изменился с нашей последней встречи.

— Как и ты.

— Но-но, оставь эти слова, Иво. За время нашей разлуки я изучал людей и понабрал от них много интересностей и полезностей.

— Каких же? — слова Иво приглушил треск дров в костре.

Сказочник сделал вид, что обдумывает.

— Эссенция, обороноспособность, тоска — это новые слова, которые я не знал до этого. У торговцев я понабрался хитростей всяких, как можно выгоднее навариться на клиентах.

Иво хотел сказать, но Сказочник перебил.

— И, да, забыл, слово «навариться» — тоже новое для меня. Но мне оно безумно нравится!

— Безумно рад за тебя, исполнитель желаний. Сейчас ты здесь, чтобы теорию проверить на практике?

Сказочник закричал и всем видом выдавал, что улыбается.

— Ни в коем случае. Еще один опыт, приобретенный мной, таков, что навариться можно лишь на тех, кому выгоднее с тобой торговаться, чем тебе самому. У нас с тобой все совсем иначе. Здесь все преимущество на твоей стороне.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Иво достал сосуд. Длинная бутылка, в которой все изнутри покрылось черными волокнами. Сказочник жадно взглянул на бутылку, возжелал ее, хотел подлететь ближе, но Иво вмиг обратил глаза черным пламенем, отпугивая демона.

— Хорошая работа, Иво.

— Знаю.

— Что знаешь? Наверное, уже обдумал, что пожелать за душу Мора? Я прям тешу себя идеями, не терпится узнать.

— Вот оно как, — Иво уселся поудобнее, — потешь теперь меня. Какие твои догадки?

Демон взлетел, облетел костер, что тот начал затухать, затем остановился у правого уха изгнанника.

— Зная тебя, ты бы пожелал мирной жизни? Предположим, стать простым человеком, умереть как простой человек, провести остаток жизни не как изгнанник, а как обычный живой?

Иво засмеялся.

— Да, ты прав. Пожелал бы, если бы такое было возможно. Душа — явление первородное, и никто не может повлиять на нее, нет таких сил.

— Ох, а ты подготовился... Тогда, может, желаешь гору золота? Чтобы ни в чем себе не отказывать? Ты бы мог купить себе целый замок или город, быть его правителем, обеспечить прекрасное будущее своим детям!

— Тоже мимо. Золото меня никогда не интересовало. Захочу монету-другую — дарую тебе души иных демонов, как всегда и было.

— Знаю! — резко вскрикнул демон, вновь вскружив в воздухе, в этот раз остановившись у левого уха изгнанника. — Любовь. Ты же до чертиков дорожишь своей колдуньей-подругой... Я могу исполнить твое желание и сделать так, что она всегда будет рядом. Ничто не мешает вам. Думаю, ничего приятнее для тебя нет в этой жизни, ведь она всегда так далеко.

Как бы то ни было, Сказочник говорил правду. Инела была главной причиной жизни, он ей безумно дорожил, дорожил их совместными мечтами. Он никогда не забудет, как они, только полюбив друг друга, пообещали сбежать на край света. Вместе, откинув все в этом мире, отрезав все, что их связывает с его проблемами. И да, он действительно этого желал.

— Нет. Это будет мнимая жизнь, созданная чарами отвратительного демона. В этом нет жизни, Сказочник, хотя да, ты попал. Я чертовски сильно этого желаю.

— Я лишь создам условия.

— Ты лишь разрушишь реальность.

Он вновь вскружил, возвращаясь на прежнее место напротив Иво.

— Тогда что же?

Иво встал, подошел к Сказочнику, они пересеклись взглядами. Холодный пар, что демон выдыхал из себя, скверно бил по носу.

— Все ли я правильно помню? Ты сказал мне в ту ночь: «за этот заказ я выполню любое твое желание, абсолютно любое». Условие было лишь одно — принести тебе душу Всадника апокалипсиса. Так?

— Верно, все абсолютно верно. Как будто вчера это было, настолько я помню слова, данные тебе.

— Это хорошо. То есть, твое условие я выполнил? Принес душу демона, так?

— Так.

— Отлично.

Иво вытянул сосуд вперед, крепко держа его в руке.

— Мой клинок был сломал в той схватке. И мне нужен новый.

Сказочник засмеялся, вновь покружился и остановился за спиной Иво.

— Как скажешь. Будет тебе клинок...

— Я не договорил.

Иво грозно отвел взгляд, показывая, как его черные глаза мерцают, а рука наготове дернуться, призвав Фаэдру, и за считанную секунду махнуть, изгнав демона. Сам Сказочник не дерзил, дожидаясь продолжения.

— Мне нужен меч, способный рассекать пространство. Меч, повергающий в ужас, дарующий свободу перемещений. Такой, с которым я мог бы перемещаться между мирами. Всеми мирами, Сказочник. Астрал, ты такой знаешь, я уверен, не исключение.

Сказочник не отреагировал. Сперва. Он подлетел к лицу Иво, опустил его чуть ниже.

— Также, как и невозможно изменить душу, потому что это первозданное, невозможно даровать живому существу исключительно высшую демоническую способность перемещаться между мирами, тем более, в Астрал — измерение пепла, измерение мертвых душ. Никому из живых, даже из мертвых, такое не подвластно. И никакое оружие не способно на такое.

— А что, если это оружие будет живым?

Сказочник и не поверил своему слуху сначала. Он не оценил сказанного Иво, ровно как и не оценил самой его идеи.

— Живые оружия никто не кует уже очень давно, Иво.

— Живые оружия испокон веков для изгнанников делали Высшие демоны-перебежчики, коем ты и являешься. Сказочник, таково мое желание. Единственное и, как ты говорил, оно может быть любимым.

— Ты серьезно желаешь реликвию? Из всех своих заветных желаний это — твое самое заветное?! — Сказочник истошно прокричал. — Ни любовь, ни власть, ни слава, ни даже покой и свобода? Ты желаешь оружие, чтобы изгонять?

— Я желаю мира этому миру. И желаю оберегать его. В меч, что ты сделаешь для меня, закуй душу этого отродья, — Иво приподнял сосуд с душой Мора. — Таково мое заветное желание за его изгнание.

— Невозможно из Ассии попасть в Астрал, изгнанник! Никому такое не под силу. Связь с этим измерением отсутствует, даже Высшие демоны, даже я, не способны на подобное. Нельзя влить на астрал, ни попасть, ни заточить.

— Да, а как же тогда ты заковал туда Терезу Вальн? Девушку-изгнанницу, если нельзя ни попасть, ни заточить?

Иво дернул рукой, моментально вооружившись Фаэдрой. Он приставил лезвие косы к его горлу, скаля зубы, зарился черными глазами.

— Ты действительно подготовился, — ухмылялся Сказочник.

— Вот тебе еще один совет на будущее: будь аккуратен в своих высказываниях. Особенно, когда ведешь торги с заказчиком.

Иво протянул руку, вручая сосуд с душой Мора демону. Сказочник нехотя принял его и сунул под свой балахон.

— Будет тебе живое оружие. Тринадцатое по счету. Первое выкованное за последние

пятьдесят лет, закаленное в самом первородном черном огне Когтейма. Но, Иво, послушай меня напоследок...

Холод так сильно подул, что костер, находящийся за их спинами, вмиг потух. И воцарилась истинная тьма.

— Бойся своих желаний. И последствий после них.

Только Сказочник произнес последние слова, как он пропал, превращаясь в туман. А после и туман пропал. И холод по всему телу отступил.

Черный изгнанник еще минуту продолжал стоять в таком положении, пока его конь не заржал, потому что проснулся.

II. Незаконченные дела II

— И тут я ему в глаз — на!

Фарбул, разумеется, как и всегда, был пьян. В этот раз он стоял на столе и, шатаясь, имитировал драку.

Иво сидел рядом, смеялся и тоже выпивал. Справа от него был Гордолин. И они вдвоем дивились с бородатого воина.

— А что было потом, Фарб? — Иво допил свой кубок с медом. На замену девушка-трактирщица принесла новый.

— А потом... а потом я, Иво, его повалил, поборол, побил, показал всю свою силушку Бауманскую! Хрясь, трясь, трах-тибидох и все такое. Ну после такого красотка Мила не могла устоять предо мной.

— Думаю, продолжение мы итак знаем, — Гордолин смеялся, чокаясь кубком с Иво. К ним присоединился Фарбул, что решил слезть со стола и не привлекать к себе излишнее внимание всей таверны «Пьяная вишня».

— А потом я, генерал, так ей в гузно засандалил! Она сама возжелала, между прочим. Вы бы знали, как она кричала, всю деревню разбудила! Я ее и так, и этак, и с поркой, и...

— Фарб, — пшикая носом, сдерживал смех Иво, — мы знаем, как ты их имеешь. Не делай из этого центр мира.

— Иво... — Фарбул притянул изгнанника за затылок, столкнулся с ним лбами, а имя его произносил так долго и протяжно, что можно было успеть выпить целый кубок Люстерского меду, — это — не центр мира. Мой хер — центр мира. Хочешь оспорить?

— Молю тебя, Иво, только не спорь, иначе он никогда не успокоится.

— Во-во, генерал... истину говорит. Базу выдал медведь.

Фарбулу поплохело, он откинулся на стуле и опрокинул голову на его спинку. Казалось, что он уснул.

— Не обрыгай здесь все, молю тебя.

— Моли! Тверди! И пой! Рыгни в яму и смой! Но, Иво, знай одно! Ты — скучное говно! Пей давай!

Фарбул икнул.

— И пой... — все же дополнил он под конец.

Иво умилялся, все-таки, он очень скучал по подобному — спокойному времяпрепровождению в кругу близких друзей и братьев. Недоставало ему лишь только одного. Или, правильнее было бы сказать, одной.

— Инела не придет? — Гордолин повернулся лицом к Иво, тот сразу же взгрустнул.

— Нет. Сказала, у нее неотложные дела. На пару с Карелией.

— Вот она дает, девка-то! Иво, ты прости меня, но это грубость — ее любовник

вернулся с долгой поездки, а она сидит и... ик... работу работает! Я осуждаю ее! Целиком и полностью.

— Она — королевская советница, Фарбул. Тебе есть чему у нее поучиться, — как всегда, словно отец каждого своего воина, Гордолин выдавал какие-то заумные философские мысли.

А Фарбул, как тот третий сын, бестолковый и безмозглый бунтарь, ловко парировал нравоучения раздолбайством.

— А Иво есть чему поучиться у меня. Брат, там в квартале отсюда есть прекрасный бордель... Место любви и силы, тебя примут не хуже Инелы! Давай туда...

— Никогда, Фарб. Помнится мне, это тот бордель, где мы с тобой суккуба изгоняли. Пожалуй, я воздержусь.

— А, то есть это единственное, что тебя останавливает? Так давай в другой бордель!

— Фарбул! — рыкнул Гордолин.

Иво улыбнулся, хотя ему действительно не хватало Инелы.

— Не горюй, сын мой. Сам же знаешь, какие сейчас напряженные отношения с югом. Она действительно вся в работе, — Гордолин присел поближе, отпил из кубка.

— Да, знаю. Я все понимаю.

— Но женского ложа хочется! — кривляясь, кричал Фарбул. Он все еще смотрел на потолок, облокотившись головой на спинку стула.

В ответ Иво зашвырнул в него пустой кубок. Прилетел он прямо в нос, с отчетливым щелчком.

— Ты дубу дал, Иво? Я как лучше хочу, а ты!

— Это, друг мой, — Иво протянул Фарбулу выпить, — чтобы ты протрезвел и мог и дальше с нами пить. Понимаешь?

— Фарбул протер глаза, взглянул на стол, взгляд его был грустнее взгляда пса, ждущего хозяина. Но потом он будто осмыслил слова Иво и стал таким счастливым, таким радостным. Он схватил кубок с медом и вскочил, проливая густую пену на стол.

— Вот поэтому ты и мой брат! До дна, таверна! До дна!

Весельчак Фарб подзадорил всех в таверне, те его дружно поддержали. Когда таверна выпила всеобщий тост, Фарбул вскочил в центр и окрикнул всех.

— Дамы и господа! Сейчас будет песня. Поют все, ведь все вы ее знаете!

Таверна вмиг утихла, дожидаясь заветной песни. Все знали, что это будет за песня.

И вот он запел, а барды, сидевшие рядом, заиграли музыку, веселую и озорную:

"Простому мужику ничто не надо,
Дайте ему вилы и коров,
Дайте ему хату, дайте бабу!
Дайте жизни мирной без забот!
Простой бабе ничего вообще не нужно,
Дайте только крепкое плечо мужское.
Бауманскому народу, эх, не чуждо!
Убивать и воровать чье-то чужое!
Но только нашего ты тронь,
Как за тобой умчится конь,
За собой ведя огромную орду...
Эй!

Эй, мужик! Налей-ка нашим меду!
На врага идем мы дружно все в поход!
Бауманию спасай от врага гнета.
Насади его башку на чистый кол!

Эй!

Мы соседа своего уважаем,
Если он к нам по-соседски, с добром.
Мы соседей никогда не обижаем!
Но свое всегда с достатком заберем!
Нам б тепла родного, хлеба с отрубями!
Нам бы праздников и кушанья на стол!
Но если тронут — всем бошки поотрываем!
После их насадим мы на чистый кол!

И если тронешь старика,
Девчонку или мужика,
Вся Баумания запомнит на века!

Эй!

Эй, мужик! Налей-ка нашим меду!
На врага идем мы дружно все в поход!
Бауманию спасай от врага гнета.
Насади его башку на чистый кол!

Эй!

Вся таверна уже плясала, пел каждый, даже Иво. Это была народная песня бауманцев, придуманная давным-давно, но плотно закрепившаяся в жизни каждого этого государства. И знал ее каждый ребенок даже. Когда ее пело могучее множество бауманцев, она звучала не только задорно, но и грозно, действительно устрашающе, указывая на единство их народа.

— Еще раз, девки и мужи! Еще раз! — слыша, что музыку не прекратили играть, созывал всех Фарбул.

И припев они спели еще раз. Все вместе. Гордолин с Иво вышли в центр, к Фарбулу, и в припрыжку захлопали в ладони, во весь голос крича заветные строчки.

Эй, мужик! Налей-ка нашим меду!
На врага идем мы дружно все в поход!
Бауманию спасай от врага гнета.
Насади его башку на чистый кол!
Эй! Эй! Эй!"

Таверна аплодировала троице, мужики заказывали выпить за свой счет, девчонки подбегали и целовали их в щеку. Правда, одну из таких девиц Фарбул, пока Иво с Гордолином отвернулись, поцеловал грубо, но по-мужицки, в губы, отчего та огрела его со всей дури ладонью по лицу.

Не успели Иво и Гордолин оглянуться, как увидели расстроенного Фарбула. С краснющей отметиной на щеке.

— Иво, смотри! Главный ловелас потерпел поражение! — Гордолин смеялся сам и высмеивал своего брата по оружию.

Иво подбежал с кубком, вручая его Фарбулу.

— Гордолин, еще раз скажешь такое — будешь пить со мной на спор! Понял?

— Понял он, понял, — Иво взбодрился и развеселел. — Пей до дна, Фарбул. Пей и веселись.

— До дна!

— До дна!!! — звучало троекратно из уст настоящих товарищей: Гордолина, Фарбула, Иво.

III. Незаконченные дела III

В этот раз они просто валялись: без тренировок, без забот, без проблем. Он лежал, смотря на звезды, а она — на нем, смотря на него.

— Ты первый на моей памяти, после Фальтерна, кто изгнал такого сильного Высшего демона. Молодец.

— Тс... — Иво прервал Терезу. — Не о демонах, молю тебя.

Она миловидно усмехнулась, затем дунула по волосам так, чтобы те специально попали в глаза Иво. Как волосы упали, он фыркнул и начал ерзать.

— Ну, Иво! Не надо! — она засмеялась и сама заерничала, поднимая пепел под спиной в воздух.

— Ты же сама провоцируешь.

— Правильно. А ты не поддавайся.

Иво никогда бы не подумал, что даже здесь, в обители мертвых душ, в Астрале, может быть так спокойно и тихо. Конечно, это ни в какое сравнение не идет с настоящим миром, где все вокруг живое и дарует иные ощущения. Но даже здесь, благодаря Терезе, было ощущение, что ты живой.

— Так непривычно это все.

Тереза подвинулась, посмотрела на Иво.

— Что именно? — спрашивала она.

— Все. Не осталось обязательств, некуда идти, не о чем думать.

— Всегда есть, куда идти.

Иво улыбнулся.

— Конечно, я про сейчас именно.

— Так иногда бывает.

— Думаешь?

— Знаю.

Она обняла его покрепче.

— И правда, незаконченные дела еще остались.

Только Тереза легла удобнее, как Иво встал и она нехотя плюхнулась с теплой и удобной руки изгнанника на черствый и рыхлый пепел. Поправив волосы, она хотела уже наругаться на него, прервавшего ее идиллию и умиротворение, да только увидела, как Иво взял свои ножны.

Она оттряхнула свою одежду, села на колени, с удивлением взглянула на Иво.

— Ты собираешься удивить меня своим черным мечом? Ты бы удивил меня, если бы показал свой черный член, Иво — тогда да, я бы упала в обморок, вероятнее всего.

— Там не он.

Тереза повела головой, с удивлением сжирая изгнанника взглядом.

Но весь ее интерес вмиг утолился, как только Иво достал его. Меч, с черной, как тьма, сталью. Если черный титан отдавал больше фиолетовым, то этот клинок был чернее черного, чернее сажи в печи. Эфес был великолепен: рукоять была выполнена из кости древнего

дракона, обмотанная тонкой кожей, гарда прямая, приподнятая с каждого конца к низу, украшенная камушками мориона, причем морионы сверкали, подобно глазам изгнанника, яблоко эфеса было круглым, таким же черным, материалом которому служил обсидиан. А на обсидиановом яблоке было высечено лицо демона, скрывающего свой лик под капюшоном, и огромный акцент в этой работе был сделан да два углубления, олицетворяющих глаза — в эти места были вставлены два черных бриллианта. Клинок, как уже подмечала Инела, весь черный, обоюдоострый, причем острее любой бритвы. Только вот металл было тяжело отгадать. По всей длине были высечены руны, как и на старом мече Черного изгнанника.

Тереза шокировано взяла его в руки. Он был легок, таким даже она могла бы орудовать спокойно.

— Иво, — она не могла оторвать взгляда от клинка, — что это?

— То, что вытащит тебя отсюда.

Она не могла ошибаться, она уже испытывала это чувство когда-то давно. Чувство, когда кровь в жилах стынет, когда воздух становится резко холодным, а все тело бросает в дрожь.

— Это живое оружие...

— Оно самое. Единственное оружие, способное владельцу открывать порталы между мирами. Единственное, способное отворить дверь этого мира, Тереза. С помощью него мы вытащим тебя, как только пойдем, как можно вызволить душу в Ассию. Я обещаю тебе.

Она самостоятельно сунула меч в ножны, положила их рядом и крепко обняла изгнанника. Хотя все еще не могла отвести взгляда от новородившегося живого оружия.

— Чья душа в нем закована?

— Мора, того самого Всадника апокалипсиса.

— И, — она ступила назад, вновь взяла ножны и наполовину достала из них клинок, осматривая сверкающее черное лезвие, — он способен открывать порталы?

— Да. Но всех его возможностей я еще не знаю. К счастью.

Он схватился за рукоять и со свистом достал меч. Это была хорошая работа. И безумно красивая, за такое оружие можно было бы получить целый замок.

— Меч, закаленный в первородном черном пламени Когтейма.

Иво обратил глаза, и, как только черные язычки пламени показались в его зрачках, меч отреагировал соответствующе: глаза, выполненные из черных бриллиантов, засияли темным, подобно изумрудам на Фаэдре, руны, что до этого смешивались с общим цветом металла, тоже засияли. Само пламя заполонило пробелы, где были нанесены руны, и пламя это танцевало и освещало, пускай даже и было оно черным.

— Что написано на клинке?

— «Сжигай, пока сам не сгоришь».

— Вот оно как...

Тереза улыбнулась. Ей была знакома эта фраза. Так звучал девиз рода Вальнов, который Иво каким-то образом узнал. Хотя... Ее совершенно это не интересовало. Более того, она и не была удивлена, что прямой наследник черного пламени, пускай и создавший свой уникальный род, все еще принадлежащий роду Вальнов, использовал эту фразу.

— Как ты его назвал?

Иво давно уже дал ему имя. Он не говорил, потому что хотел насладиться этим зрелищем. Клинок был действительно изящным.

Но когда произнес имя, сказал это тихо, с гордостью и честью.

— Мортемор. Мортемор, Черное пламя.
Больше книг на сайте - Knigoed.net